

ГОД 2003: ОТКРЫТИЯ И НОВЫЕ РЕСУРСЫ

В 2003 году Вятский государственный университет серьезно расширил свои площади и научно-методические возможности. Сразу три крупных объекта были сданы в эксплуатацию. Во-первых, университет открыл фундаментальную научную библиотеку, во-вторых, колледж ВятГУ с этого года заселился в новое, свое здание. И самая главная стройка вуза – новый учебный корпус на ул. Красноармейской.

Библиотека

10 октября открылась фундаментальная научная библиотека (она находится по адресу ул. К. Либкнехта, 89, рядом с читальным залом Герценки). В новой библиотеке два зала: информационных ресурсов и читальный.

Идея открытия фундаментальной библиотеки зародилась в недрах попечительского совета, который, кстати, есть только у единственного в Кирове вуза. Одно из достоинств новой библиотеки, помимо обширного фонда, книжного и электронного, – интерьер нового помещения. Он индивидуален – мебель, планировка нестандартны и сделаны по европейским технологиям.

Кроме книгохранилищных фондов библиотеки, занимающих 220 квадратных метров, в читальном зале есть открытый доступ к изданиям. Это научная литература по различным отраслям знаний, справочная литература, диссертации, авторефераты. Особый упор делается на комплектовании литературы по вопросам права и экономики, одним словом, здесь центр правовой, экономической и деловой информации для всего города. Всего в библиотеке 17 компьютеров, 10 из них – для студентов и научных работников в зале информационных ресурсов. Там любой желающий сможет поработать либо в Интернете, либо с электронными носителями.

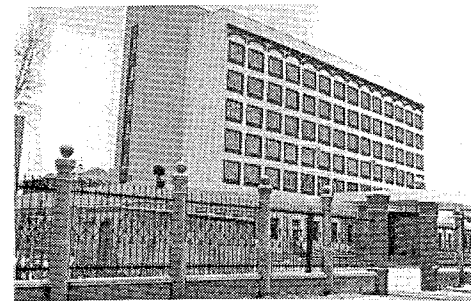
второй корпус – в Чижи. Но и здесь проблема размещения и нехватки кабинетов осталась.

И вот 6 ноября нынешнего года состоялось долгожданное новоселье колледжа – у него появилось собственное здание – по-прежнему в Чижах. Два этажа отремонтированного здания насчитывают десять просторных кабинетов.

Новый учебный корпус

Первый камень в основание нового корпуса заложен в далеком 1992 году. Спустя очень непродолжительное время (в 1994 году) строительство нового здания было «заморожено» по банальной причине – бюджет прекратил его финансирование. Деньги на продолжение строительства нашлись в 2000 году – помогли, по словам проректора ВятГУ Александра Ивановича Богданова, федеральное и областное правительства.

Хозяевами нового корпуса станут три факультета: филологический, социально-гуманитарный и факультет культурологии. В корпусе, который отныне становится главным в вузе, разместится вся административная часть ВятГУ. Ввод нового корпуса в эксплуатацию не будет означать увеличения количества студентов, обучающихся в университете. Его основная задача – «разгрузить» три старых корпуса, которые в последнее время были переполнены.

Новый дом встретил своих жильцов мраморными ступенями, белеными перилами, двумя лифтами, музыкой на этажах и в каждой аудитории. Будем надеяться, что эта красота попала в надежные руки аккуратных и бережливых хозяев.

**ВЕСТНИК
ВЯТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ГУМАНИТАРНОГО УНИВЕРСИТЕТА**

Научно-методический журнал

№ 9

Киров
2003

Тс
по
уч
де.

Колледж
открыт в 1997 году.
Кабинетов
одилось
донец

ББК 74.58 я 5
В 38

Главный редактор:

В. С. Данюшенков

Редакционная коллегия

Е. М. Вечтомов (зам. главного редактора),
В. Т. Юнгблуд (зам. главного редактора),
Е. О. Галицких (отв. секретарь),
В. А. Бердинских, А. М. Слободчиков,
В. Н. Оношко, Н. О. Осипова, В. Ф. Юлов,
Е. В. Алалыкина (перевод)

Адрес редакции: 610002, г. Киров, ул. Ленина, 111,
тел.: (8332) 678-860 (научный отдел), (8332) 673-674 (издательство)

Редакторы: Т. Котельникова, О. Коробкова
Компьютерная верстка: О. Редькина

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
(Министерство по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций)
ПИ № 77-14376 от 17 января 2003 г.

ISBN 5-93825-099-4

© Вятский государственный гуманитарный университет, 2003

СОДЕРЖАНИЕ

Данюшенков В. С. Стратегическое планирование деятельности университета на 2003 – 2008 гг.6

ФИЛОСОФИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ НАУКИ

Останина О. А. Историческое познание и время: часть I15
Ненашев М. И. Поздний Соловьев: перемена во взгляде на природу зла19
Окулов С. М. Научная картина мира (исторический экскурс)21

ИСТОРИЯ

Бердинских В. А. О происхождении Кирилла и Мефодия27
Галлямова З. В. Проблемы городского самоуправления второй половины XIX – начала XX в.
в дореволюционной историографии (1870 – 1917 гг.)34
Кондратенко Д. П. Польский вопрос в политике российского самодержавия
в конце XIX – начале XX в.39
Юнгблуд В. Т., Костин А. А. Освобождение Югославии и позиция американской дипломатии (1944 г.) ...42

КРАЕВЕДЕНИЕ

Берова И. В. «Восток» в архитектурной культуре Вятского региона48
Кашина В. М. Первые аграрные мероприятия большевиков глазами очевидцев
(на примере Вятской губернии)51
Подлевских Л. Г. Персональный состав польской политической ссылки
в Вятской губернии 60-90-х гг. XIX в.54
Ломтев С. В. Промысловая кооперация Кировской области накануне и в годы
Великой Отечественной войны56

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Кондакова И. А. К проблеме разграничения языковой и речевой образности59
Банин В. А., Банина Е. Н. Прагматическая релевантность субстантивных метафор62
Гуреева И. Л. Некоторые семные характеристики группы эмоционально-оценочных прилагательных
в английском языке63
Оношко В. Н., Кропотова Л. В. Анализ цитат из произведений художественной литературы
в словаре Клаппенбах и Штейнитца (на основе словарной статьи буквы «р»)66

ПЕДАГОГИКА И ПСИХОЛОГИЯ

Данюшенков В. С., Корякина Э. С. К проблеме организации обучения
интеллектуально одаренных младших школьников70
Низовских Н. А. О роли субъективного в самоосуществлении человека72
Оганесян Н. Т. Психотерапевтические функции поэтической метафоры80

ЕСТЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

Вечтомов Е. М. Различные способы построения теории натуральных чисел88
Семенов А. Н. О решетке конгруэнций полутел92
Чижикова Н. П., Прокашев А. М., Пахомов М. М., Путьшева С. А. Предварительные результаты
минералогических исследований покровных суглинков Вятского Прикамья95

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Зонова А. В., Гиндза Н. А.</i> Основные направления бюджетной политики Кировской области	103
<i>Кислицына В. В., Койкова Т. Л.</i> Конкурентоспособность продукции как решающий фактор успешного развития предприятия	105
<i>Койкова Т. Л., Кислицына В. В.</i> Совершенствование качества как одно из направлений формирования конкурентоспособности продовольственной продукции	110
<i>Агалакова О. С.</i> Мерчандайзинг. Подходы к рекламе и стимулированию сбыта	112
<i>Чеглакова Л. С.</i> Исследование поведения потребителей	114

УЧЁНЫЕ – ШКОЛЕ

<i>Канин Е. С.</i> О практической направленности при изучении понятия и свойств функции	116
<i>Вахрушева И. В.</i> Формирование гражданской ответственности старшеклассников в образовательном процессе	121
<i>Гущина Е. В., Коршунова О. В.</i> По зову сердца (о некоторых итогах педагогической практики студентов IV курса физического факультета)	125

МОЛОДЫЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ

<i>Бажин К. С.</i> Организационное проектирование как способ инновационных изменений в системе образования	130
<i>Канина О. В.</i> Педагогическая практика в системе подготовки будущего учителя единой трудовой школы I ступени	134
<i>Крестинина И. А.</i> Модель образовательной программы для детей с ММД	136
<i>Ордина О. Н.</i> Влияние старцев Оптиной Пустыни на философские взгляды Ф. М. Достоевского	139
<i>Шабалин Н. В.</i> Вопрос об отношении к религии и церкви в деятельности учреждений культуры Кировской области в середине 1950-х гг.	142

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ УНИВЕРСИТЕТА

<i>Калинина Л. В., Кобелева Е. А.</i> Всероссийская научно-практическая конференция «Актуальные проблемы современной филологии»	148
<i>Воронина Г. А.</i> О проблемах и перспективах здоровьесберегающей деятельности образовательных учреждений	147
<i>Ашихмина Т. Я.</i> Научная лаборатория биомониторинга	150
<i>Судовиков М. С.</i> С почтением к А. В. Эммаусскому	153

CONTENTS

<i>Ostanina O. A.</i> Historical Cognition and Time: Part 1
<i>Nenashev M. I.</i> Late Soloviov: change in sight on a nature of evil
<i>Okulov S. M.</i> Scientific picture of the world (historical excursion)
<i>Berdinskikh V. A.</i> About the origin of Kirill and Methody
<i>Gallyamova S. V.</i> The problems of the town self-government since the second part of the XIXth century to the beginning of the XXth century in the revolutionary
<i>Kondratenko D. P.</i> Polish problem in policy of Russian Autocracy at the and of the XIXth – the beginning og XXth centuries
<i>Kashina V. M.</i> The first agrarian activities of Bolsheviks through the eyes of witnesses (in Vyatka region)
<i>Yungblud V. T., Kostin A. A.</i> Liberation of Yugoslavia and the course of American diplomacy (1944)
<i>Berova I. V.</i> «East» in architectural culture of Vyatka region
<i>Podlevskiyh L. G.</i> Personnel of the polish political exile in the Vjatskaja province in 60-70 years of the XIXth century
<i>Lomtev S. V.</i> Producer's cooperative of Kirov region on the eve and during the Grate Patriotic war
<i>Kondakova I. A.</i> The Problem of Speech and Language Images Differentiation
<i>Banin V. A., Banina E. N.</i> Pragmatic relevance of substantive metaphors
<i>Gureeva I. L.</i> Some Semantic Characteristics of the Group of Emotional-Estimational Adjectives in the English Language
<i>Onoshko V. N., Kropotova L. V.</i> The analysis of quotation in the dictionary of Klappenbach and Steinitz (of the base in the article to the letter «r»)
<i>Danushenkov V. S., Koryakina E. S.</i> With problem of education's organization of intellectually gifted junior schoolboy
<i>Nizovskikh N. A.</i> About the Self-realization of the man
<i>Oganessjan N. T.</i> Psychoterapeutic functions of poetic metaphor
<i>Vechtomov E. M.</i> Different ways of construction of the positive integres
<i>Semenov A. N.</i> About the lattice of congruencies of division semirings
<i>Chizhikova N. P., Prokashev A. M., Pakhomov M. M., Pupyshva S. A.</i> Preliminary results mineral research loss-like loams of the Vjatka Prikamje
<i>Zonova A. V., Gindzha N. A.</i> Original lines of budget policy of Kirov region
<i>Kislitsyna V. V., Koikova T. L.</i> The Produce's Competitiveness as the Determinant of Successful Enterprise Development
<i>Koikova T. L., Kislitsyna V. V.</i> Improvement of the quality like one of the line in forming of a foolstuff's competitiveness
<i>Agalakova O. S.</i> Merchandising. Approaches to publicity and to the sale stimulation
<i>Cheglakova L. S.</i> Investigation of behaviour of costumers
<i>Kanin E. S.</i> On the practical direction in the process of studying definitions and properties of functions
<i>Vakhrusheva I. V.</i> The Forming of Civic Consciousness by Senior Pupils in the Educational Process
<i>Guschina E. V., Korshunova O. V.</i> Heart and soul (The results of the forth years student practical training. Faculty of physics)
<i>Bazhin K. S.</i> Organizational Planning as a Means of Innovative Changes in the System of Education
<i>Kanina O. V.</i> Pedagogical practice in the system of the training future teachers for the common trade school of the first stage
<i>Krestinina I. A.</i> The model of comprehensional programme for children with minimum brain disfunction
<i>Ordina O. N. F. M.</i> Dostoevsky and Optina pustyn
<i>Shabalin N. V.</i> Attitude of cultural institutions to the Church and religion in Kirov region in the middle 1950-s
<i>Voronina G. A.</i> About problems and perspectives of educational institution's health keeper work
<i>Kalinina L. V., Kobleva E. A.</i> All-Russian scientific practical conference «Actual problems of philology»
<i>Ashikhmina T. Y.</i> Biomonitoring Research Laboratory

В. С. Данюшенков

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УНИВЕРСИТЕТА НА 2003-2008 гг.

Переход российской экономики к рыночным отношениям потребовал новых решений в организации всей деятельности высшей школы, энергичного поиска механизмов приспособления вузов к реальной политической, экономической, социальной и демографической ситуации, новых источников финансирования, сбалансированного взаимодействия вузов с быстро формирующимся рынком образовательных и научных услуг, рынком труда; приспособления к условиям и потребностям многоукладной экономики.

Общее направление организационного развития региональных университетов классического типа в современных российских условиях – это формирование новой модели, предполагающей переход к многоуровневой, гибкой, динамичной, открытой, территориально рассредоточенной, самодостаточной и эффективной системе, учитывающей в своей практической деятельности запросы местного социума.

Одним из направлений модернизации образования является формирование крупных университетских комплексов. Наряду с интеграцией университета с другими учебными заведениями города и региона, исключительно важным представляется его внутреннее системное развитие путем создания новых учебных, научных, инновационных и других структур и подразделений. Именно с этим стратегическим замыслом и связан большой объем организационных инноваций в Вятском государственном гуманитарном университете в последние годы. В процессе выстраивания университетского комплекса важно не просто обеспечивать организационную гибкость, создавая и поддерживая новые структуры, но и критически оценивать эффективность и жизнеспособность уже существующих и при необходимости без сожаления расставаться с утратившими актуальность специализациями и, соответственно, кафедрами и лабораториями, центрами и филиалами.

Реальности современной жизни заставляют критически оценивать сложившиеся организационные структуры вуза, не позволяющие оперативно решать

новые проблемы, находить адекватные варианты решения этих проблем. Нужны новые управленческие структуры, целенаправленно занимающиеся маркетингом, договорными отношениями, вузовской ответственностью, трудоустройством выпускников, формированием имиджа вуза в общественном мнении населения региона, в органах власти, крупном бизнесе. Необходимо серьезно заниматься рекламой, работать со средствами массовой информации и многое другое.

Новые условия, в которых приходится действовать вузам, требуют основательного пересмотра устоявшихся форм управления. На большом факультете с несколькими специальностями и направлениями подготовки традиционная схема – декан и несколько его заместителей, выполняющие свои управленческие функции в перерывах между занятиями, – уже не может быть эффективной. По мере создания необходимых материальных и финансовых условий приходится идти по пути укрупнения факультетов, создания на этой основе новых нетрадиционных для российской высшей школы структур – институтов, школ, научно-учебных центров и т. п. со значительным расширением их самостоятельности.

Новая модель университета предполагает в качестве основных системных качеств открытость и многоступенчатость организационной структуры. Следует всемерно поддерживать формирование в структуре университетского комплекса школ, гимназий для целенаправленной работы с одаренными школьниками, колледжей с подготовкой бакалавров по направлениям университетского образования, центров переподготовки и повышения квалификации специалистов, лингвистических центров для языковой подготовки различных групп населения, Интернет-центров, библиотечно-информационных центров.

Конкуренция на региональном, национальном и мировом рынке интеллектуального труда и продукции ставит перед университетом ряд специфических задач по становлению его как субъекта рыночных отношений, удовлетворению спроса. Другая линия развития университета должна быть направлена на подготовку конкурентоспособных специалистов, комплексно подготовленных к работе в постоянно изменяющихся условиях наступившего века. Вуз должен стать не только центром науки и образования, но и центром реабилитации человека, его профессионального становления и самореализации.

Новая парадигма образования требует личностно-ориентированного профессионального подхода, при котором личностные аспекты деятельности специалиста осознано выделяются как значимые и суще-

ственные для гуманитария в целом; предполагает укрепление связей между образованием и культурой, резкое повышение творческого потенциала специалистов, усиление фундаментальной подготовки. Указанные качества и обеспечивают приоритетное значение образования университетского типа.

Как показывает опыт Вятского государственного гуманитарного университета, стратегические преобразования, диктуемые рассмотренными выше проблемами, затрагивают все сферы деятельности университета и интересы всех категорий сотрудников, студентов, населения региона, а также потребителей специалистов. Эффективность такой многоаспектной деятельности не может быть обеспечена без тщательного системного проектирования, базирующегося на идеях стратегического менеджмента и методах программно-целевого подхода.

Вятский государственный гуманитарный университет в этот сложный период решал свои стратегические задачи на основе комплексных программ развития университета.

В результате выполнения первой комплексной программы развития Кировским государственным педагогическим институтом в период с 1992 по 1997 гг. были в основном решены следующие задачи:

- **формирования** и становления института как университета;
- **отработки** эффективных механизмов повышения качества и результативности деятельности университета в условиях рыночного социально-экономического уклада, а также решения задачи его первичной **интеграции** в международную академическую систему;
- **гуманизации** и демократизации жизнедеятельности института.

В результате выполнения второй комплексной программы развития Вятского государственного педагогического университета на период 1997-2002 гг. были решены следующие задачи:

- **наращивания** учебно-научного потенциала, повышения качества деятельности и перевода университета на траекторию устойчивого динамического развития в условиях рыночной экономики;
- **сохранения** традиций и корпоративной культуры университета как вуза, обеспечивающего подготовку педагогических, гуманитарных и научных кадров, способных оказать заметное влияние на экономику региона, его науку, образование и культуру;
- **создания** предпосылок для перевода педагогического университета в новое состояние, смены статуса и включения университета в мировое научно-образовательное пространство, превращения его в один из ведущих гуманитарных университетов России.

Для создания третьей программы развития гуманитарного университета на период 2003-2008 гг. была применена следующая технология: анализ и системное описание исходного состояния, системное про-

ектирование экспертами желаемого состояния, исходя из стратегических задач развития университета, выявление существенных проблемных точек при формировании многоальтернативной системной деятельности по переводу вуза из исходного состояния в желаемое.

Особенностью комплексной программы развития в 2003-2008 гг. является то, что она охватывает все направления деятельности вуза (образовательную, научно-исследовательскую, производственно-хозяйственную и др.) и все этапы его функционирования (профориентацию, формирование контингента, обучение, трудоустройство специалистов, послевузовское образование и проч.), формируется на всех направлениях и этапах, исходя из заданных целей и конечных результатов.

Для формирования программы развития вуза необходимо определить миссию университета, построенную на определенной идеологии.

В настоящее время, когда меняется парадигма высшего образования, изменяются и функции вуза. Университет сегодня не столько передает специальные знания, сколько становится источником формирования, развития и последующей трансляции общей и профессиональной культуры студентов и выпускников. Естественно, для реализации вышеназванного тезиса необходимы преподаватели со своей системой специальных знаний и умений и определенными установками, ценностями и мировоззрением. Меняется функция подсистемы под названием профессорско-преподавательский состав (ППС): от передачи учебной информации осуществляется переход к стимулированию внутренней активности студентов для самоактуализации и самоусовершенствования. Наличие профессионального ППС в вузе есть необходимое условие для подготовки специалиста, но не достаточное.

Следующей подсистемой является современная учебно-материальная база (УМБ), которая включает в себя лекционные аудитории, компьютерные классы, учебно-научные лаборатории, спортзалы, общежития, столовые, оздоровительные загородные базы, ТСО и т. п. Все элементы данной подсистемы взаимосвязаны и создают условия не только для реализации личности студентов в учебной и научной работе, но и для физического самосовершенствования.

Подсистема источников информации, включая библиотечный фонд (БФ), в передовых технологиях обучения играет важную роль. В современных условиях, когда в процессе подготовки специалистов возрастают объемы самостоятельной работы, а центр тяжести в обучении переносится на активные формы овладения знаниями, актуализируется роль учебной литературы. Превращаясь из пассивного носителя информации в активную дидактическую систему, учебная книга призвана создавать определять мотивационную сферу самостоятельной деятельности сту-

ДАНЮШЕНКОВ Владимир Степанович – доктор педагогических наук, профессор, академик АПСН, РАЕН, ректор ВятГУ
© В. С. Данюшенков, 2003

дентов, формируя комплекс интеллектуальных потребностей.

Несмотря на развитие электронно-вычислительной и аудиовизуальной техники, учебная книга остается основным средством обучения.

Выделенные подсистемы объединяются в целостную систему под названием университет (см. рис. 1). Внутреннее пространство шара представляет университетский социум, который состоит из совокупности подсистем: ППС, УМБ, БФ, С, УНД и ВУД. В шаре расположен равносторонний треугольник, в углах которого находятся ППС, УМБ и БФ. Форма шара и равносторонность треугольника говорят о гармонии внутренних частей системы. Мы считаем, что гармоничность есть движущая сила развития университета, отражающая результат ее действия – разностороннее развитие личности студента. Нарушение формы шара будет говорить о диспропорции в подготовке и самореализации студента.

Данная идеология (личностная парадигма) положена в основу создания программы развития Вятского государственного гуманитарного университета в противовес центризму и единообразию в образовании, экстенсивному росту объема знаний при сокращении времени на осмысливание и рефлексии. В то же время мы считаем, что переход к личностной парадигме не означает полного отказа от знаниевого образования, последнее становится частью целого – образования личности.

Гуманитарный университет должен стать важнейшим фактором гуманизации общественно-экономических отношений, формирования новых жизненных установок личности. Гуманизация образования обеспечивает развивающееся общество системой подготовки современных образованных, нравственных, предприимчивых людей, которые могут самостоятельно принимать ответственные решения в ситуациях выбора, прогнозировать их возможные последствия, отличаются мобильностью, динамизмом, конструктивностью, способностью к сотрудничеству, обладают развитым чувством ответственности за судьбу страны. Отсюда вытекает миссия университета: он дол-

жен стать фактором гуманизации личности посредством широкого профессионального образования.

Ресурсы для создания программы развития университета

В области подготовки кадров

- Подготовка кадров высшего и среднего профессионального образования ведется в соответствии с требованиями государственных образовательных стандартов второго поколения на базе 14 факультетов и 3 институтов (на правах факультетов), колледжа университета, 3 филиалов в г. Кирово-Чепецке, Вятские Поляны, Ижевске и 6 представительств на территории Кировской области (в 1997г. – 11 факультетов и 1 институт).

- Подготовка специалистов осуществляется по 41 программе высшего и 7 программам среднего профессионального образования, по 29 программам послевузовского образования, по 3 программам дополнительного образования (в 1997 г. – 13 специальностей ВПО).

- Образовательный процесс осуществляется профессорско-преподавательским составом 53 кафедры (в 1997 г. – 52).

В университете значительно расширен функционал отдела аспирантуры и докторантуры, достаточно эффективно работают научно-исследовательские и учебно-исследовательские лаборатории, учебно-производственные и художественные мастерские.

- Создана и функционирует система довузовской подготовки абитуриентов к поступлению в вуз, включающая в себя Центр довузовской подготовки, лицей ВятГГУ, профильные классы на базе школ г. Кирова, очные и заочные подготовительные курсы, областные очно-заочные летние школы по ряду специальностей университета.

- Разработана нормативно-правовая база и программно-методическое обеспечение повышения квалификации руководящих работников и специалистов, а также профессиональной переподготовки руководящих работников и специалистов по профилю университета.

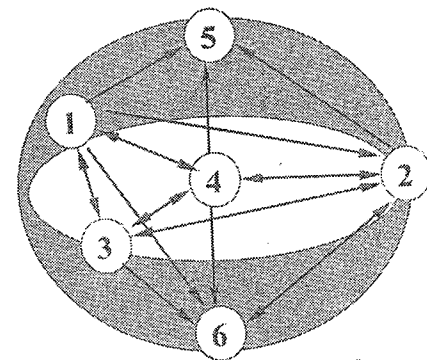

Рис. 1

1. Подсистема ППС.
2. Подсистема УМБ.
3. Подсистема БФ.
4. Подсистема С (Студент).
5. Учебная и научная деятельность (УНД).
6. Внеучебная деятельность (ВУД).

Стрелки показывают связь подсистем с деятельностью студента.

- Осуществляется на ступенчатой основе и в сокращенные сроки обучения с учетом сопряжения основных образовательных программ среднего и высшего профессионального образования подготовка кадров по педагогическим и не педагогическим специальностям.

- Функционирует Центр развития творческих инициатив студентов, студенческий совет ВятГГУ, координирующие деятельность по основным направлениям воспитательной работы в университете: «Лидер», «Студенческая наука», «Культура и досуг», «Спорт и здоровый образ жизни», «Трудовая инициатива», «Молодежная пресса», турагентство «Университет-тур» и ассоциация «Международная наука и образование».

В области управления и кадровой политики

- Оптимизирована система управления университетом с учетом ее сбалансированности и единства связей субординации (по вертикали) и координации (по горизонтали).

- Изменены и разработаны дополнительные необходимые нормативно-правовые документы, регламентирующие деятельность университета в связи с его переименованием в государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Вятский государственный гуманитарный университет».

- В целях повышения эффективности деятельности в структуре университета сформированы учебно-методическое управление (УМУ), отдел экономики, финансов и маркетинга (ОЭФим), отдел делопроизводства, центр информационных технологий и дистанционного обучения (ЦИТиДО), юридическая служба. Созданы новые факультеты, институты и кафедры (Институт управленческих кадров, Институт экономики, Институт лингвистики, химический факультет, факультет культурологии, социально-гуманитарный факультет, психологический факультет, педагогический факультет).

- В университете созданы Ассоциация «Университетский комплекс ВятГГУ» Попечительский совет, задачами которых являются: создание условий и возможностей для реализации крупных программ и проектов образовательного, экономического, социального и технологического характера, активизация научных исследований и информационной деятельности; повышение роли университета в социально-экономическом, технологическом, образовательном и культурном развитии региона.

- Разработаны нормативно-правовые основы и документация по аттестации преподавателей и сотрудников университета, создан механизм стимулирования управленческой деятельности руководителей всех подразделений и служб университета на договорной основе.

В области научных исследований

- Осуществляются исследования в 5 областях научного знания: психолого-педагогической, естественнонаучной, краеведческой, филологической, социально-гуманитарной – по 11 основным направлениям. В рамках указанных областей и направлений научного знания работает 12 научных школ, известных в регионе и в России.

- Созданы 4 научные лаборатории (в настоящее время в университете функционируют 19 проблемных лабораторий), выполняющие как фундаментальные, так и прикладные научные исследования.

Разработано 111 научно-исследовательских проектов (на 2003 г. 10 проектов получили гранты).

- Проведено 79 региональных, всероссийских и международных конференций, семинаров, симпозиумов. Общий объем финансирования НИР за 5 лет составил 19,394 млн. рублей (увеличился на 18,394 млн. рублей).

- Расширилась издательская деятельность университета. По итогам научной деятельности за 5 лет на базе ВятГГУ было издано 503 наименования научных трудов, в том числе: 163 учебника и учебных пособия, 85 монографий; регулярно выпускается «Вестник Вятского государственного гуманитарного университета».

- Открыто 9 специальностей аспирантуры (в настоящее время в вузе функционирует аспирантура по 29 научным специальностям в 11 отраслях наук), открыта докторантура по 3 специальностям.

- Открыто 3 диссертационных совета по 7 научным специальностям:

- Д 212.041.01 на соискание ученой степени доктора наук по специальностям: 13.00.01 Общая педагогика, история педагогики и образования, по педагогическим наукам; 13.00.08 Теория и методика профессионального образования, по педагогическим наукам.

- КМ 212.041.01 на соискание ученой степени кандидата наук по специальностям: 13.00.02 Теория и методика обучения и воспитания физике, по педагогическим наукам; 13.00.02 Теория и методика обучения и воспитания математике, по педагогическим наукам; 13.00.02 Теория и методика обучения и воспитания технологии и общетехническим дисциплинам, по педагогическим наукам;

- К 212.041.02 на соискание ученой степени кандидата наук по специальностям: 09.00.01 Онтология и теория познания, по философским наукам; 24.00.01 Теория и история культуры, по культурологии.

- Значительно расширилось сотрудничество с зарубежными высшими учебными заведениями и учреждениями через двусторонние договоры, соглашения, прямые контакты, а также через участие в конкурсах по программам АЙРЕКС, ДААД, АСПРЯЛ, фонда Фулбрайта, Темпус.

- Создан Французский культурно-образовательный центр при поддержке Посольства Франции в России и Министерства образования РФ. В целях развития образования, научного и культурного сотрудничества и установления партнерских отношений с вузами Франции между ВятГГУ и посольством Франции подписан договор «О сотрудничестве». С 2002 г. ВятГГУ является членом и одним из учредителей Международной ассоциации по правам человека (Франция).

- Поддерживаются устойчивые связи университета с Комитетом по образованию Совета Европы, с посольством Франции в Москве, продолжается работа по договорам, подписанным до 1997 г., а также ведется совместная деятельность в рамках договоров о сотрудничестве с рядом зарубежных высших учебных заведений (США, Польша, Кипр, Германия, Франция, Чехия, Австрия, Казахстан), подписанных за период до 2003 г.

- В 2001 г. ВятГГУ был удостоен международной награды «Золотой слиток», учрежденной Высшим Женевским Институтом Бизнеса и Менеджмента «INSAM» совместно со Швейцарским Бизнес Клубом. В 2001 г. ректор университета В. С. Данюшенков был награжден призом Хрустальный рыцарь – «Эртсмейкер XXI» в номинации за личный вклад в руководство предприятием. Приз учрежден международной программой «ЭРТСМЕЙКЕР XXI».

В области повышения квалификации преподавательских кадров, управленческого и учебно-вспомогательного персонала

- Научно-исследовательскую и педагогическую работу на 53 кафедрах университета и в 19 проблемных научных лабораториях ведут 562 преподавателя, в том числе: 3 академика и чл.-кор. РАО, 8 академиком и чл.-кор. РАЕН, 4 академика Академии педагогических и социальных наук, 3 чл.-кор. Международной академии педагогических наук, 73 профессора, доктора наук, доцента и члена Союза художников России. За 5 лет подготовлено и защищено: 26 докторских, 115 кандидатских диссертаций.

- 352 преподавателей имеют ученые степени и звания, что составляет 62,63 % от общего числа профессорско-преподавательского состава. В том числе: 69 докторов наук и профессоров, что составляет 20% от количества должностей профессорско-преподавательского состава, и 283 кандидатов наук и доцентов.

- Разработан перспективный план подготовки научных кадров по кафедрам. В настоящее время 174 человека обучаются в аспирантуре, 2 преподавателя учатся в докторантуре, 5 преподавателей находятся на должности старшего научного сотрудника. На поддержку инициативных НИР и диссертационных исследований за 5 лет израсходовано 7,258 млн. рублей.

- Создан механизм и начато повышение квалификации преподавателей и учебно-вспомогательного

персонала через курсы по дидактике высшей школы, информационным технологиям в условиях вуза.

В области материально-технического, информационного и библиотечного обеспечения

- Создан Центр информационных технологий и дистанционного образования, задачами которого являются обслуживание и развитие информационной базы и дистанционного обучения в университете, формирование электронных ресурсов и программного обеспечения.

- Приобретено более 200 компьютеров, создано 8 компьютерных классов, 22 компьютерные сети и локальная сеть университета.

- Осуществлено обновление 6 компьютерных классов (в научной библиотеке, зал для аспирантов, 4 класса в корпусах ВятГГУ, класс мультимедиа).

- Разработано новое программное обеспечение «Абитуриент», позволившее создать информационный банк абитуриентов университета и осуществлять выборочное психологическое тестирование.

- Осуществлено подключение к Интернет-порту, что ускорило доступ к глобальным информационным ресурсам более чем в 10 раз и позволило увеличить общее число пользователей электронной почты в университете; структурные подразделения увеличили трафик Интернет в 1,5-2 раза.

- Созданы электронные базы данных «Кадры». Ведется разработка программы контроля трафика Интернет и проектирование системы Электронный университет.

- В рамках дистанционного образования были созданы экспериментальные площадки на базе четырех муниципальных образовательных учреждений средних школ г. Кирова и Кировской области.

- Пополнился общий фонд научной библиотеки ВятГГУ, который сегодня составляет 630548 экземпляров. Увеличилось количество экземпляров учебной литературы в расчете на одного студента, приведенного к дневной форме обучения, – 43,3 единицы; в 1997 г. – 32 единицы. Объем фонда основной учебной и учебно-методической литературы с грифами составляет 64% от общего фонда учебной и учебно-методической литературы. Фонды библиотеки насчитывают 51 экземпляр электронных изданий.

- В библиотеке создан электронный каталог, включающий следующие базы данных: «Книги», «Статьи», «Труды преподавателей ВятГГУ», «Периодические издания».

- Затраты университета на комплектование библиотечного фонда только за три последних года составили 9,259 млн. руб., из них на книги и периодические издания – 8,159 млн. рублей и 1,099 млн. руб. соответственно.

- Открыта фундаментальная научная библиотека: зал информационных ресурсов и зал для научных работников.

В области финансово-хозяйственной деятельности

- Повысилась эффективность использования финансовых бюджетных и внебюджетных средств. Университет не имеет задолженности по коммунальным платежам, электроэнергии, связи, налогам в бюджет разных уровней.

- За счет расширения контрактной подготовки специалистов получила существенное развитие внебюджетная деятельность университета. Осуществлено планирование расходов внебюджетных средств на основе субсчетов подразделений университета.

- Сдан в эксплуатацию в 2003 году и имеет общую площадь 6683 кв. м. новый учебный корпус. В нем располагаются факультет культурологии, социально-гуманитарный и филологический факультеты.

- С 2000 г. в главном учебном корпусе ведутся работы по капитальному ремонту. Проведено работ на сумму 23,143 млн. руб. Из них 10,193 млн. руб. выделено федеральным бюджетом, 12,950 млн. руб. – собственные средства. Отремонтировано 9078 кв. м площадей, ремонт оставшихся планируется завершить в 2004 г.

- Полностью восстановлена обсерватория на здании главного корпуса. На эти работы израсходовано 350 тыс. руб. Отремонтировано более 80 пог. м. фундаментов здания, проведен ремонт фасадной части цокольного этажа.

- Проведено переоборудование помещений обсерватории учебного корпуса № 2 под химическую лабораторию, капитально отремонтирован спортивный зал с заменой пола и спортивного оборудования. На эти работы затрачено 730 тыс. руб. Проведен текущий ремонт кабинетов, аудиторий, отремонтирована кровля здания, затраты составили 2,5 млн. руб., из них 1,5 млн. руб. собственных средств.

- Проведена реконструкция второго этажа столовой под учебные аудитории для колледжа университета, в связи с чем учебные площади учебного корпуса № 2 увеличились на 1227 кв. м. Строительство велось за счет собственных средств в размере 5,9 млн. руб.

- Переоборудовано 5 кабинетов в учебном корпусе № 3 под библиотеку с книжным фондом для студентов, обучающихся в этом корпусе, оборудован дополнительный гардероб на 230 мест, ведется поддерживающий текущий ремонт здания.

- Проведена замена теплового узла на современное энергосберегающее оборудование в спортивном учебном комплексе. Затраты составили более 640 тыс. руб. Проведен ремонт душевых и раздевалок бассейна на сумму 440 тыс. руб.

- Переоборудовано и оснащено под научную фундаментальную библиотеку двухэтажное помещение, выделенное университету администрацией города.

В области социальной поддержки работающих и обучающихся

- Выполняется коллективный договор между администрацией и профсоюзной организацией университета. За 5 лет на поддержку инициативных НИР, исследований докторантов, аспирантов, соискателей израсходовано 7,258 млн. рублей, дополнительно увеличена заработная плата на 200%, оказано материальной помощи на приобретение путевок 500 тыс. рублей, 120 юбиляров получили денежное вознаграждение, выделяются средства на приобретение лекарств, выплачивается дополнительно ежемесячное пособие работникам-инвалидам, труженикам тыла, участникам войны.

- Создана медсанчасть университета, для которой приобретено оборудование на 600 тыс. рублей, бесплатная медицинская помощь оказывается более чем 400 работникам ежегодно. Каждый год в санаториях и профилакториях проходят оздоровление более 200 студентов и около 100 преподавателей и сотрудников.

- Осуществляется социальная поддержка студентов из бюджетных и внебюджетных средств через предоставление именных стипендий, оказание адресной социальной помощи, обеспечение общежитием, целевое расходование средств стипендиального фонда.

Стратегическое планирование деятельности университета на 2003-2008 гг.

Стратегия вуза создается не виртуально, а основывается на программных документах по основным направлениям социально-экономической политики Правительства РФ на долгосрочную перспективу; на концепции модернизации Российского образования на период до 2010 г.; на материалах Российского Союза ректоров и Минобразования; на материалах анализа развития высшего образования в мире, подготовленных Всемирным банком и на законах регионального образования Кировской области.

В основе долгосрочной перспективы развития России лежит главный системообразующий фактор: приоритет гражданина над государством. Человек, его права и интересы учитываются насколько возможно; а государство является гарантом этих прав – насколько необходимо.

В связи с этим нашему обществу необходима обновленная система ценностей, отвечающая традициям России и требованиям современности: свобода, ответственность, доверие, высокая ценность человеческой личности. Своей цели нужно добиваться за собственный счет и собственными усилиями. Путь к процветанию – добросовестный труд, честная конкуренция, сознательная законопослушность. Именно

«социальный заказ» общества и государства будет определять направления развития и изменения системы образования России в первом десятилетии XXI века.

При этом хотелось бы подчеркнуть особенность сегодняшнего момента в современной социальной сфере, а именно, растущие информационные потоки и высокотехнологичные производства требуют не исполнителей узкой специализации, а специалистов с фундаментальным базовым уровнем образованности, способных переключиться с одного вида деятельности на другой, с обширными коммуникативными умениями и навыками.

Это может дать только гуманитарное образование, которое формирует у личности:

- способность к самоорганизации, умение отстаивать свои права, участвовать в создании и деятельности общественных объединений;
- толерантность, терпимость к чужому мнению, умение вести диалог, искать и находить содержательные компромиссы;

– правовую культуру: знание основополагающих правовых норм и умение использовать возможности правовой системы государства.

Естественно, приоритет здесь принадлежит высшему образованию, преимущества которого представлены в табл. 1.

В связи с этим стратегия развития высшего учебного заведения должна отражать комплексный подход и ясно сформулированную миссию как единого целого и соответствующей роли вуза в социуме. План развития университета выглядит следующим образом (см. схему на рис. 2).

Исходя из данного плана в третьей программе развития гуманитарного университета были сформированы следующие стратегические приоритеты на период 2003-2008 гг.:

- *сохранить* лидирующее положение университета в гуманитарном образовании России;
- *внедрить* систему постоянного мониторинга текущих и перспективных потребностей рынка в кадрах различной квалификации, с учетом международных, российских и региональных тенденций;

Таблица 1

Выгоды	Частные	Общественные	
Экономические	Более высокая зарплата. Трудоустройство	Повышение производительности. Национальное и региональное развитие	
	Более высокие накопления	Меньшая опора на правительственную финансовую поддержку	
	Улучшение условий труда	Повышение уровня потребления	
	Личная и профессиональная мобильность	Укрепление потенциала для перехода от экономики малоквалифицированного труда к экономике, основанной на знаниях	
Социальные	Повышение качества своей жизни и жизни детей	Интеграция нации и развитие ее руководителей	
	Принятие более разумных решений	Демократическое участие; повышение уровня согласия; восприятие общества как структуры, которая базируется на справедливости и создает возможности для всех	
	Повышение личного статуса	Социальная мобильность	
	Расширение возможностей в сфере образования	Повышение согласованности общества и снижение уровня преступности	
	Более здоровый образ жизни и увеличение продолжительности жизни	Улучшение здоровья	Улучшение системы базового и среднего образования

Структура плана развития университета

Рис. 2

Таблица 2

Желаемый конечный результат	Изменение потребностей в образовании и профессиональной подготовке	Изменение структуры высшей школы	Изменение функционирования и организации
Формирование высокообразованного человеческого капитала	Потребность в рабочей силе более высокой квалификации	Появление новых типов поставщиков образовательных услуг	Более интерактивная педагогика с акцентом на усвоение знаний
Создание новых знаний	Методологические и аналитические навыки	Развитие «образования без границ»	Программы непрерывного образования
Адаптация знаний глобального уровня для решения местных проблем	Спрос на дипломы и квалификационные аттестаты, признаваемые в международном масштабе		Расширение применения ИКТ в педагогических, информационных и управленческих целях. Мульти- и междисциплинарность
Демократические ценности, установки и культурные нормы			Гуманистический аспект образования и профессиональной подготовки. Способность к адаптации и гибкость

- *создать* в университете открытую мультикультурную научно-образовательную среду международного уровня;
- *осуществить*, согласно Болонской конвенции, переход на многоуровневую систему подготовки и переподготовки специалистов для разных сфер образовательной, культурной и производственной деятельности в регионе;
- *организовать* в университете информационную систему для оптимизации учебно-воспитательного процесса разноуровневой подготовки специалистов;
- *сформировать* в университете организационную систему деятельности по укреплению учебно-материальной базы вуза;
- *продолжить* повышение эффективности фундаментальных и прикладных научных исследований; интеграции университетской, академической и отраслевой науки как фактора повышения качества образования;

– *реализовать* разработанную учеными вуза концепцию воспитания студентов в гуманитарном университете;

– *повысить* эффективность управления качеством профессионального образования.

В основу стратегических приоритетов деятельности университета, кроме идеологических соображений, положены разительные перемены в переходной экономике, которые раздвигают временные и пространственные границы образования в нашем университете: пролицензировано 15 рабочих профессий, 12 специальностей среднего профобразования, 50 – высшего образования, 32 – аспирантуры и 3 – докторантуры. Необходимость продолжения образования на протяжении всей жизни меняет сегодня временные рамки, а новые информационно-коммуникационные технологии стирают пространственные барьеры. В этих переменах можно видеть грандиозные возможности для высшего образования (табл. 2).

ФИЛОСОФИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ НАУКИ

О. А. Останина

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПОЗНАНИЕ И ВРЕМЯ: ЧАСТЬ I

В статье рассматриваются некоторые методологические вопросы исторического познания, связанные с анализом категории времени. Данный анализ приводит к выяснению и уточнению как предметного содержания исторического знания и познания, так и своеобразия его методов и познавательных процедур, то есть имеет онтологическую и гносеологическую стороны, которые, несомненно, взаимообусловлены.

Категория времени значима для истории не только потому, что история (как реальность и как знание) относится к прошедшему, к тому, что прошло. Время – это и форма протекания событий и форма осознания их; существует корреляция между историческим бытием и его познанием. С точки зрения экзистенциально-антропологического подхода такая корреляция возможна, потому что исторический процесс представляет собой объективирование сознания, сознание само является особой реальностью, обладающей временными характеристиками; поэтому в познании воспроизводится и своеобразие сознания и действительность (объективированное сознание).

Говоря об онтологическом содержании времени в его единстве с гносеологическим содержанием, можно указать на следующие моменты.

Во-первых, историческая реальность полихронна. Полихронность связана с тем, что в структуре общества присутствуют элементы всего спектра исторического бытия, обладающие своими особыми временными характеристиками. Каждой сфере исторической (социальной) реальности – политике, праву, идеологии и др. – присущ свой ритм движения, своя критическая точка как момент полной зрелости, своя периодичность циклов развития. Так, хорошо известны примеры несовпадения темпов процессов экономического и политического развития, экономико-политического развития и развития художественного творчества, развития искусства и нравственного развития. На данной исторической стадии могут совмещаться и взаимодействовать элементы общественных отношений разного возраста – отжившие, зрелые и только

зарождающиеся, особенно богата примерами разновозрастных структурных элементов культурная жизнь.

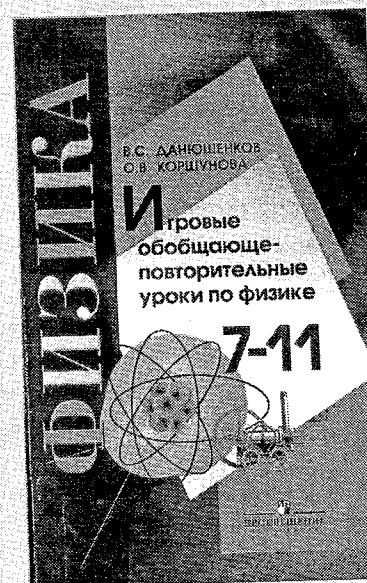
Во-вторых, существует неравномерность развития внутрисистемных элементов общества, то есть асинхронность стадийальной принадлежности исторических явлений, процессов, отношений – на одном временном или локальном срезе, на одной стадии развития взятого в целом общества сосуществуют исторические явления разной стадийальной принадлежности или различных временных структур. Так как эти исторические явления имеют свой ритм, темп, частоту событий, то они могут быть сгруппированы и, соответственно, изучены в своих границах; поэтому различные множества исторических явлений могут образовать свои истории – государства, экономики, права, науки, образования, религии и т. д.

Следовательно, история предстает как нелинейный, многомерный, иерархически структурированный процесс, континуитет может быть изображен как совокупность и взаимодействие сюжетных линий или, в терминологии М. Фуко, дискурсов. И календарная дата, календарная датировка событий имеет разный смысл в разных рядах отношений (например, 1789 год как дата Великой Французской революции знаменуется коренными политическими преобразованиями, с которыми духовно-идеологические сдвиги, с одной стороны, и экономические – с другой, не совпадают).

В-третьих, события различаются не только по степени важности, но дифференцируются их типы и уровни: вычлениются события малой, средней и большой длительности, различаются ряды, образованные редкими или, наоборот, повторяющимися событиями. Установление периодов в истории есть результат такой процедуры дифференциации событий и установления их рядов. Речь идет о диалектике непрерывности и прерывности в истории; методологическое значение прерывности заключается в том, что благодаря ей можно индивидуализировать различные ряды и последовательности, то есть вычленив определенные события и группы событий. Связи и взаимодействия между событиями предстают как сложные взаимоотношения – совмещения, наложения, пересечения, несводимые к линейной схеме.

По справедливому замечанию М. Фуко, прерывность «стала одним из основополагающих элементов исторического анализа» [1]. Именно она обуславливает исследовательские действия историка, который должен выявить, хотя бы гипотетически, возможные уровни анализа, методы, им соответствующие, установить периодизации, определить границы того или

Новые книги

**В издательстве «Просвещение»
выходит книга**

*Данюшенков Владимир Степанович
Коршунова Ольга Витальевна*

Игровые обобщающе-повторительные уроки по физике в школе

В учебном пособии рассматривается технология построения уроков обобщающе-повторительного характера на основе игровой деятельности при обучении физике, даются конкретные разработки самодельных игровых средств (планшетных и электронных), приводятся методические разработки уроков для 7, 8, 9-х классов и отдельные фрагменты для 10, 11-х классов.

Учебное пособие предназначено для студентов педагогических вузов, преподавателей университетов и учителей общеобразовательных школ.

Книгу можно приобрести оптом и в розницу в магазине «Книги Просвещения» по адресу: 127521, Москва, ул. Октябрьская, 89. Тел.: (095) 289-44-44, 289-60-44. Факс: (095) 289-60-26, 289-62-35.

Можно заказать книгу **почтой**. Заявки направлять по адресу: 127521, Москва, 3-й проезд Марьиной рощи, 41, издательство «Просвещение», «Книга – почтой». Тел.: (095) 289-50-26. E-mail: prosv@online.ru. <http://www.prosv.ru>

ОСТАНИНА Ольга Александровна – доктор философских наук, профессор кафедры философии ВятГУ © О. А. Останина, 2003

иного процесса, изменения в развитии и функционировании, в причинно-следственных связях.

Прерывность – это концепт, которому ученый придает все новые спецификации, или интерпретации. Благодаря прерывности история предстает как объект познания, который изучается и о котором можно рассуждать, говорить, поэтому прерывность делает возможными исторические понятия, организует речь (дискурс) историка, то есть является и инструментом, средством познания.

Кроме того, с прерывностью, на наш взгляд, связано понятие интегрального времени и, соответственно, периодизация истории, наполненность некоторого «отрезка» конкретным содержанием исторической жизни, событиями, их интенсивность. Причем существенно значимым является не просто совпадение событий, их происхождение друг из друга и обусловленность друг другом, а общий смысл, интегрирующий и образующий данное историческое целое, выражающий себя в разнообразных формах жизни, культуры, социальных институтах. Как писал О. Шпенглер, все многочисленные аспекты исторической жизни – проявления одной души народа, культуры, в силу чего они и оказываются взаимосвязанными, сущностно едиными; это время жизни души народа, ее порыв и будет интегральным временем в концепции Шпенглера. В качестве примера можно сослаться также на различные варианты формационного и цивилизационного подходов, по-разному определяющих основу и смысл исторического процесса и интегральное время, детерминирующее, в конечном счете, протекание разноуровневых процессов, явлений и их взаимовлияние (достаточно сравнить теорию постиндустриального общества Д. Белла, О. Тоффлера и цивилизационную теорию А. Тойнби).

Современная история, в частности, определяется глобализацией, задающей ритмику, темпы процессов буквально всех сторон жизни – экономики, образования, политики, искусства и т. д.

Спецификация времени характеризуется и раскрывается через осмысление судьбы, направленности истории собственной страны, что заставляет размышлять о наполненности, содержательности исторической жизни и ответственности за нее, сопоставлять «свое» время со всемирно-историческим.

Признание методологического значения категории прерывности ориентирует на исследование каждой эпохи из нее самой, на понимание специфики временной структуры разных обществ или социальных групп (эта структура может быть циклической, линейной, спиралевидной), на преодоление модернизации прошлого и субъективизма в его познании.

В-четвертых, непрерывность не может быть проигнорирована; с категорией непрерывности мы связываем прежде всего понимание целостности истории, осознание ее истоков и единства. В данном отношении имеет смысл указать на известную идею А. Бергсона о том, что реальность внутренне связана

временем, «той длительностью, какой обладают сами вещи»; длительность трактуется Бергсоном как непрерывная связь реальности – это длительность нашей памяти, сознания, связывающего в некоторую непрерывную последовательность полученные из внешнего мира впечатления. Время имеет делимомую природу, может быть рассмотрено как форма внутренней связи событий, зависящей и от самой реальности, становящейся и содержащей отдельные мгновения своего бытия. Пренебрежение внутренней связью событий приводит историческую науку к «рассыпанию».

Совершенно справедливо замечает К. Ясперс, что «к истории относится все то, что, во-первых, будучи неповторимым, прочно занимает свое место в едином, единственном процессе человеческой истории и, во-вторых, является реальным и необходимым во взаимосвязи и последовательности человеческого бытия» [2].

Содержание действительности является историческим в том случае, если «мы можем прикрепить его к какому-то месту в рамках нашей системы времени, причем с определенностью, которая может иметь самые различные степени точности» [3]. Но историческое значение определяется не по точке во времени, а по содержанию, то есть событие становится историческим, когда мы понимаем его содержание; и содержание понимается в связи с предыдущими и последующими событиями.

Собственно содержание события, представляющее собой самодостаточный комплекс, свободно от времени, в том смысле, что может быть объяснено из себя самого и перемещаться во времени (из прошлого в настоящее). Предметное содержание равнодушно к своему внешнему и абсолютному положению во времени, однако его местоположение относительно других таких содержаний определяется только через «установление его отношения к целостности всех известных содержаний» [4]. Историческим, таким образом, может считаться лишь то содержание, которое фиксируется во времени. Но, с другой стороны, оно будет историческим лишь в том случае, если образует вместе с другими содержаниями понимаемое единство. Пока это единство определяется исключительно вневременным содержанием, оно может перемещаться в любое время без потери для понимания (так, мы часто обращаемся за доказательствами своих утверждений к так называемым историческим примерам, пренебрегая их историческим контекстом).

Налицо противоречие, обусловленное диалектикой прерывности-непрерывности, делимости-неделимости, оно преодолевается признанием того, что понимание становится полным тогда, когда это понимание целостности осуществленных содержаний. Такая упорядоченная для понимания целостность имеет для каждой своей части только одно определенное место, что делает недопустимым все перемещения в нашей фантазии. Образуется последовательность историчес-

ких событий, каждое из которых фиксируется в одном временном пункте по своим предметным основаниям. Историческое познание имеет место там, где не только утверждается, фиксируется действительность события, но и присутствует понимание содержания и смысла данного события, что, в свою очередь, предполагает некоторую последовательность и связанность, или непрерывность.

Уточним характер индивидуализированности исторического познания. Дело заключается не в единичности содержания события, оно остается историческим, если даже повторяется многократно, не меняя своей качественной идентичности. Смысл неповторимости и индивидуальности относится не столько к содержанию, а к тому, что «содержание принадлежит этому месту во времени, каковое по определению понятия времени уже неповторимо» [5]. Данное положение важно методологически для обоснования статуса обобщений, типизации в историческом познании.

Наконец, просто временность события еще не делает его историческим, таковым его делает отношение к предшествующим и последующим стадиям развития. Так, и длительность имеет историческое значение, если заполнена следующими друг за другом понятными событиями; событие не соучаствует в «протяженности», «текучести» времени, а получает соотносимое с другими событиями местоположение.

Проблемы исторического познания, конечно же, связаны с анализом содержания времени. Понятие временной последовательности основано на представлении о конечности временного измерения (прерывность); значение этого понятия обусловлено тем, что, благодаря ему, преодолевается идея беспредельной длительности как таковой, оно связано с идеей изменения и развития и предполагает неравнозначность моментов длительности (начало, конец и т. д.).

Последовательность – это определенная связь не безразличных друг другу моментов качественности (в терминологии Л. П. Карсавина) в содержании исторического бытия. Речь идет о том, что длительность времени, поделенного на секунды, или физического времени, существующим образом отличается от действительной, неравномерной, многомерной, конкретной временной исторической реальности. Время как форма определенной последовательности и связи отличается от неопределенной длительности, измеряемой посредством тождественных друг другу единиц длительности (в физическом смысле – час один, в историческом смысле – разный у разных людей, групп, обществ, культур и т. п.). Поэтому исследование временной целостности предполагает более чем одно временное измерение. Оно допускает измерение внутренней нагруженности моментов, их емкости и плотности, плотности его мгновений.

Таким образом, преодолевается редукция исторического времени к хронологии и исторического изложения – к перечислению следования событий. Это

попытка целостного изучения исторического бытия; признавая фактическую разновременность исторического бытия и его структурность, мы тем не менее можем рассмотреть его, историческое событие (единство времени и бытия, по выражению М. Хайдеггера) как целостность. Отсюда – выходим на понимание истории как текста, обладающего и структурностью и композиционной целостностью.

В формах осуществления жизни и деятельности обнаруживает себя цельность человека и его бытия, сами формы жизни выступают как формы целостности; это единый процесс взаимодействия, взаимоопределения форм, о чем мы говорили выше в связи с понятием интегрального времени. Указанное единство с гносеологической точки зрения дает возможность обоснования единства дискурсивного и интуитивного в историческом познании.

В-пятых, из сказанного выше о полихронности, асинхронности, прерывности и непрерывности следует, что в историческом познании очень велика методологическая роль категории особенного как взаимодействия единичного и общего. Именно категория особенного является, на наш взгляд, собственно исторической, раскрывающей специфику исторического видения мира и научного столкновения истории. Особенное как категория, выражающая определенную степень обобщения, типизации, как бы ставит границы, рамки историческому знанию, определяет его меру, выходя за которую историческое знание утрачивает свою историчность.

Особенное – это, с одной стороны, своеобразное единство общего и единичного; цель исторического исследования не выявление или подтверждение общих закономерностей исторического процесса и не выявление и описание отдельных фактов, ситуаций, явлений, казусов, а проникновение в конкретность некоего события, эпохи, раскрытие существенных, смысловых связей в последовательности событий. С другой стороны, особенное – это своеобразное единство, схождение времен – прошлого, настоящего, будущего – в сознании, благодаря чему событие обретает историческую значимость, индивидуальность.

Выход за пределы особенного, или движение в познании в сторону общего, приводит к растворению истории в макросоциологии, философии истории или отождествлению с ними. Сказанное отнюдь не означает, что история не может опираться на фундаментальные понятия, категории философии истории (в том числе категорию исторического времени) и законы макросоциологии или социальной психологии. Наоборот, они активно применяются в историческом исследовании в целях описания, объяснения событий, явлений; просто для истории как науки не характерны такого рода обобщения. Теоретические построения истории существуют на уровне особенного, они «привязаны» к определенной эпохе, конкретны (например, опричнина, итальянское Возрождение, средневековый город и др.). Идеально-типические поня-

тия выполняют эвристическую, инструменталистскую, репрезентативную функции и могут быть далее обобщены в метаисторических концепциях и теориях.

Другой крайностью является сужение особенно-го, или дробление, уменьшение истории до единичностей, что приводит к утрате целостной картины исторического события. Цель такого дробления – изучить событие в мельчайших подробностях, что якобы повысит степень объективности и достоверности исследования. Но, оказывается, существует некоторый предел, который был назван, в частности, Г. Зиммелем порогом уменьшения [6], за пределами которого действительность атомизируется, теряет непрерывность как форму жизни. С точки зрения методологической речь идет о проблеме соотношения теоретического и эмпирического уровней исторического знания.

Структурирование и деструкция исторической реальности в принципе могут быть бесконечными («дурная бесконечность»), так как всегда остается интервал, который не удается до конца заполнить; однако стремление к такому заполнению, расщепление события на множество фактов и поиски новых фактов лишают само событие определенности и понятности. Нельзя, пишет Зиммель, получить непрерывную линию бесконечным умножением точек; в историческом познании нет такой формы, которая могла бы скопировать непрерывность переживания исторической жизни, целостность «картины» истории, и мы тем дальше уходим от желаемого понимания целостности и смысла события, чем больше «знаем». В процессе познания единство события и его переживания раскалывается на прерывные образования до тех пор, пока окончательно не лишается жизнеспособности. «Это может пойти так далеко, что невозможно становится собирание атомов в общий поток, чтобы они стали историческими. Они обладают слишком малым квантом смысла, чтобы можно было понятийно соединять их содержание со всеми остальными» [7].

Следовательно, существует предел деструкции, далее которого деструкция теряет всякий смысл и «человеческое» содержание, аннигилирует субъекта и собственно историю. Ведь знаменитая Школа Анналов переживает методологический кризис именно потому, что ее обширные исследования заходят в тупик, не давая ответа на вопрос, как они могут быть использованы и что дают для понимания, уяснения смысла и сущности истории [8].

Таким образом, если при изучении исторического явления, оно «разлагается» на составляющие элементы, то уменьшение элементов имеет некоторый пре-

дел, за которым исчезает индивидуальность, особенность явления. Уменьшение отрезка времени, атомизация, сведение его к точке, мельчайшей временной частице уменьшает и его особенность. Установка на познание «как это действительно было», бесконечная погоня за фактами, стремление к точности, и как следствие дробление события, и приводят к упомянутой утрате индивидуальности и осмысленности содержания исторического события. Поэтому исторический элемент должен быть не мельчайшим атомом, мельчайшей событийной подробностью, а достаточно большим для удержания индивидуальности, особенности события и его понимания, тем самым определением места в исторической последовательности.

Делимость времени до бесконечности, до «точки» невозможна, во всяком случае, в историческом познании, иначе исчезает, растворяется сама историчность истории, не говоря о ее мировоззренческих предпосылках. Иначе выражаясь, деление, дробление вещи в поисках индивидуального приводит к потере индивидуального как такового, индивидуальное сохраняется на средне-общем уровне, то есть на уровне особенного как единства прерывного и непрерывного. Единичность в истории принимает форму хронологической точки, а непрерывность принимает форму единства события. Есть несовпадение между переживаемой жизнью и исторической наукой, но исторический реализм, сводящийся только к копированию, представляется несостоятельным. Исторический реализм заключается не в микроскопическом или антикварном анализе и препарировании, а в том, что «неизбежное для истории [как науки. – О. О.] инобщитие по отношению к жизни все-таки происходит по законам самой этой жизни» [9]. Следовательно, есть единство жизни и познания, которое делает познание возможным. Здесь мы выходим на такие вопросы, как время и субъект исторического познания, причинность и время, текстуализация исторического познания, которые предполагается рассмотреть во второй части статьи.

Примечания

1. Фуко М. Археология знания. Киев, 1996. С. 11.
2. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1994. С. 31.
3. Зиммель Г. Философия культуры // Избранное: В 2 т. Т. 1. М., 1996. С. 517.
4. Там же. С. 520.
5. Там же. С. 522.
6. Там же. С. 428.
7. Там же. С. 527.
8. Гуревич А. Я. Исторический синтез и Школа Анналов. М., 1993.
9. Зиммель Г. Указ. соч. С. 529.

М. И. Ненашев

ПОЗДНИЙ СОЛОВЬЕВ: ПЕРЕМЕНА ВО ВЗГЛЯДЕ НА ПРИРОДУ ЗЛА

В статье показывается, что в последний период своей жизни (1987–1990 гг.) Владимир Соловьев переходит от своего прежнего понимания природы зла как несовершенства, или неполноты совершенства, наличного мира к пониманию зла как действительной силы, которая посредством соблазнов владеет миром. Сравниваются соответствующие фрагменты его работ «Оправдание добра» и «Три разговора».

В этой статье мы сначала наметим разделение творчества Соловьева на три этапа и выделим третий этап в качестве так называемого периода творчества позднего Соловьева. Затем покажем различие в постановке вопроса о природе зла в двух работах этого периода: «Оправдание добра» и «Три разговора». И далее проведем некоторые параллели между идеями позднего Соловьева о природе зла и тем пониманием человеческой свободы, которое мы обнаруживаем в последних романах Федора Достоевского.

Принято различать три этапа в творческой деятельности Владимира Соловьева. Согласно Сергею Мих. Соловьеву (племянник Вл. Соловьева), автору книги «Владимир Соловьев: Жизнь и творческая эволюция», первый этап, умозрительный и славянофильский, длится до начала 80-х годов; второй этап, церковно-публицистический, длится до начала 90-х годов; третьему этапу, с начала 90-х годов, дается название «синтетический», здесь происходит возвращение Владимира Соловьева к философской проблематике.

Эту же схему деления творческой биографии Соловьева принимает Алексей Федорович Лосев в книге «Владимир Соловьев и его время». Первый период, до 80-х годов, – ранние философские работы, затем второй период, 80-е годы, – сочинения церковного характера, третий период, 90-е годы, особенно с 1895 года, – возвращение к теоретической философии.

Наконец, Евг. Ник. Трубецкой в двухтомной монографии «Миросозерцание В. С. Соловьева» представляет творческий путь философа также в качестве смены трех этапов: подготовительный (1873–1882 гг.), на котором Соловьев разрабатывает основы своего миросозерцания; далее следует утопический этап (1882–1894 гг.), разработка христианского идеала целостной жизни, который совпадает с утопией вселенской теократии. Последний этап начинается в 1895 году. Он отличается тем, что на первый план выступают положительные ценности миросозерцания Соловьева и происходит освобождение от влияния Спинозы и Шеллинга.

Таким образом, можно принять как нечто устоявшееся трехчленное деление творческой биографии Соловьева.

Остановимся на последнем, третьем этапе. Как показывает анализ работ, написанных в этот период, своеобразие его состоит не только в возвращении Соловьева к философской тематике или освобождении от влияния Спинозы и Шеллинга. Важным является то, что на этом этапе происходит существенное переосмысление Соловьевым многих своих прежних идей и, в частности, своих представлений относительно природы зла.

Чтобы показать различие между прежним пониманием зла и новым, сравним фрагменты в работе «Оправдание добра», написанной в 1896–97 годах, и в работе «Три разговора», написанной в 1900 году. «Три разговора» является последней работой Соловьева, иногда ее называют даже его философским завещанием. Именно в ней бросается в глаза новый подход и к проблеме зла, и в понимании истории, и в понимании судьбы человечества [1].

В Заключении к «Оправданию добра» есть два места, которые мы попробуем объединить, чтобы получить определение зла. Вот первое место:

Соловьев пишет: «Итак, нравственная задача может состоять лишь в совершенствовании данного» [2]. Подчеркнем эту мысль, что нравственная задача состоит в совершенствовании того мира, который нам дан.

Другое место: «Нравственный смысл жизни сводится в сущности к всесторонней борьбе и торжеству добра над злом» [3].

Соединяя оба места, мы получаем, что всесторонняя борьба со злом совпадает с совершенствованием данного, следовательно, в преодолении его несовершенства. Зло, таким образом, заключается в несовершенстве, или, в неполноте совершенства наличного мира. И в том, чтобы делать мир все более совершенным, – заключается нравственный смысл человеческой жизни.

Понимание зла как неполноты совершенства мира является характерным не только для Соловьева периода написания работы «Оправдание добра». Если мы обратимся к христианской традиции, то увидим, что в ней зло определяется через недостаток, или неполноту, добра. У Иоанна Дамаскина зло есть лишение добра, подобно тому, как мрак является отсутствием света [4]. И по Фоме Аквинскому зло также не есть нечто самостоятельное, но есть лишь менее совершенное благо, или отсутствие блага, его ущербность. Всякое конкретное благо несовершенно и ущербно, потому что включает в себя элемент зла. Но это зло допущается Богом, чтобы во Вселенной осуществлялись все степени совершенства.

Рассмотрим теперь то понимание зла, к которому Соловьев переходит в своей последней работе, именно в «Трех разговорах».

НЕНАШЕВ Михаил Иванович – доктор философских наук, профессор кафедры философии ВятГУ
© М. И. Ненашев, 2003

На первой же странице этой работы, в самом начале Предисловия, он следующим образом ставит вопрос:

«Есть ли зло только естественный недостаток, несовершенство, само собою исчезающее с ростом добра, или оно есть действительная сила, посредством соблазнов владеющая нашим миром, так что для успешной борьбы с нею нужно иметь точку опоры в ином порядке бытия?» [5].

Здесь бросается в глаза противопоставление двух вариантов решения вопроса о природе зла. Первый совпадает определением зла в работе «Оправдание добра» – зло есть несовершенство, исчезающее с ростом добра.

Второй вариант – зло есть действительная сила. Это определение противоречит той христианской традиции, на которую мы указали только что. Здесь имеется и определение этой действительной силы: она владеет миром посредством соблазнов. И указан способ преодоления такого зла – опора на иной порядок бытия, другими словами, речь идет об опоре на Бога.

Далее, в конце Предисловия Соловьев показывает, что именно второе решение вопроса ему теперь представляется истинным. Он пишет о будущем появлении антихриста, который «набросит блестящий покров добра и правды на тайну крайнего беззакония в пору ее конечного проявления, чтобы – по слову Писания – даже и избранных, если возможно, соблазнить к великому отступлению». И далее говорит о цели написания «Трех разговоров»: «Показать заранее эту обманчивую личину, под которой скрывается злая бездна, было моим высшим замыслом, когда я писал эту книжку» [6]. Из этих слов следует, что под злом теперь понимается именно «сила, посредством соблазнов владеющая нашим миром».

Перемена состоит, таким образом, в том, что решение, которое представлялось ранее верным – зло состоит в несовершенстве мира, перестало быть таковым для Соловьева.

Я не стану подробно анализировать работу «Три разговора». Очень конспективно укажу лишь следующее.

«Три разговора» строятся в виде бесед о возможности ситуаций, при которых поступок может осуществляться даже в нарушение христианских заповедей, и тем не менее быть добрым и угодным Богу. Например, может быть даже совершенно убийство, вопреки заповеди «Не убий», и тем не менее это будет добрый поступок. Главными оппонентами выступают Князь, который, по Соловьеву, представляет позицию Льва Толстого, и господин Z, представляющий точку зрения самого Соловьева.

Князь настаивает на том, что добро состоит в буквальном и неукоснительном выполнении заповедей. Согласно Соловьеву, христианские заповеди есть лишь условие, путь, шаги к добру, но не само добро. И зло начинается тогда, когда условие добра отожде-

ствляют с самим добром. Речь идет о соблазне подмены добра условием осуществления добра.

Вот эта тема подмены добра условием осуществления добра становится важнейшей для работ позднего Соловьева. В теории познания она оборачивается темой подмены истины условием познания истины. А в этике она выступает подменой истинного предназначения человека условием осуществления этого истинного предназначения.

Последнее нам хотелось бы расшифровать немного конкретнее, потому что здесь имеется точка соприкосновения позднего Соловьева с пониманием человеческой свободы, которое присутствует в последних романах Достоевского. Мы имеем в виду такие романы, как «Идиот», «Преступление и наказание», «Записки из подполья» и др.

О чем идет речь? В человеке, согласно позднему Соловьеву, можно выделить так называемую эмпирическую сущность, это то, что в нем сложилось в силу определенных, вот таких, а не других прошлых индивидуальных и исторических обстоятельств – особенностей характера и воспитания, психофизических данных, социального положения, образования и т. п. Эта эмпирическая сущность в известной мере предопределяет поведение человека, его поступки и действия, его понимание того, что хорошо, а что плохо, что является истиной, а что ложью.

Но, с другой стороны, личность рассматривается в качестве носителя, или ипостаси, того, что выше личности, следовательно, того, что вовсе не определяется собственной сущностью личности. К этой способности – быть носителем того, что выше личности, можно отнести то, что Соловьев называет ее *метафизическим существом*. И вот отдаваясь этому другому, высшему, забывая о своей собственной эмпирической сути, человек как будто теряет себя, но в действительности он утверждает себя в истинном назначении. Речь идет о том назначении, к которому человек может призвать Бог.

Но для того, чтобы выполнить это предназначение, человек должен быть свободным от собственной эмпирической сути, он должен быть способным к произволу относительно самого себя и всего, что он, как эмпирическая личность, может считать главным и важным. Потому что только в этой свободе он оказывается способным выполнить то, к чему его может призвать Бог. Потому что «Божество хотя и мыслит, но совсем не так, как мы, что оно хотя имеет сознание и волю, но совсем не такие, как наши, и т. д.» [7].

И вот здесь возможна подмена. Человек может вообразить, что истина состоит именно в этой способности к произволу, в свободе от собственной сущности. То есть человек может представить в качестве высшего предназначения то, что является лишь необходимым условием для реализации этого высшего предназначения. И вот в такой подмене одного другим состоит источник зла.

С. М. Окулов

НАУЧНАЯ КАРТИНА МИРА (ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС)

В статье описывается динамика изменения научных воззрений на мир и на основании этого формулируется «рабочее понимание» принципа развития, который является исходной установкой в исследованиях автора по методике обучения информатике.

История развития науки по той «картине мира», которую она создает, насчитывает три периода. Первый (классический) – механистическая картина мира. Второй (неклассический) – квантово-релятивистская картина мира. Третий (постнеклассический) – современная синергетическая картина мира.

Первый период связан с достижениями классической механики XVII-XVIII вв. Выработаны специфические представления о материи, движении, пространстве, времени, причинности, развитии и т. д. Законы механики рассматривались как универсальные, и все во Вселенной, от атома до планет, состояло из неизменных элементов, двигающихся по универсальным законам классической механики. Месту случайности не было, необратимость и вероятность связывали с неполнотой знания. Каждое явление имело причину и одновременно являлось причиной других явлений. Цепь событий, связанная причинно-следственными отношениями (их можно выстроить в линию), брала свое начало в прошлом, через настоящее, шла в будущее. Развитие трактовалось как поступательное движение, без альтернатив. Пройденное представляет лишь исторический интерес. Альтернативные варианты развития событий как временные отклонения, которые, в конечном счете, сводятся, влияют, поглощаются главным течением событий. Картина мира, рисуемая классическим разумом, – это мир, жестко связанный причинно-следственными связями. Причем причинные цепи имеют линейный характер, а следствие если не тождественно причине, то, по крайней мере, пропорционально ей. По причинным цепям ход развития может быть просчитан неограниченно в прошлое и будущее. Развитие ретросказуемо и предсказуемо. Настоящее определяется прошлым, а будущее – настоящим и прошлым. Эта предопределенность требовала поиска первопричины. Научное познание работало, как правило, на таких мировоззренческих и методологических принципах, как рационализм, детерминизм, механицизм и редукционизм.

В соответствии с этим мировоззрением, для классической педагогики обучение есть процесс внешне-го воздействия, ученик – объект воздействия. Пони-

В этом пункте мы обнаруживаем соприкосновение позднего Соловьева с Достоевским. В литературе уже обращалось внимание на то обстоятельство, что размышления героев Достоевского, их поступки и действия невозможно объяснить через их социальную принадлежность, а также особенности физической и психической конституции, воспитания и личной биографии. Например, нельзя вывести особенности поведения Николая Ставрогина из его дворянского происхождения или, скажем, меланхолического склада ума, а размышления и поступки отставного чиновника из «Записок из подполья» объяснить через особенности социального положения и психологии данного сословия в послереформенной России.

Эту особенность героев Достоевского отмечает Ф. А. Степун в статье «Миросозерцание Достоевского». Он указывает, что социально-психологическая плоть героев Достоевского и их метафизическая суть существуют как бы параллельно друг другу, каждая сама по себе. Герои Достоевского – конкретные личности, с конкретной биографией и возрастом, профессией, должностью и занятием, – то есть обладают всем тем, что должно более или менее однозначно предопределять поведение человека в той или иной ситуации. Но как раз это однозначное предопределение у них отсутствует. Герои Достоевского находятся как бы по ту сторону собственной эмпирической, психологической и социальной сущности. Они от нее свободны.

Если же мы обратимся к тому, что собственно составляет метафизическую суть героев Достоевского, то обнаружим, что ключом к ее пониманию является диалектика негативной и позитивной свободы. И хотелось бы подчеркнуть, что как раз эта диалектика негативной и позитивной свободы в важных своих моментах предвосхищена и намечена поздним Соловьевым в его последних работах. Таким образом, Соловьев, критически переосмысливая собственные исходные философские установки, начинает разрабатывать понятийный аппарат, позволяющий в перспективе представить те открытия о человеке и его свободе, которые были сделаны Достоевским в своих последних романах, начиная с «Записок из подполья».

Примечания

1. См.: Гайденок П. П. Человек и человечество в учении В. С. Соловьева // Вопросы философии. 1994. № 6. С. 52, 54.
2. Соловьев В. С. Сочинения: В 2 т. Т. 1. М., 1988. С. 544.
3. Там же. С. 547.
4. См.: Философская энциклопедия. Т. 2. М., 1962. С. 28.
5. Соловьев В. С. Соч.: В 2 т. Т. 2. М., 1988. С. 636.
6. Там же. С. 643; См.: Матф. 4, 1-11; Марк 1, 12-13; Лук. 4, 1-13.
7. Соловьев В. С. Собр. соч. Т. VIII. СПб., 1903. С. 18.

ОКУЛОВ Станислав Михайлович – кандидат технических наук, доцент, заведующий кафедрой информатики и МОИ ВятГТУ
© С. М. Окулов, 2003

мание дидактики как искусства воздействия сохранилось до XIX века. В начале века немецкий философ, психолог и педагог И. Ф. Герbart (1776–1841) приступил к разработке теории обучения, целью которого стало, прежде всего, умственное развитие учащихся, формирование их интеллектуальных умений. Классический пример авторитарной педагогики, когда учитель предстает в качестве источника действий, а ученик – объектом этих действий по обучению. В этой теории тщательно разработана система средств управления ребенком, урок жестко регламентирован, и особое значение придается воспитующему обучению [1]. Естественно, что эта система имела и философское осмысление. Так, Г. Гегель утверждал и обосновывал необходимость подавления и отчуждения личности ради высших государственных целей. Не только формальная школьная наука, отчуждающая личность от самой себя, но и военная муштра, согласно Г. Гегелю, способствует развитию духа, так как противостоит природной лени и вынуждает с точностью выполнять чужие распоряжения.

Итак, механистический взгляд на природу вещей требует наличия универсальных законов и истин, которые Человек определяет с помощью опыта, эксперимента, специальных методов, и знание в этом случае есть сумма истин, определяемых наукой и подлежащих, в определенной интерпретации (содержание образования), усвоению в образовании. Это исходное положение определяет и все принципы организации и структуризации образовательного процесса, который принято называть традиционным обучением. Главное – логически распределить материал, дать последовательность его изложения как в учебниках, так и на уроке. Заметим, что такая схема мышления, такой взгляд на мир закладывается с детства. Рука к горячему чайнику – отдернул: больно. Смена общественно-экономических формаций: рабовладельческий строй, феодальный, капиталистический, социалистический, коммунистический. Законы Ньютона остались навечно в голове (причина – следствие), а уравнения Шредингера нет. И речь не идет о том, чтобы отвергать. Для определенных схем идеализации, и не только, эти законы имеют место и причинно-следственные зависимости также. Отвергать как единственно возможный взгляд на мир – безусловно, да. Отрицать не отвергая.

Нарушение представления о неделимости атомов как элементарных составляющих Вселенной стало одной из причин кризиса (лучше, вероятно, сказать не кризиса, а дальнейшего развития) классического естествознания. Преодоление этого кризиса в физике связано с работами А. Эйнштейна и Н. Бора. Принцип дуализма для света (свет может быть как волной, так и частицей) внес радикально новую составляющую в понимание «картины мира». Развивая результаты А. Эйнштейна, Н. Бор подчеркивал, что квантовая теория является преодолением классической физики. Атом (как целое) не есть классическая частица

или волна, это система, объединяющая свойства частицы и волны, образ поведения частиц. Целое связывает орбитальный радиус, орбитальную скорость и время обращения электрона вокруг атомного ядра. Оказалось, что нельзя одновременно точно определить импульс и местоположение электрона в атоме. Любое увеличение точности измерения одной из величин в результате воздействия прибора вносит изменение в процессы микромира и нарушает определенность другой величины. Это положение ограничивает определенность и применимость закона причинности, такая трактовка, во всяком случае, дается. Уравнения квантовой механики – вероятностные уравнения, в которых фигурируют не статические средние эмпирические величины, а переменные, являющиеся вероятностными функциями. Идея о поиске на микроуровне фундаментальных кирпичиков мироздания, познав законы строения и развития которых можно было бы составить общее представление о всей Вселенной, таким образом, не находила экспериментального подтверждения.

В период с конца XIX до середины XX века сформировалось новое понимание картины мира. В частности, на основе дуализма волна – частица, Н. Бор впервые сформулировал принцип дополнительности. Суть принципа дополнительности как метода научного исследования состоит в том, что для воспроизведения целостности явления на определенном этапе его познания необходимо применять взаимоисключающие друг друга «дополнительные» классы понятий, которые могут использоваться отдельно в зависимости от особых условий, но только взятые вместе исчерпывают всю поддающуюся определению и передаче информацию. В рамках неклассической науки возникает понимание того обстоятельства, что ответы природы на вопросы, возникающие в процессе познания, определяются не только устройством самой природы, но и субъективной деятельностью исследователя. Получается, что исследуется не сама реальность, а некий её срез, задаваемый историческим развитием средств и методов познавательной деятельности. Введение исследователя «внутрь объекта познания», точнее, системы наблюдения и «привязка» результатов исследования к возможностям и позиции исследователя (во всяком случае, в гуманитарных науках), привело к правомерности и равноправию различных научных описаний одного и того же объекта. Главное в этой более чем полувековой истории развития науки – это переход к исследованию и освоению сложных систем и процессов.

Философский отступ. Отношение к принципу дополнительности как принципу научного познания в философских исследованиях определяется через соотношение субъективного и объективного в процессе познания. С. Л. Рубинштейн, анализируя связь между объективным и субъективным, писал: «Заодно с таким решением проблемы субъективного и объективного решается в принципе и спор детерминизма и

индетерминизма, разгоревшийся в современной физике. Защита индетерминизма в современной физике исходит из того, что приборы, которыми пользуются экспериментаторы, сами участвуют в той физической ситуации, которая посредством них исследуется. Индетерминистический вывод, который из этого положения делается, исходит из той неверной предпосылки, будто природа вещей не выявляется из их взаимодействия, будто объективная природа вещей – это нечто данное, противостоящее всякому воздействию, как чему-то по отношению к нему внешнему. Иными словами, индетерминистический вывод в этом аргументе основывается на отрицании взаимодействия как такового, на представлении о всяком воздействии как внешнем толчке, который наталкивается на внешнюю ему данность. Он обусловлен, таким образом, механистическим пониманием детерминизма. Между тем в принципе природа вещей и явлений всегда раскрывается в их взаимодействии и иначе вообще раскрываться не может. Надо лишь осознать это и, учитывая, что непосредственно данное явление всегда есть эффект взаимодействия, уметь опосредствованно определить собственную природу участвующих в нем тел. Но соображение о воздействии приборов является лишь первым звеном аргументации в пользу индетерминизма. Воздействие приборов на ситуацию, которая с их помощью исследуется, потому особенно рассматривается как аргумент против детерминизма, что речь идет здесь об отношении познающего объекта и объективного мира. В одной из новейших работ, посвященной проблеме детерминизма и индетерминизма в современной физике, вся проблема, в конечном счете, упирается в одну точку: индетерминизм, к которому приходит современная физика, связан с невозможностью дать объективную картину внешнего мира, которая была бы независима от деятельности познающего субъекта. Этот последний сам включается в ситуацию, которую он исследует. Сама изучаемая физическая система испытывает воздействие тех операций, которые совершает физик, производя свои измерения, а физическая теория, в которой физик формулирует результаты своего изучения физических явлений, находится к тому же в зависимости от мыслительной деятельности, от рассуждений, посредством которых строится теория. За этими рассуждениями стоит неверное противопоставление деятельности субъекта, посредством которой он познает мир, и объективности ее результатов; за ними стоит позитивистическая догма, согласно которой объективно только то, что непосредственно дано. Альтернатива, – согласно которой либо нечто объективно, и тогда оно непосредственно дано, помимо всякой деятельности субъекта, либо оно продукт познавательной деятельности субъекта, людей, и тогда оно не объективно, а лишь субъективно, – это ложная, мнимая альтернатива. На самом деле, не только положения современной физики, но и вообще всякой науки есть результат познавательной деятельности людей, связанной с их

практической деятельностью, и это ни в коей мере не исключает их объективности. Утверждение же, что в новой физике результаты экспериментального исследования зависят от экспериментатора, в то время как в классической физике они выражали объективные свойства наблюдаемой физической системы, свидетельствует только о том, что старая физика казалась еще совместимой с механистическим пониманием детерминизма, так и отношения субъективного и объективного. То, что многие современные физики принимают за крах детерминизма, свидетельствует не о правоте индетерминизма, а о необходимости перехода к детерминизму диалектическому» [2].

В образовании это время связано с началом поисков схем ухода от традиционного понимания обучения. В России этот процесс определяется именами Л. Н. Толстого (1829–1910), П. Ф. Каптерова (1849–1922), К. Д. Ушинского (1824–1870) и В. П. Вахтерова (1853–1924). За рубежом – школы С. Френе (1896–1966), М. Монтессори (1870–1952), Д. Дьюи (1859–1952), Р. Штейнера (1861–1925) (вальдорфская школа). Истоки современных дидактических теорий находятся в том времени.

Приведем исключительно содержательную, но в то же время просто и ясно сформулированную мысль Василия Порфирьевича Вахтерова из «Основ новой педагогики», изданной в 1913 г. «Новая педагогика не станет требовать одного шаблона и одной программы для всех детей. Она будет исходить из того положения, что способности детей различны и что стремления их к развитию также не тождественны. Теперь нельзя уже утверждать, как это делал Локк, будто все люди рождаются с одинаковыми способностями и все зависит только от воспитания. Ни один ребенок не тождествен с другим. Каждый из них уникален в своем роде. Каждый из них не копия, а оригинал. Каждый одарен различными способностями, в различных сочетаниях и в различных степенях. Притом даже одна и та же способность у одного проявляется в одном возрасте, а у другого – в другом. Неодинаково действует на них даже совершенно одинаковая обстановка. На одного ребенка производят впечатления одни явления, на другого – другие. Одного более интересуют зрелища, а другого – звуки. Даже родные братья, даже близнецы иногда очень резко отличаются один от другого во всех отношениях. Нельзя найти хотя бы двух детей, у которых была бы совершенно одинаковая история их души: всегда найдется *разница в наследственности, разница в условиях развития и в личных переживаниях*. У каждого свое стремление к развитию, на котором отразились и история его предков, и его личные переживания» [3].

Современным языком это положение назвали бы личностно-ориентированным обучением. Заметим также, что у В. П. Вахтерова нет противопоставления обучения и развития, как, например, противопоставляются (в определенной степени) в современных исследованиях генетическая теория развития Ж. Пиаже

и социально-историческая теория развития Л. С. Выготского, то есть у В. П. Вахтерова диалектическое понимание процесса обучения. На наш взгляд, противопоставлений в дидактике под углом «кто прав, кто виноват» не должно быть. Каждый ученый работает в определенных социальных условиях, каждый ученый прошел в своем развитии определенную школу, каждый ученый рассматривает в сложнейших реальных явлениях, а дидактика как теория обучения является таковой, определенный «срез», ибо нельзя «объять необъятное», а можно только приблизиться в какой-то мере к его пониманию.

Во второй половине XX века научная картина мира претерпела существенное изменение (постнеклассический период). В большинстве фундаментальных научных дисциплин изучаются сложные, самоорганизующиеся и саморазвивающиеся системы. Основные идеи синергетики как науки, изучающей такие системы, – предмет отдельного рассмотрения. В данный момент мы коротко обозначим трансформацию методологических и мировоззренческих принципов освоения и постижения мира. Позиции жесткого детерминизма и редукционизма уже на предыдущем этапе (неклассическая наука) не рассматривались как универсальные принципы научного познания, так как обширный класс явлений и процессов не укладывался в рамки линейных, равновесных и обратимых схем. Они имеют место для простых, предельных случаев. То есть редукция как рабочий метод познания не отвергается, а признается ограниченность её применения. Любые сложные системы: ядра, атомы, молекулы, живые организмы и т. д. – обнаруживают внутреннюю целостность. Целостность таких структур проявляется в свойстве когерентности движения элементов. Изучение только элементов, их связей между собой не позволяет предсказать изменение всей системы. Сведение сложного к простому (принцип редукционизма) игнорирует, в определенной степени, тот факт, что каждый новый уровень сложности (как целое) имеет свои особенности, выражаемые новыми системными свойствами. В целом оппозиция редукционизма и холизма является постоянной составляющей человеческого познания. Холистические концепции фиксируют слабости тех или иных редукционистских построений, дают первоначальное описание недостаточно изученных предметных областей, ставят задачи для их последующего более глубокого изучения. На крайностях, например полном индетерминизме, когда все управляется Богом, играющим в кости, где все абсурдно и лишено причинности и непостижимо, останавливаться вряд ли целесообразно. А. Эйнштейн в письме к Н. Бору писал, что если бы ему пришлось отказаться от строгой причинности, то он «предпочел бы стать сапожником или служащим в игорном доме, чем физиком» [4]. Итак, синергетический стиль мышления допускает определенный теоретический и методологический

плюрализм, многообразие различных, вплоть до альтернативных, теорий и методологий.

Философский отступ. Е. Н. Князева и С. П. Курдюмов считают, что понятие детерминизма как метода научного познания следует понимать в наше время несколько иначе. Центральной идеей в их философском осмыслении синергетической научной картины мира является утверждение о наличии поля путей развития для открытых нелинейных сред, спектра структур, возбуждаемых различной топологией начальных воздействий на среду. «Случайность, малые флуктуации действительно могут сбить, отбросить с выбранного пути, приводят, вообще говоря, к сложным блужданиям по полю путей развития. Но в некотором смысле – по крайней мере, на упрощенных математических моделях – можно видеть все поле возможных путей развития. Все возможные пути – пути Дао – открываются как бы с птичьего полета. Тогда становится ясным, что ветвящиеся дороги эволюции ограничены. Конечно, если работает случайность, то имеет место блуждание, но не какие угодно, а в рамках вполне определенного, детерминированного поля возможностей.

Управление теряет характер слепого вмешательства методом проб и ошибок или же упрямого насилования реальности, опасных действий против собственных тенденций систем, и строится на основе знания того, что вообще возможно на данной среде. Управление начинает основываться на соединении вмешательства человека с существом внутренних тенденций развивающихся систем. Поэтому здесь появляется в некотором смысле высший тип детерминизма – детерминизм с пониманием неоднозначности будущего и с возможностью выхода на желаемое будущее. Это – детерминизм, который усиливает роль человека» [5].

В образовании это время связано с разработкой и апробацией различных теорий обучения и развития, но так или иначе интегрирующим свойством их была и есть направленность на ребенка (он ставится на первый план) как на личность. И в этом нет ничего удивительного, на уровне конкретных методик пересечение этих теорий значительно. К наиболее значительным достижениям педагогической мысли хотелось бы отнести теорию проблемного обучения [6], по той простой причине, что в этой модели имитируется любое научное исследование, любой научный поиск, и она в наибольшей степени соответствует диалектическому пониманию процесса познания, как восхождению по сходящейся спирали. В. С. Леднев пишет: «В основе идеи проблемного обучения лежит непреложный факт существования структурных компонентов рабочего цикла всякого научного исследования (проблемная ситуация, гипотеза, проверка гипотезы)» [7].

Вторая половина XX века связана прежде всего с развитием методов системного анализа и за последние 30 лет – синергетических методов анализа сложных явлений реальности. Рассмотрим взаимосвязь этих

методологических установок. В научной литературе можно найти несколько сотен его дефиниций понятия система. Наиболее очевидным и популярным в свое время следует считать определение Л. фон Берталанфи: «Система – это комплекс взаимодействующих компонентов (какая-либо часть системы, вступающая в определенные отношения с другими её частями)», которое, естественно, критикуется. Можно понимать и так: система не просто совокупность множества единиц, в которой каждая единица подчиняется законам причинно-следственных связей, а единство отношений и связей отдельных частей, обуславливающих выполнение определенной сложной функции, которая и возможна лишь благодаря структуре из большого числа взаимосвязанных и взаимодействующих друг с другом элементов.

В. С. Леднев, характеризуя суть системного подхода, говорит о том, что «наука давно пришла к выводу, что главным свойством реальности является её структурность – все как-то устроено: все объекты реальности из чего-то состоят, имеют составляющие их части и в то же время, сколь бы сложными они ни были, сами являются составными частями чего-то более сложного. И так до бесконечности как в сторону увеличения масс и масштабов, так и в сторону их уменьшения. При этом все находится в движении – все течет, все изменяется» [8]. Системы рассматривают в статике и динамике. Для изучения системы как совокупности объектов, взаимодействие которых вызывает появление новых интегративных качеств, не свойственных отдельно взятым образующим системным компонентам, требуется, прежде всего, понять её внутреннее строение, то есть установить, из каких компонентов она состоит, как они взаимодействуют, что обеспечивает её целостность, относительную самостоятельность. Анализ динамики системы предполагает, во-первых, исследование логики её функционирования, её деятельности и, во-вторых, её развитие – эволюцию. «Это три плоскости (предметная, функциональная и историческая) исследования систем должны быть признаны необходимыми и достаточными методологическими компонентами системного подхода как целого» [9].

Философский отступ. С точки зрения системного анализа система рассматривается как некая «заданность». Как при этом происходит возникновение системы, её развитие – переход в новое качество – не очень понятно. М. Б. Туровский пишет: «... Но тогда оказывается невозможным положить самое понятие системы иначе, как простым указанием на «целостность». Отсюда парадоксы общей теории систем. Действительно, апелляция к пониманию системы как целостности влечет за собой трактовку элементов как в свою очередь систем. Отсюда принцип иерархичности, выступающий как адекватный системному подходу метод интерпретации преемственности. Но тогда в рамках общей теории систем преемственность неизбежно уходит в дурную бесконечность, что и полу-

чает выражение в парадоксах этой теории. По сути дела, парадоксы в составе оснований общей теории систем свидетельствуют о том, что последняя не вправе выступать в качестве теории развития. Показав несостоятельность атомизма в качестве методологии научного исследования процесса развития, а следовательно, и несостоятельность редукционизма, общая теория систем попыталась вместе с тем предложить логический принцип рассмотрения процесса, полагающий коррелятивность элементов, то есть производность их от взаимодействий, сохранив в то же время за ними значение конститутивного фактора. ... Однако оказалось, что принятое в качестве такового понимание целого – целое больше суммы частей – интуитивно неопределенно, причем неопределенность постулируемого понятия целого распространяется на части. Поэтому для построения теории систем, то есть логики системного анализа, постулирования понятия целого оказалось принципиально недостаточно – из него невозможно было вывести понятия системы. Пришлось отказаться от претензий построить общую теорию систем. Вместо неё предложен системный подход (системный анализ), предмет которого определен как анализ особых типов систем. Естественно, что методом такого анализа выступила формальная логика со свойственным ей аппаратом формализации, опирающимся на математические методы. Иными словами, в составе системного анализа оказалась не только не разрешенной, но и не формулируемой проблема возникновения системы» [10].

Проблему возникновения новых свойств, качеств систем (Н. Н. Моисеев называет это «механизмом сборки» [11]), системный анализ, видимо, в полном объеме не решал на определенном историческом отрезке своего развития. Объяснение возникновения новых свойств у системы из свойств элементов, её образующих, давалось только в ограниченных случаях. Это и естественно, ибо научное понимание мира само развивается как сложная система, и требуются определенные условия для очередного скачка в его развитии. Синергетика же как наука занимается комплексным исследованием процессов возникновения новых свойств в сложных системах, или, по-другому, эмергенцией новых качеств в сложных системах.

Взаимосвязь системного анализа и синергетики? Можно считать, что синергетика является естественным развитием системного анализа в бесконечном процессе научного познания реальности (есть такая точка зрения). Но можно «повернуть» и по-другому – синергетика является составной частью системного анализа. В этом случае под системностью следует понимать общий подход, основанный на том, что в доступной наблюдению области Вселенная предстает как самая крупная из известных науке систем (теория Большого Взрыва). «Современные открытия разрушили прошлые представления об этой системе (Вселенной), как о случайном статичном скоплении

объектов, обладающих той или иной степенью упорядоченности. Выяснилось, что Вселенная – высокоорганизованная направленно развивающаяся система, имеющая свою историю от начала до наших дней и далее. На определенном этапе своего развития Вселенная породила иерархию разномасштабных открытых подсистем, характеризующихся неравновесными состояниями относительно окружающей среды. И хотя каждая подсистема (галактика, звезда, Солнечная система, планета, биосфера, человек и т. д.) обладают определенной автономией и собственным путем развития, все они взаимозависимы и остаются неотъемлемой частью целого» [12].

В заключение остановимся на понимании «развития», ибо оно является ключевым в каждой «картине мира». Обычное понимание развития ассоциируется с процессом необратимых изменений связанных с переходом от низшего к высшему, от простого к сложному. Однако необратимость может быть связана и с самоорганизацией и с дезорганизацией, когда, например, энтропия системы возрастает. Понятия низшего, высшего, простого и сложного можно также трактовать по-разному. В синергетике развитие трактуется в понятиях организации и самоорганизации. Переход от одного уровня сложности к другому (через «скачок» – нелинейный период изменения системы) связан с возрастанием степени самоорганизации, с внутренней структурой системы – наличием в её рамках подсистем, взаимодействие, взаимосвязи которых и обеспечивает новое системное качество. Понятия низшего и высшего можно определять опять же через сложность системы, а в общем случае – через понятия *порядок* или *упорядоченность*.

Как это понимание развития согласуется с основным конструктивным принципом гегелевской диалектики – триадой, или законом отрицания отрицания? Согласно последнему, движение мышления начинается с определенного позитивного утверждения, или тезиса. Затем этот тезис подвергается отрицанию, и таким путем возникает антитезис. Наконец, сопоставление тезиса и антитезиса приводит к их взаимному синтезу. Согласно классикам диалектического материализма, закон отрицания отрицания характеризует

восходящий, спиралевидный путь развития в природе и обществе, а не только развития объективного духа, абсолютной идеи (по Г. Гегелю). Результатом этого движения является возникновение новой, более сложной и прогрессивной системы.

Видимо, требуется философское переосмысление традиционного диалектического представления о развитии. Мы в своих исследованиях придерживаемся следующего понимания развития (не отвергается, естественно, ни то, ни другое понимание). Развитие есть восхождение по спирали, но переход от одного витка (эволюционный период развития) к другому (на новый уровень организации) осуществляется, как правило, скачком в точке бифуркации, и он возможен на любом участке витка, если система «вошла» в режим с обострением.

Примечания

1. Корнетов Г. Б. Гуманистическое образование: традиции и перспективы. М., 1993. С. 71.
2. Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. Человек и мир. СПб.: Питер, 2003. С. 88.
3. Вахтеров В. П. Основы новой педагогики // Антология педагогической мысли России второй половины XIX – начала XX в. М.: Педагогика, 1990. С. 520.
4. Эйнштейновский сборник. М.: Наука, 1971. С. 7-54; Эйнштейновский сборник. М.: Наука, 1972. С. 7-103.
5. Князева Е. Н., Курдюмов С. П. Синергетика как новое мировидение: диалог с И. Пригожиным // Вопросы философии. 1992. № 12. С. 3-20.
6. Махмутов М. И. Проблемное обучение. М., 1975; Кудрявцев В. Т. Проблемное обучение: истоки, сущность, перспективы. М., 1991; Матюшкин А. М. Проблемные ситуации в мышлении и обучении. М., 1972; Оконь В. Основы проблемного обучения. М., 1968.
7. Леднев В. С. Научное образование: развитие способностей к научному творчеству. М.: МГАУ, 2002. С. 47.
8. Там же. С. 8.
9. Там же. С. 9.
10. Туровский М. Б. Предыстория интеллекта. Избранные труды. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2000. С. 431-432.
11. Моисеев Н. Н. Универсальный эволюционизм // Вопросы философии. 1991. № 3. С. 3-28.
12. Ровинский Р. Е. Самоорганизация как фактор направленного развития // Вопросы философии. 2002. № 5. С. 67-77; Он же. Развивающаяся Вселенная. М., 1995.

ИСТОРИЯ

В. А. Бердинских

О ПРОИСХОЖДЕНИИ КИРИЛЛА И МЕФОДИЯ

Автором выдвигается смелая и интересная научная гипотеза. Источники его работы – русские старообрядческие книги и труды русского книжника XVII в. Арсения Суханова. По мнению автора, отцом великих просветителей славянства Кирилла и Мефодия был болгарин, а матерью – гречанка. Такие данные сохранились в русских рукописях XVII в.

Жизнь известных людей, живших много веков назад, быстро становится мифической для их потомков. Реальные исторические факты вымываются, так как они не нужны создателям новой мифологии. Войны, нашествия, гибель культур и народов уничтожили основную массу письменных источников I тысячелетия нашей эры. Конкретные факты прошлого, дошедшие до нас, редки, случайны и противоречивы.

В России нового времени была очень велика роль старообрядцев в сохранении древнерусской книжности, допетровских культурных традиций, навыков и ремесел. К сожалению, огромная масса старообрядческих книг погибла в советские годы, в эпоху бурной борьбы большевиков с церковью. Но и в редких, случайно уцелевших экземплярах рукописных старообрядческих книг иногда встречаются очень интересные разночтения, вставки, тексты.

В моей книжной коллекции хранится рукописный старообрядческий сборник примерно середины XVIII в., объемом 185 листов. Основную часть толстого фолианта большого формата в коже занимают тщательно переписанные «Поморские ответы» – одна из самых распространенных и широко известных старообрядческих книг той эпохи. Но после «Поморских ответов» уже мелкой скорописью XVII века, другим почерком и без всяких парадных выделений заголовков в сборнике переписаны несколько текстов, также довольно популярных в среде старообрядцев. Они посвящены темам страшного суда, знамениям «антихристового наступления», крестного знамения и другим каноническим вопросам веры. Самый большой материал «Кирилла, патриарха Иерусалимского, сказание (...), устав (...) и предание к познанию веры яко Христос паки прийти имать судити живым и мертвым».

БЕРДИНСКИХ Виктор Аркадьевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории и краеведения ВятГГУ
© В. А. Бердинских, 2003

Далее следует небольшой текст Ефрема Сирина «о покаянии и о любви и о крещении...». На нескольких листках идет текст столь почитаемого старообрядцами Максима Грека: «О крестном знамении еже кладем на лица своя Максим Грек пишет в своей книге». Можно предположить, что переписчики собирали в эту книгу во второй ее части чем-то заинтересовавшие их небольшие материалы из других старообрядческих книг, имевшихся в их распоряжении.

Затем следует «В неделю мясопустную преподобного отца нашего Паладия Мниха слово о втором пришествии и о страшном суде», после чего идет 4 листа пустых. Сюда планировали что-то переписать. Лишь в середине третьего листа есть мелкая подпись «Михайло Дмитрея сын Насонов». Затем следуют совсем небольшие отрывки из религиозных книг, очевидно, чтобы заполнить пустое место, оставшееся в этой книге. Например, первый текст назван так: «Книга о вере лист 128. Глава 15. О омраченном пианстве». Он занимает три страницы. По полстраницы затем занимают тексты: «Кирилл Иерусалимский лист 269» и «Соборное слово (...) отца нашего Епифания архиепископа Кипрского о погребении тела господина нашего Иисуса Христа лист 608».

Но темой нашей статьи является самый последний текст этой книги, занимающий семь полных страниц и прерванный на середине предложения в конце седьмой страницы. Название текста таково: «Собрание от Божественных Писаний о сложении перст десные руки и како знаменатия на лица кому ждо образ честного и животворящего креста господня: и прение соборного старца Арсения со Греки егда волею христоролюбивого государя царя и великого князя Алексея Михайловича всея великия и малыя и белыя Росии самодержца взят он старец Арсений из дома живоначальные Троице Сергиева монастыря и послан во Иерусалим и во Александрию во Святыя Горы и в Царь Град для исправления церковных вещей в ста пятьдесят осьмом году».

Редким этот текст также не является и встречается в полном и сокращенном объеме довольно часто. Это так называемые «Прения с греками о вере» Арсения Суханова, возникшее в середине XVII века – во время подготовки церковной реформы – и широко распространившееся именно в XVIII в. А. В. Карташев в своих «Очерках по истории русской церкви» писал, что «огречивание» русского церковного обряда к 1650 г. (накануне реформ Никона) имело особый смысл для царя Алексея Михайловича. Считалось, что «сближение в обряде с греками приблизит политичес-

кое объединение православных народов под московским царем» [1].

Конкретным толчком как к книжной, так и обрядовой справе стал приезд в Москву в 1649 г. патриарха Иерусалимского Паисия со свитой. Патриарха щедро одарили. Он же, помимо лествичных благодарственных речей, стал пенять русским на их отступления от греческих обрядов: двоеперстие, многогласие и т. д.

Реформа церковного благочиния надвигалась. И одним из ее предприятий стало отправление на Восток для изучения греческих обрядов монаха (затем келаря) Троице-Сергиева монастыря Арсения Суханова, знатока живого греческого языка.

Суханова послали в июне 1649 г. вместе с патриархом Паисием в Яссы, где и жил тогда патриарх. Вернувшись в 1650 г. в Москву, Суханов подал в Посольский приказ свой «Статейный список» или протокольный отчет. Основную часть его занимают записи четырех диспутов старца Арсения о сравнении обрядов русской православной церкви с греческим православием. Прения эти состоялись в апреле-июне 1650 г. в Терговище. (Терговишти – столица Валахии.)

Ученые греки, сотрудники патриарха Паисия, высокомерно требовали подчинения и подражания от русских в обрядовых вопросах. Суханов, человек живого ума, горячий патриот и приверженец русской старины, отстаивал старые обряды русской церкви. Именно этим и стал дорог Арсений Суханов старообрядцам, что боролся за двоеперстие. Именно поэтому его отчет в том или ином виде («Прение с греками о вере») вошел во множество старообрядческих книг, дополненный или уменьшенный. Составленный Сухановым, этот отчет выигривно показывал его аргументы. Менталитет москвича XVII в. ярко раскрывается в речах старца Арсения.

Можно смело сказать, что «Прения» Арсения Суханова стали классикой одного из главнейших жанров старообрядческой литературы – жанра прений. Н. Ю. Бубнов в своей фундаментальной книге о старообрядческой литературе XVII в. отмечает, что сочинение Суханова «Прения с греками о вере» (1650) быстро распространилось в среде старообрядцев; уже в середине XVII в. цитировалось и переписывалось ими. Последние делали к его тексту различные добавления и приписки, составляли из него своеобразные экстракты и переделки [2].

Первый из четырех диспутов Суханова в Терговище состоялся 24 апреля 1650 г. и начался с вопроса о перстосложении. Поводом для начала диспута стали вероятная беседа в дороге Арсения Суханова с монахом Чудова монастыря Пахомием, возвращавшимся в Москву, и его известная встреча во время переезда из Ясс в Терговище в Васлюю (недалко от Ясс) в метохии (подворье) Афонского Зуграфского монастыря с игуменом последнего. Он рассказал Арсению о сожжении греками в одном афонском монастыре московских печатных книг и сербской рукописи. Особо

следует отметить, что в нашем тексте почти нет деления на предложения, довольно много сокращений слов, обычных для скорописи, и есть ряд неразборчиво написанных слов, непонятных автору данной статьи. Есть в рукописи и слова, непонятные уже переписчику, обозначенные им знаком вопроса. Поэтому деление на предложения текста принадлежит автору. Вместе с тем, не будучи специалистом по этой проблеме, хочу подчеркнуть, что прочтение текста несовершенно и может содержать ряд погрешностей и неточностей.

Вот вкратце начало текста, следующего сразу после заголовка. Самое начало – традиционное старообрядческое введение. «Тайну цареву добро есть таити а дела божия проповедати преславно есть <...>, убо тайну цареву аще грубости ради невежа есть в разуме же сый лукав <...> и зарывшему талант подобен есть <...> и zde в жизни временной <...> я услыши владычный страшный глас <...>: сего ради дивную оную повесть со страхом и любовию предлагаю отцем и брати и не своя убо во истинну но онаго великого соборного старца Арсения, рекомое Суханова. И ревность о вере и разум мужа яве сотворю в пользу слышащим (нрзб). Убо земли в монастыре сербском в метохе, зугравского монастыря игумен и братия возвестиша старцу печалище зело о дерзости греков. Во Афонстех рекоша горе некто старец честен сербин житием свят и зело искусен, многолетен сый, именем Дамаскин, браду имаше велику зело и в ските живеше имееш у себя в келии книги московские, книгу Кирилла Иерусалимского, псалтырь со воследованием и многосложный свиток и книги деяния греческие. Сведав, у старца собралися изо всех монастырей и крепко старца истязали. Для чего он крестися противу оных мудрованию и других учит, а не якоже оне греки. И старец им рек, есть книга сербская писменная, а как писана тому 130 лет. В ней де писано о сложении перстов что же в московских печатных книгах. И греки разъяришеса сербскую книгу на соборе положили и, поразумевше разум един, с московскими печатными книгами старца Дамаскина сербина томили гневом, приговорили с книгами жечь. И книги оные они называли еретическими. Обаче старца смиря зле и запретили тако персты слагать, некреститися. И московские печатные книги с сербскою книгою писанною сожгли» [3].

Остановимся перед самым замечательным для нас пассажем. Эпизод этот зафиксирован в источниках.

Но для нас главный интерес представляет древняя сербская рукописная книга. Можно предположить, что монах-игумен подробно пересказал сочувствовавшему ему Арсению ее содержание. Между тем Арсений Суханов был не просто монахом, а страстным книжником и любителем древностей. Его книжное собрание стало драгоценным для русской науки и составило основу рукописного собрания знаменитой Типографской библиотеки. Может быть, упоминание о сербской книге – позднейшая вставка? Нет, уже в

челобитной царю Никиты Добрынина (Пустосвята), составленной к 1666 г., содержится ссылка автора на «старописанную сербскую книгу в Афонской горе, за 130 до прихода Арсения Суханова». Сохранился и оригинал «Прений» Суханова 1650 г. То есть мы имеем дело с реальными фактами, записанными самим Сухановым в 1650 г.

Таким образом, в свой отчет Суханов мог включить сведения, почерпнутые им из пересказа сожженной рукописи, а кроме того, собственные знания, почерпнутые из многолетнего изучения древних рукописей.

Замечательно, что самый глубокий знаток в России биографии Арсения Суханова, историк С. Белокуров выдвинул гипотезу о возможном переезде затем в Москву (в Чудов монастырь) самого обладателя сожженных на Афоне книг – сербского монаха Федора Дамаскина. Он разыскал в одной старинной рукописи следующее замечание: «Да есть две книги псалтыри в Чудове монастыре у Дамаскина: что был во Афонской горе, тамо и грамоте греческой учился» [4]. Впрочем, эта гипотеза представляется нам слишком маловероятной. Самое удивительное, что в Яссах при дворе Паисия оказался активист этого сожжения – архиепископ Даниил Охридский и свидетель – инок Амфилохий. Все, что рассказал на диспуте 3 июня 1650 г. Арсений, подтвердилось. Патриарху Паисию было стыдно за своих подопечных, и он осудил их горячность. По нашему мнению, именно в Сербии могли сохраниться конкретные свидетельства о жизни Кирилла и Мефодия. В комментариях к «Житию Мефодия» Б. Н. Флоря справедливо пишет: «Более вероятно, что ученики Мефодия, оставленные в Константинополе, были направлены не в Болгарию, независимую от Константинополя и уже располагавшую своими кадрами духовенства, а на только что принявшие христианство сербские земли...». Ученики Мефодия – Климент, Наум и Ангеларий, высланные из Моравии за Дунай, встретили, по мнению Б. Н. Флори, теплый прием у правителя Белграда, так как, по выражению Жития Климента, он знал, что болгарский князь Борис «имел нужду в таких мужах» [5].

Таким образом, реальные подробности биографии Кирилла и Мефодия, не сохранившиеся в византийской и болгарской традициях, могли уцелеть в Сербии. В «Житии Константина» и «Житии Мефодия» реальные сведения о происхождении просветителей очень скудны. В первом житии мы читаем: «В граде Солуни был муж некий, богатый и доброго рода, по имени Лев, имевший сан друнгария под (начальством) страгита. Был же благоверен и праведен, храня все заповеди Божьи, как некогда Иов. Живя с женою своею, родил семерых детей, из них же был самый младший, седьмой, Константин философ, наставник и учитель наш» [6]. Друнгарий – это средний военачальник в византийской провинции. Не случайно в Проложном Житии Кирилла греческий термин «друнгарий» за-

менен славянским «сотник». Солунь тогда (Фессалоника) была центром военно-административного округа, во главе которого стоял страгит. В «Житии Мефодия» о происхождении его сказано так: «Был же он с обеих сторон не из худого рода, но доброго и честного, известного сначала Богу, и цесарю, и всей Солунской земле, что показывал и внешний его облик. Поэтому и спорщики, что любили его с детства, беседовали с ним, как с равным, пока цесарь, (узнав) о быстроте (ума) его, дал ему править славянским княжеством, скажу я, как будто предвидел, что пошлет его к славянам как учителя и первого архиепископа, чтобы научился всем славянским обычаям и понемногу к ним привык» [7]. Сведения достаточно общие и неконкретные.

Довольно поздний источник – так называемое «Успение Кирилла» – указывает, что Константин «родом съ блъгарин» и приведено имя его матери – Мария. Но наиболее компетентные российские специалисты по этой тематике считают эти сведения недостоверными, а точнее неподтвержденными древними источниками. Также ничем не подтверждаются мнения ряда греческих ученых, считающих солунских братьев греками. Таким образом, вопрос об этническом происхождении Кирилла и Мефодия остается по сей день неясным. В пользу славянского происхождения солунских братьев высказывается в своей статье Т. Василевски, но основывается целиком на косвенных данных. (Василевски Т. Славянское происхождение солунских братьев Константина-Кирилла и Мефодия // Советское славяноведение. 1991. № 4.)

Поэтому любые, даже сравнительно поздние факты, проливающие свет на эту проблему, заслуживают серьезного внимания. Напомним, что Константин родился скорее всего в конце 826 – начале 827 г., а умер 42 лет – 14 февраля 6377 г. от сотворения мира, то есть в 869 г. по сентябрьскому стилю. И все-таки в Солуни жило тогда немало славян и слухи о славянском происхождении братьев-просветителей вовсе не беспочвенны. Византийский император Михаил III заявил братьям в связи с их миссией: «Вы ведь солуняне, а солуняне все чисто говорят по-славянски». (Житие Мефодия, глава 5).

В исследуемой нами рукописной книге сразу после приведенного выше отрывка из нее, где говорилось о сожжении сербской книги, следует такой чрезвычайно интересный текст: «Из давних де лет греки нас сербов ненавидят, от них же мы серб и болгар крестилися. Государи де наши посылали к ним греком чтоб оне преложили нам книги на словенском языке. И оне греки ненавидят нас сербов и болгар отказали. Бог же иский всех спасеша дарова нам премудрага Кирила Философа родом отца болгаренина а от матери грекини. От детства убо святыи Кирил навик грамоте греческой и латинской и словенскому языку» [8].

Выпячивание в данном отрывке на первый план сербов ясно говорит, что источник текста, хотя и опосредованно, – сербский монах с Афона, владевший

древней рукописной сербской книгой. Резко враждебное отношение в тексте к грекам связано, судя по всему, с личным опытом сербских монахов, претерпевших сильные гонения от них. Очень важно, что даются точные данные о славянском происхождении великих просветителей славянского мира (хотя и с одной только стороны отца). Действительно, в ту эпоху всю территорию, прилегавшую к Солуни, занимали славянские племена, а многие жители города свободно говорили по-славянски. Учитывая, что в семье этот язык также, судя по всему, был разговорным, Кирилл действительно с детства говорил по-гречески, по-славянски и на латыни.

Это имело неоценимое значение для будущей работы создателя славянской письменности. Мы не касаемся в данной статье других широко известных фактов юности и дальнейшей деятельности солунских братьев. Нас интересует только проблема происхождения просветителей.

В пользу сербского происхождения приведенных выше фактов рукописи говорит и полемический запал текста, следующий сразу после вышеприведенного отрывка: «Сей убо блаженный Кирил ходил в Царь Град благословения прося от патриарха, чтоб сложить словенскую грамоту. И греки не точию не позволили, но и запретили. Блаженный же Кирил Философ ходил в Рим к благочестивому папе Андреяну и взял благословение, соложил грамоту словенам. И от того греки искаху святого Кирила убить. Блаженный же Кирил укрывался от них в дальних словенех и тамо живе и преставися. И папа сей Адриян повелел взяти мощи его в Рим и погребе его в церкви святой, а потом честно брата его Мефодия постави во епископы в Пайнонии остров. Те ныне словене живут под царем в Венграх. Сих и ради рекоша греки их ненавидят что по словенским книгам чтут и архиепископа и митрополитов и епископов и попове имеют. А им де хоцется, чтоб оне у них владычествовали. И сея де ради гордости греки и царство потеряли, что в церкви на конех ездили и причастие там сидя на конях принимали» [9].

На этом эпизод, связанный с книгами, а также Кириллом и Мефодием, в рукописи завершился. Сразу после этого отрывка идет текст протокола первого диспута. Напомним, что отчет о втором диспуте прерывается на середине предложения, а материалы 3-го и 4-го диспутов отсутствуют в данной рукописи.

Отметим, что реальные связи солунских братьев с римским папой Адрианом II, поддержавшим их деятельность, переданы в отрывке, в основном, верно. Кирилл и Мефодий, действительно, совершили путешествие в Рим из Моравии и обратились с просьбой о «посвящении» своих учеников к римскому папе Адриану II, радушно их принявшему. Кирилл (в монашестве Константин), действительно, с честью погребен в римской церкви. Мефодий, действительно, был назначен архиепископом Паннонии – области, населенной в значительной степени славянами. То

есть в основе текста Арсения Суханова лежат достоверные исторические данные, порой отсутствующие в житиях просветителей.

Сложные отношения с Константинополем Кирилла и Мефодия также могли быть какой-то основой этой яростной антигреческой филиппики.

Даже в «Житии Мефодия» мы находим какие-то отголоски напряженности между солунскими братьями и Константинополем. После гонений на Мефодия в Моравии враги его не сложили оружие. По словам «Жития Мефодия», «но на этом не прекратилась их злоба, но сказали говоря: «Грешается на него царь, и если его схватит, не сохранит свою жизнь» [10].

Малый интерес императора и патриарха Константинопольского к миссии Кирилла и Мефодия известен. Сложности большой политики, высокомерное и пренебрежительное отношение придворных интеллектуалов к идеям просвещения и христианизации славян – все это, в какой-то мере, сделало миссию Кирилла и Мефодия их личным делом и личным подвигом.

Ключевым в первом диспуте стал также вопрос о крещении Руси. Чтобы понять дух диспута, вчитаемся в строки Суханова, противопоставившего начетничеству и реалиям греков свой патриотизм, русские предания и традиции. Вкус к живым фактам истории и умение их толковать в свою пользу у старца Арсения определено были. Споря о двоеперстии, Суханов привел свидетельство Максима Грека. На что получил такой ответ: «И Паисий патриарх и сущие с ним рекоша – еретик есть Максим Грек. И старец Арсений рече – владыко святой, не зная его зовешь еретиком и ереси его кой не видая, но сложение ради перстов, что вас обличает. А прежде тебе бывшие патриархи послали его по прошению великого князя и забрав двоих изо всей Греции, из двоих изряднейшаго и лучшаго а не за еретика, а в грамотах своих писали об нем, называли его вторым Златоустом а не еретиком и просили его у государя с великим прощением. У нас он в великой Руси писал много и в писаниях его ереси никакой не обретається» [11].

Далее, нападая, Суханов пытается узнать, а в каких греческих церковных книгах описано троеперстие, требуя «свидетельство от древних святых отцов писания». Беседа все больше напоминала спор двух глухих, пока они не вернулись вновь на конкретную историческую почву: «Там же митрополит Мелетий, да поп Макарей, да старец Иоасаф ко старцу рекоша – откуда же вы веру прияете – веть де от нас греков. И Арсений отвеща – мы веру прияхом от бога, а не от вас. И оне слыша старца паки рекоша – крещение вы прияли от нас греков. И отвеща старец – мы крещение от начала прияхом от святого апостола Андрея а не от вас в Греки. От кого крещение прияли – архимандрит Филимон рече. Мы крещение прияли от Христа и от апостола Иакова брата божия. Старец же рече – в правду солгаите, в Греки живете, о Греце в Македонии по сю сторону Царя Града да подле Бело-

го моря (видимо, Эгейского. – В. Б.) и около Солуни и Афон Гор. А Христос был во Иерусалиме, а около Иерусалима все жида и арапы жили, а между арапы сириене, а греков нет оприче все приходящих старцев, которые у патриарха живут немногие. А во Иерусалиме старцы по монастырям живут все... А крещение вы прияли под однеми години от апостола Андрея и прочие. И будучи во Царе Граде святой апостол Андрей да и к нам словяном пошел Черным морем. И мы крещение в то же время прияли и от того же апостола Андрея, а не от вас Греков». Греки, естественно, возражали.

Хорошее знание документов Посольского приказа, русских книг, опора на здравый смысл, исторические предания и легенды позволили Суханову сконструировать вполне правдоподобную версию крещения Руси, увы, противоречащую действительности. Напомню, что все это материалы первого прения от 24 апреля 1650 г.

От материалов второго прения 9 мая мы находим в книге лишь последнюю треть страницы, преамбулу второго прения, которой книга и завершается. «Майе во 8 день старец Арсений в Терговище вечерял у патриарха в келье», где и договорился о встрече на другой день, чтобы «говорить о летописце <...> неведомо для чего у вас с нами летописец от рождества Христова несходитца. И патриарх рече – что тебе мнит у вас ли потеряно или у нас, говори о том со мною. И отвеща старец – с тобою мне о том говорить не сумею, либо рече» [12]. На этом текст обрывается. Между тем предложение это само по себе яркое и характерное для атмосферы этого прения о вере. Завершим текст его по другому источнику: «Либо рече в задор пойдет, как бы мне тебя на гнев не привести. Великому другому со мной говорить и речи наши записывать» [13]. Патриарх предложил дидакалу Лигаридию либо митрополита Власия. Арсений их отверг: «Те люди науки высокой, с ними говорить не сумею. Наука в них такова, что они стараются не истину сыскать, а только переспорить и замаять истину многословием. Наука та у них иезуитская. Дай мне кого-либо из своих архимандритов» [14].

При всем своем слепом русском традиционализме живой ум Суханова озабочен поиском истины, а не выигрышем в споре. Поэтому он говорит только то, что знает твердо и во что искренне верит. Именно поэтому для нас так драгоценны факты, приведенные книжником, знатоком греческого языка и путешественником Арсением Сухановым о происхождении Кирилла и Мефодия от отца болгарина и матери гречанки. Славянское происхождение просветителей многое объясняет в их жизни и деятельности. Троицкий монах опирался здесь на конкретный исторический источник – сербскую рукописную книгу, увы, утраченную. И все же – мы должны с вниманием отнестись к этой гипотезе. Многие исторические реалии делают ее вполне правдоподобной.

Ключевой в исследовании достоверности приведенных выше фактов жизни Кирилла и Мефодия нам представляется роль Арсения Суханова – образованного русского монаха XVII в., выполнявшего сложные политические поручения царя и патриарха, а также оставившего богатое рукописное наследие.

В фундаментальном исследовании С. Белокурова, посвященного биографии Суханова, выяснены узловые эпизоды его жизни. «Прения» Арсения Суханова так активно использовались старообрядцами, что в XVII, XVIII вв. и первой половине XIX в. они считались апокрифическим, не принадлежащими перу Суханова. Лишь после обнаружения оригинала этого текста Суханова историком С. М. Соловьевым в архиве Министерства иностранных дел «Прения» вошли в список его сочинений.

Полный текст этого произведения Суханова по подлиннику был издан Н. И. Ивановским по поручению Палестинского общества вместе с другим широко известным произведением А. Суханова – «Проскинитарием», описывающим путешествие Суханова на Восток (Константинополь, Каир, Иерусалим) в 1651-1653 гг. [15]. Нередко в старообрядческих сборниках «Прения» Суханова включали в состав «Проскинитария».

И все же реально перу А. Суханова, замечательного русского путешественника XVII века, принадлежат четыре произведения.

I. «Статейный список» – отчет в Посольский приказ о его посольстве с 10 мая 1649 г. по 8 декабря 1650 г. Это поденная запись всего виденного и слышанного им за это время. Здесь содержатся его путевые заметки, сведения о «воре Тимошке» (самозванце) и переговорах о присоединении Малороссии к Московскому государству.

II. «Прения с греками о вере» – произведение, на материалах которого и основана данная статья. Записи Суханова о четырех диспутах его с греками при дворе иерусалимского патриарха Паисия в апреле-июне 1650 г. в Терговище (Валахия) и легли в основу текста данной работы, столь любимой старообрядцами [16]. Терговище было в это время временной резиденцией патриарха Паисия в связи с невозможностью его пребывания в Иерусалиме (враждебные отношения с Константинопольским патриархом Парфением, вскоре убитым).

Текст «Прений», предлагаемый нами в данной статье, во всех своих основных фактических деталях соответствует оригинальному тексту А. Суханова (Смотри Приложение).

III. «Проскинитарий» А. Суханова – самое известное его произведение. Оно нередко встречается в рукописных старообрядческих сборниках в том или ином виде и вместе с «Прениями».

«Проскинитарий» – статейный список своего путешествия на Восток в 1651 – 1653 гг. Арсений Суханов подал 26 июля 1653 г. в качестве отчета в Посоль-

ский приказ [17]. Он детально описывает святые места, а также греческие церковные службы. Такой антигреческой направленности, как в «Прениях», в «Проскинитарии» уже нет.

Патриархом к моменту возвращения Суханова стал уже Никон. Вероятно, автор скорректировал свою позицию с учетом надвинувшейся реформы. Здесь он – хладнокровный наблюдатель, а не яростный спорщик, как в «Прениях».

IV. Четвертое сочинение Суханова «О чинах греческих вкратце» должно было заменять обширный «Проскинитарий» и служить дополнением к «Прениям». Чаще всего оно встречается в рукописных сборниках вместе с «Прениями». Все эти работы Суханова в сотнях рукописных экземпляров разошлись по России XVII-XIX вв. и зажили самостоятельной жизнью [18]. Следует отметить, что встречаются экземпляры и без старообрядческих дополнений общеназидательного характера. То есть вставки старообрядцев были не фактологичны, а идеологичны.

Говоря о биографии Суханова, стоит выделить следующее. Судя по изысканиям С. Белокурова, он родился около 1600 г. и происходил из бедных «городовых дворян» [19]. Постригшись в монахи молодым, он служил в Коломне при местном епископе. Служба была успешна, и уже в 1633 г. он был архидьяконом при властном патриархе Филарете в Москве. По существу, он стал личным секретарем патриарха. Близость ко двору и самому царю сделали Арсения очень влиятельным человеком, но на краткое время, так как Филарет вскоре умер. Суханов в 1634 г. перешел дьяконом в Чудов монастырь. Известно, что он уже тогда приобрел и списывал разные рукописи. В основном это сочинения отцов церкви, другая религиозная литература.

В 1637-1640 гг. он ездил в составе русского посольства в Грузию «для рассмотрения Иверского царства народа веры, как они веруют и нет ли у них каких прибылых статей» [20]. Сбор сведений для правительств о Грузии прошел успешно, и Арсений был вознагражден по возвращении, хотя и не был руководителем посольства.

В библиотеке Чудова монастыря Суханов изучал рукописи и на некоторые из них впоследствии ссылался. Он стал глубоко образованным книголюбом и эрудитом в вопросах веры и церкви. В середине 1640-х гг. Суханов назначен строителем (настоятелем) Богоявленского монастыря в Московском Кремле, приписанного к Троице-Сергиеву монастырю. Придворные связи его окрепли. В этом сане он и отправился в свое путешествие 1649 г. с патриархом Паисием.

При выборе Арсения в послы важную роль сыграло хорошее знание им греческого языка, который он изучил самостоятельно. Брат его, Мина Суханов, был толмачом Посольского приказа. Цель посольства Суханова – собрание сведений о восточных церквях и

греческом церковном обряде. Помимо этого, видимо, царь Алексей Михайлович дал ему личные устные инструкции [21].

10 июня 1649 г. он выехал из Москвы, а 12 июля прибыл вместе с Паисием в Киев, а 24 августа – в Яссы. Здесь у Паисия был свой монастырь. Длительные остановки в пути по пути следования любого восточного патриарха были неизбежны.

Из Молдавии он вместе с Паисием должен был и выехать в Иерусалим (резиденцию Паисия). Но реально их выезд туда состоялся только через год – 23 мая 1651 г.

Время проведенное в Яссах и Терговище для Суханова было наполнено политическими делами. Он, узнав о пребывании в Молдавии «вора Тимошки» (самозванца, именовавшего себя сыном Василия Шуйского), вернулся в Москву 11 декабря 1649 г. 26 января 1650 г. он с новыми политическими поручениями, касавшимися в основном малороссийских дел, выехал из Москвы в Яссы. Именно в этой дороге Суханов и услышал о сожжении московских печатных книг и сербской рукописи на Афоне греками. В «Васлу» (недалеко от Ясс) в сербском подворье Афонского Зографского монастыря игумен рассказал ему 30 марта 1650 г. во время трапезы (Суханов ночевал в этом монастыре) о сожжении книг и притеснении «монаха-сербина Дамаскина» греками.

Судя по всему, игумен-серб прочел целое поучение Арсению о гордости и вражде греков к славянам, приведя в пример Кирилла Философа [22].

9 апреля 1650 г. Суханов приехал в Терговище, где тогда жил патриарх Паисий, с царскими грамотами к нему.

Отъезд в Иерусалим Паисия все откладывался. И в ожидании этого отъезда Суханов и вел с греками свои знаменитые «Прения».

Они известны нам только с точки зрения самого Суханова. Первое прение началось почти случайно 24 апреля 1650 г. на трапезе у патриарха. Паисий, сложив три перста, спросил у Арсения: «Тако ли вы креститесь?» Арсений, сложив двуперстие, обосновал это тем, что так писано в святых книгах и так делал еще Максим Грек. Патриарх назвал Максима Грека еретиком. Суханов возразил, и спор вспыхнул. 9 мая прошло второе прение о летоисчислении, причем Суханов пытался доказать грекам, что они вовсе не являются источником веры для других народов.

После второго прения Суханов случайно узнал, что глава сожжения книг на Афоне, епископ Даниил, находится при дворе Паисия. Тут же находился и очевидец события – старец Амфилохий. Патриарх приказал его расспросить. В пересказе события выглядело так: «Сошлись все святогорские старцы. Привели старца, крестившегося двумя перстами, с московскими книгами и поставили среди церкви. Греки называли его еретиком, а книги еретическими и хотели сжечь вместе с книгами. Но после смиловались и после бес-

честия велели старцу самому положить книги на огонь и поклесться, что он не будет больше креститься двумя перстами».

После того несчастного старца отдали турку, который долго держал его «в железах», а затем, взяв мзду, – отпустил. Свой рассказ Амфилохий заключил так: «Другого такого старца во всей горе Афонской нет. Борода у него до самой земли, как у Макария великого, носит он ее в мешочке, который привязывает к поясу. Имя ему Дамаскин, муж духовен и грамоте учен».

На третьем прении 3 июня эти события стали темой обсуждения. Паисий считал, что сжигать книги не следовало, а можно было только «вымарать» из них ересь. Вопрос о перстосложении стал долго и детально обсуждаться. И последнее прение 6 июня 1650 г. касалось вопросов переименования иноверцев.

Далее по своим посольским политическим делам («из-за вора Тимошки») Суханову пришлось съездить в Чигирин к Б. Хмельницкому и еще раз в Москву к царю Алексею Михайловичу. 8 декабря 1650 г. он прибыл в Москву и вскоре подал в Посольский приказ свой отчет – «Статейный список» – и присоединил к нему подробную запись «Прений с греками о вере».

Но в Москве сочли, что он все-таки должен поехать в Иерусалим, и 24 февраля 1651 г. Суханов вновь выехал из Москвы в Молдавию.

А в мае 1651 г. он уже один выехал из Ясс на Восток. После своего восточного путешествия в июне 1653 г. Суханов вернулся в Москву через Малую Азию и Кавказ. Но уже вскоре, в октябре 1653 г. он вновь был послан на Афон за греческими рукописями. В феврале 1655 г. Арсений вернулся и привез в Москву около 500 разных греческих и славянских рукописей из афонских монастырей.

В конце 1650-х гг. он уже келарь (настоятель) Троице-Сергиева монастыря. Пост весьма влиятельный в русской православной иерархии. В 1661-1664 гг. он заведовал Московским Печатным двором, после чего ушел на покой. Умер он 14 августа 1668 г. в своей Троицкой лавре, числясь бывшим келарем.

Арсений Суханов, судя по всему, был одним из образованнейших людей России 17 века. Он много знал, много повидал за свою жизнь. Сведения, изложенные им о происхождении Кирилла и Мефодия, заслуживают если не полного доверия, то во всяком случае уважения и внимания.

Приложение

Арсений Суханов

«Прения с греками о вере» (извлечение)

Самая лучшая и тщательно проработанная публикация «Прений о вере» и двух других работ Суханова (без «Проскинитария») была подготовлена С. А. Белокуровым как продолжение его биографической книги об А. Суханове и издана в 1894 г. в «Чтениях общества истории и древностей российских» [23].

Автор проработал 21 список «Прений» и полностью опубликовал текст по оригиналу – списку «Прений» 1650 г., сохранившемуся в Московском архиве Министрства иностранных дел. Этот текст был переписан не Сухановым, но имеет его правку. Поскольку конец столбцов сохранился плохо, то С. Белокуров использовал также самый полный и лучший список сочинений Суханова, ведущий свое происхождение от его личного сборника работ. Это так называемая рукопись Ведерникова (названа по фамилии владельца).

В данном приложении мы публикуем текст «Прений» буквально с самого начала по рукописи 1650 г. Отрывок, интересующий нас, невелик и целен [24]. Он соответствует почти во всем проанализированному нами тексту старообрядческого сборника [25].

«158-года марта въ 30 день, едучи с Москвы живоначальные Троицы Сергиева монастыря старец Арсений Сухановъ къ Паисию патриарху ерусалимскому, ночевал в Молдавской земле, в Васлу, в монастыре сербском, в метохе святые горы Зографского монастыря; и ту-то сидя за трапезою, сказывал игумен з братъею: деялось де у них во Афонской горе. Некто у них был старец чистен, сербин, житием свят, и во всем искусен и легы стар; жил в ските, и держал книги московския у себя и крестился крестным знаменем по московску, как писано в книге Кирилла ерусалимского, что печатана на Москве, – да и прочих де тому ж учил. И сведили де про то греки, и сошлись все изо всех монастырей, и того сербина и с московскими книгами поставили на соборе и испытали во всем; и он де им ответ дал против книги Кириловой, как писал блаженный Феодорит, и Мелетий патриарх антиохийский и, последуючи им, писал Максим грек. И те де греки, выслушав у него, называли московския книги еретическими.

И он де им говорил, что есть у них книги старинныя сербския писменныя, а в них де писано о крестном знамении так же, как и в московских; и тое де книгу писменную, сыскав, принесли на собор, и спустили с московскою печатною книгою и все де сошло слово в слово против московской книги; а та де книга, как писана, 130 лет тому. И греки де на того старца распыхались яростию велию и хотели его сжечь с книгами; и на милость положили, что его не сожгли, а всяким жестоким смирением смиряли, и безчестили и привели де его ко клятве, что впредь ему так не креститься и прочих не учить. А что де у него было книг печатных московских, то у него все взяли и пожгли; да и сербскую де писменную книгу туто ж сожгли. А московских книг сожгли: Кирилла ерусалимского, и Многосложной Свиток и Псалтирь следованиям.

Да тот же игумен говорил: греки де горды и нам сербом из давних веков ненавистны. Как де мы сербы и болгары крестились и государи де наши посылали к ним греком, чтоб оне нам преложили книги на словенской язык; и они де нам отказали, ненавидя нас и

чтоб им греком у нас быть во властях. И как де Бог дал нам Кирила философа, родился от отца болгарина, а от матери грекини, и навьк грамоте греческой и латынскоу и словенскоу языку, и тот де Кирил ходил во Царьград, докладывал, чтоб ему позволили сложить словенскую грамоту. И они де ему не позволили и запретили. И он де ходил в Римъ к папе Андреяну благочестивому, и папа де ему благословил. И как де Кирил грамоту словяном сложил, и греки де много искали, гдеб сыскав ево, убить. И Кирил де, то сведав, укрывалса в далних словянях, что ныне живут под цесарем, и там де и преставился; и папа де повелел мощи его взять в Римъ и погреб ево в Риме в церкви святых апостолов. А брата де его Мефодия папа Андреян поставил епископа в Паннонии, иже ныне те словяне под цесарем и в Венграх. Да и до сех де мест нас ненавидят греки, что мы по словенским книгам чтем, и архиепископа, и митриполитов, и епископов и попов своих имеем; а им де хочетца, чтоб все они у нас владычествовали. И тое де ради гордости греки и царство свое потеряли, и в церковь де оне на конех ездили и причастие, сидя на конех приимали».

Примечания

1. *Карташев А. В.* Очерки по истории русской церкви. М., 1992. Т. 2. С. 124.
2. *Бубнов Н. Ю.* Старообрядческая книга в России во второй половине XVII в. СПб., 1995. С. 114.
3. Старообрядческий рукописный сборник XVIII века. Из коллекции автора. Л. 182.
4. *Белокуров С. А.* Арсений Суханов. М., 1891. Ч. 1. С. 204. Следует отметить, что С. Белокуров издал и первую часть своего исследования в ЧОИДР 1891 года, но с особой нумерацией страниц, так что она могла переплетаться как отдельная книга.
5. *Флоря Б. Н.* Сказания о начале славянской письменности. СПб., 2000. С. 325.
6. Там же. С. 137.
7. Там же. С. 185.
9. Там же. Л. 182об.
10. *Флоря Б. Н.* Указ. соч. С. 192.
11. Старообрядческий рукописный сборник. Л. 182об.
12. Там же Л. 185.
13. *Карташов А. В.* Указ. соч. С. 127.
14. Там же.
15. *Суханов А.* Проскинитарий // Православный Палестинский сборник. СПб., 1889. Т. 7. Вып. 3; То же // Христианское чтение. 1883. № 11-12.
16. *Белокуров С. А.* Указ. соч. Ч. 1. Приложение. С. 129-136.
17. Там же. С. 308.
18. Подробнее см.: *Агеева Н. И., Кобяк О. Ц., Круглова И. А., Смилянская Е. Б.* Рукописная книга Прикамья. М., 1994.
19. *Белокуров С. А.* Указ. соч. Ч. 1. С. 80.
20. Там же. С. 125.
21. Там же. С. 185.
22. Там же. С. 206.
23. *Белокуров С. А.* Арсений Суханов. Ч. 2. Сочинения Арсения Суханова // ЧОИДР. 1894. Кн. 2.
24. Там же. С. 25-29. Нужно сказать, что публикация этого текста С. Белокуровым выполнена на археографическом уровне конца XIX в.

25. Впрочем, следует отметить, что на Вятке, где и находилась анализируемая нами рукопись XVIII в., «Прения с греками о вере» А. Суханова имелись уже в 1666 г. В числе других рукописей они были изъяты в том году здесь при обыске у игумена Феоктиста – видного старообрядца той эпохи. Феоктист находился здесь несколько месяцев в гостях у первого вятского епископа Александра, чья нелюбовь к реформам Никона общеизвестна. До своего переезда на Вятку Александр был коломенским епископом. Между тем А. Суханов начинал свою карьеру дьяконом при коломенском епископе (около 1630 г.). См.: Роспись книг и писем, взятых при обыске у игумена Феоктиста на Вятке // Документы, содержащие известия о лицах и событиях из истории раскола за первое время его существования. М., 1874. С. 323-326.

З. В. Галлямова

ПРОБЛЕМА ГОРОДСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX в.
В ДЕРЕВОЛОЦИОННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ
(1870-1917 гг.)

В статье дается обзор дореволюционной историографии по городскому самоуправлению второй половины XIX – начала XX в.

На сегодняшний день, в условиях повышения общественной роли в жизни страны, особое значение приобретает исторический опыт демократических органов власти как один из механизмов конструктивного взаимодействия государства и общества.

История городского самоуправления в пореформенный период нашла свое отражение в отечественной исторической литературе отдельными аспектами и все еще представляет собой обширную область для научных исследований. Особое значение для таких исследований имеет оценка и анализ городского самоуправления второй половины XIX в. в дореволюционной историографии. Представленная очевидцами существующего устройства, она позволяет выявить реализацию законодательства городских реформ, а также определить оценку и восприятие преобразований в данной области самим обществом.

Прежде чем приступить к обзору буржуазной историографии непосредственно по городскому самоуправлению, необходимо рассмотреть концепции, определяющие место самоуправления в государственной системе, поскольку для большинства исследователей они стали отправной точкой в оценке городского устройства второй половины XIX в.

Определение роли аппарата местного управления в государственной системе представлено базовыми

ГАЛЛЯМОВА Земфира Виленовна – аспирант кафедры истории и краеведения ВятГТУ
© З. В. Галлямова, 2003

работами известных историков – государственников и юристов.

Принципиальное различие в трактовке исследователями данного вопроса сформулировало в 80-90-е гг. XIX в. две теории самоуправления – общезыятвенную и государственную.

Сторонники государственной теории, признавая общественную природу самоуправления, обосновывая необходимость наделения его широкими полномочиями, трактовали самоуправление как неотъемлемый элемент административной системы, выполняющий задачи государства на местном уровне [1]. Наиболее радикальным выразителем данной теории является Н. Н. Коркунов. По его мнению, наличие самоуправления напрямую связано с наличием местных административных функций [2].

Основателем общезыятвенной теории считается профессор харьковского университета В. И. Лешков, но наиболее обстоятельно она выражена в работе А. О. Васильчикова «О самоуправлении». Государству противопоставляется общество со своими проблемами и потребностями, решение которых возможно только на местном уровне. «Самоуправление должно быть рассматриваемо... не как орудие или средство для поддержания различных политических влияний, но как особый порядок, вовсе чуждый политике, имеющий свою особую цель и свою отдельную область действий...» [3].

Если сторонники государственной теории, затрагивая вопрос городского самоуправления, ограничиваются лишь разъяснениями отдельных статей городского положения 1870 г., то Васильчиков применяет положение своей теории и в оценке реформы. По его мнению, городская общественная организация является изначально чужеродной и неприемлемой для российского местного управления, так как не имеет социальных корней. Российское самоуправление выросло на земской почве, городское сословие как таковое не оформилось. Следовательно, реформа обречена на провал [4].

В целом, труды по городскому самоуправлению можно условно классифицировать по двум группам. Первая группа представлена работами, где вопросы городского самоуправления рассматриваются исключительно в правовом аспекте, с обстоятельным разбором статей действующего законодательства [5]. Оценка городских положений с позиции их практической применимости определила публицистический характер работ и критический анализ городских реформ второй половины XIX в.

Ко второй группе относятся публикации, связанные с кардинальными изменениями в общественно-политической жизни общества в начале XX в. Это политические брошюры, где излагаются программы реформирования городского управления, степень радикальности которых определялась политическими установками авторов [6]. Эти работы еще в меньшей степени отвечали задачам научного исследования и

по сути дела были выражением политических взглядов представителей различных партий.

Почти для всех работ характерно привлечение западноевропейского опыта в устройстве муниципальных учреждений. На примере Западной Европы авторы обосновывают целесообразность организации городского самоуправления на широкой демократической основе.

Наиболее глубоко историко-правовой анализ городской реформы 1870 г. дается в работах Г. И. Шрейдера и И. И. Дитятина [7]. Исследователи подробно излагают историю подготовки реформы. При этом Шрейдер показывает историю разработки городского положения 1870 г., как эволюцию правительственной политики в сторону свертывания общественного начала в системе городского самоуправления. Если разработка реформы началась с широкого общественного привлечения (создание всесословных комиссий на местах), то окончательно она оформилась в стенах «бюрократической канцелярии» Госсовета [8].

Обзор самого городского положения 1870 г. включает анализ следующих аспектов:

- 1) устройство городского самоуправления согласно принципам, заложенным в основу избирательной системы;
- 2) пределы самостоятельности органов общественного управления;
- 3) взаимодействие исполнительных и распорядительных органов во внутренней структуре самоуправления;
- 4) соотношение административных и общественных функций в деятельности городского представительства.

Созданная городским положением трехразрядная система выборов отмечается как главный недостаток городской реформы. Сосредоточив дела городского управления в руках небольшой группы представителей торгово-промышленного класса, трехразрядная система предопределила решение вопросов городской жизни в узкосословных интересах. Устранение от выборов квартиронанимателей как возможного образовательного и профессионального потенциала обусловило некомпетентность и безграмотность представителей муниципальных учреждений в деле организации народного образования, бесплатной медицины и т. д. Дитятин, подчеркивая заинтересованность принципов избирательной системы у Пруссии, характеризует ее как изначально чуждую и неприемлемую для российского общественного устройства [9]. Недостатки избирательной системы отмечались и сторонниками городской реформы – С. А. Приклонским, В. В. Демидовой, А. А. Гурко [10]. Но Шрейдер выявил так называемый побочный эффект избирательной системы. Исследователь проанализировал именные списки гласных думы по 32 городам России на четвертое четырехлетие. На основе этих данных исследователь делает вывод о том, что именно третий разряд в условиях слабого представительства стал

каналом, через который шло качественное обновление думского состава [11].

В качестве следующего крупного недостатка городской реформы 1870 г., отмечалась форма административного контроля над деятельностью органов общественного управления. Особенно подробно этот вопрос был изложен в работе Дитятина. Уже сам состав этого учреждения, по мнению историка, не гарантирует беспристрастности присутствия в решении городских вопросов, а председательство в нем губернатора дает последнему возможность обеспечивать ведение городских дел в русле собственных представлений [12].

Особое значение имеет оценка городской реформы М. П. Щепкиным. Будучи в свое время городским головой, Щепкин опубликовал ряд трудов по городскому хозяйству г. Москвы [13]. Рассматривая сильные и слабые стороны московского общественного управления в тесной связи с законодательством, исследователь показывает его прогрессивное значение для жизни города. Те моменты закона 1870 г., которые оценивались большинством историков, как палки в колесе городского самоуправления, Щепкин представляет в качестве наиболее удачных законоположений. Так, в совмещении в одном лице председателя думы управы автор видит наиболее удачный способ обеспечения эффективной, живой связи между исполнительными и распорядительными органами [14]. Коллегиальное устройство губернского по городским делам присутствия обеспечивает защиту городского самоуправления от административного произвола [15].

Новый этап в буржуазной историографии также был связан с изменением законодательства в области городского самоуправления. Основное содержание работ данной группы состояло в сопоставлении городских реформ 1870 и 1892 гг. Наиболее значительные исследования в данной области представлены трудами В. М. Гессена, А. Г. Михайловского, В. И. Немчинова, Д. Д. Семенова, Г. И. Шрейдера [16]. Сравнительный анализ городских положений проходил по следующим основным вопросам:

1) социальные приоритеты государства в вопросе привлечения местного населения к управлению делами города; 2) степень заинтересованности избирателей в делах городской жизни; 3) пределы самостоятельности общественного представительства, возможности формирования его финансовой базы; 4) соответствие количественного и качественного состава органов самоуправления масштабам городского хозяйства; 5) конструктивность взаимодействия исполнительных и распорядительных органов муниципалитета; 6) удельный вес административных задач в деятельности самоуправления; 7) формы административного надзора как способ регулирования деятельности самоуправления местными властями.

Сопоставляя данные законы, историки исходили из принципа «из двух зол». Признавая ограниченность и незавершенность реформы 1870 г., исследователи

отмечали ее большую приближенность, по сравнению с новым положением, основным принципам самоуправления. Исследователи руководствовались задачей показать несоответствие закона 1892 г. реалиям современной жизни. Смещение акцентов общественного управления в сторону администрирования предопределило, по мнению авторов, его стагнацию в условиях растущего городского хозяйства [17]. Сокращение численности избирателей при значительном росте городов обрекло самоуправление на минимальное представительство оторванного, по сути дела, от проблем основной массы городского населения [18]. По мнению Шрейдера, избирательная система предоставила право выбора в городскую думу лицам, не заинтересованным в делах городской жизни. Уменьшенная копия такого контингента избирателей является думский состав, уклоняющийся от выполнения своих обязанностей [19]. Затрагивая вопрос о пределах самостоятельности городской думы, авторы в первую очередь руководствовались взглядами, определяющими роль и место самоуправления в государственной системе. Семенов как сторонник общественной теории, отмечал, что если Городовое положение 1870 г. определила границы административного контроля над деятельностью думы, то положение 1892 г. свело самостоятельность самоуправления к минимуму. Наиболее ярким проявлением ограничения самостоятельности, по мнению Семенова, является утверждение губернатором выборного состава думы [20]. Сторонник государственной теории Гессен, признавая за государством право надзора за законностью действий городского самоуправления, подвергал критике саму постановку такого надзора. Контроль, по мнению автора, должен основываться на общем законе, и право выносить заключение по этому вопросу должно принадлежать суду. Сочетание в руках губернатора функций надзора и активного управления порождает антагонизм между самоуправлением и местной администрацией [21]. Пажитнов, определяя главное достоинство реформы 1870 г. в предоставлении думе широкой самостоятельности в ведении городских дел, констатирует уничтожение такого права новым законом. «После реформы 1892 года у нас вообще не осталось самоуправления в общепринятом смысле слова... Город без одобрения администрации не может сделать ни одного шага...» [22].

Анализируя законодательную политику правительства в отношении города, авторы лишь констатируют факт изменения этой политики, не задаваясь вопросом причин таких перемен. Это лишний раз подчеркивает односторонность подхода дореволюционной историографии к проблеме городского самоуправления. Обоснование введения городского положения 1892 г. можно встретить только у Немчинова и Петрова.

Если введение положения 1870 г., по мнению Немчинова, ставило задачу переложить на местное население бремя обязательных расходов, то введение но-

вого положения предполагало максимально сократить самостоятельность городского общества и передать общественное дело в распоряжение местной администрации [23].

По мнению Петрова, городская реформа 1892 г. была вызвана, прежде всего, причинами политического характера. Введение самоуправления на местном уровне требовало логического продолжения введением общественного представительства на государственном, что не соответствовало программным установкам правительства. «Реформа имела своей целью согласовать городское управление с самодержавием» [24].

Особое значение имеет анализ сборника статей Шрейдера [25]. В отличие от основной массы публикаций дореволюционного периода, в его работе предпринята попытка проследить реализацию закона 1892 г. на практике. Но использование сведений стихийного характера, данных из периодической печати, снижает научную значимость работы. Последствия нового положения для общественного управления историк рассматривает в самых различных ракурсах: от степени подчиненности управы как «коллегии выборных чиновников» распорядительной власти думы и уровня оперативности самоуправления в решении городских вопросов до изменения в организации делопроизводства муниципальных учреждений. Автор подробно показывает механизм воздействия административной власти на деятельность общественных учреждений, по сути дела выполняющих на местном уровне, в качестве низшего административного звена, задачи государственного назначения [26]. Ограничение пределов компетенции общественного управления Шрейдер видит прежде всего в определении законом статуса членов управы как лиц, состоящих на государственной службе. Это привело, по мнению историка, к противоестественному смещению в самоуправлении двух начал: общественного и государственно-бюрократического. Результатом такого смещения стал антагонизм между самими органами городского управления, «который превратил современные городские думы в два стана, ведущих неустанную и неразрывную борьбу за гегемонию» [27].

В целом оценка дореволюционной историографии городской реформы 1892 г., выражена Пажитновым. «В общем, реформа 1892 г. отбросила нас далеко назад. Если положение 1870 г. во многом полагало тот порядок, который существует в Западной Европе, то закон 1892 г. внес такое ограничение избирательного права и такое вмешательство со стороны администрации, каких не знает ни одно цивилизованное государство» [28].

Вторая группа работ, представленная небольшими публикациями, была тесно связана с общественно-политическим подъемом начала XX в. В условиях реформирования всех сфер жизни общества статьи руководствовались задачей указать конкретные программы улучшения городской жизни, степень ради-

кальности которых определялась общественно-политическими позициями авторов. Сторонники умеренных преобразований (А. О. Ачадов, П. П. Гронский, Н. О. Кабанов, И. А. Вернер, М. П. Щепкин, А. Г. Михайловский, И. О. Фесенко) ставили перед городским самоуправлением задачи расширения масштаба деятельности в социальной сфере, в ведении городского хозяйства. Гарантией эффективности самоуправления должно быть широкое представительство путем введения всеобщего избирательного права и предоставление самоуправлению более широкой самостоятельности в ведении городских дел. Созидание в условиях демократии при строгом соблюдении законодательных норм – в таких чертах определяло будущее самоуправления умеренное крыло.

Представители левых партий (М. А. Курчинский, М. Л. Лукомский) рассматривали городское самоуправление как способ реализации социалистических идей, предполагающий защиту интересов рабочего класса, задача которого состоит в устранении административного контроля над общественным управлением.

Представители официальной точки зрения на проблему городского самоуправления (А. Н. Немировский, Н. В. Клейгельс, М. М. Бубнов) не выходили дальше вопросов по реформированию внутренней организации общественного представительства.

Кроме работ, охватывающих основные проблемы городского самоуправления, значительное место в данной группе занимают статьи и очерки, затрагивающие отдельные вопросы реформирования в данной области. Работы А. И. Колычева и Н. Ф. Страдомского рассматривают вопросы взаимоотношения земства и городского управления. Но если Страдомский изменения в данной области видит в налаживании более тесного сотрудничества между земским и городским самоуправлением в решении социальных вопросов, то Колычев прежде всего руководствуется интересами города, высказываясь за выделение крупных городов из уездных земств [29]. И. О. Фесенко в качестве главной задачи городской реформы выдвигает привлечение в органы муниципалитета квартирантателей. В работах И. Х. Озерова затрагиваются вопросы формирования городского бюджета и указываются способы создания более стабильной финансовой базы города.

Таким образом, проблема городского самоуправления рассматривалась в дореволюционной историографии не как объект научного исследования, а как организация и функционирование органов общественного представительства в призме действующего законодательства. Отождествление темы самоуправления с правовой политикой правительства в отношении города определило освещение вопросов городского самоуправления в соответствующем аспекте, а злободневность этих вопросов для городской жизни обусловила публицистический характер работ, изначально не претендующих на роль научных исследований.

Но как уже отмечалось выше, значимость анализа отечественной дореволюционной историографии по городскому самоуправлению второй половины XIX – начала XX в., состоит, прежде всего, в возможности увидеть устройство и деятельность органов общественного представительства глазами современников. Это позволяет косвенно проследить реализацию городских реформ второй половины XIX в., выявить степень их соответствия уровню общественного развития в данный период.

Примечания

1. Градовский А. Начала русского государственного права. СПб., 1883. Т. 3. Органы местного управления. С. 32.; Коркунов Н. Н. Русское государственное право. СПб., 1901. Т. 2. С. 24-39; Лазаревский И. Лекции по русскому государственному праву. СПб., 1910. Т. 2. Административное право. Ч. 1. Органы управления. С. 51; Свеишников М. И. Основы и пределы самоуправления. Опыт критического разбора основных вопросов местного управления в законодательстве важнейших европейских государств. СПб., 1892. С. 16-17.
2. Коркунов Н. Н. Указ. соч. С. 24.
3. Васильчиков А. О. О самоуправлении. Сравнительный обзор русских и иностранных земских и общественных учреждений. СПб., 1869. Т. 1. С. 5.
4. Васильчиков А. О. Указ. соч. Т. 3. СПб., 1871. С. 191-195.
5. Гессен В. М. Вопросы местного управления. СПб., 1906; Он же. Городское самоуправление. К курсу русского государственного права. СПб., 1912; Вегнер И. А. Городское самоуправление в России. М., 1906; Кизеветтер А. А. Местное самоуправление в России. М., 1910; Михайловский А. Г. Реформа городского самоуправления в России. М., 1908; Немчинов В. И. Городское самоуправление по действующему законодательству. М., 1912; Пажитнов К. А. Городское и земское самоуправление: Очерки и опыты. СПб., 1913; Семенов Д. Д. Городское самоуправление: Очерки и опыты. СПб., 1901; Шрейдер Г. И. Наше городское общественное управление. СПб., 1902.
6. Ачадов А. О. Государственная власть и местное (городское и земское) самоуправление. М., 1917; Бубнов М. М. К вопросу о преобразовании нашего городского общественного управления. Киев, 1909; Вегнер А. Ю. Городское самоуправление в России. М., 1906; Веселовский Б. Б. Местное самоуправление. М., 1917; Гронский П. П. Децентрализация и самоуправление. М., 1917; Клейгельс Н. В. О назревших нуждах столицы. СПб., б. г.; Кабанов Н. О. О местном самоуправлении. Ростов-н/Д., б. г.; Кольчев А. И. Города как самоуправляющиеся земские единицы. Вологда, 1908; Он же. По городским вопросам. Вологда, 1910; Курчинский А. М. Муниципальный социализм и развитие городской жизни. СПб., 1907; Лукомский М. Л. Городское самоуправление в России. М., 1905; Михайловский А. Г. Задачи городского управления в новой России. М., 1917; Немировский А. О. Реформа городского самоуправления. СПб., 1911; Озеров И. Х. Большие города, их задачи и средства управления. М., 1906; Он же. Общие принципы организации городских финансов. СПб., 1907; Страдомский Н. Ф. Города и земства. К вопросу урегулирования их взаимоотношений. Киев, 1905; Тотомианц О. В. Самоуправление городов. М., 1917; Тотомианц О. В. Задачи городского самоуправления. СПб., 1904; Фесенко И. О. Важный вопрос городского хозяйства. Участие квартирохозяев в городском управлении. СПб., 1900.
7. Шрейдер Г. И. Город и Городовое положение 1870 г. // История России в XIX в. СПб., б. г. Т. 4.; Дитятин И. И. Статьи по истории русского права. СПб., 1896.
8. Шрейдер Г. И. Указ. соч. С. 8.
9. Дитятин И. И. Указ. соч. С. 253.
10. Гурко А. А. Наши городские выборы вообще и московские в особенности. М., 1889. С. 23-24; Демидов В. В. Недостатки нашего городского управления и меры к их устранению. СПб., 1884. С. 22-23; Приклонский С. А. Очерки самоуправления земского, городского, сельского. СПб., 1886. С. 277-278.
11. Шрейдер Г. И. Указ. соч. С. 15.
12. Дитятин И. И. Указ. соч. С. 267-268.
13. Щепкин М. П. Наши городские столичные бюджеты. СПб., 1863; Он же. О городских налогах в Москве. М., 1878; Он же. Опыт изучения общественного хозяйства и управления городов. Ч. 1, 2. М., 1882-1884.
14. Он же. Опыт изучения... Ч. 2. С. 322-323.
15. Там же. Ч. 1. С. 27.
16. Гессен В. М. Городское самоуправление. Дополнение к курсу русского государственного права. СПб., 1912; Михайловский А. Г. Реформа городского самоуправления в России. М., 1908; Немчинов В. И. Городское самоуправление по действующему законодательству. М., 1912; Семенов Д. Д. Городское самоуправление. Очерки и опыты. СПб., 1901; Шрейдер Г. И. Наше городское общественное управление. СПб., 1902.
17. Гессен В. М. Городское самоуправление... С. 14; Михайловский А. Г. Реформа... С. 17-18; Немчинов В. И. Указ. соч. С. 8; Петров М. Н. Городское самоуправление в России. б. г. С. 44-47; Семенов Д. Д. Указ. соч. С. 224-225.
18. Немчинов В. И. Указ. соч. С. 4; Семенов Д. Д. Указ. соч. С. 156; Михайловский А. Г. Указ. соч. С. 15-16; Шрейдер Г. И. Наше городское общественное управление: Этюды, очерки, заметки. СПб., 1902. Т. 1. С. 80-81.
19. Шрейдер Г. И. Наше городское общественное управление. С. 127.
20. Семенов Д. Д. Указ. соч. С. 223.
21. Гессен В. М. Вопросы местного управления. СПб., 1904. С. 59-61.
22. Пажитнов К. А. Указ. соч. С. 40.
23. Немчинов В. И. Указ. соч. С. 12-13.
24. Петров М. Н. Указ. соч. С. 45.
25. Шрейдер Г. И. Указ. соч. Т. 1.
26. Там же. Т. 1. С. 290-291.
27. Там же. С. 123.
28. Пажитнов К. А. Указ. соч. С. 42.
29. Кольчев А. И. Города, как самоуправляющиеся земские единицы. Вологда, 1908. С. 56-58.

Д. П. Кондратенко

ПОЛЬСКИЙ ВОПРОС В ПОЛИТИКЕ
РОССИЙСКОГО САМОДЕРЖАВИЯ
В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.

В статье рассматриваются мероприятия по корректировке государственного устройства Царства Польского и уточнения возможностей использования польского языка. В административном плане происходило постоянное увеличение централизации управления. В языковом – правительство предполагало некоторую маневренность, особенно проявившуюся в 1905 г., когда польский язык получил некоторые уступки. Итогом такой политики стала фактическая ликвидация автономии в Польше.

Польский вопрос в политике российских властей конца XIX – начала XX вв. обладал особой остротой. Это во многом было связано с положением польских земель, находившихся на западной окраине империи, а также обстоятельствами их вхождения в состав России. По итогам трех разделов Речи Посполитой в конце XVIII в. Россия получила территории Западной Украины, Западной Белоруссии, а также центральные и восточные польские земли. В 1818 г. Александр I подписал польскую конституцию, которая, правда, просуществовала недолго. После восстания 1830-1831 гг. ее упразднил Николай I. Ликвидировались законодательный сейм и польская армия. Новый Государственный Совет из исполнительного органа власти был преобразован в совещательное учреждение. Восемь воеводств получили статус губерний, но губернаторы в них назначались императором, а не избирались, как ранее. Во главе Царства Польского был поставлен наместник. От бывшей автономии почти ничего не осталось.

После восстания 1863-1864 гг. положение еще более ужесточилось, что сделало регион местом постоянного внимания со стороны правительства. В конце XIX в. из всего населения бывшего Царства Польского 72% составляли поляки. Основная их часть проживала в сельской местности, а в городах доля польского населения не превышала половины (48,8%). Второй по численности группой здесь было еврейское население (до 13,5% от общего населения), которое составляло 35,4% горожан и более половины привилегированного купечества края. Доля русских в польских землях была крайне незначительной (2,8%) и являлась базой для пополнения местных чиновничества и частей армии [1].

К концу XIX в. четко выделялись две линии правительственной политики в отношении польского населения: корректировка государственного устройства Царства Польского и уточнение возможнос-

ти использования польского языка. В первом направлении происходил процесс постепенного вытеснения католиков-поляков с ряда должностей на государственной службе [2] и усиление власти Варшавского генерал-губернатора, во втором – сокращения часов изучения польского языка в школе. Следует отметить и тот факт, что хотя правительство официально поощряло развитие промышленности в Польше, но ограничительные законы препятствовали экономическому прогрессу. Кроме того, полякам было запрещено покупать и арендовать земли в девяти западных губерниях России [3]. По закону от 3 июня 1885 г. Польский банк был превращен в Варшавскую контору Государственного банка, а польские монеты были изъяты из обращения [4].

В последние годы перед революцией 1905-1907 гг. правительство уделяло особое внимание укреплению в Царстве Польском системы губернского правления. Указ от 27 января 1903 г. об изменении порядка разрешения хозяйственных дел городов Привислинского края расширял полномочия губернаторов по разрешению дел, связанных с земельными участками и недвижимым имуществом. Особо подчеркивалась роль Варшавского генерал-губернатора, которому предоставлялась позиция арбитра во многих спорных вопросах и право решения тех дел, где не обязательно участие высших государственных установлений [5]. Постановление от 24 июня 1904 г. обязало всех губернаторов Царства Польского обращаться по делам особой важности, политическим и личного свойства за руководством к Варшавскому генерал-губернатору [6]. Усиливая власть центра в губерниях, правительство ясно показало, что его политика направлена на еще большую инкорпорацию Царства Польского с другими территориями России.

В таком же направлении развивалась языковая политика самодержавия. Русский язык вводился в качестве основного в различных государственных, общественных и образовательных учреждениях. В Варшавском университете с 1883 г. преподавание и делопроизводство велось на русском языке. Закон от 5 марта 1885 г. предполагал сохранение условий преподавания в начальных школах, утвержденных еще законом от 30 августа/11 сентября 1864 г. По нему учителя назначались ведомством народного просвещения, а преподавание почти всех предметов должно было вестись на русском языке (кроме закона Божьего иностранных исповеданий и «природного языка учащихся») [7]. Положение от 26 апреля 1893 г. предписывало вести переписку, делопроизводство и счетоводство в земском кредитном Обществе «исключительно на русском языке» [8]. Против тайного обучения польскому языку был направлен указ от 26 мая 1900 г., где «стремление к упрочению в губерниях Царства Польского образования юношества в духе русской государственности» подкреплялось «снабжением представителя высшей местной власти способами к пресечению тайного обучения» [9].

КОНДРАТЕНКО Дмитрий Петрович – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры всеобщей истории ВятГУ
© Д. П. Кондратенко, 2003

Тем не менее желание правительства сделать язык империи основным и в Польше вынуждено было сочетаться с определенными усилиями по развитию польского языка. Подтверждением этому служит указ от 19 апреля 1904 г. о кредите на вознаграждение преподавателей польского языка в Учительских Семинариях Варшавского учебного округа [10].

Во время революционного подъема 1905 г. самодержавие также пошло на некоторые уступки в вопросе о языке. По закону от 6 июня 1905 г. разрешалось преподавать у католиков Закон Божий и польский язык по-польски [11]. Обещалось расширение круга школьных предметов с преподаванием на польском языке. В октябре 1905 г. министром просвещения стал граф И. И. Толстой, сторонник придания польского характера всей системе учебных заведений варшавского учебного округа. Он внес предложение разрешить преподавание в начальной и средней школах на польском языке. Однако реформа была отложена, хотя указ от 1 октября этого же года разрешал в частных школах преподавание по-польски почти всех предметов (исключение составляли русский язык, история и география) [12]. Кроме того, Толстой предлагал установление в Варшавском университете параллельных польских и русских факультетов или передачу университета всецело полякам при переносе русской его части в какой-либо город внутренней России [13]. Записка с этим проектом была передана варшавскому генерал-губернатору, который отверг ее. С приходом на пост министра просвещения в апреле 1906 г. П. М. Кауфмана попытки преобразовать Варшавский университет практически завершились [14].

В отличие от некоторого послабления в языковой политике, в области государственного устройства Польши правительство на уступки не шло. Введение военного положения летом и осенью 1905 г. [15] должно было продемонстрировать решительность центральных властей. Было подтверждено ограничение для поляков занимать большую часть должностей на государственной службе. Усиливалась власть Варшавского генерал-губернатора, который по закону от 26 декабря 1905 г. получал возможность влиять на деятельность католической церкви, на административный контроль в районах бывших униатов [16]. Через год МВД объяснило это тем, что «церковь уже с давних времен сделалась одним из орудий национально-политической... борьбы» [17].

После первой русской революции ограничительная линия в польской политике резко усилилась. Третьеиюньский избирательный закон сократил польское представительство в Думе с 37 до 14 депутатов. В декабре 1907 г. было закрыто культурно-просветительское общество «Матица».

Так как в Западном крае значительная часть крупного землевладения была сосредоточена у польских помещиков, то остро встал вопрос об усилении здесь русского элемента, на который можно было бы опереться при решении общегосударственных проблем.

В этом контексте особое место занимает принятие закона о земстве в Западном крае, по которому предполагалось введение земства в шести губерниях, где русский элемент имел значительное влияние (Витебская, Минская, Могилевская, Киевская, Волынская, Подольская) и воздержание от такого шага в губерниях, где такое влияние было пока ограничено (Ковенская, Виленская и Гродненская). Также в этих губерниях предлагалось понизить землевладельческий ценз при выборах по сравнению с общерусским и разделить избирателей на две курии – польскую и русскую, последняя из которых избирала в два раза больше гласных. Все это определяло ограничение участия поляков-помещиков в земском самоуправлении. Обсуждение данного проекта в Государственной Думе в начале 1910 г. было бурным и привело к его принятию, хотя и с незначительными изменениями [18]. Однако через Государственный Совет проект не прошел, что привело к политическому кризису. По статье 87 Основных законов на несколько дней были распущены обе палаты, а закон принят в особом порядке 14 марта 1911 г. [19].

В 1911 г. Совещание о школе в местностях с инородческим населением определило, что в Польше и Восточной Прибалтике допустимо преподавать на родном языке в средней школе только в течение первых трех лет обучения, а частные католические профессиональные школы на Западе необходимо вообще запретить [20].

23 июня 1912 г. был принят одобренный Думой закон об образовании особой Холмской губернии и выделении ее из состава губерний Царства Польского. На этих землях преобладало украинское население, что предполагало его отрыв от польского влияния и постепенную русификацию. В Холмской губернии было введено административное управление, характерное для центральных губерний. Было запрещено общение на польском языке в учреждениях и школах [21]. Подобные меры вызвали обострение антирусских настроений в Польше. Но этот закон поддерживали украинские националисты, видевшие в польском влиянии большее зло, нежели в русском. Это определило появление еще одного узла национальных противоречий.

В начале первой мировой войны польский вопрос сразу встал на повестку дня. 1/14 августа 1914 г. верховный главнокомандующий русской армии великий князь Николай Николаевич выступил с воззванием к полякам, которое можно было истолковать как обещание пересмотра жесткой ограничительной политики. Там указывалось, что Польша должна воссоединиться «воедино под скипетром русского царя», «свободная в своей вере, в языке, в самоуправлении» [22]. Документ преследовал прежде всего внешнеполитические цели, предполагая за Россией право решать судьбу Польши после войны без вмешательства союзников. Кроме того, необходимо было заручиться поддержкой поляками русской армии [23].

Однако постепенно акценты в решении судьбы польских земель из сферы внешнеполитической переместились на внутривнутриполитическую основу, где невозможно было получить быстрого действительного развития. В декабре 1914 г. министр внутренних дел Маклаков разослал губернаторам Царства Польского тайные циркуляры, в которых пояснял, что воззвание главнокомандующего относится только к тем польским землям, которые будут присоединены к России [24]. В результате неоднократных совещаний Совета министров появился проект «Основные начала по устройству польского края». Согласно ему, высшей властью в крае должен обладать наместник, назначаемый монархом. При нем создавался совет, члены которого частью назначались правительством, а частью избирались польскими учреждениями. Земские учреждения и городское самоуправление должно было находиться под контролем наместника и суда присяжных. При том, что делопроизводство велось бы на русском языке, чиновники, которыми могли быть и поляки, обязаны были знать польский язык. Во всех типах школ преподавание могло вестись на польском языке, кроме изучения русского языка и литературы, истории и географии России [25]. Этот проект, однако, не получил поддержки ряда министерств и не был опубликован.

Тем не менее указ от 17 марта 1915 г. вводил в Царстве Польском городское самоуправление, в основе которого было уже действовавшее общероссийское положение 1892 г. [26]. При этом закон от 7 июня 1915 г., в свою очередь, усиливал полномочия Варшавского генерал-губернатора, прежде всего по вопросам католической церкви [27].

После военных неудач 1915 г. возникла опасность провозглашения Германией независимого Польского государства. Правительство вынуждено было задуматься над нейтрализацией угрозы. И все же его действия были очень осторожны. В 1916 г. Совет министров связал решение польского вопроса с установлением нового послевоенного порядка в Европе, при котором предполагалось учитывать общность интересов Польши и России [28].

Однако после того как 5 ноября 1916 г. (н. ст.) Германия и Австро-Венгрия опубликовали декларацию об образовании «самостоятельного польского государства», российское правительство вынуждено было принять соответствующие меры. В сообщении от 2/15 ноября отмечалось, что в намерения России относительно польских земель входит «образование целокупной Польши» с предоставлением ей после окончания войны «права свободного строения своей национальной, культурной и хозяйственной жизни на началах автономии», но при сохранении единой государственности [29]. То есть правительство соглашалось на предоставление национально-культурной автономии. 12/25 декабря 1916 г. в приказе по армии и флоту Николай II снова указал, что в качестве одной из задач России в войне является «создание сво-

бодной Польши из всех трех ее ныне разрозненных областей» [30].

В январе 1917 г. для разработки польского вопроса была создана специальная комиссия, но закончить свою работу она не успела из-за начавшейся в феврале революции.

Таким образом, в Польше в течение XIX в. была фактически ликвидирована автономия. Можно отметить общий вектор правительственной политики в этом регионе империи, который заключался в неукоснительном усилении здесь начал общероссийской государственности. При этом в административном плане происходило постоянное увеличение централизации управления (даже первая русская революция не прервала этот процесс). В языковом плане правительство предполагало некоторую маневренность, особенно проявившуюся в 1905 г., когда польский язык получил некоторые уступки. Только первая мировая война заставила российское правительство несколько пересмотреть направление польской политики. Но даже в самые критические периоды войны оно не предполагало уступок, распространявшихся дальше национально-культурной автономии.

Примечания

1. Кателлер А. Россия – многонациональная империя. М., 1998. С. 214.
2. Так, в Виленской губернии в 1884–85 гг. большинство поляков-чиновников было уволено и заменено на русских служащих. (См.: Самбук С. М. Политика царизма в Белоруссии во второй половине XIX века. Минск, 1980. С. 100.)
3. Правила от 27 декабря 1884 г. // Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). 1887. Т. IV. С. 602–604; положение от 1 ноября 1886 г. (Там же. 1888. Т. VI. С. 470.)
4. ПСЗРИ. 1887. Т. V. С. 269–270.
5. Там же. 1905. Т. XXIII. Отд. I. С. 44.
6. Там же. 1907. Т. XXIV. Отд. I. С. 751.
7. Там же. 1887. Т. V. С. 95.
8. Там же. 1897. Т. XIII. Отд. I. С. 228.
9. Там же. 1902. Т. XX. Отд. I. С. 527.
10. Там же. 1907. Т. XXIV. Отд. I. С. 379.
11. Там же. 1908. Т. XXV. Отд. I. С. 437.
12. Там же. С. 710.
13. Иванов А. Е. Русский университет в Царстве Польском. Из истории университетской политики самодержавия: национальный аспект // Отечественная история. 1997. № 6. С. 28.
14. Закон от 6 ноября 1906 г. предполагал на время закрытия Варшавского университета использовать его профессуру в другом месте. Но даже эта мера не была реализована. (Иванов А. Е. Русский университет в Царстве Польском... С. 29.)
15. См. указ от 10 августа 1905 г., указ от 11 июня 1905 г., указ от 28 октября 1905 г. ПСЗРИ. 1908. Т. XXV. Отд. I. С. 491, 652, 783.
16. Там же. С. 928.
17. См. Дякин В. С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (начало XX века) // Вопросы истории. 1996. № 11–12. С. 41.
18. Например, исключено требование русского происхождения для председателей управ и большинства служащих.

19. ПСЗРИ. 1914. Т. XXXI. Отд. I. С. 170-175.
20. См. Дякин В. С. Национальный вопрос... С. 47; Национальная политика России: история и современность. М., 1997. С. 70-71.
21. ПСЗРИ. 1915. Т. XXXII. Отд. I. С. 797-799.
22. Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. М., 1926. Ч. II. С. 17-18.
23. Бахтурина А. Ю. Воззвание к полякам 1 августа 1914 года и его авторы // Вопросы истории. 1998. № 8. С. 135.
24. Миско М. В. Октябрьская революция и восстановление независимости Польши. М., 1957. С. 26.
25. Русско-польские отношения в период мировой войны. М., 1926. С. 17-19.
26. Левин С. М. Важнейшие законы, указы и распоряжения военного времени. Пг., 1915. Т. I. С. 554-585.
27. Там же. 1916. Т. II. С. 140-141.
28. Особый журнал Совета Министров 13, 16, 18 июля 1916 г. // РГИА. Ф. 1276. Оп. 10. Д. 72. Л. 216-227.
29. Международная политика новейшего времени... 1926. Ч. II. С. 53.
30. Там же. С. 60.

В. Т. Юнгблуд, А. А. Костин

ОСВОБОЖДЕНИЕ ЮГОСЛАВИИ И ПОЗИЦИЯ АМЕРИКАНСКОЙ ДИПЛОМАТИИ (1944 г.)

В статье исследуется американская позиция по вопросу освобождения Югославии в 1944 г. Показана роль президента Ф. Рузвельта, штаба армии и государственного департамента в разработке союзной стратегии ведения войны. Раскрываются причины отклонения Вашингтоном английских предложений принять участие в изгнании оккупантов с территории югославского государства. Рассматривается вклад американских ВВС в уничтожение сил противника на Балканах. Представлен анализ механизма использования Соединёнными Штатами своих экономических возможностей в качестве инструмента влияния на политическое развитие Юго-Восточной Европы.

1943 год вошёл в историю как год коренного перелома во второй мировой войне. Успехи советских войск поставили вопрос о возможном послевоенном лидерстве Москвы в европейских делах и вызвали сомнения в восстановлении английского влияния на юго-востоке Европы после войны. Это заставило Великобританию и Соединённые Штаты активизировать военные действия в Европе. Острой необходимостью стало открытие второго фронта.

При обсуждении проблемы определения направления союзного наступления в Европе противоречия

ЮНГБЛУД Валерий Теодорович – доктор исторических наук, профессор, проректор по научной работе, заведующий кафедрой всеобщей истории ВятГУ.

КОСТИН Алексей Александрович – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры всеобщей истории ВятГУ

© В. Т. Юнгблуд, А. А. Костин, 2003

во внешнеполитической стратегии Лондона и Вашингтона проявились в наибольшей степени. В отечественной историографии данный вопрос раскрыт достаточно полно [1]. Как правило, эта тема изучается в контексте союзнической дипломатии в отношении всего балканского региона, без анализа конкретных особенностей политики стран «большой тройки» в отдельных государствах. Наибольший интерес в данном отношении представляет Югославия. Внутриполитические события в этой стране в годы войны оказали большое влияние на позиции союзников в связи с усилением военного значения народно-освободительного движения под руководством И. Броз Тито, претендовавшего на политическое лидерство. Если установки Лондона и Москвы по югославскому вопросу и факторы, их обусловившие, ясны, то американская политика и причины, предопределившие её развитие, пока изучены недостаточно.

В конце 1943 г. Соединённые Штаты отказались принять средиземноморскую стратегию английского премьера У. Черчилля. Об этом свидетельствует позиция американского президента на Тегеранской конференции. Вопрос заключался в следующем: либо начинать операцию «Оверлорд» в назначенные сроки, либо отложить её ради операции в северо-восточном Средиземноморье. Рузвельт был против любого подобного промедления [2].

Президент предупредил Черчилля, что использование двух или трех дивизий на северо-востоке Средиземноморья неизбежно выльется в более крупную операцию. Будучи втянутыми один раз в балканские дела, далее было бы нелегко отказаться от продолжения наступления. Взамен президент предложил оказывать помощь Тито поставками и операциями командос – не в ущерб операции «Оверлорд», а ради неё, сковав немецкие дивизии на Балканах силами Тито [3].

Джордж Маршалл и другие представители американского штаба в то время непреклонно отстаивали перед английскими военными идею высадки на северо-западе Франции. В конце 1943 г., придавая первоочередное значение операции «Оверлорд», американцы учитывали весь комплекс факторов. Во-первых, по чисто военным основаниям открытие второго фронта во Франции имело особые преимущества. Основные вражеские силы были сосредоточены во Франции, Нидерландах и Германии. Кратчайший путь из Америки и Англии к Берлину проходил через пролив Ла-Манш. По причине огромных расстояний вовлечение в наступление на Балканах представляло более значительную трудность для передислокации и снабжения частей, чем высадка на севере Франции. Во-вторых, с политической точки зрения наступление во Франции служило демонстрацией американско-английской дружбы по отношению к русским и, в отличие от операции на Балканах, не могло вызвать у Москвы каких-либо подозрений [4]. В-третьих, Вашингтон исходил из учёта послевоенного баланса сил. Для

Черчилля целью балканской операции было сохранение английского контроля в районе Средиземноморья и предотвращение расширения советского влияния. Американцы не горели желанием защищать английские интересы. Соединённые Штаты в первую очередь волновала судьба экономически и политически более развитых стран Западной Европы. Было ясно, что будущие политические решения, принятые в европейских странах после уничтожения нацизма, будут зависеть от той державы, войска которой освободят их территорию.

Единственное, с чем согласились американские военные, – это привлечение военно-воздушных сил США для бомбардировок югославских городов, оккупированных врагом. Такие рейды в тыл противника стали для американских лётчиков обыденным делом. Наиболее крупномасштабными стали бомбардировки 16 апреля 1944 г., спустя три года после жесточайшей атаки Люфтваффе незащищённого Белграда в 1941 г., и 6 сентября 1944 г., в день рождения короля Петра II.

Правда, налёты были не всегда продуманы и, следовательно, успешны. В первый раз, 16 апреля, небо над столицей заволочили тучи и бомбы вместо мостов через Дунай и железнодорожных вокзалов упали на рабочие кварталы города. Воздушный налёт на Белград произошёл в разгар празднования православной пасхи. Тысячи верующих, заполнивших улицы города, приветствовали появление американских самолётов, полагая, что они летят в сторону Венгрии и Румынии. Атака оказалась направленной на беззащитное население и унесла много человеческих жизней. По данным югославского посла в США К. Фотица, всего в тот день погибло более четырёх тысяч человек [5].

Ситуация была осложнена тем, что американские бомбардировщики появились в небе над Белградом почти точно через три года после нападения на югославскую столицу немецкой авиации, что было крайне неудачным совпадением. Инцидент стал поводом для визита югославского посла к Хэллу и выражения протеста в связи с проведением воздушной операции, не имевшей военного значения. Госсекретарь выразил «глубокую озабоченность» и обещал, что сделает всё возможное, чтобы избежать повторения случившегося, но воздушные налёты на югославские города продолжались [6].

Во втором случае, 6 сентября, потери гражданских жизней в Белграде были сведены к минимуму, американские лётчики точно поразили цели. Но в черноморском городе Никшич бомбардировка превратилась в «кровавую баню», так как улицы были заполнены народом, празднующим день рождения короля [7]. Показательно, что уничтожение стратегических объектов в югославской столице произошло как раз перед вступлением в неё частей Народно-освободительной армии Югославии и Красной Армии.

В начале ноября 1944 г. югославская территория стала местом одного из первых вооружённых столкновений американских и советских военных. Об этой трагической случайности написал глава американской военной миссии в Москве генерал Джон Дин в своих воспоминаниях.

10 ноября Дин получил от первого заместителя начальника Генерального штаба Красной Армии генерала А. И. Антонова письмо, гласившее, что «в 12 часов 50 минут 7 ноября 1944 г. между городами Ниш и Алексинац в Югославии автоколонна советских частей была атакована группой американских истребителей, состоявшей из 27 лёгких самолётов». 9 советских самолётов сопровождения также подверглись нападению американцев.

Атака продолжалась 50 минут, пока глава советских лётчиков капитан А. И. Колдунов на свой риск не занял позицию под лидером американской группы, показывая маркировку советских ВВС. В результате налёта командир колонны генерал-лейтенант Г. П. Котов, два офицера, два пилота и ещё семь человек были убиты, двадцать автомобилей сожжены и три самолёта сбиты. Советское заявление требовало от американской стороны проведения немедленного расследования.

Истребители 15-й воздушной армии, взлетая с территории Италии, пересекали Адриатическое море и совершали налёты на германские части, отступавшие из Югославии. Обозначенная в советском коммюнике от 14-16 октября граница действия Красной Армии была превышена американскими лётчиками на 50 километров. Сложившаяся ситуация, по словам Дина, «совершенно смутила» штаб армии США. Инцидент был признан «несчастливым случаем», в Москву были отправлены искренние извинения, а глава атакующей эскадрильи, имя которого не называлось, был отстранён от командования [8].

Офицер, который вёл эскадрилью, по утверждению генерала Дина, был опытным военным лётчиком, имевшим налёт более 4 тысяч часов. Группа перед выполнением штурмового рейда «тщательно готовилась и инструктировалась». Перед эскадрилей штурмовиков «Лайтнинг» была поставлена боевая задача по уничтожению колонн противника и железной дороги в районе Съеница – Новипазар – Рашка – Митровица. Тем не менее командир американских лётчиков принял город Ниш за Новипазар. Допущенная им «навигационная ошибка» между начерченной на карте целью и в действительности атакованным объектом составила 88 километров, что подтвердила проявленная по возвращении на аэродром плёнка [9].

Американская сторона установила дополнительные ограничения, которые запрещали проведение тактических воздушных операций ближе чем в 80 милях (128 км) от известных советских позиций. Исключения из этих ограничений могли быть допущены «только по соглашению с советскими органами и после специальной подготовки». 26 ноября 1944 г. была вве-

дена в действие предложенная советской стороной и принятая союзниками новая временная граница для действий союзных воздушных флотов. Она проходила от Сараево на юг через Призрен – Прилеп до южной границы Югославии и далее на восток по северной границе Греции до Чёрного моря [10].

Конфликт был улажен. Его причиной стало отсутствие чёткой координации между войсками союзников. Вероятнее всего, это действительно было недопонимание, произошедшее, тем не менее, в очередную годовщину Октябрьской революции. Налёты американской авиации остались единственным проявлением военного участия США в освобождении территории Югославии. На большее Вашингтон не пошёл.

6 июня 1944 г. западные союзники высадились в Нормандии, открыв второй фронт, и начали наступление в Западной Европе. Их основные силы теперь были задействованы во Франции. Возможности переброски войск в Восточное Средиземноморье для крупномасштабных операций на Балканах стали минимальными.

22 июня американское правительство подтвердило правительству СССР, что Соединённые Штаты не берут на себя ответственность за осуществление «военной, морской или воздушной поддержки любой кампании на Балканах» [11]. Соединённые Штаты не имели военных возможностей для установления своего влияния на юго-востоке Европы, но использовать свои военные ресурсы для защиты английских интересов в этом регионе они также не желали.

29 июня глава Белого Дома в послании Черчиллю упрекнул англичан в том, что они «склонны пренебрегать жизненно важным соображением: большая стратегия требует скорейшего завершения войны», чему противоречит продолжительность предлагаемой Лондоном кампании. ФДР категорично заявил: «Я не могу согласиться на использование американских войск в Истрии и на Балканах... В конце концов, мой политический авторитет в Америке не выдержит даже незначительного отступления от развития операции “Оверлорд”, если станет известно, что весьма большие силы будут отвлечены на Балканы» [12].

1 июля Рузвельт напомнил Черчиллю о началах геометрии: «Кратчайшее расстояние между двумя точками – прямая линия», – Рузвельт заключил, что «следуя логике, нельзя рассредоточивать наши основные усилия, перебрасывая части на новый театр военных действий» [13].

Дж. М. Бёрнс вполне справедливо заключает, что позиция президента объяснялась его «скепсисом одержать максимально быструю победу в войне, а также обеспокоенностью реакцией Сталина и риском политических осложнений дома, которые неизбежно возникли бы в том случае, если бы стало известно, что он скрыл от избирателей факт использования в авантюрной балканской операции десантных судов, необходимых на Тихом океане» [14].

В начале осени 1944 г. проведение балканской операции потеряло всякий смысл. 26 сентября нарком иностранных дел СССР В. М. Молотов обратился к послам США и Великобритании в Москве с просьбой довести до сведения своих правительств следующее:

«Недавно советское командование обратилось к верховному командованию и Национальному комитету Югославии с просьбой разрешить некоторой части советских войск, в целях развития операций против немецко-венгерских войск в Венгрии, вступить временно на территорию Югославии, примыкающей к Венгрии, с тем чтобы по миновании надобности советские войска были уведены из Югославии.

Национальный комитет и верховное командование Югославии удовлетворили просьбу советского командования при условии, что в тылу советских войск на территории Югославии будет функционировать исключительно югославская гражданская администрация народно-освободительного движения.

Советское командование приняло это условие» [15].

28 сентября Красная Армия вместе с болгарской Народной армией перешла югославскую границу. На следующий день последовало официальное сообщение ТАСС по поводу заключения между советским правительством и НКОЮ соглашения о вступлении советских войск на территорию Югославии с целью оказания помощи НОАЮ в уничтожении противника в северо-восточной части страны.

Соглашение было заключено во время визита Тито в Москву 21-28 сентября 1944 г. В освобождении страны планировалось использовать силы III Украинского фронта, вышедшего на болгаро-югославскую границу, и Дунайской военной флотилии. Одновременно силы левого крыла II Украинского фронта должны были пересечь румыно-югославскую границу и развернуть наступление в Венгрию через северо-восточную часть Югославии [16]. После завершения освобождения югославского государства советские войска должны были покинуть его территорию. В освобождаемых районах устанавливалась власть Народного комитета освобождения Югославии [17].

30 сентября 1944 г. американский посол в Москве сообщил, что накануне между советским командованием и НКОЮ было достигнуто соглашение, разрешающее проход советских частей через югославскую территорию для дальнейшего развития наступления против врага [18]. Присутствие советских военных сил государственный департамент оценил в январе 1945 г. как «важный фактор» при выработке югославской политики США. Об этом свидетельствует меморандум главы Южноевропейского отдела государственного департамента Кавендиша Кэннона [19].

Соглашение между НКОЮ и советским правительством об участии союзных войск в освобождении югославской территории создало своего рода прецедент, после которого вступление в страну англо-американских войск без согласования с Тито встретило

бы сопротивление Народной освободительной армии Югославии, фактически признанной державами антигитлеровской коалиции в качестве военного союзника на Тегеранской конференции. Это повлекло бы за собой обвинения Англии и Соединённых Штатов в пособничестве Гитлеру, столкновения между англо-американскими войсками и партизанами и, в конечном счёте, разрушение союзного единства.

Подчёркивая свободолобивый характер югославского народа, Генри Киссинджер отметил: «Страна, неоднократно в одиночку воевавшая с Османской и Австрийской империями, яростно противостоявшая Гитлеру... не могла допустить, чтобы её территория стала открытой для движения иностранных войск» [20]. Надеяться, что НКОЮ даст согласие на участие в освобождении Югославии сил западных союзников, было бессмысленно. Вашингтон это понимал и не поддержал планов высадки англо-американских войск в Югославии. В Лондоне попытались найти «третью» силу, противопоставленную как Тито, так и скомпрометировавшему себя четническому генералу Драже Михайловичу. Такая сила была найдена. Лондон предпринял попытку непосредственного военного участия в освобождении Югославии самостоятельно, не поставив союзников в известность.

Предлогом стала необходимость обслуживания полевых орудий, переданных союзниками югославской армии. 28 октября англичане высадили в Дубровнике на побережье Далмации отряд во главе с бригадным генералом Генри Флойдом, который должен был подчиняться партизанскому командованию. Под «партизанами» в данном случае англичане понимали отряд бывшего четнического командира Воислава Лукачевича. До весны 1944 г. Лукачевич являлся представителем Михайловича в Лондоне и Каире. В мае на территории Югославии он создал «Независимую группу национального сопротивления», целью которой было появление в стране новой организации в противовес народно-освободительному движению Тито и вместо дискредитировавших себя четников Михайловича.

Английское намерение создать в Югославии «третью» силу, противопоставленную как партизанам, так и четникам, и ориентирующуюся на Великобританию, закончилась неудачей. Лукачевич не смог пробиться к отряду Флойда, был окружён и взят в плен частями НОАЮ, занявшими к середине ноября все далматийские порты. НКОЮ заявил Лондону протест на основании того, что с правительством Великобритании не было заключено соглашения, дающего право войскам союзников вступать в пределы суверенного государства, «как это было подписано между Югославией и Советским Верховным Командованием». Отряд Флойда был выведен [21]. Попытка военного вмешательства в югославские дела провалилась. 17 ноября Объединённый комитет начальников штабов согласился, что любая акция через Адриатику теперь уже бессмысленна [22].

По мнению главы английской военной миссии при штабе Тито Ф. Дикина, десант Флойда не являлся вступлением английских войск в Югославию. Это был всего-навсего один из серии диверсионно-разведывательных актов, которые американцами всегда воспринимались как нечто из ряда вон выходящее: «В основе послевоенной легенды о союзной высадке, без сомнения, лежат постоянно повторяющиеся с начала 1943 г. диверсионные рейды на Балканах. Характер английского присутствия, не только военный, вызывал в сознании американских политических и военных лидеров атактистические подозрения. Само слово “Балканы”, кажется, имело для них сильное эмоциональное содержание. Американские стратеги воспринимали территорию к востоку от Адриатики так же, как средневековые моряки воспринимали Западный океан, кишащий неизвестными чудовищами, при виде которых людей охватывал суеверный ужас» [23].

Американский отказ от участия в английской авантюре не был следствием «панического страха», о котором говорит Дикин. Оценивая ситуацию, Вашингтон отдавал себе отчёт в последствиях союзной интервенции в условиях существования соглашения о вступлении в Югославию частей Красной Армии, но преследовал, в отличие от англичан, другие цели. «Мой активный интерес в настоящее время в Балканском регионе заключается в том, чтобы предпринять шаги, которые вполне реально застрахуют нас от новой войны на Балканах», – так определил свою позицию президент во время переговоров Черчилля со Сталиным в Москве 9-18 октября 1944 г. [24]

Вашингтон понимал, что значение СССР в послевоенном мире будет велико, поэтому его позицию следует учитывать. Имея в виду послевоенные отношения с русскими, в беседе с кардиналом Стеллманом 3 сентября 1943 г. Рузвельт выразил надежду, что «из дружбы по принуждению со временем может получиться настоящая и длительная дружба» [25]. С учётом такой установки противодействие английским инициативам было вполне объяснимо.

Имперские амбиции ослабшей Британии, попытки Лондона установить новый баланс сил в Европе заставляли американцев противодействовать английским предложениям. По словам Лоренса Уиттнера, «американское влияние в этом регионе во время войны росло так же стремительно, как слабело английское» [26]. Становление СССР мировой державой Вашингтон оценивал как нечто неизбежное, поэтому и не пытался зря тратить свои силы на опережение Красной Армии в Юго-Восточной Европе.

В Югославии американцы с большей выгодой для себя надеялись использовать не военное присутствие, как англичане, а экономическое влияние путём материальной помощи в процессе восстановления освобождённой страны. Благо экономические возможности, в отличие от ослабленной Англии, позволяли Соединённым Штатам диктовать свои условия [27].

Джеймс Гормли, автор «Крушения Великого со-

юза», обоснованно отметил, что «американский кредит Великобритании и поставки по ленд-лизу создали для США благоприятные возможности для экономического проникновения в английскую сферу влияния и извлечения выгод из многосторонней торговли и более активной политики» [28].

Поставки по ленд-лизу, внешне выглядевшие как бескорыстная помощь союзнику, являлись наиболее значимой частью экономической политики Вашингтона и преследовали далеко идущие международные цели [29]. Статья VII каждого «Соглашения о принципах взаимопомощи в ведении войны против агрессоров», заключённого между США и союзными государствами, включала пункт о совместных действиях по «уничтожению всех форм дискриминации в международной торговле», «снижению тарифов и уменьшению иных торговых барьеров» [30].

В послевоенном мире, состоявшем из всего одного крупного кредитора и множества стран должников, ленд-лиз становился эффективным инструментом приведения миропорядка в соответствие с американскими экономическими принципами и политическими ценностями. Как только союзники пытались уйти от соблюдения VII статьи, тут же возможность продолжения помощи ставилась Вашингтоном под сомнение.

В деле Югославии использование помощи по ленд-лизу для усиления американского влияния было достаточно сложным. Это объяснялось изменением соотношения степени реальной власти в руках Петра II, эмигрантского кабинета, его бывшего военного министра Михайловича и партизан Тито. С королевским правительством соглашение о поставках по ленд-лизу было подписано 24 июля 1942 г., но события 1944 г. продемонстрировали стремительное падение авторитета югославского монарха и четников в стране. Заключить официальное соглашение с быстро увеличивавшим свой политический вес партизанским лидером Вашингтон не мог. Это противоречило американской политике непризнания военно-политических сил, возникших в ходе нацистской оккупации и не получивших легитимных полномочий от большинства населения государства.

Не последним фактором, повлиявшим на решение президента отказаться от участия американских вооружённых сил в операциях на юго-востоке Европы, стала внутривойсковая обстановка в Соединённых Штатах. 1944 г. был временем очередных выборов. Отвлечение сил от «Оверлорда» могло привести к провалу наступления на западе, а это негативно сказалось бы на президентском рейтинге. Балканская кампания в глазах избирателей могла явиться примером использования американских войск в английских интересах, что также, несомненно, подорвало бы позиции Рузвельта на выборах. Кроме того, президент был озабочен сохранением национального единства в Соединённых Штатах. После геноцида сербского народа в созданном оккупантами Независимом госу-

дарстве Хорватия проведение военной операции на Балканах могло спровоцировать новый виток этнических столкновений, которые неизбежно проецировались на американскую ситуацию и приводили к дестабилизации политической жизни. Отстраняться от учёта интересов национальных лоббистских групп Вашингтон не считал нужным.

В 1944 г. США преследовали в первую очередь цель скорейшего окончания войны, и для них хорошие отношения с Советским Союзом имели большое значение в плане дальнейшей совместной войны с Японией. Поэтому урегулирование территориальных и политических проблем в Европе на завершающем этапе войны постоянно корректировалось необходимостью вовлечения СССР в войну на Дальнем Востоке. Сочетание таких отчасти противоречащих друг другу задач определило своеобразие «балканской стратегии» США. При этом политические цели войны, столь важные для Великобритании, в Вашингтоне отнюдь не отменялись. Разница выражалась лишь в их иной географической направленности. Если англичане более дорожили Средиземноморьем, пытаясь балканским наступлением не допустить туда русских, то американцев более интересовала Западная Европа. При выработке своей балканской политики в 1943–1944 гг. Соединённые Штаты исходили из соображений военной целесообразности и политической стратегии, основанной на недопущении установления сфер влияния, препятствующих экономическому и политическому проникновению США в дела этого региона после войны.

Примечания

1. Борисов А. Ю. СССР и США: союзники в годы войны, 1941–1945. М., 1983; Бортанский С. Дипломатия периода второй мировой войны. Международные конференции 1941–1945 гг. М., 1959; Волков Ф. Д. За кулисами второй мировой войны. М., 1985; Всемирная история: В 13 т. Т. 10. Вторая мировая война 1939–1945 гг. М., 1965; Зайцев И. К вопросу об открытии второго фронта и его роли во II мировой войне // Военно-исторический журнал. 1959. № 6. С. 52–66; История второй мировой войны, 1939–1945: В 12 т. М., 1973–1982; Израэлян В. Л. Дипломатия в годы войны (1941–1945). М., 1985; Лебедев Н. Балканский вариант англо-американской стратегии в период II мировой войны // Новая и новейшая история. 1959. № 5. С. 41–60; Некрич А. Балканский вариант // Международная жизнь. 1959. № 8. С. 87–97; Ржевский О. А. История второго фронта. Война и дипломатия. М., 1988; Фалин В. М. Второй фронт. Антигитлеровская коалиция: конфликт интересов. М., 2000; Штолер М. А. Второй фронт в стратегии и дипломатии союзников: август 1942 – октябрь 1943 гг. // Новая и новейшая история. 1988. № 5. С. 58–76; Он же. Американское военное планирование и СССР. 1943–1944 гг. // Новая и новейшая история. 1994. № 6. С. 54–69; и мн. др.
2. Ehrman, J. Grand Strategy. Vol. V. L., 1956. P. 176.
3. Eubank, K. Summit at Teheran. N. Y., 1985. P. 306.
4. Martin, D. Ally Betrayed. The Uncensored Story of Tito and Mihailovic. N. Y., 1946. P. 226.
5. Fotich, C. The War We Lost. Yugoslavia's Tragedy and the Failure of the West. N. Y., 1948. P. 254.
6. Ibid. P. 255; Martin, D. Op. cit. P. 100; Roberts, W. Tito,

Mihailovic and the Allies. 1941–1945. New Brunswick, 1973. P. 214.

7. Martin, D. Op. cit. P. 101.
8. Deane, J. The Strange Alliance. The Story of Our Efforts at Wartime Cooperation with Russia. N. Y., 1947. P. 131–137.
9. Рубцов Ю. В. Ноябрь 1944-го: Инцидент у Ниша // Новая и новейшая история. 1999. № 2. С. 180.
10. Там же. С. 180–181.
11. Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941–1945: Документы и материалы: В 2 т. М., 1984. Т. II. С. 170.
12. Churchill & Roosevelt. The Complete Correspondence: In 3 vols. L., 1984. Vol. III. P. 222–223; Ehrman, J. Op. cit. Vol. V. P. 354–355.
13. Churchill & Roosevelt. Vol. III. P. 232; Ehrman, J. Op. cit. Vol. V. P. 357.
14. Burns, J. Roosevelt: The Soldier of Freedom. N. Y., 1970. P. 479.
15. Советско-американские отношения... С. 218; Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941–1945: Документы и материалы: В 2 т. М., 1983. Т. II. С. 179.
16. Гибанский Л. Я. Советский Союз и новая Югославия. 1941–1947. М., 1987. С. 111–112.
17. Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны: Документы и материалы: В 3 т. Т. II: 1 января – 31 декабря 1944 г. М., 1946. С. 236; Tomasevich, J. War and Revolution in Yugoslavia, 1941–1945: The Chetniks. Stanford, 1975. P. 417–424.
18. Foreign Relation of the United States. Diplomatic Papers.–1944. Vol. IV. Washington, 1966. P. 1410. (Далее – FRUS.)
19. FRUS.–1945. Vol. V. Washington, 1967. P. 1192.

20. Киссинджер Г. Нужна ли Америке внешняя политика? М., 2002. С. 294–295.

21. Tomasevich, J. Op. cit. P. 425–427; Martin, D. Op. cit. P. 277–278; Ehrman, J. Op. cit. Vol. VI. P. 510; Roberts, W. Op. cit. P. 285; Parkinson, R. A Day's March Nearer Home. The War History from Alamein to VE Day. N. Y., 1974. P. 400.
22. Higgins, T. Soft Underbelly. The Anglo-American Controversy over the Italian Campaign, 1939–1945. N. Y., 1968. P. 192–193.
23. Deakin, F. The Myth of an Allied Landing in the Balkans during the Second World War // British Policy Towards Wartime Resistance in Yugoslavia and Greece. N. Y., 1975. P. 114.
24. FRUS.–1944. Vol. IV. P. 1009.
25. Цит. по: Kunert, D. German-American Relations and the Soviet Union: Ph. D. diss. Georgetown, 1972. P. 340.
26. Wittner, L. American Intervention in Greece, 1943–1949. N. Y., 1982. P. 36.
27. Так, при обсуждении с Иденом вопроса об английских военных долгах перед Вашингтоном Черчилль в июле 1944 г. сказал: «Мы не должны забывать, что наш долг не следует рассматривать как обычный долг коммерческому банку. Существует риск, что при решении индийской проблемы мы будем вынуждены разделить с американцами политическое влияние и контроль. Финансы тесно переплетены с мощью, влиянием и суверенитетом государства». См.: Уткин. Черчилль: победитель двух войн. Смоленск, 1999. С. 565.
28. Gormly, J. The Collapse of the Grand Alliance, 1945–1948. Baton Rouge, L., 1987. P. 12.
29. Сунрун М. Н. Ленд-лиз и северные конвои, 1941–1945. М., 1997. С. 226–227.
30. Стеттиниус Э. Ленд-лиз – оружие победы. М., 2000. С. 303–304.

Новые книги

Русская культура в текстах, образах, знаках 1913 года

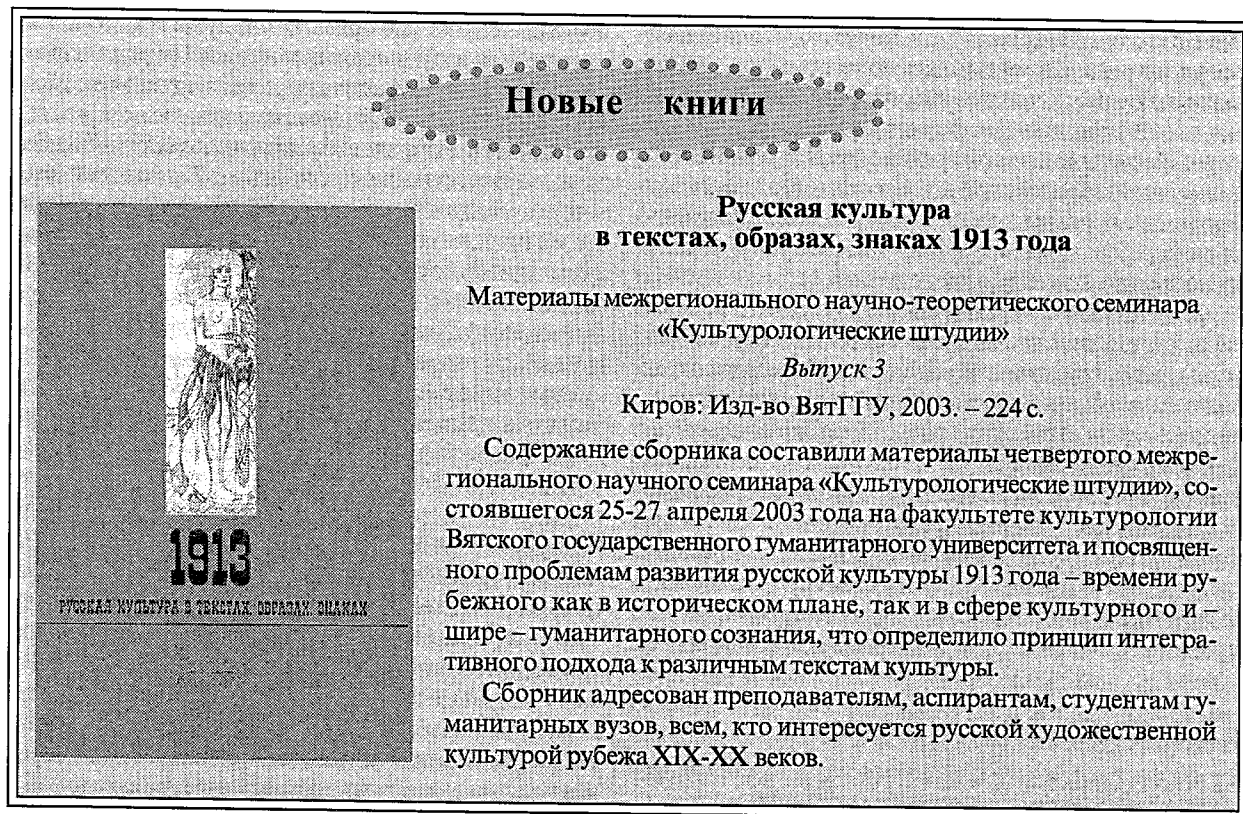
Материалы межрегионального научно-теоретического семинара
«Культурологические штудии»

Выпуск 3

Киров: Изд-во ВятГГУ, 2003. – 224 с.

Содержание сборника составили материалы четвертого межрегионального научного семинара «Культурологические штудии», состоявшегося 25–27 апреля 2003 года на факультете культурологии Вятского государственного гуманитарного университета и посвященного проблемам развития русской культуры 1913 года – времени рубежного как в историческом плане, так и в сфере культурного и – шире – гуманитарного сознания, что определило принцип интегративного подхода к различным текстам культуры.

Сборник адресован преподавателям, аспирантам, студентам гуманитарных вузов, всем, кто интересуется русской художественной культурой рубежа XIX–XX веков.

КРАЕВЕДЕНИЕ

И. В. Берова

«ВОСТОК» В АРХИТЕКТУРНОЙ КУЛЬТУРЕ ВЯТСКОГО РЕГИОНА

Архитектурная организация видимого мира и его хронологическая специфика порождает разнохарактерные культурологические парадигмы, устремленные к созданию новых поисковых зон в современной науке. Среди разнообразных мыслительных практик особое место занимает провинциология как особый ракурс бытия культуры. Автор выделяет как основной вектор исследования изучение провинциальной культуры через рассмотрение своеобразного и всеобщего «восточных» ориентаций конкретных архитектурных форм в тексте этнической онтологии.

Соотнесённость России с окружающим миром всегда выдвигала размышления о маргинальности её исторически сложившегося культурного феномена, «балансирующего» между Востоком и Западом. Являясь «периферийной» составляющей как западного, так и восточного ареала, внутри самого пространства русской культуры сложилось понятие «провинция» через оппозицию к столице-центру, т. е. восприятие региональности по отношению самой России. Влияние Востока и Запада как специфической системы координат, на равновесии которых осуществляется развитие культур, достигая удалённых от центров точек, специфически трансформировалось в контексте местной этносоциальной среды. Механизм растворения западноевропейской и восточной традиции под влиянием архетипического наглядно обнаруживается в сфере визуального оформления пространства средствами архитектурной деятельности.

Сама антитеза Восток-Запад трактуется в разных параметрах, чаще как «Европа-Азия», «христианство-ислам» или «христианство-буддизм». Но всегда сохраняется дуалистический смысл этой парадигмы. В провинции векторы «восточной» и «западной» ориентации проступают сквозь свой исторический опыт этнических и межрелигиозных контактов. Географическое положение Вятского края предполагает возможность влияния сопредельных народов и конфессий, культурные связи с которыми уходят вглубь тысячелетий. Вятская земля может служить своеобразной провинциальной моделью осмысления восточной тра-

диции. Помимо влияния разной силы интенсивности извне, наряду с язычниками и христианами непосредственно на территории края издавна развивалась ещё одна мировая религия – ислам. Юго-восточная часть нынешней территории края на протяжении веков граничила с государством Волжская Булгария, основанном в 922 г. Его влияние распространялось до берегов Вятки и Камы. Уже в начале X в. Ибн-Русте писал о прикамских булгарах, что они исповедуют ислам, имеют мечети и начальные училища [1], таким образом, ислам оказался первой религией на территории края.

Являясь северной окраиной мусульманского мира, местная культура развивалась на этнически пёстром фоне языческих традиций, в основном, финно-угорских народов. Славянская колонизация края в XII-XIII вв. способствовала проникновению в край христианства со своими пространственными формами бытования. Расположение края вдали от центров цивилизованного развития, с редким населением, медленным продвижением информации, вне досягаемости княжеской и царской власти (монотонный везде одинаковый ландшафт, переживание древних форм ведения хозяйства и общественной жизни) порождало этноцентризм, переживание своей ограниченности, когда своё начинает казаться единственно возможным. Поэтому любые духовные ценности, приходящие извне, преобразовывались в соответствии с местными ценностями и установками. Кроме того, контакты с внешним миром, даже с периферийными центрами цивилизации, очень невелики. В результате всё заимствование становится только формой. Сама же суть – местные представления, – принимая другую форму, по существу не изменяется. Идеализация жизни в обществе может быть угодной местным богам, культивирование общинных ценностей и представлений может рассматриваться как идеал угодного и христианскому и мусульманскому Богу соборного общегития. Сами условия славянского Востока – избыток природных ресурсов и сохранение пережитков – нивелировали внешние влияния. Во всяком случае, наличие мусульманской архитектуры в арабских традициях домонгольского периода и среднеазиатских черт монгольского периода в формах культурных построек в истории местного строительства «не прочитывается». Следует отметить, что христианская колонизация неслучайно в местный край византийскую традицию точно так же, как и влияние Казанского ханства эпохи средневековья «пропагандировало» ту же традицию, адаптированную мусульманской культурой. Привнесён-

БЕРОВА Ирина Валентиновна – кандидат искусствоведения, доцент кафедры культурологии ВятГУ
© И. В. Берова, 2003

ные из других культур христианство и ислам – ближневосточные варианты мировых религий, нужно было приспособить к новым условиям, что их сближало в строительной деятельности и определяло взаимопроникающие черты.

Проникновение в край славян сопровождалось изгнанием мусульманского населения с мест их проживания, так же как и финно-угорских народностей, крещением инородцев, разрушением мечетей, строительством деревянных церквей. Обратим внимание на то, что ломали далеко не все мечети, а лишь новопостроенные и близкие к поселениям новокрещённых. [2]. Поэтому можно считать, что выработанные традиции в средневековом мусульманском строительстве на территории Вятской земли, сохранили свою преемственность и в более поздних постройках, когда после 1744 г. мусульманам была предоставлена свобода веры.

Возможность передавать культурную информацию средствами искусства – один из наиболее доступных видов межвременных, межэтнических и межрелигиозных контактов. Архитектура мусульманских сооружений, лишённая государственного финансирования и сдавленная формальными ограничениями, к середине XIII в. пришла почти в полный упадок. В документах встречаются записи следующего содержания: «... деревни Биктовской, Сарсадские Псеевской и Ахтианские Тойкучинской (Елабужского уезда) мечетей нет, а есть небольшие домики, так называемые молитвенные, в которые за отдалённостью мечетей в простые дни сходятся жители и молятся, как в обыкновенных домах» [3] или «в деревне Нижней Сосне /мечеть/ деревянная, сильно покачнулася на восточную сторону, купол и полумесяц сломаны, лестницы на минарет узки и неудобны» [4].

В 1773 г. Екатерина II провозгласила принцип веротерпимости в обращении к Святому Синоду: «Как Всевышний Бог на земли терпит все веры, языки и исповедания, то Её Величество из тех же правил сходяствуя Её святейшей воле и в сём поступать изволит, желая только чтоб между подданными Её величества всегда любовь и согласие царствовало», и предписывает Синоду «не вступать в дела, касающиеся до всех иноверческих исповеданий и до построения по их религиям молитвенных домов, предоставляя всё это на рассмотрение светских команд, и даже вместе с светской властью заботиться, чтоб от того между подданными Императорского Величества не было никакого разногласия, но царствовала любовь, тишина и согласие» [5]. Реформы Екатерины II, «даровавшие» свободу вероисповедания, стали рубежом, за которым начинается этап возрождения утраченных традиций мусульманского храмостроения. После длительного периода самовольного строительства деревянных мечетей (каменное запрещалось) началось их возрождение в рамках российской государственности.

Церковь конкурировала с исламом, но не противодействовала его распространению рядом с собой.

За годы гонений на ислам сложились определенные традиции в архитектуре нелегальных мечетей. Они сформировались под влиянием местных условий формирования архитектуры и канонических правил, общих для всех мечетей мира. Мечеть – это специальное место для совершения молитвы по правилам мусульманского обряда, который предписывает снимать обувь при входе, становиться на колени и обращаться лицом в сторону Мекки при молитве. В северных климатических условиях это должно быть закрытое, небольшое, хорошо отапливаемое помещение, ориентированное на юг, в отличие от южных мечетей с внутренним двором. Сложившаяся композиция в виде продольно вытянутой срубной конструкции с высокой скатной кровлей для отвода воды и снега внешне напоминала обычный дом, имея небольшой минарет на крыше, или вовсе обходились без него, и вход с длинной стороны. Традиция татарских поселений – располагать мечеть в гуще застройки [6] – скрывала фасады. Только ориентированный на юг михраб в виде своеобразного сруба – «экрера» над подклетом и главная знаковая функция архитектурного образа – минарет – выделяли мечеть среди других построек.

Разработанные в 1829-44 гг. типовые проекты для строительства мечетей санкционированы были Оренбургским Магометанским Духовным собранием [7]. Проекты повторяли композиции ранее построенных без разрешения строительных органов сооружений. Документы по проведённой в Вятской губернии в конце XIX в. ревизии в связи с выходом закона Строительного устава об обязательном устройстве каменных фундаментов при постройке деревянных мечетей дают интересные факты. В случае отсутствия проектной документации на строительство, по указу губернской власти предписывалось «составить с натурой планы и фасады мечетей» для утверждения их в качестве проектных [8]. Все мечети, построенные около 100 лет «без разрешительных документов, и такие, время постройки которых неизвестно, освидетельствовать через станковых приставов, – указывалось в распоряжениях полицейских уездных управлений, – по свидетельству составить акты и представить их на рассмотрение строительного отделения» [9], где они утверждались «задним числом». Эта же комиссия выявила много нарушений, связанных с конструктивными ошибками. Подобная акция была проведена для принятия мер предосторожности при постройке мечетей «в отношении их прочности и безопасности для собирающихся в них людей ... что деревянные мечети, строящиеся обыкновенно длиной 8, шириной 4 и высотой 2,5 сажень с выдающимся выше крыши на 6 сажень минаретом, не могут быть устойчивы при возведении их на деревянных стойках, заменяющих фундаменты, а потому для безопасности собирающихся в мечеть людей необходимо устраивать их ... на каменных фундаментах» [10].

Зафиксированный обмерный материал мусульманских культовых сооружений на территории Вятской

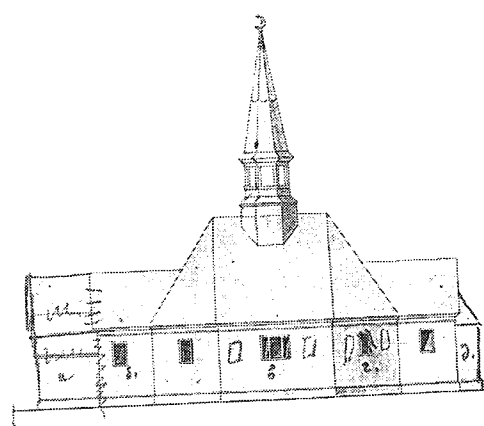

Рис. 1. Обмерный чертеж мечети в дер. Кестымской

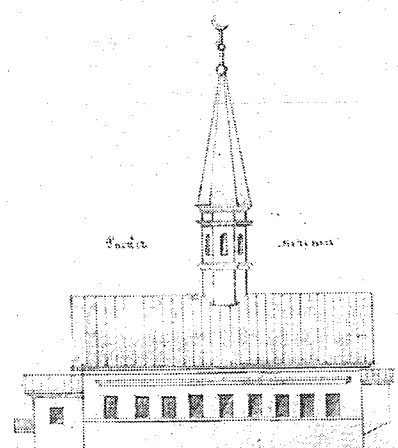

Рис. 2. Проект деревянной мечети в дер. Салауи Елабужского уезда. 1869 г.

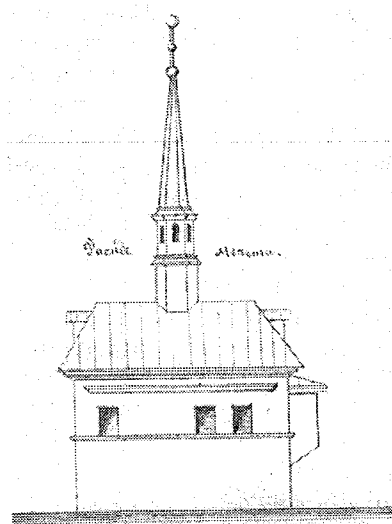

Рис. 3. Проект деревянной мечети в дер. Кадрала Елабужского уезда. 1865 г.

Рис. 4. Проект мечети на Раздерихинской улице в Вятке. Проект М. В. Дружинина. 1906 г.

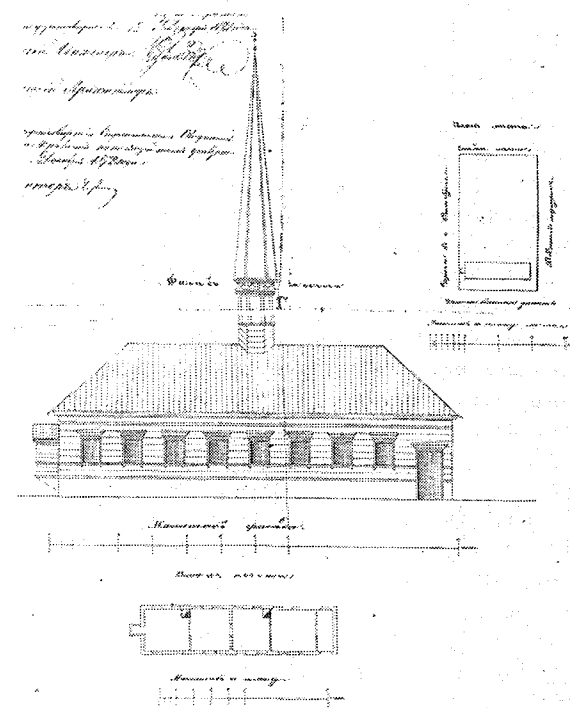

Рис. 5. Проект деревянной мечети. 1812 г.

губернии представляет тип татарской мечети с минаретом на крыше. Такой тип культового сооружения существовал ещё в вековой архитектуре Казанского ханства, а возможно, и в Булгарии. Мечети этого типа представляют прямоугольное одноэтажное здание с двускатной крышей и прямоугольным объёмом михраба с южного торца. Как особый тип мечети, несомненно сложившийся под влиянием местного архаичного христианского храмостроения, являются деревянные мечети, возведённые восьмериком от земли, дополненным прирубами михраба и притвора. Подобная мечеть существовала в деревне Кестымской Глазовского уезда [11] (см. рис. 1). Другой отличительной особенностью этого нетрадиционного строения являлось членение пространства основного, слегка вытянутого по оси север-юг восьмигранника, колоннами на три нефа. Этот приём широко использовался в местных каменных храмах трапезного типа, «перекочевав» в мусульманское строительство. Восьмигранный минарет над геометрическим центром здания представлял двухъярусную башню, состоящую из стержня, внутренней площадки азанчи и шатра, он крепился к стропилам и балкам перекрытия. Башни относительно небольшой высоты, что увеличивало её прочность ветровой нагрузке (см. рис. 2). Большинство мечетей имело подклетный этаж, который увеличивал высоту сооружения, функционально он предназначался для хозяйственных нужд. Характерный низменный минарет без внешней галереи, завершённый высоким пирамидальным шатром с двойным карнизом в нижней части (см. рис. 3), стабильность основных форм и рекомендуемых пропорций дают основание предполагать устойчивость традиционной формы и древнее её происхождение. Композиционные особенности этого типа мечети, вероятно, канонизировались ещё во времена средневековой Булгарии и Казанского ханства, позднее без изменений воспроизводились в памятниках народного зодчества. Широкое распространение в вятском регионе минаретов можно объяснить их идентификацией со знаковой формой христианского храмостроения – шатровой колокольней.

Шатровая форма, функционально универсальная для северного климата, зримо материализуя знак «божественной благодати», в оппозиции христианство-ислам имеет принцип двойного кодирования в разных культурах. Если в русской архитектурной традиции шатры несли светский смысл могущества русского государства, восторжествовавшего при покровительстве церкви, то и для мусульманского населения шатровые формы были органичной частью их дороссийской архитектуры. Минареты и колокольни имели шатровое завершение в деревянном зодчестве. А так как до строительства каменной мечети в начале XX в. в Вятке здесь не строили мечетей из камня, то проникновение европейских влияний: барокко, классицизма и ампира – не проявилось в формах мечетей. И только в каменной мечети г. Вятки (начало XX в., ар-

хитектор М. В. Дружинин) (см. рис. 4) можно усмотреть элементы модерна в круглящихся очертаниях декора, семантически обыгрывающих форму серпа в завершении. Но всегда здесь проступает древняя основа сельской деревянной мечети с минаретом на крыше (см. рис. 5).

Опыт совместного развития архитектурных культур, их взаимопроникновение показывают тесную взаимообусловленность и взаимодополняемость архитектурных форм. Представляя собой северную ветвь средневекового восточного зодчества, местная строительная культура в процессе перевода текста из кода культуры-донора в свой, породила элементы функционально целесообразные, при этом обогащая их новыми смыслами, которые базовая строительная культура в своем исходном тексте не знала.

Примечания

1. Хвольсон Д. А. Известия о хазарах, буртасах, мадырах, славянах и русских. Ибн-Даста. СПб., 1869. С. 23.
2. ПСЗРИ. 1759. Собр. 1-е. № 10991.
3. ГАКО. Ф. 583. Оп. 495. Ед. хр. 129. По отношению первого отделения об утверждении планов на мечети в Вятской губернии. 1882 г. Л. 80-об.
4. Там же. Л. 3, 221.
5. ПСЗ. СПб., 1830. Т. 38. С. 775, 248-256.
6. ПСЗРИ. 1829. Собр. 2-е. № 2903.
7. ГАКО. Указ. соч. Л. 3.
8. Там же. Л. 36.
9. Там же. Л. 81.
10. ГАКО. Ф. 583. Оп. 495. Ед. хр. 129. Л. 184-об.
11. Там же. Л. 629-628.

В. М. Кашина

ПЕРВЫЕ АГРАРНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ БОЛЬШЕВИКОВ ГЛАЗАМИ ОЧЕВИДЦЕВ (на примере Вятской губернии)

Статья раскрывает одну из страниц социальной истории вятского крестьянства в период «военного коммунизма». В ней засвидетельствованы главным образом первые аграрные мероприятия большевиков в вятской деревне глазами очевидцев. В основу положены письма в «Крестьянскую газету», сводки партийных и советских органов, отклики на различные мероприятия советской власти. Дан анализ противоречивых отношений вятского крестьянства с властью.

Осознание того, что изучение истории будет неполным, если в центр исторического процесса не поставит человека, повернуло вектор исторических исследований в русло социальной истории. Такой подход позволяет воссоздать историю глазами очевидцев.

КАШИНА Валентина Михайловна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и краеведения ВятГГУ
© В. М. Кашина, 2003

Первые аграрные мероприятия, проводимые большевиками, явились переломными, определившими дальнейшее развитие российской, а также вятской деревни на целые десятилетия. В связи с этим важно проанализировать, как эти мероприятия, организатором которых от имени Советской власти выступала правящая партия большевиков, отражались в сознании обыкновенного вятского крестьянства, какова была реакция на них и как власть учитывала в своей деятельности человеческий фактор.

Из многообразия исторических источников, освещающих данную проблему, важнейшим являются крестьянские письма, апеллирующие к власти. Эта традиция, берущая начало в далеком прошлом нашего народа, основана на вере людей во всемогущую власть. Возможно, что сама власть была заинтересована в письмах «снизу» как своего рода мониторинге общественного настроения. Кроме того, письма – своеобразные «сигналы с мест», позволяющие держать под контролем местную бюрократию. Крестьянство в отличие от других социальных групп предпочитало обращаться не в определенные государственные структуры, а к конкретным деятелям руководства, которым оно склонно было доверять. С ростом грамотности сельского населения и появлением специализированных изданий возрастает поток крестьянских писем в газеты.

Кроме писем важными источниками являются также резолюции крестьянских сходок, ходатайства и жалобы-обращения, исходящие непосредственно от крестьян, а не от официальных органов.

Первый опыт взаимоотношения новой власти и крестьян как в целом по России, так и в Вятской губернии выявил поддержку бедняцко-средняцкой массы. С мест поступали подтверждающие сообщения: «... за последнее время значительно улучшилось отношение населения к Советской власти» (Орловский и Глазовский уезды) [1], принимались резолюции, отражающие «решимость бороться с контрреволюционной буржуазией» [2]. Принятые властью декреты удовлетворяли самые насущные требования деревенских тружеников – мира и земли. Однако начавшийся в вятской деревне уравнильный передел земли и принятые властью аграрные законы и положения по «фаворитизации» бедноты, в соответствии с которыми приоритет отдавался «общей обработке» [3] и провозглашалась национализация земли [4], привели к усилению напряжения между различными слоями крестьянства. Это нашло отражение в воспоминаниях председателя Вятского губисполкома тех лет большевика Ивана Попова: «... мы имеем резкое размежевание деревенской бедноты, середняков и кулацкой группы» [5], «уже более наглядно начали прощупываться кулацкие настроения по отдельным волостям, в особенности в южных уездах губернии, наиболее хлебородных и зажиточных» [6].

Противоречивое, неустойчивое отношение вятского крестьянства к новой власти, правящей партии

складывалось, главным образом, в результате мер, принимаемых местной властью. В сознании людей верховная власть, как правило, идеализировалась или, по крайней мере, на нее не возлагалась ответственность за неэффективность действий. В своих ежедневных обидах вятский крестьянин склонен был винить прежде всего местную власть.

Деревня втягивалась в процессы модернизации не только и даже не столько за счет внутреннего саморазвития, сколько за счет действия внешних по отношению к ней факторов. А поскольку они не всегда отвечали внутренним установкам крестьян, постольку и их реакция на них не всегда оказывалась адекватной ожиданиям тех, кто реформировал аграрную систему.

Советская власть, предоставив крестьянам законодательно своеобразный «плюрализм» организационно-хозяйственных форм (подворная, хуторская, общинная, артельная) [7], на практике проводила «политику наибольшего благоприятствования» в отношении государственных и коллективных форм хозяйства в деревне. Об этом говорит письмо крестьянина В. А. Бякова хутора Бяковских Селезневской волости Слободского уезда в «Крестьянскую газету». Он делится своими рассуждениями о том, что при царской власти «было больше помощи на поднятие сельского хозяйства»: земство давало ссуды, семена без возврата, долгосрочные кредиты. «Теперь помощь можно получить только языком... ссуду единоличникам не разрешают... И вот Советская власть имеет сынков и пасынков... Я бы просил Советскую власть, все же побольше обратить внимание на крестьянина как фундамент Государства». Крестьянин сетует также на то, что по Земельному кодексу «можно сделать любой выбор землепользования... А теперь не дают... Как например хутора и отруба никак не получить» [8]. Письмо примечательно тем, что живо раскрывает круг интересов крестьянина с практической жилкой, чувством хозяина, уверенного в том, что именно он является фундаментом государства, что именно из непосредственных крестьянских нужд должна исходить его политика. Однако вряд ли мнение таких крестьян было преобладающим. Старая общинная психология давала себя знать в определенных нормах поведения, отношении к труду. Общинное крестьянство сохраняло устойчивую приверженность к гибкому сочетанию общественного владения землей и индивидуального пользования на основе уравнильных переделов. Крестьяне не спешили стать коллективистами и социалистами, какими хотели видеть их большевистские лидеры.

«Красногвардейская атака» на капитал, управление экономикой лодьями, часто малосведущими и неподготовленными, привели к ее развалу. Резко встал вопрос о снабжении городов продовольствием и, прежде всего, хлебом. Необходимо было организовать товарообмен, чтобы извлечь из деревни хлеб. Однако по существу товарообмена не было. В поход за хле-

бом из городов направлялись продотряды, а в помощь им в деревне организовывались комбеды. Взамен изъятых продотрядами «излишков» в деревню должны были направляться промышленные товары: ткань, соль, сахар, керосин и т. д. Ввиду милитаризации экономики товаров было поставлено очень мало, и распределялись они по классовому принципу. Товар часто служил не средством обмена, а премией за содействие в выкачке хлеба у более крепких хозяйств. О том, как строился продуктообмен в Вятской губернии, дает представление письмо В. И. Ленину неизвестного крестьянина Глазовского уезда. Он говорит «о ненормальностях в области продовольствия». Вопреки установленным «нормам питания для земледельческого населения» и «потребного количества семян» на деле не считаются ни с какими нормами, «отбирают все» [9]. Крестьянин отказывался понимать, почему у него продотряды «сначала отбирали, мучали мужика, свозили зерно на ссыпной пункт, а затем взятое за 41 руб. отдавали за 100 руб.» Обращаясь к вождю, он выражает свое несогласие с проводимой политикой и настаивает на том, что «нужно... крестьянину дать человеческие условия для жизни!... Ведь этот несчастный мужик несет все тяжести на своих плечах, как безответное животное» [10].

Новая власть в Вятке, еще слабая, проходила настоящее испытание на прочность в условиях «жарких» кризисных весны-лета 1918 г. В этот период между центральной и местной властями обострились противоречия. В основе их – сопротивление реквизициям центра и разрешение свободной торговли, что более соответствовало здравому смыслу действий крестьянских по своей сути Советов Вятской губернии. Производителями основной массы товарного зерна в губернии были южные уезды (Елабужский, Малмыжский, Сарапульский, Уржумский). По подсчетам губернского продовольственного комитета здесь сосредоточились основные излишки хлеба. При строгом соблюдении закона о государственной хлебной монополии запасов хлеба в губернии было достаточно не только для обеспечения собственных потребностей, но и для отправки значительного количества в голодающие районы страны [11]. Этим объясняется усиленное внимание центра к Вятской губернии в этот период. Значительная часть населения губернии оказала решительное сопротивление продовольственной политике центральной власти. Твердые цены отменялись многими волостными Советами Уржумского, Малмыжского, Орловского, Нолинского уездов [12]. Это движение было поддержано Вторым губернским съездом Советов: он повысил закупочные цены в 2-3 раза против существующих [13].

Губернская власть не имела ни сил, ни средств для организации самостоятельной заготовки хлеба по линии Наркомпрода. Для организации хлебозаготовок из центра в губернию были направлены многочисленные продотряды. На пристани Турек Уржумского уезда был создан штаб всех продовольственных

отрядов. Формально он подчинялся губпродкому, но из-за плохой связи с Вяткой действовал фактически автономно. Это приводило к несогласованности и бесконтрольности в действиях продотрядов. Продотрядовцы совершали насилия, открыто грабили, пьянствовали. Население отнеслось к их деятельности крайне негативно [14]. Предпочитая уберечь хлеб от изъятия, крестьяне пускали зерно на переработку на самогон. Рабфаковец П. Кандаков, побывав на летних каникулах в с. Корляки Юкшумской волости Яранского уезда, написал в «Крестьянскую газету» обширный отчет о своем пребывании. «Неладно вот что-то дело с самогоном. «В этом для нас единственное развлечение и удовольствие, – говорят пьяные мужики. – Все ломай да ломай, а надо же когда-нибудь отдохнуть и поразвлечься... А горькая у государства не в силу, ну вот самогон выгоднее...». В праздники самогон льется рекой. А в результате – ни одного гулянья, сборища молодежи не обходится без скандалов и драки... Пережитки старого еще до сего времени не изжиты и очень туго поддаются исправлению» [15].

Из всего вышеизложенного следует, что отношение различных слоев деревни к первым аграрным мероприятиям большевиков отличалось определенными колебаниями. Крестьянство не было молчаливым большинством, готовым безропотно подчиниться властям. Наряду с попытками приспособиться к новому режиму всегда наблюдалась тенденция к сопротивлению, отчуждению от власти. Многие в политике большевиков противоречило интересам всех крестьян. Мероприятия новой власти крестьяне оценивали не с точки зрения политической целесообразности, а в первую очередь с точки зрения хозяйственной. Мнение сельских жителей большевистская партия вынуждена была принимать во внимание, так как в противном случае недовольство крестьян грозило привести к падению существующего режима. Это заставило большевиков перейти от политики «военного коммунизма» к нэпу. Однако противоречия между крестьянством и властью и в дальнейшем, как показывает история российской и вятской деревни, не были сняты.

Примечания

1. См.: ГАКО: ФР. 876. Оп. 2. Д. 2. Л. 62.
2. Там же. Л. 55.
3. См.: Декреты КПСС и советского правительства по хозяйственным вопросам. 1917 – 1957 гг. Т. 1. 1917 – 1928. М., 1957. С. 45.
4. Там же. С. 97.
5. КИДНИ: Ф. 45. Оп. 1. Д. 103. Л. 14.
6. Там же. Л. 22.
7. См.: РГАЭ: Ф. 396. Оп. 5. Д. 30. Ч. 1. С. 15-17.
8. Там же. Л. 82-83.
9. См.: РГАЭ: Ф. 1943. Оп. 1. Д. 693. Л. 32.
10. Там же. Л. 33 об.
11. См.: ГАКО: Ф. 1783. Оп. 4. Д. 204. Л. 16.
12. См.: II Вятский губернский съезд Советов крестьянских, рабочих и солдатских депутатов. Вятка, 1918. С. 78.
13. См.: Известия Вятской губернии. 1918. 25 апр.

14. См.: Тимкин Ю. Н. Смутное время на Вятке. Киров, 1998. С. 74-75.

15. РГАЭ: Ф. 396. Оп. 3. Д. 212. Л. 145-146.

Л. Г. Подлевских

ПЕРСОНАЛЬНЫЙ СОСТАВ ПОЛЬСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ССЫЛКИ В ВЯТСКОЙ ГУБЕРНИИ 60-90-х гг. XIX в.

Подавление восстания 1863 г. и правительственная политика, направленная на устранение его последствий, привели к возникновению особой группы внутри провинциального городского русского общества – польской политической ссылки.

О размерах и значимости этого социального слоя в провинциальной России можно судить по данным, открытым в середине XX в. Больше число исследователей ссылается на данные открытые в 60-х гг. XX в., называющие как общее количество сосланных, так и число губерний, в которых тем предостало жить: 36 459 человек и 39 губерний Сибири и Европейской России. Этому мнению придерживаются, например, Н. П. Митина и Б. С. Шостакович [1].

Кеннан останавливается на иных количественных показателях польской политической ссылки: «Всего за этот период было сослано около 100 000 поляков и не одна тысяча политических заговорщиков. Мои расчеты охватывают только время между 1879 и 1885 годами» [2] и, следовательно, эти данные не учитывают переселений, прошедших с 1863 по 1879 гг.

Общим во мнениях исследователей польской политической ссылки остается признание неопределенности количественных параметров данного социально-политического явления. Останавливаясь на этом вопросе, Шостакович замечает: «Вследствие отсутствия точного их учета сведения о численности сосланных заметно расходятся в работах различных исследователей (от 18 606 человек до 22-ти тысяч и даже 30-ти тысяч)» [3]. Нижнего предела данной оценки – 18 тысяч человек – придерживается, например, В. М. Фоменкова [4].

Вятская губерния, ставшая одним из мест концентрации ссылных поляков, не могла не испытать на себе ее воздействия. Ссылка поляков в этот край быстро перешла определенные для нее правительством границы, и в течение двух лет структура населения Вятской губернии изменилась вследствие включения нового элемента. Сократившееся в 40-х гг. XIX в. число поляков на вятской земле стало быстро расти. Данные о количестве польской политической ссылки в

Вятке, подобно общероссийским, отличаются неопределенностью. В частности, П. Н. Луппов назвал всего 542 человека [5]. Т. А. Дворецкая выделила поляков, сосланных непосредственно за участие в польском восстании 1863 г., определив их численность в 498 человек, А. А. Машковцев остановился на особом аспекте данной проблемы, выявив особую профессиональную подгруппу среди них – ссылное католическое духовенство [6].

Итак, исследования польской ссылки в Вятке 60-90-х гг. XIX в. верхний предел данной социальной группы среди населения губернии определяют в 542 человека. Но эта оценка игнорирует важнейшую особенность политики российского правительства по отношению к участникам подавленного мятежа, которая состояла в делении последних на разряды и, как следствие, наличии целой системы мер, соответствующих каждому разряду. Одним из наиболее тяжелых наказаний было заключение в арестантских ротах.

Система арестантских рот была создана еще в правление Николая I, о чем упоминал М. Н. Гернет, рассматривавший создание арестантских рот как попытку «широкой милитаризации тюрьмы, превращения тюрем в каторжные казармы. Солдатская служба для крестьян и всех непривилегированных сословий сама по себе была своего рода каторгой, но арестантские роты гражданского ведомства должны были стать еще более тяжелой каторгой. Такое «военизирование» целой отрасли борьбы с преступностью вполне отвечало реакционному направлению всей внутренней политики Николая I с его стремлением превратить всю Россию в одну огромную казарму...» [7].

В Вятке также существовала арестантская рота гражданского ведомства. Вопрос о создании данного подразделения в губернском городе Вятка возник еще в октябре 1832 г. [8], однако на протяжении более чем 30 лет он решен не был (хотя строительство каменных построек именно для этой роты завершилось еще в 1856 г.). В 1863 г. местной властью (в виде отчета губернатора) было сообщено правительству о возможности и готовности содержания собственной арестантской роты: «Ныне, при осмотре этих зданий состоящим при военном министерстве генерал-лейтенантом Синельниковым, признано возможным поместить в оные политических арестантов из поляков, к приведению чего в исполнение... будет сделано распоряжение» [9].

Открытие вятской арестантской № 38 роты гражданского ведомства состоялось 29 марта 1864 г. и с самого начала своего существования она была наполнена политическими: уже в этом году поляков в ней «содержалось 283 человека, из них 5 умерли» [10]. Исчерпывающей сводки данных о поляках, отбывавших наказание в этом подразделении, нет, но материалы вятского губернского правления и департамента полиции исполнительной свидетельствуют о весьма значительном количестве этой категории «подопечных». Всего установлены имена и фамилии 469 со-

державшихся в вятской № 38 арестантской роте гражданского ведомства польских повстанцев [11].

По Дополнительным правилам о порядке суждения и распределения пленных польских мятежников в Вятскую губернию (наравне с Архангельской, Пермской и Вологодской) должны были поступать арестованные из губерний Виленского военного округа и губерний Витебской и Могилевской. 28 октября 1863 г. Комитет министров за подписью управляющего делами комитета Ф. Корнилова направил министру внутренних дел выписку из журнала заседаний от 8 октября «О мерах для распределения лиц, высылаемых из ЦП и Зкрая за участие в мятеже и содействие оному» и Высочайше утвержденные «Правила о распределении повстанцев по арестантским ротам гражданского ведомства и о содержании их в сих ротах». Высылаемые из Польши и Западного края повстанцы должны были содержаться в арестантских ротах отдельно от прочих арестантов, что объясняет наполняемость вятской роты исключительно поляками: при наличии прочих арестантов не было бы возможности соответствовать указанному требованию [12].

Пребывание поляков в арестантской роте не было продолжительным: уже в апреле 1866 г. Валуев предписанием за № 73 передал губернаторам высочайшее повеление «о милостях, которые могут быть оказаны лицам, высланным за участие в мятеже», согласно которым лишенным всех лично и по состоянию присвоенных прав и преимуществ и сосланным в Сибирь на водворение по окончании срока содержания в арестантских ротах, а равно и тем, которые присуждены к ссылке в Сибирь на водворение без временного содержания в арестантских ротах, по водворении их в Сибири, даровались на новых местах жительства прежние права состояния, а содержащимся в арестантских ротах сокращался срок заключения наполовину и затем, по истечении сокращенного срока, они должны были поселиться в Сибири [13]. Исполняя высочайшую волю, губернские власти приступили к освобождению и пересылке в Сибирь перечисленных в ней категорий поляков. Большая часть поляков, поступивших в арестантскую роту в 1864 г. с приговорами на срок от 2 до 5 лет, пробыли здесь лишь полтора года. Партии освобожденных из арестантской роты были разными по численности: наибольшая из них была сформирована в 1866 г., когда, после высочайшего повеления об уменьшении срока заключения наполовину, в 1866 г. из роты были освобождены и переведены на жительство в сибирские губернии сразу 229 поляков [14]. В дальнейшем пересыльные партии становятся гораздо меньшими, их численность колеблется от 3 до 16 человек.

Исходя из особенностей правительственной политики по отношению к повстанцам, определение приблизительного количества поляков на вятской земле в данный период должно производиться путем сложения данных П. Н. Луппова и Т. А. Дворецкой (основанных на материалах губернаторской отчетности)

и данных о содержавшихся в арестантской роте, что даст возможность определить нижнюю границу численности данной социальной группы в Вятской губернии (1011 человек). В это число входят только поляки, чьи имена и фамилии точно установлены. Помимо них имеются рапорты командира арестантской роты о численности арестантских партий, персональный состав которых достоверно не выявлен.

К этому числу необходимо добавить добровольно прибывших с подвергшимися наказанию членов семей и поступивших в услужение. Они не являлись собственно ссылными, но по своему социальному положению могут быть зачислены в состав польской политической ссылки.

Таким образом, в 1863-1865 гг. в структуре населения Вятской губернии искусственно был создан новый элемент, характеризовавшийся рядом особенностей:

1) особый правовой статус по отношению к остальным слоям населения: положение ссылного подразумевало прежде всего ряд ограничений (к примеру, на занятия, на передвижения), само существование данной социальной группы определялось особым комплексом правовых актов, в основе которого лежал устав о ссылных;

2) этническое отличие от прочих элементов провинциального общества (свой язык, отличие поведенческих стереотипов);

3) особая сословная принадлежность (большая часть ссылных поляков принадлежала в прошлом к мелкому дворянству);

4) значительный удельный вес по отношению к городскому населению (концентрация ссылных поляков в строго определенных местах проживания и, особенно, в губернском городе);

5) однородный возрастной состав (преобладающее количество в составе ссылных людей среднего возраста – от 30 до 50 лет);

6) повышенная степень социальной активности (для того, чтобы попасть в состав политической ссылки, следовало если не совершать активных, политически направленных действий, то хотя бы в какой-либо мере выразить личное неприятие существующей системы отношений в империи);

7) особого рода жизненный опыт: сюда может быть отнесено участие в активных социальных действиях, отношения с властными структурами самых разных регионов империи, «путешествия» во время бесконечных пересылок по российским просторам (что само по себе создавало определенный тип личности и его отношение к социальному контексту);

8) постоянное обновление состава: поляки, проходившие через арестантскую роту, после полного или частичного отбывания этого вида наказания, направлялись, согласно циркулярному предложению министра внутренних дел от 5 ноября 1863 г. за № 190, в Тобольскую губернию для водворения на землях ведомства государственных имуществ [15]. Поэтому,

например, поляки Окуневский и Рудзинский в 1864 г. пробывали на вятской земле всего по 6 месяцев, после чего были высланы в Сибирь, в 1865 г. многие пребывали в составе этого подразделения один год, после чего незамедлительно выслались (так, партия из 16 поляков, кроме внезапно заболевшего Войцека Спришинского, 29 марта была передана в ведение Вятского Городового Полицейского Управления для отправки на восток. На обороте рапорта командира роты резолюция Батурина гласит о необходимости немедленной передачи арестанта Спришинского в ведение Вятского Городового Полицейского Управления после выздоровления [16]. Не всегда ссыльные поляки сразу достигали места своего постоянного пребывания; маршруты их передвижения нередко бывали весьма замысловатыми: например, Густав Ковнацкий в письме от 14 июня 1870 г. писал брату о своих «приключениях», в ходе которых он был сослан в Кременчуг, «из Кременчуга в Полтаву, а оттуда выслан в Вятку, откуда... был направлен на жительство в Яранск...» [17].

Изменение персонального состава польской политической ссылки в Вятской губернии и в целом по империи происходило и в более поздний период; например, в 1871 г. вновь прибывших в губернский город из одной лишь Енисейской губернии поляков насчитывалось 26 человек [18]. Но в это время имперские власти уже не воспринимали ее как своего главного противника. Поляки как социокультурная группа стали естественным компонентом городского населения Вятской губернии.

Примечания

1. Эти сведения содержались в советское время в: ЦГИА СССР. Ф. 1267. Оп. 1. Д. 2. Л. 7; *Митина Н. П.* Во глубине сибирских руд. К столетию восстания польских ссыльных на Кругобайкальском тракте. М., 1966. С. 10; *Шостакович Б. С.* Поляки в Сибири в 1870–1890-е годы (из истории русско-польских отношений в XIX веке): Дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 1974. С. 108.
2. *Кеннан Дж.* Сибирь и ссылка: В 2 т. СПб., 1999. Т. 1. С. 131.
3. *Шостакович Б. С.* Указ. соч. С. 108.
4. *Фоменкова В. М.* Участники польского освободительного движения в вятской ссылке // КГПИ. Уч. зап. Вып. 19. Кафедра истории СССР. Киров, 19. С. 116.
5. *Луппов П. Н.* Политические ссыльные в Вятской губернии в 1825–1905 гг.: Всего 1382 лица, в том числе 111 женщин. Киров, 1947 (машинопись, хранится в отделе краеведческой литературы Областной библиотеки им. А. И. Герцена, шифр Д 669 – П 2).
6. *Дворецкая Т. А.* Участники польского восстания 1863–1864 годов в вятской ссылке: (Библиографический словарь). Киров, 2002. С. 1; *Машиковцев А. А.* Католицизм в Вятской губернии (вторая половина XIX в. – 1917 г.). Киров, 2001.
7. *Гернет М. Н.* История царской тюрьмы: В 5 т. Т. 2. М., 1961. С. 40–41.
8. ГАКО. Ф. 582. Оп. 139. Д. 3. Л. 1.
9. РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 3095. Л. 712 об.
10. РГИА. Ф. 1281. Оп. 7. Д. 37. Л. 29 об.
11. ГАКО. Ф. 583. Оп. 603. Д. 1078; РГИА. Ф. 1286. Оп. 50. Д. 507.

12. РГИА. Ф. 1286. Оп. 53. Д. 32. Л. 64–67 об.; 101.
13. Там же. ЛЛ. 162–162 об.
14. ГАКО. Ф. 583. Оп. 603. Д. 1078. Л. 189–230.
15. Там же. Л. 1; 24.
16. Там же. Л. 22; 23; 33–33 об.
17. ГАКО. Ф. 583. Оп. 603. Д. 1087. Л. 33.
18. РГИА. Ф. 1286. Оп. 53. Д. 214. Л. 258 об. – 267.

С. В. Ломтев

ПРОМЫСЛОВАЯ КООПЕРАЦИЯ КИРОВСКОЙ ОБЛАСТИ НАКАНУНЕ И В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Статья о состоянии промкооперации подготовлена по документам из архивов г. Кирова.

Перед началом войны Кировская область обладала развитой системой предприятий промышленной кооперации, что помогало решать проблему дефицита товаров широкого потребления. Опирающаяся на традиции народных промыслов (до революции удельный вес кустарной промышленности составлял около 19,8%), использующая в основном местное сырье и отходы областной государственной промышленности, промкооперация обеспечивала товарами не только Кировскую область. Ее продукция была известна по всей стране. Так, Кировская промкооперация славилась на весь Советский Союз вятскими баянами и гармониями. На выработке этих изделий в 1940 г. работало 1591 человек в 14 артелях. В этом году предприятия промкооперации произвели 6192 баяна, 23500 гармоний и 41800 детских гармошек [1]. В Кировской области артелями промкооперации в 1940 г. было выпущено 27,4 тонн сыромяти, 12,8 тыс. овчинных полушубков, 4,3 тыс. пар лыж, 735,9 тыс. пар обуви, на 81 тыс. литров гончарной посуды и прочей продукции, необходимой населению [2].

На территории области в 1940 году насчитывалось 363 артели, объединенных в 9 промысловых союзов. Восемь союзов подчинялись Облпромсовету, и один союз был непосредственно подчинен Управлению Промкооперации при СНК РСФСР.

Весной 1941 г., в соответствии с постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 7 января 1941 г. «О мероприятиях по увеличению производства товаров широкого потребления и продовольствия из местного сырья» и постановлением СНК СССР от 18 марта 1941 г. началось реформирование управления системой промкооперации. Руководство промышленной ко-

ЛОМТЕВ Сергей Вениаминович – аспирант кафедры современной истории России Нижегородского государственного педагогического университета
© С. В. Ломтев, 2003

операцией переходило к Управлению промышленной кооперации при СНК РСФСР [3]. Однако в связи с началом Великой Отечественной войны преобразования затянулись. В Кировской области Облпромсовет был ликвидирован только в январе 1942 г. Руководство деятельностью промкооперации области перешло к Уполномоченному Управления промкооперации при СНК РСФСР. К тому времени на территории области было 6 промсоюзов.

Руководство партии и государства ставило перед системой промкооперации важные задачи. Артели промышленной кооперации должны были обеспечить население товарами широкого потребления и услугами, освободив от этой задачи предприятия государственной промышленности. Артели Кировской области перед войной с этими задачами справлялись довольно успешно. С началом Великой Отечественной войны ситуация изменилась в худшую сторону. Промкооперация должна была по-прежнему обеспечивать население услугами и товарами ширпотреба. Но кроме этого артели были обязаны вести работу, связанную с обороной страны. Это было как производство продукции для фронта и оборонной промышленности, так и производство изделий, ранее выполнявшихся предприятиями государственной промышленности.

Перестройка промкооперации на новые условия проходила трудно. Если в целом по РСФСР падение производства в системе промкооперации составило 59,9%, то по Кировской области этот показатель был 25% [4]. Количество артелей сократилось с 363 до 264. Производственные помещения, оборудование, квалифицированные кадры передавались в ведение других наркоматов и оборонных заводов. Так, наиболее крупные, технически оснащенные и производственные организованные кооперативы, в количестве 15 артелей, с производственной программой в 44,2 миллиона рублей, в конце 1941 года были переданы другим наркоматам [5]. В связи с передачей промфонда и производственных помещений номерным заводам, а также из-за недостатка рабочей силы, в 1941–1940 годах были ликвидированы или слились с другими 86 артелей промкооперации области.

Положение стало меняться в лучшую сторону только в 1943 г., когда объем производства увеличился на 20,6% по сравнению с 1942 г. В годы войны система промкооперации выполняла важные государственные заказы. Швейная, кожевенная и механическая отрасли в значительной своей части были переклочены на выработку армейского обмундирования и снаряжения. Металлообрабатывающая отрасль занималась выполнением различного рода спецзаданий для Красной Армии и оборонной промышленности. Такие же изменения произошли и в других отраслях промкооперации – деревообрабатывающей, лесохимической и даже галантерейной и производства культуртоваров. Кроме того, на промкооперацию были воз-

ложены задания по производству продукции для предприятий государственной промышленности и сельского хозяйства.

Но важнейшей задачей оставалось производство товаров широкого потребления. Руководящие органы неоднократно это подчеркивали. Управление промышленной кооперации при СНК РСФСР в приказе от 9 января 1942 г. еще раз обратило внимание председателей областных и краевых исполкомов, что местная промышленность и промкооперация в условиях военного времени, наряду с безусловным выполнением оборонных заказов, являются главной базой производства товаров широкого потребления. В приложении к данному приказу Кировский Облпромсовет получил задание организовать в 1942 г. производство товаров ширпотреба 18 наименований и работу 120 мастерских по ремонту обуви и одежды. Обллеспромсоюз должен был выпустить товары 14 наименований. Уже 26 января Управление промкооперации установило дополнительные задания на 1942 г. по производству товаров ширпотреба [6].

Эту работу областной промкооперации приходилось выполнять в очень сложных условиях. Наиболее технически оснащенные предприятия, имевшие квалифицированные кадры, были изъяты из системы промкооперации. Материалы, горючее, сырье промкооперация получала в последнюю очередь и в ограниченном количестве. В артелях системы преобладал ручной, малопродуктивный труд. Например, к концу 1941 г., в наиболее важной отрасли областной кооперации – металлообрабатывающей – 64,3% всех артелей совсем не имели оборудования или использовали примитивные устройства. Система действовала в условиях постоянной нехватки рабочей силы. Заработная плата и снабжение артельщиков были на очень низком уровне по сравнению с предприятиями государственной промышленности, хотя часто и те и другие производили одинаковую продукцию. Большинство кооперативов системы было размещено в отдаленных от г. Кирова районах области, вдали от линий железных дорог и водных путей сообщения, что при отсутствии собственного транспорта значительно осложняло их работу. Даже к концу войны, когда положение несколько улучшилось, весь транспортный парк Кировской промкооперации составлял 257 лошадей и 21 грузовую автомашину, что было явно недостаточно [7].

Тем не менее начиная с 1943 г. промкооперация Кировской области увеличивает объем валовой продукции. В 1944 г. выпуск продукции приблизился к уровню 1940 г. Если в 1940 г. он составил 159,2 миллиона рублей в неизменных ценах 1932 года, то в 1944 г. – 146,2 млн. рублей. Управление промкооперации при СНК РСФСР в своем докладе об итогах работы за 1944 г. отметило значительное улучшение работы системы промкооперации Кировской области [8].

Причиной улучшения работы было то, что руководство областной промкооперации правильно определило основные недостатки в своей работе, пути решения проблем. Выход из трудного положения руководство видело в повышении производительности труда, активной подготовке кадров, укреплении трудовой дисциплины. Большое значение придавалось развитию социалистического соревнования, материальному и моральному стимулированию труда артельщиков. В конечном итоге применение этих мер принесло положительные результаты. Промкооперация Кировской области, как и вся система промышленной кооперации, внесла свой вклад в дело победы.

Примечания

1. ГАСПИКО. Ф. 1290. Оп. 10. Д. 38. Л. 151.
2. Серебрянская Г. В. Волго-Вятский арсенал: промышленность накануне и в годы Великой Отечественной войны. Н. Новгород, 1997. С. 64.
3. Архипова Т. Г. Управление местной промышленностью и промышленной кооперацией в годы Великой Отечественной войны. М., 1985. С. 53.
4. Зирюцкая Е. В. Местная промышленность и промышленная кооперация РСФСР // Советский тыл в Великой Отечественной войне. Кн. 2. М., 1974. С. 57.
5. ГАКО. Ф. 2124. Оп. 4. Д. 3. Л. 1.
6. Там же. Оп. 3. Д. 32. Л. 2, 5, 14.
7. Там же. Оп. 4. Д. 33. Л. 121.
8. Там же. Д. 13. Л. 6, 46.

Новые книги

Вятский родник

Сборник материалов
6-й научно-практической конференции
Киров, 2003. – 94 с.

Сборник состоит из статей научно-практической конференции, записей и расшифровок архивных материалов, представляющих фольклорную традицию Вятского края.

В подготовке издания участвовали фольклористы из Кирова, Москвы, Сыктывкара, Ижевска, Берлина.

Сборник рассчитан на научных работников, преподавателей, работников культуры, любителей вятского фольклора.

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

И. А. Кондакова

К ПРОБЛЕМЕ РАЗГРАНИЧЕНИЯ
ЯЗЫКОВОЙ И РЕЧЕВОЙ ОБРАЗНОСТИ

Данная статья представляет собой анализ лингвистической литературы по проблеме разграничения языковой и речевой образности. В статье рассматривается структура лингвистического образа и поэтапно прослеживается динамика его развития.

Лингвистическая образность традиционно понимается как семантическая двуплановость, как перенос названия с одного объекта на другой (В. В. Виноградов, В. Г. Гак, С. М. Мезенин, А. И. Федоров, О. В. Загоровская и др.). Л. А. Коралова отмечает, что понимание лингвистической образности как семантической двуплановости коррелирует с определением лингвистического образа как созданного средствами языка двупланового изображения, основанного на выражении одного предмета через другой.

По мнению Никитина, основной предпосылкой возникновения образности является неадекватность номинативной системы насущным задачам выражения. Образность помогает посредством имеющихся в словаре единиц выразить и обозначить те понятия, которые не имеют в языке прямого наименования.

Словесная образность базируется на законе асимметричного дуализма языкового знака, выражающемся в отсутствии однозначного соответствия плана выражения плану содержания: один и тот же знак имеет несколько функций, одно и то же значение выражается несколькими знаками. Условность связи между означаемым и означающим определяет возможность переноса наименования с одного объекта на другой, а устойчивость этой связи обеспечивает сохранение означающим связи со старым объектом.

Свойство образности совмещать два понятия на основании некой общности между ними обуславливает основную черту лингвистического образа – его **трехчленную структуру**. В структуре образа выделяют следующие компоненты: 1) **референт**, коррелирующий с гносеологическим понятием предмета отражения; 2) **агент** – предмет в отраженном виде; 3) **основание** – общее свойство предмета и его отра-

жения, обязательное наличие которых вытекает из принципа подобия [1]. Трехчленная структура свойственна любому образу, но полное эксплицитное выражение она находит только в трехчленном сравнении.

Несмотря на то, что понятие образа появилось в лингвистике сравнительно недавно, лишь в конце XVIII века, трехчленная структура образа была выделена еще в античные времена. В античной терминологии (Квинтилиан) для обозначения компонентов структуры образа применяются порядковые числительные: *primum comparationis* – первый компонент, – то, что обозначается посредством образа, *secundum comparationis* – второй компонент, то, что используется для обозначения, *tertium comparationis* – третий компонент, представляющий собой признак, общий для того, что сравнивается, и того, с чем проводится сравнение. На основе латинской терминологии возникли современные обозначения компонентов образной структуры.

В лингвистике до сих пор отсутствует единая терминология для обозначения компонентов структуры образа. Различные терминологии отражают разные подходы (функциональный, позиционный и прочие) к проблеме структуры образа.

Значительная часть обозначений основана на функциональном принципе. В зарубежной лингвистике широко применимы термины *tenor* (смысл), *vehicle* (средство), *ground* (основание сравнения) (Ullman, St.). И. Ричардс и М. Блэк с опорой на теорию референции, на примере метафоры определяют образ как процесс взаимодействия двух референтов: *primary subject* (первичный, основной субъект – то, что обозначается) и *secondary subject* (вторичный, второстепенный субъект – то, с чем сопоставляется основной субъект).

В отечественной лингвистике относительно универсальным является название третьего структурного компонента образа: *основание сравнения*, в остальном терминологическое единообразие отсутствует. Для обозначения первого и второго компонентов образной структуры применимы термины *означающее* и *означаемое* (Арнольд), *тема* и *образ* (Шенько и др.), *прообраз* и *образ* (Никитин), *субъект сравнения* и *объект сравнения* (Федоров, Ефимов), *абстрактный денотат* и *внешний, предметный сигнификат* (Караулов), *основной объект* и *вспомогательный объект* (Телия) и др.

Традиционно выделяемая трехкомпонентная структура образа подробно рассмотрена и дополнена современными отечественными и зарубежными лингвистами. Так, Т. А. Тулина и И. В. Арнольд до-

КОНДАКОВА Ирина Александровна – ассистент кафедры лингвистики и перевода ВятГУ
© И. А. Кондакова, 2003

бавляют к компаративной триаде четвертый элемент – грамматический или лексический оформитель сравнения, выражающий отношение между первым и вторым компонентами. Ряд зарубежных лингвистов выделяют в качестве дополнительного компонента образа сложный характер взаимодействия между референтом и агентом (Ullman, Richards). В целом, и в отечественной, и в зарубежной лингвистике структура образа определяется как диалектическое единство его первичного и вторичного субъектов (Ю. Л. Лясота, М. Black).

В теории образности имеет место противопоставление образности языковой и образности речевой, в основе которого лежит принцип дихотомии язык – речь. Как отмечает А. И. Полторацкий, несмотря на то, что термины *парадигматический*, или *ассоциативный*, и *синтагматический*, или *линейный*, рассматриваются как создание новейшего языкознания, необходимость разграничения парадигматического и синтагматического рядов молчаливо принималась и понималась уже древними.

Языковая образность является объектом изучения лексикологии, речевая образность – объектом изучения лингвостилистики.

Ряд современных исследований подтверждает тот факт, что речевая образность первична по отношению к языковой образности. Подобно тому, как отображение языка в сознании человека происходит только путем выделения единиц языка из реально-звуковой речи, языковая образность «выкристаллизовывается» из речевой образности.

Речевой образ, возникающий как нечто обусловленное конкретной ситуацией, в силу точности ее отображения может запоминаться и воспроизводиться представителями определенной языковой общности и тем самым закрепиться в языке, перейти в разряд языковых.

Языковая образность рассматривается как факт языка, как семантическое свойство, присущее единицам языковой системы [2]. Языковые образные средства зафиксированы в словаре и воспроизводятся в речевых высказываниях без изменений.

Языковая образность определяется как структурно-семантическое свойство слова, которое характеризуется семантической двуплановостью и метафоричностью внутренней формы слова. Образное слово выражает внеязыковое содержание посредством целостного, наглядного, общего для данного языкового коллектива образа, поскольку обозначает предмет в его ассоциативной связи с другим предметом, выражает качественно-количественную характеристику называемого явления [3].

Выделяется ряд условий, которым должен удовлетворять закрепленный в языковой форме образ. Во-первых, языковой образ должен иметь глубину, то есть он не должен быть элементарным обобщением двух-трех признаков; во-вторых, он должен осознаваться носителями языка как узуальное содержание языко-

вого знака; в-третьих, образ есть не средство, а цель использования слова, цель сообщения [4].

Образное значение слова определяется как «уровень значения, передающий интерпретированное сознанием говорящего коллектива на основании ассоциативно-образных стереотипов конкретно-чувственное представление о предмете посредством метафорического воплощения признака этого предмета» [5].

В структуре образного значения выделяются три основных структурных компонента, коррелирующие с тремя структурными элементами образа – референтом, агентом и основанием: «денотатив образного значения», «ассоциатив образного значения» и «символ образного значения» [6].

Языковые образные средства рассматриваются как в структуре контекста, так и вне контекста. Они служат предметом изучения лексикологов, лексикографов, фразеологов. Их также не обходят вниманием и в лингвостилистических исследованиях (С. Г. Ванышкин, И. Р. Гальперин и др.).

В отличие от узуально закрепленной языковой образности, речевая образность контекстуально обусловлена, ситуативна (Д. Н. Шмелев, Э. С. Азнаурова и др.).

Речевая образность подразделяется на нехудожественную, ориентированную на определенную ситуацию, и художественную (литературную) образность.

Художественная речевая образность «возникает на пересечении двух систем: эстетической, надязыковой (художественный вымысел) и лингвистической (языковое оформление), манифестируя единство объективного (предметно-логического) и субъективного (эмоционально-отношенческого) моментов в процессе отражения сознанием человека окружающего мира предметов и явлений» [7]. Речевая образность определяется как «разновидность художественного отражения действительности языковыми средствами», возникающая «в случае установления особого рода семантической связи между двумя языковыми единицами, когда материальный знак одной языковой единицы ассоциируется со значением другой» [8]. Подобные ассоциации носят окказиональный характер. Речевой образ актуален лишь в пределах определенного лингвистического или экстралингвистического контекста и, как правило, невоспроизводим.

Различия в структуре языкового и речевого образов отмечают многими лингвистами (И. Р. Гальперин, А. И. Федоров, И. В. Арнольд, В. Н. Телия и др.). Они обнаруживаются на семантическом, номинативном и функциональном уровне [9]. Так, в структуре метафоры *семантическое* различие заключается в том, что в основе языковой метафоры, как правило, лежит очевидный признак, в то время как в художественной метафоре происходит сближение самых отдаленных сущностей. Различие в *номинативном* плане определяется воспроизводимостью языковой метафоры и отсутствием такой способности у художественной

метафоры. *Функциональное* отличие заключается в том, что языковая метафора служит коммуникативным целям, а художественная – эстетическим целям.

Семантические и номинативные особенности образа определяют *степень интенсивности* его воздействия: большая степень интенсивности речевых образов, в сравнении с языковыми, обусловлена дистантностью сопоставляемых в них понятий и их новизной. Также, по наблюдениям Л. А. Кораловой, она обусловлена высокой степенью предметности агента образа и большим числом совпадающих в сопоставляемых предметах признаков.

Имеют место *стилистические* различия языкового и речевого образа. Непривычность и почти неограниченное разнообразие речевых образов в отличие от языковых образов, представляющих собой, по мнению Маслова, «ходовую монету в языковом обиходе», определяет высокую степень их экспрессивности. Несовпадение понятий, соответствующих референту и агенту речевого образа, ведет к созданию «напряжения», выражающегося в «запаздывании» процессов декодирования сообщения, что обуславливает высокий стилистический эффект (В. Н. Телия, Э. А. Азнаурова, С. Г. Ванышкин и др.).

Кроме семантических, номинативных, функциональных и стилистических различий языкового и речевого образа, имеют место чисто *грамматические* различия. Языковой образ, как правило, выражен словом, словосочетанием, реже – простым предложением. Речевой образ редко ограничивается рамками простого предложения, для него характерны различные определения, причастные обороты, придаточные предложения.

В целом речевой образ традиционно характеризуется оригинальностью, свежестью, яркостью, красочностью, картинностью, выразительностью, а языковому образу приписываются такие свойства, как шаблонность, стереотипность, конвенциональность, блеклость, малая степень выразительности.

Степень узуальности, языковой закрепленности образов различна. В развитии образа имеют место этапы, переходные от уровня речи к уровню языка. Традиционно степень узуальности образов оценивается по трехступенчатой шкале.

Шкала степени узуальности образа, предлагаемая в одних исследованиях (Ю. Л. Лясота, Л. А. Коралова), не совпадает в полной мере со шкалой, предлагаемой другими авторами (И. Р. Гальперин, В. Г. Гак и др.). Различают три основных этапа развития образа, на которых сохраняется семантическая двуплановость: *речевой*, *переходный* и *языковой* (Ю. Л. Лясота, Л. А. Коралова). В качестве основных этапов эволюции образа выделяют *речевой*, *языковой* и *знаковый* (Ш. Балли, И. Р. Гальперин, В. Г. Гак, С. М. Мезенин).

На начальном, *речевом*, этапе образ представляет собой единицу речи, индивидуально-авторское образование, выражающее субъективное видение инди-

вида. Подавляющее большинство речевых образов остается единичными актами номинации, не переходит на следующую ступень развития.

На *переходном* этапе образ рассматривается как узуально-окказиональное явление. Такой образ уже не единичен, он постепенно входит в речевое употребление, однако он еще не настолько устойчив, чтобы войти в словарь. Л. А. Коралова пишет, что застать образ в процессе его превращения из языкового в речевой – задача трудноосуществимая.

Третий, *языковой*, этап «эволюции» образа начинается с момента его фиксации в словаре. Образ становится достоянием языка, переходит в узус.

С переходом образа в разряд языковых образность постепенно угасает. «Степень образности обратно пропорциональна степени распространенности значения» [10]. От постоянного употребления образы постепенно стираются и превращаются в новые значения старых слов (С. Г. Ванышкин, Б. Н. Головин, Э. С. Азнаурова и др.).

Заключительный, *знаковый*, этап характеризуется полной утратой образности.

Основным критерием сохранения образности слова является возможность употребления этого слова как в прямом, так и в переносном значении (В. Г. Гак, Ортега-и-Гассет и др.). Если слово употребляется только в одном значении, то образ перестает быть образом и превращается в знак.

На примере метафоры М. Блэк отмечает, что если образность возникает с целью «покрыть лакуны в словаре буквальных наименований», то, оказываясь удачной, она быстро исчезает, превращаясь в буквальное значение. Подобные образования, полностью утратившие образность, принято называть мертвой метафорой. Дж. Р. Серль отмечает, что «используя оксюморон, можно сказать, что мертвые метафоры – это те метафоры, которые выжили (survived). Они умерли от постоянного употребления, но именно оно свидетельствует о том, что они удовлетворяют некую семантическую потребность» [11]. М. Блэк выступает против термина «мертвая метафора», ибо это уже не метафора. Он предлагает свою классификацию метафор по степени образности: активная, действующая (*active*), «дремлющая», потенциальная (*dormant*), потухшая, угасшая (*extinct*) (Black, 1993). Данная классификация соответствует трем стадиям развития образа в теории Ю. Л. Лясоты и Л. А. Кораловой.

«Умирание» образа – процесс обратимый. «Мертвый» образ, по сути переставший быть образом, можно оживить, а потухший, потенциальный образ можно активизировать. Еще Ш. Балли говорит о переработке и возрождении мертвого образа, об обновленных образах.

Основной целью оживления мертвого образа, перевода языкового образа в разряд речевых, является повышение экспрессивности, увеличение эффективности воздействия. Механизм оживления стертного образа понимается как восстановление и усиление

слабо ощущаемой семантической двуплановости языкового образного средства за счет создания таких контекстуальных условий, в которых реализуется и переносное, и первоначальное значение языковой единицы [12]. В качестве основного приема оживления образности выделяется использование языковой метафоры в составе развернутого образа. Развернутая метафора чаще всего используется в целях оживления стершейся или начинающей стираться образности (Гальперин). С. Г. Ваняшкин [13] выделяет пять основных способов оживления стертого образа: употребление языковой метафоры в составе развернутого образа; выбор языковых образных средств, принадлежащих одному семантическому полю; выявление исходного значения языковой метафоры путем противопоставления ей необразного синонима; эксплицитное указание на то, что используемая лексическая единица является метафорой; иллюстрации буквального значения языковой метафоры.

Итак, речевая и языковая образность и автология способны к взаимопереходу. «Автология и образность взаимопроницаемы: метафоризация порождает новые языковые единицы, а речевая практика порождает новую образность» [14].

Важным свойством образности является ее динамический характер, который выражается в метафоризации, т. е. образовании новых образов, реметафоризации, т. е. переосмыслении образных единиц, и демегафоризации, т. е. утрате образности [15].

Примечания

1. Мезенин С. М. Образность как лингвистическая категория // Вопросы языкознания. 1983. № 6. С. 48-57.
2. Складневская Г. Н. Языковая метафора в словаре. Опыт системного описания // Вопросы языкознания. 1987. № 2. С. 58-65; Юрина Е. А. Образность как категория лексикологии: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1994.
3. Юрина Е. А. Указ. соч. С. 6.
4. Лукьянова Н. А., Черемисина М. И. Образность как характеристика значения слова // Синтаксическая и лексическая семантика (на материале языков разных систем). Новосибирск, 1986. С. 256-268.
5. Юрина Е. А. Указ. соч. С. 10-11.
6. Там же. С. 6.
7. Мезенин С. М. Образные средства языка. М., 1984. С. 6.
8. Мезенин С. М. Образность как лингвистическая категория // Вопросы языкознания. 1983. № 6. С. 51.
9. Складневская Г. Н. Указ. соч. С. 58.
10. Харченко 1984.
11. Серль 1990.
12. Ваняшкин С. Г. Речевая образность в английском газетном тексте: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1985.
13. Там же.
14. Мезенин С. М. Образность как лингвистическая категория // Вопросы языкознания. 1983. № 6. С. 53.
15. Мезенин С. М. Образные средства языка. М., 1984. С. 51.

В. А. Банин, Е. Н. Банина

ПРАГМАТИЧЕСКАЯ РЕЛЕВАНТНОСТЬ СУБСТАНТИВНЫХ МЕТАФОР

Метафора в речи служит экспликатором прагматической интенции говорящего, так как любая интерпретация объектов окружающего мира посредством метафоры осуществляется коммуникантом с определенной целью. Степень прагматической релевантности субстантивных метафор в речи может быть выявлена в результате анализа перлокутивного эффекта, вызванного употреблением субстантивной метафоры в речевых актах. Прагматическая релевантность субстантивной метафоры определяется ее продуктивностью во всех типах речевых актов.

Сущность метафоры с точки зрения функционирования ее семантики заключается в семантической компрессии. Метафора позволяет в объеме одной лексической единицы передать информацию, которая в иных условиях потребовала бы дополнительных лексических единиц. Говорящий в процессе коммуникации стоит перед проблемой: передать информацию либо в свернутом виде, либо в описании. Следует заметить, что чем больше объем информации, передаваемый в единицу времени, тем успешнее речевой акт. Кроме того, не всегда описание четко определяет то, что хочет выразить говорящий.

В современной лингвистике семантические особенности слова всё чаще рассматриваются в связи с коммуникативной направленностью речевого акта. Владение говорящим языковой картиной мира, а также образно-ассоциативным узусом употребления слов составляет прагматическую компетенцию коммуниканта. Прагматическая компетенция определяет способность говорящего оперировать метафорами как эталонами «хороших» или «плохих» свойств (аксиологический аспект) и как представлениями, вызывающими положительные или отрицательные реакции (эмотивный аспект) [1]. Метафора в речи служит экспликатором прагматической интенции говорящего, так как любая интерпретация объектов окружающего мира посредством метафоры осуществляется коммуникантом с определенной целью. Степень прагматической релевантности субстантивных метафор в речи может быть выявлена в результате анализа перлокутивного эффекта, вызванного употреблением субстантивной метафоры в речевых актах.

Коммуникативное содержание констатива заключается в утверждении, информированности коммуникантов об объекте при условии, что говорящий убежден в истинности его пропозиционного содержания.

БАНИН Владимир Александрович – кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германской филологии, заместитель директора Института лингвистики ВятГУ
БАНИНА Елена Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германской филологии ВятГУ

© В. А. Банин, Е. Н. Банина, 2003

Употребление субстантивной метафоры в констативах оказывает различное воздействие на адресата:

- чувство неудовлетворения, раздражения, негативная реакция, например:

- *No, you wouldn't, Ackley kid.*

- *Stop calling me «Ackley kid». I'm old enough to be your lousy father.*

- чувство уверенности, удовольствия, воодушевления, например:

«*It was only that I thought you looked really ill, in a state of collapse. The shock ... It's quite amazing. You are quite a frail!*» *These words gave her courage. She was ready to be seen as a frail.*

- чувство смущения, например:

- *Well, maybe she was busy.*

- *Yeah, busy. A little goddam beaver.*

- *Do you have to swear so much.*

- недоверие, например:

- *If I went to Italy without having to read something of their literature and without being able to speak adequately I should feel such a fraud.*

- *You mean because you would be having something on easy terms than others.*

- откровенное оскорбление, например:

- *You filthy pig.*

- *You silly old cow.*

- пренебрежение, например:

- *I'm not a squealer.*

- *You are a runny. But no matter how run dumb you get.*

Наряду с намерением добиться явно перлокутивного эффекта употребление субстантивной метафоры в констативах может иметь целью проследить за реакцией адресата и получить одобрение или неодобрение с его стороны, поскольку говорящий не уверен в правильности своих действий.

He told himself. «Man, you just a big black bugger». He kept referring to himself as black, which, of course, he was, Lou thought, but it was not the thing to say.

Квеситивы представляют собой отдельные речевые акты, коммуникативно-интенционным содержанием которых является запрос неизвестной информации:

- о состоянии адресата, например:

- *How are you, buddy, are you all right?*

- *I'm fine.*

- о желании адресата совершить то или иное действие, например:

- *Going with me, duckie?*

- *Leave me in peace.*

- уточнения, например:

- *I met your brother.*

- *You did? Isn't he a character?*

Вопрос с субстантивной метафорой может быть задан формально, когда коммуникант не имеет целью получение информации:

Who is to stake anything on a woman of your restless moods – an angel today, a devil tomorrow, a stoic on Friday, and a baby all the time?

В специальных вопросах субстантивная метафора может использоваться для идентификации объекта:

Who is your date?

Прагматическая релевантность субстантивных метафор проявляется в репликах диалога, где реакция адресата на получаемое сообщение определяет отношение адресата к сообщаемому, например:

- сомнение

- *Have you asked her to marry you?*

- *How could I? A damned rotter like me?*

- пренебрежение

- *Who is that tall bird?*

- *I tell you he's just a radical bastard.*

Таким образом, прагматическая релевантность субстантивной метафоры в квеситивах определяется тем, что они служат и эффективным средством запроса информации, и выражением отношения к сообщаемому.

В косвенных речевых актах проявляется высокая степень прагматической релевантности субстантивных метафор, поскольку их коммуникативно-интенционное содержание заключается в выражении в социально приемлемой форме просьбы, приказа и т. п. В данной роли может выступать констатив с иллюкутивной силой инъюнктива:

«*You, tart!*» (*Go away!*),

а также вокативы:

«*Oh, my little duck!*» (*Stop crying!*)

«*Piffles!*» (*Stop chattering!*)

«*Monkey!*» (*Stop making faces!*)

«*Butter fingers!*» (*Don't do that!*).

Таким образом, субстантивная метафора в речи является прагматически релевантной единицей. Прагматическая релевантность субстантивной метафоры определяется ее продуктивностью во всех типах речевых актов. Субстантивная метафора выступает важным экспрессивным средством, поскольку всегда оказывает определенное воздействие на адресата.

Примечания

1. Человеческий фактор в языке: Языковые механизмы экспрессивности. М.: Наука, 1991. С. 18.

И. Л. Гуреева

НЕКОТОРЫЕ СЕМНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ГРУППЫ ЭМОЦИОНАЛЬНО-ОЦЕНОЧНЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Статья подтверждает наличие разветвлений семантической структуры эмоционально-оценочных прилагательных в английском языке, размытость границ между лексическими значениями, синкретичность.

ГУРЕЕВА Ирина Леонидовна – аспирант кафедры романо-германской филологии ВятГУ
 © И. Л. Гуреева, 2003

В семасиологии признано, что любая сема, а следовательно, и сема «эмоция», и сема «оценка», которые входят в семное содержание лексического значения эмоционально-оценочных прилагательных в английском языке, может иногда иметь самостоятельное лексическое выражение и, таким образом, исчерпывать семантическое содержание простого лексического значения. С другой стороны, сема в сочетании с другими семами может входить в состав более сложного лексического значения [1]. В ходе анализа фактического материала (лексико-семантической группы ЭОП) нами было подтверждено, что прилагательные *beautiful, nice, lovely, pretty, attractive, gorgeous* и другие, а также прилагательные *terrible, awful, shocking, ugly, hideous* и другие объединяются в один класс ЭОП, причем критерием их объединения служат общие, абстрактные семантические признаки, присущие всему классу прилагательных, а именно грамматическое значение атрибутивности и общее категориальное системное значение, которое относит прилагательные в определенную семантическую группу – эмоциональность и оценочность. Значение «положительность» и значение «отрицательность» разграничивают ЭОП на антонимические ряды. Эти системные семантические значимости (эмоциональность, оценочность, положительность, отрицательность) выявляются и рассматриваются в нашей работе на микроуровне смысловой структуры слова – уровне семантических признаков, сем.

На макроуровне смысловой структуры некоторых ЭОП, т. е. на уровне ЛСВ, выявляются индивидуальные лексические значения этих прилагательных и их дифференциация. Например, в сочетании *awful murder* прилагательное *awful* выступает в значении «causing dread», в синтагме *awful job* прилагательное манифестирует значение «very bad», во фразе *awful cold* оно реализует значение «extreme, out of ordinary». Отмечая у прилагательного *awful* индивидуальное лексическое значение, мы прежде всего признаем тот факт, что слово-лексема имеет сложную ассиметрическую структуру [2]. Лексико-семантические варианты функционируют в речи как предельно малая знаковая единица, обладающая формой и ей одной присущим значением. Каждый ЛСВ одного и того же прилагательного имеет лишь ему свойственные семантические значимости. Например, в ЛСВ1 *awful* («causing dread») можно проследить сему «эмоция», в ЛСВ2 *awful* («very bad») – сему «отрицательная оценка»; в ЛСВ1 *horrible* («causing or likely to cause horror») – сему «эмоция», в ЛСВ2 *horrible* («very bad») – сему «отрицательная оценка». Сравните: *I choose my friends for their good looks* («pleasant to look at, attractive»), *my acquaintances for their good characters* («pleasant to deal with»), *and my enemies for their good intellects* («of high standard»).

В отличие от ЛСВ, синкретичные единицы номинации могут актуализировать одновременно семантические признаки, которые составляют собственно

категорию, например *charming girl, nice man*. В данных примерах актуализируются два значения синкретичных прилагательных *charming, nice*, что отражает действительность, поскольку речь идет о двух качествах человека: одновременно быть приятным с виду и в общении. Но в ряде случаев возникает двусмысленность; для устранения так называемой осплации необходим ситуативный контекст. Например: *She is charming, she looks her best. You are charming, it is so pleasant to speak to you.*

Сопряжение семантических признаков в синкретичном компоненте значения происходит в отдельных случаях наряду с совмещением семантических признаков в денотативном компоненте и совместно актуализируется в ситуативном контексте [3]. Сравните: *charming man/charming smile*, где в первом примере прилагательное *charming* толкуется как «very polite, friendly and likeable», а во втором примере как «very pleasant or attractive». Структура типа *she is charming* может быть условно отнесена к неопределенно большому количеству ситуаций. Д. Тагги, затрагивая проблемы синкретизма, говорил о том, что различные случаи сопряжения семантических признаков могут быть по-разному удалены друг от друга, степень совмещения может варьироваться [4]. Большая роль в актуализации одного из признаков и одновременное погашение другого семантического признака синкрета принадлежит средствам широкого контекста, а употребление синкрета в рамках минимальной синтагмы не является достаточным для его категориально-семантической и лексико-семантической дифференциации. Например:

- *He was a nice, kindly, intelligent fellow...* [5].
- *Yes, he was a nice boy* [6].
- «*You're the most wonderful little wife*», he whispered [7].
- *But she is such a sweet woman* [8].
- *She found him charming, affable, noncommittal* [9].
- *I don't think he's funny, he's disgusting* [10].
- *It must be hard for someone like him who is so sweet and gentle* [11].
- *She is really wonderful, and full of surprises* [12].

В результате сплошной выборки из авторитетных словарей Collins English Dictionary, Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English, а также исходя из семасиологических синхронических исследований С. В. Татаренко, А. В. Васильевой, Л. С. Вященко, Л. М. Босовой, С. С. Григоряна, нами было выделено 47 эмоционально-оценочных прилагательных, которые имеют в своей семантической структуре эмоционально-оценочные ЛСВ со значением внешнего вида человека. Доминантами антонимических рядов слов в данной ЛСГ являются прилагательные *beautiful* «красивый» и *ugly* «некрасивый». Доминанты данной ЛСГ обладают разветвленной семантической структурой. В каждом синонимическом ряду прилагательные имеют подобные семантические компоненты, но

наряду с этим можно предположить о наличии скрытых дифференциальных признаков, далеко не всегда поддающихся анализу. Именно наличие или отсутствие в составе слова тех или иных компонентов является причиной ограничения сочетаемости указанных слов.

Для подгруппы эмоциональных прилагательных положительной оценки – это, например, следующие компоненты: а) выражающий высокую степень или качество; б) приятная внешность; в) изящный, изысканный; г) обладающий правильными пропорциями; д) величественно прекрасный; е) вызывающий большое эмоциональное восхищение и т. д.

Beautiful несет в себе самое широкое значение, это самое сильное значение, все остальные лексические единицы сохраняют его частично. Например:

- *I was studying her face, not beautiful, not pretty, but fine and delicate* [13].

В этом примере синонимы противопоставляются при помощи союза *but*, следовательно, в семантической структуре *fine* содержатся компоненты, отсутствующие в семантических структурах *beautiful* и *pretty*, а именно *fine* подчеркивает изящность, элегантность, утонченность.

- *I've got a beautiful wife and a beautiful daughter* [14].

- *He is some brainless beautiful creature* [15].

В данных примерах ЭОП *beautiful* сочетается в своей семантической структуре несколько семантических компонентов, актуализация которых возможна только с помощью широкого контекста, но она иногда остается нереализованной. Прилагательное *beautiful* подразумевает лицо, «прекрасное в своем роде», наиболее тесно семантически связано с прилагательными *lovely, handsome*.

Прилагательное *lovely* семантически больше связано с эмоциональным, нежели с интеллектуальным восторгом, восхищением, оно актуализирует положительную эстетическую оценку. Прилагательное *handsome* менее эмоционально, выражает объективное суждение о том, что соответствует идеалу красоты, например правильность пропорций.

Прилагательные синонимического ряда, доминантой которого является прилагательное *ugly*, обладают семантическими компонентами, которые объединяют некоторые лексические единицы и обеспечивают их сходную сочетаемость. Представляется возможным разграничить следующие небольшие подгруппы с общими семантическими компонентами: *awful, dreadful, horrible, terrible, shocking* – «вызывающий сильные эмоции, преимущественно страх, ужас»; *hideous, ugly, disgusting, repulsive, ghastly, rotten* – «уродливый, противоположный прилагательному *beautiful*, вызывающий отвращение, противный». В частности, прилагательное *hideous* описывает урод-

ство через психологическую реакцию на него, прилагательное *repulsive* отражает эмоциональную реакцию, прилагательные *frightful, horrible* включают семантический компонент «страх, ужас». Например:

- ... *that Bertie was threatening to marry some dreadful woman to whom Ned had introduced him* [16].

- *In seven minutes she was ready, but when she looked in the glass she thought that she had never seen herself looking quite so ugly* [17].

- *I will advance a terrible right arm shall scare that infant-thunderer...* [18].

- *An exclamation of horror broke from the painter's lips as he saw in the dim light the hideous face on the canvas grinning at him* [19].

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что данные примеры нашего исследования подтверждают наличие разветвленной семантической структуры у ЭОП обоих антонимических рядов, размытость границ между значениями, синкретичность, что создает возможность для актуализации нескольких компонентов смысла одновременно.

Примечания

1. Степанова М. Д. Методы синхронного анализа лексики. М., 1968. С. 76-78.
2. Васильева А. В. Эмоционально-оценочные прилагательные в современном английском языке (парадигматический и синтагматический анализ): Дис. ... канд. филол. наук. Калинин, 1975. С. 9.
3. Кудреватых Л. П. Семантические типы слов в современном английском языке: критерии и единицы. Киров, 1995. С. 169.
4. Tuggy, D. Ambiguity, polysemy and vagueness // Cognitive Linguistics. 1993. Vol. 43. P. 273-280.
5. Maugham, W. S. The Razor's Edge. М.: «Менеджер», 1999. С. 267.
6. Там же. С. 175.
7. Maugham, W. S. Theatre. М.: «Менеджер», 1997. С. 123.
8. Maugham, W. S. The Razor's Edge... С. 21.
9. Stone, I. Those Who Love. L.: Cassell, 1965. P. 630.
10. Lessing, D. The Good Terrorist. L.: Grafton Books, 1986. P. 63.
11. Maugham, W. S. The Razor's Edge... С. 317.
12. Wilde, O. The Picture of Dorian Gray. Moscow: Foreign Languages Publishing House, 1958. P. 212.
13. James, H. The Princess Casamassima. N. Y., 1968. P. 165.
14. Pinter, H. Tea Party. L., 1965. P. 129.
15. Wilde, O. Cit. op. P. 121.
16. Wharton, E. The House of Mirth. England: Penguin Books Ltd., 1985. P. 267.
17. Rhys, J. After Leaving Mr. Mackenzie. England: Penguin Books Ltd., 1971. P. 163.
18. A Selection from John Keats. Longman group Ltd, England, 1974. P. 64.
19. Wilde, O. Cit. op. P. 188.

В. Н. Оношко
Л. В. Кропотова

**АНАЛИЗ ЦИТАТ ИЗ ПРОИЗВЕДЕНИЙ
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
В СЛОВАРЕ КЛАППЕНБАХ И ШТЕЙНИТЦА
(на основе словарной статьи буквы «р»)**

Цитаты в словаре Клаппенбах и Штейнитца иллюстрируют не правила употребления слова, а его филологическое и культурное окружение. Словарь ориентируется на частотность цитируемости фразы в современных и классических текстах художественной литературы. Цитата отображает систему ценностей общества, современное состояние его филологического образования.

Цитата и словарь теснейшим образом связаны между собой с незапамятных времён. В зависимости от лексикографической традиции в тот или иной исторический период, а также от целей и задач составителя цитата в словаре выполняла различные функции и использовалась в разных частях словарной статьи.

Уже в XV в., когда в связи с необходимостью читать научные, церковные и светские книги, написанные на латыни, стали появляться первые немецко-латинские и латинско-немецкие словари для немцев, авторы этих словарей предугадали необходимость включения цитаты в словарь. В этот период цитата присутствовала в словаре имплицитно, так как авторы считали необходимым приводить лексикографические и литературные источники, из которых были взяты заголовочные слова, как бы подтверждая их наличие в языке, но выдержки из них в словаре не фигурировали.

Опора на цитаты, заимствованные из «образцовых» литературных источников, вообще была характерна для европейской лексикографии XVI–XVIII вв. Так, в конце XVI в. в Италии был создан Словарь академиков Круски, охарактеризованный профессором Дж. Ненчони, президентом Академии делла Круска как исторический и нормативный [1]. Данный словарь содержит большое количество цитат, по сбору которых проделана огромная работа.

Метод подбора информации осуществлялся следующим образом. Между академиками распределялись отрывки из произведений Боккаччо, Данте, Петрарки, которые они читали, а затем на отдельные листочки выписывали из них предложения и четверостишия. Каждую неделю академики должны были переписывать по листу из произведений этих авторов. Далее листочки с выписанными отрывками из произведений передавались секретарю, который работал

ОНОШКО Вячеслав Николаевич – кандидат филологических наук, профессор, заведующий кафедрой романо-германской филологии, директор Института лингвистики ВятГУ, член-корреспондент МАНПО
КРОПОТОВА Лариса Васильевна – ассистент кафедры романо-германской филологии ВятГУ
© В. Н. Оношко, Л. В. Кропотова, 2003

над составлением словарной статьи и в случае необходимости приводил цитату в качестве примера иллюстрации значения слова. Секретарь мог использовать часть цитаты или всю цитату целиком. Для этого академики выписывали целое предложение или четверостишие, чтобы при необходимости можно было использовать из контекста часть цитаты. Объём примеров должен был по возможности быть небольшим и в то же время достаточным для понимания толкуемого слова.

Цитаты в словарной статье располагались в хронологическом порядке.

В европейских словарях национальных языков XVI–XVIII вв. цитаты, с одной стороны, были показателем объективности существования слова и основой его семантического анализа, а с другой – использовались непосредственно в словарной статье для иллюстрации типичных контекстов словоупотребления, которые в силу влияния авторитета знаменитых писателей и поэтов становились образцом для подражания в речи пользователя.

Следует подчеркнуть, что цитаты в нормативных словарях показывали, когда и в каком тексте возникло новое слово или значение, что позволяло проследить процесс семантического развития слова и определить историческую связь, существующую между его значениями [2].

Цитата не случайно использовалась авторами нормативных словарей в качестве иллюстрации значений слова. Она представляла собой узуальную фразу, демонстрирующую типичную для определённого периода развития языка сочетаемость заголовочного слова. Именно поэтому составители учебных словарей для иностранцев XX в. тоже стали употреблять её как способ иллюстрации типичного словоупотребления. Цитаты наряду с составительскими речениями служили образцом для подражания многочисленным пользователям учебных словарей, изучающим иностранные языки.

Ситуация осложнилась во второй половине XX в., когда появилась возможность с помощью компьютеров охватить огромный текстовый материал, в результате чего практически вся корпусная лексикография, свидетелями развития которой мы в настоящее время являемся, построена на аутентичных контекстах, заимствованных не только из стиля художественной литературы, но и из текстов, принадлежащих другим функциональным стилям [3].

Но можно ли считать цитатами те многочисленные контексты, которые появляются на экране компьютера в составе конкорданса, когда вы «вызываете» определённое слово, и каково место цитаты в словаре? Прежде чем ответить на эти вопросы, обратимся к определению цитаты и характеристике её использования в речи.

В «Словаре лингвистических терминов» О. С. Ахмановой цитатная речь определяется как «речь, характеризующаяся вкраплением в неё буквального текста, заимствованного из других произведений речи,

обыкновенно художественной литературы, речи ораторов и т. п.» [4]. А. А. Сурков в «Краткой литературной энциклопедии» определяет цитату как «дословное воспроизведение отрывка из какого-либо текста» [5]. Цитата применяется для подкрепления излагаемой мысли ссылкой на авторитетное высказывание как наиболее чёткая формулировка; для критики цитируемой мысли; в качестве иллюстрации как ценный фактический материал. Цитата – принадлежность в основном научной (преимущественно гуманитарной) и официально-деловой речи, где она обозначается ссылкой на источник. В художественной речи и публицистике как стилистический приём употребления готового словесного образования, вошедшего в общелитературный обиход, цитата способствует образности, выразительности и ёмкости речи, она позволяет экономно и глубоко характеризовать явления действительности посредством художественных образов мирового искусства, мифологии, фольклора и т. п. [6].

Из всех перечисленных характеристик цитаты для лексикографии XVI–XIX вв. наиболее важным было то, что её можно использовать как ценный фактический материал. Такие свойства цитаты, как образность и определённая степень устойчивости, игнорировались, но именно эти свойства цитаты оказались приемлемыми для учебной лексикографии.

Наличие безусловного авторства является основным критерием, отличающим цитату от свободного речения. Цитату мы связываем с определённым человеком или источником. Её ценность в том и заключается, что это ссылка на авторитетное мнение. Мы воспринимаем цитату как точное воспроизведение текста, который принадлежит другому человеку, и мы знаем этого человека и хотим опереться на его авторитет. Следовательно, можно с уверенностью сказать, что в словаре Клаппенбах и Штейнитца мы, например, имеем дело с конкретными цитатами, поскольку там указываются авторы.

Словарь современного немецкого языка под редакцией Клаппенбах и Штейнитца [7] является, по мнению авторов, научным толковым словарём современного немецкого языка. Главные цели словаря – показать значение отдельных слов, их стилистические и грамматические характеристики и употребление в предложении. Являясь научным изданием, словарь демонстрирует употребление слова не только во множестве словосочетаний и выражений, но и приводит цитаты с указанием точного источника, откуда взята та или иная цитата. Значимость цитат художественных произведений в нём не оценима. Нами проанализировано 936 цитат из произведений художественной литературы словарной статьи буквы «р». В словаре цитата заняла совершенно особое место в словарной статье. Чтобы дать образец словоупотребления, авторы в основном обращались к классической немецкой литературе, и каждое значение слова было строго документировано цитатой из конкретного литературного произведения. Основной словарный

состав словаря отображает лексику XX в., много цитат взято из литературы XIX в. Также есть цитаты, датированные третьей частью XVIII в., поскольку большинство всемирно известных классических произведений были написаны в третьей части XVIII в. Цитаты с абсолютно устаревшими словами из этих произведений не даются в словаре или же сопровождаются пометой *устар.*

Цитаты даются не к каждому словарному слову, они употребляются в следующих случаях:

- первая группа цитат дополняет значение слова, которое широко употребляется с различными выражениями, например в цитате из произведений Шиллера показано значение глагола *ablaufen*;
- цитата поясняет слово, которое нетипично для общего употребления, например *ableuchten*;
- с помощью цитаты разъясняется значение устаревшего слова, например *abwendig*.

Что представляют собой цитаты из художественных произведений в словаре Клаппенбах и Штейнитца?

Цитаты из прозаических произведений:

- 1) цитата сопровождается именем автора, названием произведения и указанием страницы, например: Feuchtw. *Jüd. Krieg* 193;
- 2) название произведения даётся в скобках:
 - а) цитата из известных романов и рассказов, которые включены в собрание сочинений, например: Th. Mann 2, 283 (*Zauberberg*);
 - в) цитата из известных рассказов, которая взята из какого-либо тома собрания сочинений, например: Bredel *Heerstrassen 53 (Vitalienbrüder)*;
- 3) название произведения не указывается, если оно малоизвестно, например: Raabe II 6, 302.

Цитаты из драматических произведений:

- 1) у цитаты из драмы указывается имя автора и название произведения:
 - а) указывается номер действия (римскими цифрами) и сцены (арабскими цифрами), например: Schiller *Räuber* III 5;
 - в) указывается только номер действия, если нет сцен, и наоборот, например: G. Hauptm. *Henschel* II, Brecht *Galilei* 12;
 - с) указывается страница, на которой находится цитата, если не называется ни действие, ни сцена, например: Brecht *Baal* 128;
- 2) произведение Гёте «Фауст» цитируется построчно, например: Goethe *Faust* I 1485;
- 3) цитата из оперы сопровождается именем композитора, автора оперы, поскольку оперы больше известны по имени автора, а не по названию. В основном оперы цитируются как драматические произведения, например: Beethoven *Fidelio* II 5.

Цитаты из стихотворений и песен:

- 1) в цитатах из известных стихотворений указываются имя автора или первая строка, например: Schiller *Bürgerschaft*, Heine *Ich weiss nicht*;
- 2) в цитатах из менее известных стихотворений указывается имя автора, название произведения и

страница, например: George Siebter Ring 46, или номер тома и страница, например: Mörike 1, 65;

3) цитаты из песен, известных своими авторами, сопровождаются именем композитора или автора текста песни, например: *Volksl., An der Saale*.

Частотность употребления цитат на основе словарной статьи буквы «р» наиболее известных авторов показана в таблице ниже. Цитаты таких авторов, как Andersch *Sansibar*, Kolb *Schaukel*, Korn *Sprache*, E. Weiss *Verschwender*, Penzoldt *Erdenwurm*, Zuckmayer *Weinberg*, Schnitzler *Das weite Land*, Seeger *Habicht*, E. Strauss *Freundheim*, Goes *Gabe*, R. Dehmel, Weyrauch *Dialog* и др. используются авторами лишь однократно.

Кроме цитат художественных произведений авторы использовали цитаты из периодических изданий (еженедельных газет того времени «Süddeutsche Tageszeitung», «Weltbühne», журналов «Urania», «Gesundheit», «Kultur im Heim», «Deutsche Literaturzeitung», «Spektrum», «Natur und Heimat», бюллетеней «Einheit», «Werkunterricht» и др.). Цитата из газеты или журнала сопровождается годом издания, например: *Forschungen und Fortschritte* 1968.

Отдельного комментария требует категория социолингвистической обусловленности цитаты. Особое значение категория приобретает в случае использования цитат со ссылкой на определённый авторитет в

той или иной области. Ассоциация с автором цитаты и её контекстом составляют её социолингвистическую ценность. В данном случае это ссылка, например, на Канта (...was er alles angestellt, als er sechs war, der kleine Racker H. Kant *Aula*) [с. 2925] или Гёте (Allein der Vortrag macht des Redners Glück Goethe *Faust*) [с. 2979]. Мы, таким образом, заручаемся поддержкой известного влиятельного философа и знаменитого поэта.

В современных учебных словарях лексикограф руководствуется в первую очередь частотностью употребления. Именно поэтому первым значением слова может быть зарегистрировано наиболее в данный момент употребимое, а не основное номинативное значение слова, что характерно для словарей для носителей языка. То же самое относится и к отбору цитат. Словарь ориентируется на частотность цитируемости фразы в современных текстах и таким образом помогает пользователю-иностранцу работать с ними.

Всего в словаре Клаппенбах и Штейнитца в словарной статье буквы «р» зарегистрировано, как уже было упомянуто выше, 963 цитаты из произведений художественной литературы. В таблице мы перечислили авторов и произведения, наиболее часто встречающиеся в словарной статье буквы «р», а также количество цитат из данного произведения, расположив имена авторов в алфавитном порядке.

Автор	Произведение	Количество цитат
1. Bebel	Frau, Aus meinem Leben	14
2. Becher	Macht der Poesie, Männer, Abschied	14
3. Böll	Dienstfahrt, Biliard, Wort, Zug	8
4. Brecht	Gedichte, Schriften z. Theater, Pauken, Dreigroschenroman, Lied v. Klassenfeind, Rundköpfe, Flüchtlingsgespräche, Cäsar, Courage	21
5. Bredel	Väter, Enkel, Heerstrassen, Vitalienbrüder, Söhne	28
6. Fallada	Bauern, Blechnapf, Jeder stirbt, Wolf, Murkelei, Kleiner Mann	27
7. Feuchtw.	Narrenweisheit, Lautensack, Jüd. Krieg, Söhne, Teufel, Goya, Füchse, Tag	21
8. Fontane	Irrungen, Wuthenow, Stechlin, Petöfy, Treibel	11
9. Frisch	Stiller, Gantenbein	10
10. Goethe	Rastlose Liebe, Faust, Fischer, Heidenrösl., Erlkönig	12
11. G. Hauptm.	Schluck und Jau, Crampton, Winterballade, Pippa, Qiunt, Sonnenuntergang, Ketzer, Ratten, Einhart, Iphigenie in Delphi	23
12. H. Kant	Aula	15
13. Th. Mann	Zauberb., Buddenbr., Joseph, Könidl. Hoheit, Tod in Venedig, Krull, Faustus, Kröger	24
14. Noll	Holt	18
15. Schiller	Tell, Wallenst. Tod, Garlos, Räuber, Jungfrau v. Orleans, Stuart, Piccolomini, Glocke, Bürgerschaft	27
16. Strittmatter	Ochsenkutscher, Wundertäter, Bienkopf, Tinko	18
17. Thälm.	Reden	7
18. Wassrm.	Wahnschaffe, Gänsemännchen, Maurizius	8
19. A. Zweig	Einsetzung, De Vriend, Grischa, Claudia, Elfenbeinfächer, Junge Frau, Beil	23
20. St. Zweig	Amok, Balzak, Ungeduld, Heilung, Schachnovellen	34

Из анализа цитат мы сделали вывод, что авторы не использовали научных работ в качестве источника для цитат, кроме источников марксизма-ленинизма, что было обусловлено тем периодом времени. Причина тому следующая: в цитатах из научных работ зачастую содержится большое количество специализированной информации и терминов, с пониманием которых трудности возникают даже у носителей языка. Такая информация предназначена для людей, специализирующихся в этой области. Однако авторы использовали специализированные периодические издания, например, в области юриспруденции «Neue Justiz», здравоохранения «Gesundheit» и др. Встречаются цитаты из Конституции Германии (ГДР), например: «Der Ministerrat ist der Volkskammer verantwortlich und rechenschaftspflichtig».

Цитата в словаре Клаппенбах и Штейнитца иллюстрирует не правила употребления слова, а его филологическое и культурное окружение. Она отображает

систему ценностей общества, современное состояние его филологического образования.

Примечания

1. Лободанов А. П. История ранней итальянской лексикографии: Из истории филологической мысли и практики эпохи Возрождения. М., 1998. С. 214.
2. Минаева Л. В., Погребенко Ю. И. Фразеологические особенности цитаты и лексикографическая практика // Вестник МГУ. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2001. № 2. С. 96.
3. Там же.
4. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М., 1969. С. 387.
5. Краткая литературная энциклопедия / Под ред. А. А. Суркова. Т. 8. М., 1975. С. 402.
6. Там же.
7. Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache. Hrsg. von Ruth Klappenbach und Wolfgang Steinitz. Bd. 4. Akademie-Verlag-Berlin, 1978. S. 2923-3106.

Новые книги

Теория и методика обучения иностранным языкам

Сборник научных статей студентов института лингвистики
Киров: Изд-во ВятГГУ, 2003. – 63 с.

Редколлегия: В. А. Береснева (отв. ред.), В. А. Банин, В. С. Гуляева, В. Н. Оношко, В. А. Ситникова, М. Г. Швецова.

В сборнике представлены статьи студентов института лингвистики ВятГГУ по психолого-педагогическому, лингвистическому и филологическому направлениям.

В подготовке статей участвовали научные руководители. Сборник предназначен для широкого круга читателей.

Н. Р. Састамойнен

Fax messages
Деловая переписка

Киров: Изд-во ВятГГУ, 2003. – 28 с.

Пособие составлено в соответствии с действующей программой по иностранным языкам для неязыковых специальностей вузов России.

Деловая переписка с использованием факсовых аппаратов является самым распространенным видом обмена информацией. В пособии описываются структура делового письма, его виды (предложения потенциальным клиентам, контрпредложения, информация об отправке товара, запросы и ответы на них), употребительные вступительные и заключительные фразы, порядок написания дат. Дается перевод основной лексики.

Заключительная часть пособия включает раздел для контрольного перевода и контрольно-тренировочные упражнения.

ПЕДАГОГИКА И ПСИХОЛОГИЯ

В. С. Данюшенков
Э. С. Корякина

К ПРОБЛЕМЕ ОРГАНИЗАЦИИ ОБУЧЕНИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНО ОДАРЕННЫХ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ

На современном этапе развития образования изучение интеллекта и связанного с ним развития личности становится одним из приоритетных направлений педагогической науки. Интерес к интеллектуальным способностям людей вызван раскрытием резерва человеческой цивилизации, актуализация которого может повысить качество любых общественных реформ. Интеллектуальное творчество, будучи неотъемлемой стороной человеческой духовности и условием личной свободы людей, выступает социальным механизмом, противостоящим регрессивным линиям в развитии общества.

В настоящий момент многие направления науки (педагогика, физиология, психология, философия, логика и др.), занимаясь изучением самого человека и его опыта, ассимилировали большое число данных, способных послужить хорошей основой для моделирования технологий обучения, учитывающих глубинные особенности личности ребенка.

В работе педагога на первый план выдвигаются проблемы интеллектуального развития детей как совершенствование инструмента познания мира. Учет биосоциальных особенностей учащихся становится важнейшим средством повышения эффективности обучения и воспитания учащихся, наряду с разработкой новых образовательных программ и технологий.

В процессе интеллектуального развития приоритетное значение имеет младший школьный возраст, так как именно в этот период интеллект выдвигается на первый план и имеет значительные возможности для своего развития, в котором ведущую роль играют обучение и воспитание (Л. С. Выготский, Л. В. Занков, В. В. Давыдов, Д. Б. Эльконин).

Развитие интеллекта, познавательной сферы ребенка трактуется в отечественной психологии в общем контексте теории Л. С. Выготского как развитие высших психических функций, в ходе которого про-

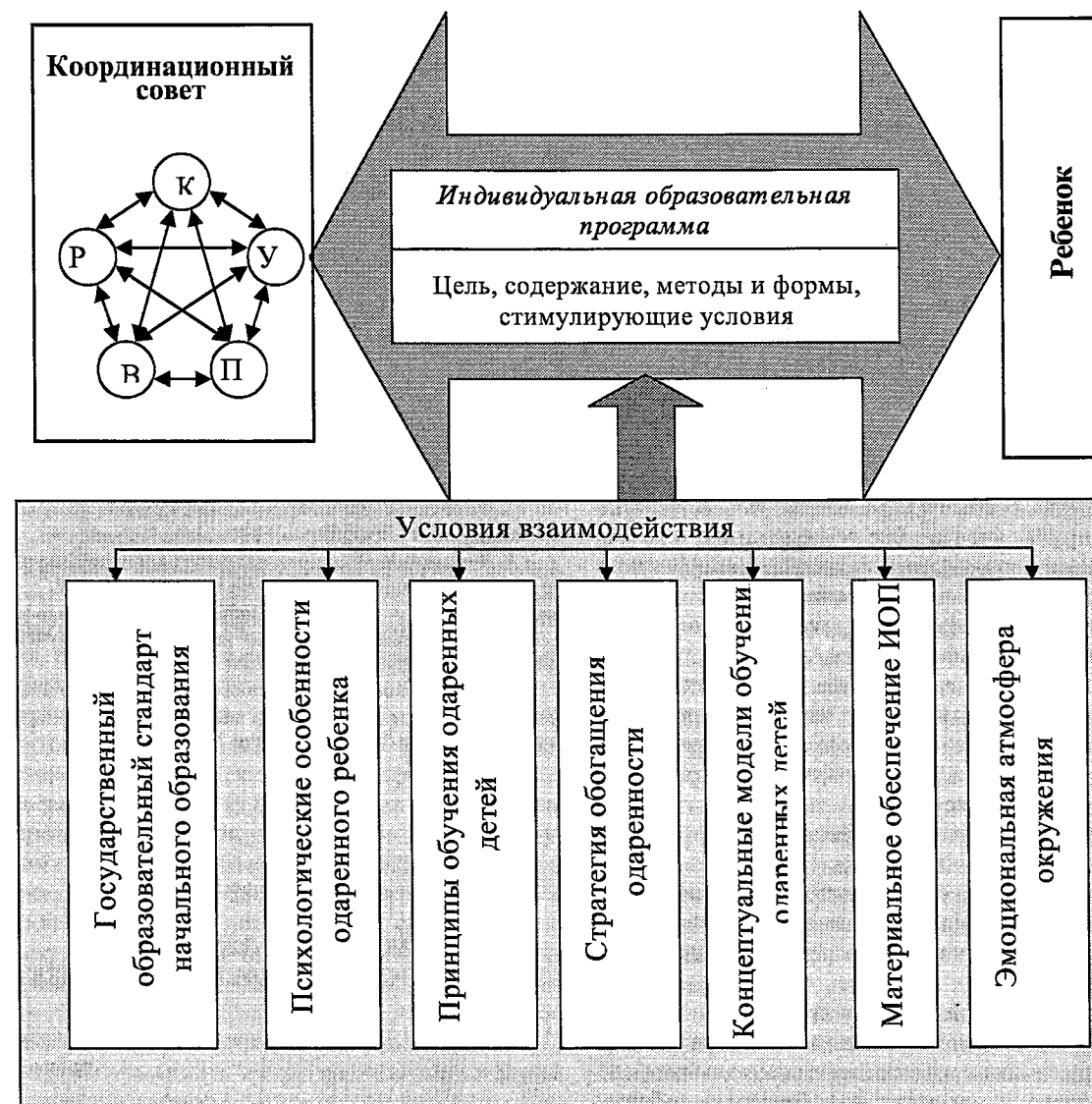
исходят изменения и познавательных процессов. Они качественно изменяются от произвольных форм запоминания к произвольным, от наглядно-действенной, наглядно-образной форм мышления к отвлеченной и абстрактно-логической его форме и к теоретическому мышлению. С позиций системного подхода интеллект рассматривается как образование многоуровневой иерархии отдельных компонентов, функционирующее посредством их взаимодействия (Б. Г. Ананьев, Л. С. Выготский, С. Л. Рубинштейн, А. Р. Лурия, Б. М. Теплов, М. А. Холодная и др.).

Темпы развития личности и ее интеллектуальных свойств глубоко индивидуальны. В начальном школьном возрасте некоторые дети отличаются от сверстников более высокой умственной активностью, испытывают постоянный «умственный голод», не удовлетворяются репродуктивной деятельностью и обнаруживают способность к поисковой деятельности в решении проблем, к рефлексии. Можно сказать, что у таких детей прослеживается опережение возраста, «которое может стать условием особого расцвета способностей», одаренности [1].

На наш взгляд, выяснение педагогических условий обучения одаренных младших школьников с целью создания зоны дальнейшего развития является педагогической проблемой.

Естественно, прежде чем создавать педагогические условия, необходимо создание инструментария, позволяющего надежно выявлять склонности и способности ученика, прогнозировать степень успешности выполнения им различных видов деятельности. «Должна быть отработана система формирования общих способностей человека, являющаяся фундаментом развития у него специальных способностей, определено оптимальное соотношение в содержании и форме различных воздействий, с одной стороны, на общие, с другой – на специальные способности для разных этапов воспитательной работы с человеком, которое давало бы максимальный эффект развития его личности» [2].

Анализ педагогической литературы по проблеме обучения младших школьников (Ш. А. Амонашвили, В. В. Давыдова, Л. В. Занкова, М. И. Моро, Б. М. Неменского, А. М. Пышкало, Т. Г. Рамзаевой, Д. Б. Эльконина, П. М. Эрдниева) и диссертаций, раскрывающих отдельные дидактические и методические аспекты формирования интеллектуальных умений и навыков у учащихся начальных классов показал, что процесс организации обучения таких ребят ранее не яв-

Дидактическая система по развитию одаренного ученика

лялся предметом специального изучения и поэтому не были определены педагогические условия, способствующие их интеллектуальному развитию.

Все это породило противоречие между необходимостью организации образования одаренного младшего школьника и недостаточной разработанностью концептуальных основ реализации данного образования.

Для разрешения противоречия необходимо разработать педагогические условия, способствующие обогащению одаренности младшего школьника в условиях функционирования дидактической системы.

При построении дидактической системы необходимо выделить ее структурные компоненты, показать их взаимодействие, обозначить системообразующий фактор и определить взаимосвязь данной системы со средой. На наш взгляд, при разработке систе-

мы определяющее значение имеет системообразующий фактор. Большинство исследователей (Ю. К. Бабанский, Б. Т. Лихачев, В. П. Беспалько и др.) таковым определяют цель. Мы согласны с мнением М. И. Рожкова, что педагогический процесс можно рассматривать как целостную динамическую систему, системообразующим фактором которой может выступать взаимодействие педагога и ученика, реализующее задачи обучения, воспитания, развития личности учащихся в их диалектическом единстве и взаимосвязи. Взаимодействие является наиболее универсальной формой любого движения и развития. Оно имеет место во всякой деятельности и определяет существование и структуру всякой системы и свойства присущих ей процессов и явлений, выступает как интегрирующий фактор, посредством которого происходит объединение частей в определенную целостность [3].

ДАНЮШЕНКОВ Владимир Степанович – доктор педагогических наук, профессор, академик АПСН, РАЕН, ректор ВятГГУ
КОРЯКИНА Эльвира Сергеевна – ассистент кафедры педагогики ВятГГУ
© В. С. Данюшенков, Э. С. Корякина, 2003

Системообразующим фактором в предлагаемой нами системе является скоординированное взаимодействие между всеми субъектами образовательного процесса: учеником, учителем, психологом, воспитателем, родителем. Этот фактор выбран не случайно, так как данные исследований говорят о том, что «решающим средовым фактором развития интеллекта детей признается «психическая стимуляция», происходящая при общении и совместной деятельности ребенка и взрослых» [4].

Вопрос о выборе компонентов дидактической системы не простой, так как они должны осуществлять целостное и целесообразное функционирование их упорядоченной совокупности, а результатом внутренней деятельности должно быть развитие одаренности младшего школьника.

К решению этого вопроса обращались Ю. К. Бабанский, В. П. Беспалько, В. С. Данюшенков, В. Т. Лихачев и другие ученые. Все исследования, в основном, объединяются исторически сложившимся компонентным составом: цель, ученики, преподаватели, содержание, методы, формы, результат обучения [5].

Для получения педагогического эффекта от деятельности дидактической системы по развитию одаренности необходима совместимость компонентов системы с факторами модели развития одаренности.

А. Танненбаум в модель развития одаренности включает следующие факторы:

- общие интеллектуальные способности;
- специальные способности;
- личностные качества неинтеллектуального характера, обеспечивающие успешность деятельности: высокую мотивацию, познавательную активность, волевые качества;

• стимулирующие условия: культурно-образовательные условия, эмоциональная атмосфера ближайшего окружения в семье и школе, специальные учебные программы, материальное обеспечение образования, в том числе качество питания, экологические характеристики среды.

Учитывая данные факторы, мы предлагаем дидактическую систему со следующими компонентами (см. схему на с. 71):

а) педагоги, входящие в координационный совет (учитель, психолог, воспитатель второй половины дня, родители, координатор), их позиция, компетентность, личностные качества;

б) цель;

в) ученики с их индивидуальными особенностями;

г) содержание образования;

д) методы и формы организации обучения;

е) стимулирующие условия, включающие культурно-образовательные условия, в которых живет ребенок, эмоциональную атмосферу ближайшего окружения, качество питания, материальные средства обучения.

Цель, содержание образования, методы обучения, стимулирующие условия являются составляющими

индивидуальной образовательной программы (ИОП) одаренного младшего школьника. Взаимодействие всех компонентов ИОП обусловлено государственным стандартом начального образования, психологическими особенностями ребенка, принципами обучения одаренных детей, стратегией обогащения одаренности, концептуальными моделями обучения одаренных детей, качеством материального обеспечения ИОП, эмоциональной атмосферой окружения ребенка.

Разработка условий развития предложенной дидактической системы и доказательство эффективности ее функционирования являются следующим шагом нашего исследования.

Примечания

1. Лейтес Н. С. Умственные способности и возраст. М., 1971.
2. Бодалева А. А. Психология личности. М., 1988.
3. Рожков М. И. Теоретические основы педагогики: Учеб. пособие. Ярославль, 1994.
4. Воронин В. Взаимозависимость интеллекта учителя и ученика с их взаимоотношениями: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1997; Фридман Л. Как построить новую школу (Концепция личностно развивающего обучения) // Народное образование. 1993. № 7-8. С. 6-11.
5. Данюшенков В. С. Целостный подход к методике формирования познавательной активности учащихся при обучении физике в базовой школе. М., 1994.

Н. А. Низовских

О РОЛИ СУБЪЕКТИВНОГО В САМООСУЩЕСТВЛЕНИИ ЧЕЛОВЕКА *

Памяти Анатолия Евгеньевича Горбушина
посвящается

В статье рассмотрены некоторые взгляды на проблему субъективного в зарубежной и отечественной психологии. Подчеркивается необходимость более полного и глубокого осознания роли субъективного в жизни человека. На примере психосемантического метода атрибуции мотивов жизненным ценностям показан психотехнический подход к проблеме профессионального личностного саморазвития, базирующийся на признании приоритетной роли субъективного в процессах самоосуществления человека.

Отечественная психология переживает очередной кризис [1], но при этом «находится отнюдь не в упадке и разложении» [2]. Вероятно, можно говорить о

* Работа выполнена при поддержке Министерства образования РФ (грант №183-33 по разделу 06 02 281 216 от 20.02.2003)

НИЗОВСКИХ Нина Аркадьевна – старший научный сотрудник ВятГГУ
© Н. А. Низовских, 2003

новом этапе развития психологического знания в России, когда само это развитие осуществляется стремительно и знаменуется появлением новых тенденций.

В сознании части российских психологов происходит поворот от прежней естественнонаучной ориентации к ориентации на образцы, достижения и ценности гуманитарного восприятия. Подчеркнем, что это не выступает препятствием для научного познания личности, если разводить понятия человек и личность, рассматривая личность как психологический инструмент, орган, средство обретения человеческой сущности [3].

Приметой последних десятилетий стали работы, исходящие из признания приоритетной роли субъективного в самоосуществлении человека. В. Э. Чудновский, ставя задачу корректировки в современных подходах к проблеме внешнего и внутреннего, считает необходимым сделать акцент на изучении собственной, внутренней активности субъекта. Автор вводит понятие «ядра субъективности», характеризуя его как средоточие внутренней активности человека, включающее в себя «как проявления сознания и самосознания, так и неосознаваемые побуждения, генетически обусловленные комплексом базальных задатков и потребностей и направленные на раскрытие, реализацию собственных потенций субъекта» [4]. На недостаточность чисто объективистских представлений о человеке указывают В. И. Слободчиков и Е. И. Исаев, обосновывая свою точку зрения существованием духовного измерения субъективной реальности и подчеркивая, что в психологию развития человека необходимо вводить представление о саморазвитии субъективности [5]. Проблема духовности привлекла внимание многих крупных российских психологов и разносторонне исследуется [6]. Важным событием стала книга «Психология с человеческим лицом» [7], в которой с гуманистических позиций обсуждается ряд ключевых вопросов человеческой жизни (проблемы свободы, самореализации, диалога и др.). Д. А. Леонтьев в качестве основополагающей характеристики человеческого способа существования и как конституирующую функцию личности рассматривает смысловую регуляцию жизнедеятельности, отмечая, что есть формы поведения человека, которые не поддаются и смысловому объяснению [8]. Для неклассической психологии личности заданы новые ориентиры: «...от жизнедеятельности к жизнестворчеству, от смысловой регуляции к регулированию смыслов, от психологии «изменяющейся личности в изменяющемся мире» к психологии личности, творящей и изменяющей себя и свой жизненный мир» (с. 444). Б. С. Братусь, очерчивая линии гуманитарного, нравственного и христианского отношения к проблеме человека, ставит перед психологией задачу «соотнести личность с тем, что бесконечно ее больше, соотносить определенное и определяемое с тем, что не определено и неопределимо». Сегодня «нетрудно увидеть, что в истории психологии, – пишет Б. С. Бра-

тусь, – свершается как бы некий круг и мы возвращаемся <...> к месту, откуда когда-то вышли. Психология начала разрывом с философией, этикой, теологией, с потери понятия души, с постулата естественнонаучного подхода к человеку как к объекту, вещи среди вещей, с <...> редукции духа к материи, сугубой объектности, телесности. Душа и дух надолго исчезли из поля внимания, вернее, стали рассматриваться производными, вторичными от материального (телесного, вещественного) мира» [9]. Сейчас в центр интереса психологии снова и все более попадает субъективное: переживания, цели, ценности, смыслы, творчество, фантазии, сновидения и др. В психологию возвращается понятие души. Смена парадигм вызывает у части отечественных психологов рационалистические опасения и неприятие [10]. Вместе с тем подчеркивается, что обозначившиеся в отечественной психологии тенденции имеют место и в других странах.

В зарубежной психологии признание особой роли субъективного в жизни человека явилось отличительной чертой экзистенциально-гуманистического направления, зародившегося в 50-е годы прошлого века.

В. Франкл писал о ноосфере, о значении духовного измерения в жизни человека, ощутив эту материю непосредственно в опыте пребывания в концлагере в годы второй мировой войны. Духовность, свобода и ответственность – это, с точки зрения В. Франкла, три экзистенциала человеческого существования. Духовность – конституирующая особенность личности, но путь человека к себе лежит через его взаимодействие с миром. «Сущность человека включает в себя его направленность вовне, на что-то или на кого-то, на дело или на человека, на идею или на личность! И лишь поскольку мы интенциональны, постольку мы и экзистенциальны; лишь в той мере, в какой человек духовно соприсутствует чему-то или кому-то, духовной или иной сущности, лишь в меру такого соприсутствия человек соприсутствует и себе. Человек не для того здесь, чтобы наблюдать и отражать самого себя; он здесь для того, чтобы предоставлять себя, поступать собой, чтобы познавая и любя, отдавать себя» [11]. Свобода человека заключается в его способности подниматься над своей обусловленностью (наследственной и средовой), преодолевая ее, «трансцендируя» ее. Человек является человеком «тогда и постольку, когда и поскольку он как духовное существо выходит за пределы своего телесного и душевного бытия» (с. 111). Терапия Франкла строится на ноопсихическом антагонизме: человек может в определенных границах отмежеваться от психологической патологии в себе, тем более он может подняться над своим характером, поскольку, как убежден В. Франкл, особенности характера никоим образом не являются решающими; решает, в конечном счете, позиция личности. Именно «духовная личность принимает решение о душевном характере»; «решая сам за себя», человек формирует свою судьбу и себя как личность

(с. 114). Но свобода человека не тождественна его всемогуществу и произволу; экзистенциальный анализ признает человека свободным, признавая его в то же время ответственным, ориентированным на смысл и стремящимся к ценностям (с. 115).

Впервые ввел высшие ценности в круг психологических детерминант развития А. Маслоу. Он был убежден в том, «что свободная от ценностей, ценностно нейтральная, избегающая ценностей модель науки, унаследованная нами от физики, химии и астрономии <...> совершенно не подходит <...> для выяснения вопросов, касающихся человека, где учет личностных ценностей и целей, намерений и планов играет решающую роль в понимании людей даже применительно к классическим целям науки – предсказанию и управлению» [12]. А. Маслоу полагал важнейшей характеристикой человека его самость (self), прислушаться к голосу внутренних импульсов – значит дать ей проявиться (с. 67). А. Маслоу, как и В. Франкл, считал, что следует больше доверять своему бессознательному. Во многих жизненных и творческих ситуациях необходимо «некое доверие к себе и к миру, позволяющее временно отказаться от напряжения и борьбы, волнения и контроля, сознательного приспособления и сознательных усилий» (с. 69). Эта мысль чрезвычайно привлекательна, следует согласиться с тем, что «наш сознательный интеллект чересчур аналитичен, рационален, вычислительен, атомистичен, концептуален, и потому он упускает большие куски реальности, в особенности реальности внутри нас» (с. 71). Существование души для А. Маслоу очевидно, как очевидно и то, что современная психология должна вернуть свой изначальный предмет. Он писал, что «кое-кому покажется, что такой «ментализм» разрушит всю науку, но я считаю подобные опасения глупостью. Напротив утверждаю, что наука, в которой сохранилась душа, не менее, а намного более могущественна» (с. 150). В связи с этим заслуживает внимания мысль А. Маслоу о том, что полезно «различать два вида (или, лучше сказать, два уровня) самоактуализирующихся людей: тех, кто явно здоров психологически, но обладает малым или вообще не обладает опытом трансценденции, и тех, для кого такой опыт является важным и даже центральным» (с. 266). В отечественной психологии вопрос о различиях в способности к трансцендентному, насколько нам известно, не ставился. Различие в способах жизни, описанное С. Л. Рубинштейном, касается только способности человека к рефлексированию над основаниями собственной жизни или отсутствия таковой [13].

Положение о субъективности человека занимает важное место в концепции и психотерапевтической практике Дж. Бьюджентала. Он пишет: «Западные наука и культура не признавали реальность истинно субъективного в течение, по крайней мере, трех столетий. Многие из того, что исследовали восточные духовные практики, наш ограниченный век отвергал

и объявлял суеверной чепухой и свидетельством примитивности» [14]. Понимание Дж. Бьюдженталем субъективного заслуживает, на мой взгляд, внимания. Субъективное, с его точки зрения, «это внутренняя, особая, интимная реальность, в которой мы живем максимально подлинно». Содержание этой реальности составляют образы восприятия, мысли, чувства и эмоции, ценности и предпочтения, предвидения и опасения, фантазии и сны, а также все, что бесконечно, днем и ночью, во сне и наяву происходит в нас, определяя таким образом наши действия во внешнем мире и то, что мы выстраиваем из событий, происходящих с нами в этом мире. Ключевое значение субъективности Дж. Бьюдженталь видит в том, что «мы, прежде всего, субъекты, а не объекты, актеры, а не куклы, и этот суверенитет – суть нашей субъективности» (с. 24). Признание автономии человека для Дж. Бьюджентала – следствие реального клинического опыта, и он не заблуждается насчет возможности человека полностью исследовать собственную субъективность: «Великий океан субъективного лежит совершенно неизведанным перед каждым из нас. Мы плещемся на отмелях, мы бродим по берегу, но мы не смеем, не можем проникнуть в его глубины или поехать на дальние берега, – потому что мы только дети...» (с. 166). В то же время знакомство с собственной субъективностью очень важно, оно кардинальным образом изменяет мир человека. Понятие «душа» определяется Дж. Бьюдженталем как динамика, которая придает импульс интенциональности человека. «Воодушевленность — понятие более широкое, чем интенциональность, оно вбирает в себя этот важный аспект нашего бытия. Конечно же, воодушевленность нельзя увидеть. Ее узнают только по ее эффекту, как ветер – по колыбанию травы и деревьев. Но, как гнущиеся деревья – не то же самое, что буря, что пригибает их к земле, так и действия в нашей жизни – не то же самое, что воодушевленность, которая их мотивировала. Интенциональность – это такой аспект воодушевленности, который выражается в определенных намерениях и целях, которым мы следуем» (с. 229). Дж. Бьюдженталь считает, что «все люди и, наверное, большинство животных обладают душой, хоть в какой-то мере. Есть люди, о душе которых мы узнаем только по ее отсутствию, и очень точно называем таких людей «бездушными» — дух покинул их. Говоря о других, мы используем выражения типа «одухотворенный» или человек «высокой души». Каким бы множеством значений ни обладали эти слова, без сомнения, они передают некоторый смысл, который разделяют все» (с. 229). Как подчеркивает Дж. Бьюдженталь, методы, которые он применяет в психотерапии, не достигают уровня духа, и он не ставит перед собой такой задачи. Зато он вполне уверен в том, что его психотерапия помогает некоторым из пациентов «преодолеть препятствия, которые сковывают их собственную воодушевленность», и он этим доволен. В своей практике Дж. Бьюдженталь ис-

ходит из того, что человек в действительности до конца не может определить свою идентичность, мы являемся существенно большим, чем то, что осознаем, поэтому важно бережное отношение к сфере глубинного субъективного, которое и есть душевное и духовное. Полное осознание более глубокой, более всеобъемлющей, более фундаментальной роли субъективного, по мысли Бьюджентала, означает установление совершенно новой парадигмы – не только в психологии, но и в науке; не только в науке, но и в человеческом бытии; и, возможно, не только в человеческом бытии, но и в самом бытии.

Р. Мэй определял экзистенциализм как стремление понять человека на уровне тех глубин, где уже нет раскола между субъектом и объектом. Он писал, что «традиционная психология покоится на дихотомии субъекта и объекта» [15], и считал ошибочным такой подход к пониманию человека, при котором разум предпочитается эмоциям. Без сомнения, объективная действительность существует, однако не это важно. Важно то, что «мир и человек всегда взаимосвязаны. Между миром и «я» и между «я» и миром происходит постоянный диалектический процесс; одно влияет на другое, и одно нельзя понять, если другое не принимается во внимание» (с. 43). Особую роль Р. Мэй отводил языку – «хранилищу символов, в которых выражен как наш собственный опыт, так и опыт многих поколений» (с. 76). Символы и мифы «выражают взаимосвязь сознательного и бессознательного опыта, индивидуального существования и истории человечества» (с. 77). Человек может стать творцом собственного «я». «В процессе своего развития “я” вбирает в себя модели, формы, метафоры, мифы и другие элементы психики, которые придают направленные этому самосозиданию. Этот процесс происходит непрерывно» (с. 89). В самосозидании человек опирается на творческое мышление. Об этом Р. Мэй писал так: «Помимо очевидного детерминизма, имманентного человеческой жизни – особенно по отношению к физическим аспектам «я»: цвету глаз, росту, продолжительности жизни, – в этом процессе, безусловно, присутствует элемент самоконтроля, самоформирования. Мышление и самосозидание неразрывны» (с. 89-90). С точки зрения современных психотехнологий представляется важной идея Мэя о том, что человеческая свобода требует способности разорвать цепь «раздражитель – реакция». Во время этого разрыва человек совершает выбор той реакции, которую хотел бы максимально реализовать. Как следствие такой свободы, способность творить самого себя неразрывно связана с сознанием и самосознанием. Советы психотерапевта более всего должны побуждать человека или группу людей «заглянуть вглубь самих себя и спросить совета у собственной мудрости и интуиции», а основная цель психотерапии – «пробуждать творческие способности человека, направляя его к внутренним творческим источникам» (с. 97-98). Мэй – «певец» формы. Для него принципиально важ-

ным является то, что «не только разум творит и формирует наш мир – в этом принимает участие и бессознательное со своими влечениями и потребностями, опираясь на интенции и интенциональность. Творя в своем мире определенные формы, люди не только мыслят, но также чувствуют и желают» (с. 121-122). Мэй считает, что именно «желание формы является способом обретения смысла жизни», и в этом заключается истинное творчество, которое должно присутствовать в каждом опыте отношений с миром, если мы хотим не только понять его, но и принять участие в созидании реальности. Желание формы Р. Мэй определяет «как возможность формирования чувств, ощущений, радости, надежды в определенную форму», благодаря которой человек осознает себя как конкретную личность. Однако это не чисто субъективный акт. Человек может достичь этого только во взаимосвязи с объективным миром, в котором он живет.

Укоренение идей о субъективном в отечественной психологии имеет глубокие основания, связанные как с философскими традициями, так и с развитием психологической мысли в России [16].

В работе «Исторический смысл психологического кризиса» Л. С. Выготский, поставив во главу угла соединение философии и практики, приходит к выводу о том, что в новом обществе психология выдвигается в центр жизни, поскольку с неизбежностью встанет вопрос об «овладении нашим собственным существом, о подчинении его себе» [17]. Одна из главных целей психологии, в понимании Л. С. Выготского, это «психотехника – в одном слове, т. е. научная теория, которая привела бы к подчинению и овладению психикой, к искусственному управлению поведением» (с. 389). Взгляд Л. С. Выготского на субъективное представляет интерес и еще не изучен. Он, в частности, писал: «Сама попытка научно подойти к душе, усилие свободной мысли овладеть психикой, сколько бы она ни затемнялась и ни парализовалась мифологией, т. е. сама идея научного строения о душе содержит в себе весь будущий путь психологии, ибо наука и есть путь к истине, хотя бы ведущий через заблуждения» (с. 428). И еще: «Если теперь идея души реакционна, то когда-то она была первой научной гипотезой древнего человека, огромным завоеванием мысли, которому мы обязаны сейчас существованием нашей науки <...> Мы понимаем исторически, что психология как наука должна была начаться с идеи души <...> Мы принимаем имя нашей науки <...> как живое свидетельство истины, возникающей в невероятно сложной борьбе с ложью» (с. 428-429). Отставив для психологии ее историческое имя, Л. С. Выготский, в частности, писал о том, что «психология, которая хочет быть и учением о субъективном или хочет на своих путях разъяснить и субъективное, не должна ложно именовать себя объективной» (с. 432). Он также считал, что «предмет психологии – самый трудный из всего, что есть в мире...» (с. 417), и субъективное не следует отождествлять с психическим.

Л. С. Выготский полагал, что диалектическая концепция развития как «непрерывного процесса само-движения» допускает и идеалистические, и материалистические теории построения личности. В первом случае она находит воплощение в теориях творческой эволюции, направляемой автономным, внутренним, жизненным порывом целеустремленно саморазвивающейся личности, волей к самоутверждению и самосовершенствованию. Во втором случае она приводит к пониманию развития как процесса, характеризующегося единством материальной и психической сторон, единством общественного и личного при восхождении ребенка по ступеням развития [18]. Вполне понятно, что в исторических условиях 30-х годов прошлого века Л. С. Выготский не имел возможности развивать теорию творческой эволюции личности, и без того его обвиняли в ошибочном понимании марксизма и субъективном идеализме. Свои усилия Л. С. Выготский направил на исследование развития, характеризующегося «единством материальной и психической сторон, единством общественного и личного». Отметим, как актуальны эти идеи и как созвучны они экзистенциально-гуманистическому подходу. Культурно-историческая концепция Л. С. Выготского «открыла путь для научного познания высших форм психической жизни человека» [19], получила признание как один из самых крупных вкладов в разработку проблем психологии развития XX века [20]. Справедливо мнение Б. С. Братуся о том, что «ценность положений культурно-исторической психологии Л. С. Выготского порой превосходит (или, как выразился В. В. Давыдов, «с головой покрывает») многие рассуждения западных гуманистических психологов [21].

Продуктивны для построения психологических практик личностного саморазвития и другие подходы отечественных ученых.

С точки зрения А. Н. Леонтьева, личность «выступает как то, что человек делает из себя, утверждая свою челоуескую жизнь» [22], а психологический уровень изучения человека – это изучение его как субъекта одушевленной деятельности (с. 231). А. Н. Леонтьев отдает приоритеты активной, деятельной стороне связей человека с миром. Принимая положение С. Л. Рубинштейна о том, что внешнее действует через внутреннее, А. Н. Леонтьев оценивает его как безошибочно верное для случаев, когда рассматривается эффект того или иного воздействия. Но для того, чтобы найти подход к проблеме личности, указывает Леонтьев, следует с самого начала обернуть исходный тезис: внутреннее (субъект) действует через внешнее и этим само себя изменяет. Эвристичность взгляда А. Н. Леонтьева состоит в том, что «внутренние условия» становятся внутренним движением, действиями субъекта в системе индивидуального сознания. К сожалению, деятельностный подход до настоящего времени выступает объектом огульной критики и обвинений. Например, утверждается, что данная теория «очевидным образом не входит сей-

час в совокупность тех теоретических опорных точек, которые обеспечивают экстенсивное развитие отечественной практической психологии» [23]; деятельностная психология «утеряла контакт с индивидуальной жизнью, индивидуальным бытием человека, с переживаниями как универсальным контекстом, сохраняющим человеческую целостность. И в силу этого она оказалась в тупике. Более того, она завела в тупик всю советскую психологию, развивавшуюся на деятельностной основе десятки лет» [с. 83]. Я считаю, что изучение личности (и даже ее переживаний!) не может не опираться на деятельностную парадигму. Что останется у человека, если из его жизни извлечь труд, учение, игру, искусство, науку? Переживания в «контексте переживаний»? Все-таки, говоря словами Аристотеля, «дело человека – некая жизнь, а жизнь эта – деятельность души и поступки при участии суждения».

В высшей степени верной представляется мысль В. В. Давыдова о том, что в настоящее время необходимо соединение возможностей теории деятельности и культурно-исторической теории [24]. Отношение А. Н. Леонтьева к культурной психологии и перспективам ее развития ярко предстает в его письме к Л. С. Выготскому. В комментариях, предваряющих публикацию этого затерянного в архивах и нашедшегося только в 2002 году письма, А. А. Леонтьев и Д. А. Леонтьев отмечают: «В письме образуют отдельный блок и представляют отдельный интерес теоретические и методологические соображения Леонтьева о культурной психологии. Большую часть из них занимают характерные для Леонтьева и в последующем акценты на философско-методологические основы теории. Из числа конкретных прежде всего является проблема психического-психологического, которая через несколько лет станет предметом его докторской диссертации. Затем проблема функциональных систем и межфункциональных связей – ставшая одной из центральных для всей школы в сороковых-шестидесятые годы XX столетия. Ключевая роль знака. Наконец, проблема личности как субъекта развития, то есть “проблема активного психологического развития, проблема психологической культуры личности (свободы!) и отсюда ближайшие этические проблемы”. Такая постановка вопроса звучит свежо и сегодня. Но данные проблемы вскоре вошли в нашей стране в “черный список”, и только в записных книжках и в отдельных фразах, прорвавшихся в публикациях самых последних лет жизни, мы встречаем волнующую Леонтьева проблему личности не как объекта формирующих воздействий, но как активного, свободного и ответственного субъекта собственного развития, личности» [25].

Одним из наиболее перспективных направлений в изучении субъективного является психосемантика. В. Ф. Петренко пишет о том, что «психосемантический подход позволяет наметить новые принципы типологии личности, где личность испытуемого рассматривается <...> как носитель определенной кар-

тины мира, как некоторый микрокосм индивидуальных значений и смыслов» [26]. В задачу психосемантики и входит реконструкция индивидуальной системы значений, через призму которой происходит восприятие субъектом мира, других, самого себя (с. 33). Имплитная картина мира, присущая субъекту, приобретает как бы самостоятельный онтологический статус и, даже будучи иллюзорной, влияет на его реальный жизненный выбор тех или иных поступков, на все поведение в целом. Когда категориальные структуры сознания выступают как средство рефлексии, субъект преодолевает позицию «наивного реализма» и обретает определенную свободу в выборе и конструирования средств познания. Индивидуальная система значений эксплицирована в словесных понятиях, в образах, в правилах и т. п. Имеют свою когнитивную представленность понятия чести, долга и другие этические категории. В. Ф. Петренко считает, что необходимо расширить понятийный аппарат для описания субъекта в ментальном психическом плане. В список глубинных семантических ролей, по его мнению, должны войти наряду с мотивами, целями, средствами деятельности идеалы, ценности, нормативные средства (с. 158). В качестве операциональных аналогов индивидуальных систем значений выступают субъективные семантические пространства, реконструируемые с помощью психосемантического инструментария. Субъект обладает «множеством взаимосвязанных и взаимопорождающих пространств, маркированных, помеченных «знаком собственности» не только личности субъекта – их носителя, но и множества более или менее значимых других» (с. 192). Возникают вопросы, пишет В. Ф. Петренко, «почему одни знания остаются просто известными субъекту, а другие входят в плоть его “внутреннего Я”; как и какими средствами личной принадлежности “помечено” пространство моих знаний и убеждений, когда оно противостоит некоей жизненной позиции, также мне известной и извлекаемой из моей же памяти, моего “банка данных”»? (с. 193). Ответы на эти вопросы, по мнению В. Ф. Петренко, лежат в области «проблематики веры как особого психологического феномена, существующего не только в форме религиозного чувства, но и пронизывающего всю систему убеждений и нравственных ценностей человека как духовного существа» (с. 193).

Модельный язык психосемантики позволяет описывать важнейшие феномены внутренней субъективной жизни человека. Для исследования жизненных ориентаций личности автором данной статьи совместно с В. Ф. Петренко был разработан Психосемантический метод атрибуции мотивов жизненным ценностям, который затем был апробирован в консультативной практике в 1990-1994 годах. В настоящее время метод применяется и как психотехнический для целей профессионального личностного саморазвития психологов и педагогов. Постепенно, на основе проводимой работы, осуществляется его психотехничес-

кое оснащение, усиливается его психотехническая направленность. Суть метода – построение семантических пространств на базе атрибуции жизненно важным ценностям личности тех или иных мотивов. По множеству униполярных шкал, образованных ценностными суждениями (личными «жизненными принципами»), испытуемый оценивает в шестибальной системе множество мотивов, которые могут «оправдать» содержащиеся в данных суждениях жизненные ориентиры. Жизненные принципы формулирует сам испытуемый. Их количество – 30-35 (или меньше, по желанию испытуемого). Перечень мотивов предлагается в готовом виде и включает 50 суждений типа: «материальная заинтересованность», «чтобы получить удовольствие», «любовь к другому человеку», «из чувства ответственности» и т. д. Испытуемому предлагается возможность дополнить данный перечень актуальными для него мотивами, отсутствующими в списке. Полученные протоколы представляют собой матрицы индивидуальных данных /30-35/ x /50/. Математическая обработка матриц (процедуры факторного анализа), осуществляющаяся при помощи компьютерной программы SPSS (Версия 10), позволяет построение как семантических пространств ценностей с расположенными в них мотивами, так и семантических пространств мотивов, с расположенными в них ценностными суждениями.

Опыт применения данного метода на выборке более сорока испытуемых показал его продуктивность для личностного саморазвития. Уже на этапе порождения перечня жизненных принципов и приписывания им мотивов происходит серьезная работа по осмыслению испытуемыми оснований своей жизни, уяснению собственных жизненных «обязательств» (в терминологии Дж. Бьюджентала). Особенность и достоинство метода в выявлении скрытых ценностных и мотивационных иерархий сознания. Важно, что методика позволяет раскрыть противоречия в жизненных установлениях испытуемых. По оценке испытуемых, применяемый метод эффективен для осознания направлений личностного саморазвития развития. В ходе работы происходит освоение речевых конструктов как средства построения и развития собственной личности. «Язык – наш дом», – эта фраза явилась мне в одном из недавних снов, и, вероятно, была вызвана подготовкой данной статьи. Не только высказывания, но и другие психологические средства, такие, как язык психосемантической методике, помогают личности оформиться, овладеть собой и своим поведением. Осознание и овладение – не единственные задачи психотехнической работы с субъективными реальностями (в нашей работе с жизненными принципами). Важнейшей в условиях современного мира является задача развития у человека доверия к себе, своему «я». Поэтому одна из самых сложных и деликатных сторон применения метода атрибуции – интерпретация полученных результатов, анализ содержания ранее скрытых от испытуемого ценностно-мотивационных

иерархий его собственного сознания. Здесь главным выступает принцип: важно то, что думает сам испытуемый, какие смыслы он вкладывает в выявляемые в ходе работы конструкты, что из этого для него следует, как он может этим воспользоваться, осуществляя себя. В процесс обсуждения (при расположении испытуемого или по запросу) включается некоторое «информирование»: испытуемый получает от консультанта и имеет возможность обсудить с ним сведения по значимым для него проблемам жизненной философии. Эти сведения, полученные и получаемые автором в ходе специальных исследований [27], в практике консультирования и на семинарах, а также извлеченные из собственного опыта, никогда не выдаются за истину в последней инстанции, а подаются как уже существующие инсайты других людей, и испытуемый приглашается рассмотреть их с позиций собственного внутреннего опыта, с позиций собственного «я».

Проблема доверия своему субъективному опыту и указание на приоритетную роль этого опыта в самоосуществлении человека предполагают рассмотрение вопроса о феноменологии субъективного. Этот сложный вопрос требует специальных исследований. Здесь лишь подчеркнем важность того, чтобы из проблематики субъективного не исключались понятия «я» и «душа». «Я» как центр личности и средоточие субъективного, один из самых таинственных предметов постижения. До настоящего времени человечество не составило представления о «я». Наиболее ярко драма отношения к «я» представлена О. Вейнингером [28]. Д. Юм в ранних работах подверг критике понятие «я» и был уверен, что «я» ни у него, ни у остальных людей нет. После Юма против понятия «я» выступил Лихтенберг. Словесное выражение «я думаю» этот «философ безличности» (как его называет О. Вейнингер) заменяет выражением «думается» как более соответствующим действительности. «Я» представлялось Лихтенбергу «выдумкой грамматиков» [29]. Сам О. Вейнингер исходил из того, что «я» выводимо логическим путем (с. 227), и считал, что «нет ни одного истинно выдающегося человека, который не был бы убежден в существовании Я. И наоборот, кто отрицает Я, тот не может быть человеком выдающимся» (с. 235-236). Вейнингер был убежден и в том, что всем гениальным людям свойственно твердое, окончательное, не требующее доказательств убеждение, что у них есть душа. «И пора бы оставить, наконец, смешные опасения тех, — писал он, — кто в каждом, кто говорит о душе как о сверхэмпирической реальности, видит пропагандирующего теолога. Вера в душу есть все, что угодно, только не суеверие и не простой обман духовенства. Даже художники, не учившиеся философии и теологии, даже самые атеистичные из них, как Шелли, говорят о своей душе, говорят о ней, как о чем-то им известном. Или мы должны думать, что душа для них только пустое, красивое слово, которое они повторяют вслед за другими, ни-

чего при этом не чувствуя? <...> Как ни злоупотребляют словом душа, но одно несомненно: когда выдающиеся художники говорят о своей душе, то они хорошо знают, что они этим обозначают. У них, как и у великих философов, есть особое предельное чувство высшей реальности» (с. 240-241). «Великая идея о душе человека как микрокосме (самое глубокое создание философов Возрождения, хотя первые следы ее можно найти уже у Платона и Аристотеля), по-видимому, совершенно исчезла для новейшего мышления со смертью Лейбница. На этих страницах она была развита только относительно гения, те же мыслители видели в ней истинную сущность человека вообще» (с. 244-245). (Остается только сожалеть, что О. Вейнингер, в силу каких-то причин, отказывал женщинам в умопостижимом Я, в самоценности и личности.)

Откроем психологический словарь: «Я — понятие, выражающее единство и целостность личности с ее субъективной, внутренней стороны; индивид, каким он известен самому себе, каким он видит и представляет сам себя. В идеалистической философии Я рассматривалось как особая нематериальная сущность, «владеющая» телом, и фактически было синонимом «души». В современной психологии Я рассматривается как один из компонентов личности...» [30]. Признание «я» и «души» в круге субъективного не означает, конечно, что научное исследование (хотя бы и психотехническое) будет их препарировать. Психология, если она хочет оставаться научной дисциплиной, должна ясно сознавать свои ограничения. Наиболее отчетливо эта мысль проводится Б. С. Братусем, который посвятил душе и ее жизни в психологии специальную работу [31]. Данный автор подчеркивает, что душа в религиозном понимании не входит, не вмещается в психологию, равно как не растворяет психологию в себе; «религиозно-философский и конкретный психологический уровни несводимы один к другому, не подменяемы один другим, но их взаимное признание, установление связи, соотношение — условие и форма их адекватного понимания» (с. 77).

Полемика, связанная с пониманием субъективного, определением его содержания и роли в жизни человека, столь остра, что порой затрагивает личные отношения и судьбы ученых, разводит их по разные стороны возводимых ими баррикад. Это отчасти можно объяснить тем, что «в состав любой гуманитарной теории имплицитно входит некоторый эмоционально-личностный опыт ее автора» [32]. Как считает А. В. Юревич, вывод о том, что «в состав психологических теорий входит не только личностное знание, но и личностные переживания автора, и именно из рефлексии над переживаниями эти теории зарождаются, должен звучать как вполне банальное обобщение опыта психологической науки» [33]. На наш взгляд, именно различия в опыте переживания собственной субъективности приводят часто к непримиримости позиций ученых в вопросе о душе. Следует

указать, что в нашей культуре слово «душа» очень часто используется в быденной и поэтической речи (на душе кошки скребут; душа поет; душа в пятки ушла; глаза — зеркало души; песня за душу берет; развернись, душа; «я не люблю, когда мне лезут в душу...»; «на любовь свою душу настрою»; и т. д.). Но далеко не все верят в существование души как особой субстанции. Очень важен собственный опыт ее открытия и переживания, и/или принятие свидетельств других, открывших свою душу. В связи с этим заслуживает внимания исследование Е. А. Савиной об особенностях представлений детей 5-10 лет о душе, которое позволило обнаружить «интересные, своеобразные и во многом верные детские суждения» о внутренней жизни человека. Как отмечает автор, «появившись в наиболее полной и яркой форме на рубеже дошкольного и школьного возрастов, представления о душе практически не усложняются и не обогащаются в младшем школьном возрасте» [34]. Знающих свою душу по-настоящему, открывших ее как субстанцию мало (или об этом не принято говорить?). Исследования на взрослых, подобные проведенному Е. А. Савиной на детях, мне не известны. Важно лишь то, что «с концепциями можно спорить; с опытом души спорить нельзя» [35]. Исследователям, создающим и реализующим психотехнологии, нельзя не принимать это во внимание. «Осторожно, живая душа!» — этот жизненный принцип одной из моих испытуемых, вполне здесь подходит. Мы должны согласиться с И. Яломом в том, что «труд художника, математика, генетика или романиста существует самостоятельно, поэтому исследование личной жизни ученого, художника или писателя — излишество, пусть зачастую занимательное и интересное, а порой даже интеллектуально поучительное», но если «речь идет о теории, которая претендует на раскрытие сокровенных глубин человеческого поведения и мотивации, причем поддерживающие эту теорию факты происходят большей частью из самоанализа одного человека» (речь идет о психоанализе З. Фрейда. — Н. Н.), то исследование личной жизни уже не роскошь, а необходимость [36]. Исследование своей субъективности и возможностей ее саморазвития выступает как профессиональная необходимость для психолога — исследователя и практика, равно как для педагога и психотерапевта. Известно, что «главное из того, что Маслоу обнаружил в области психологии, он обнаружил, изучая самого себя» [37]. Как заметил сам А. Маслоу, «знание своей собственной глубинной природы является одновременно знанием человеческой природы вообще» [38]. Для того, чтобы строить психологическую и педагогическую практику, необходимо не только слышать и вбирать в себя голоса других (живших и живущих), важно уметь слушать себя, уметь опираться на ресурсы собственного внутреннего субъективного мира. Только так можно помочь другому человеку, осуществляющему себя в мире.

Как показывает опыт мировой психологической и психотерапевтической практики, все больше людей пытаются найти путь к полноте жизни через исследование и развитие собственной личности; человек как автор жизни и себя самого — уже не веяние, а веление времени. Социальная значимость этих процессов очевидна, поскольку «с культивированием личностного начала связано самотворение и возрастание качества жизни» [39]. Психология сможет ответить на этот «вызов», лишь идя по пути развития психотехнических исследований, осознавая и принимая при этом всю меру культурной ответственности, о которой пишет Ф. Е. Василюк [40]. Работа человека с разными аспектами собственного субъективного с необходимостью выдвигается в центр таких исследований.

Примечания

1. Василюк Ф. Е. Методологический смысл психологического схизиса // Вопросы психологии. 1996. № 6. С. 25-40; Хомская Е. Д. О методологических проблемах современной психологии // Вопросы психологии. 1997. № 3. С. 112-125; Бермус А. Г. Естественнонаучная парадигма в психологии: выбор ориентиров // Вопросы психологии. 1998. № 4. С. 79-83; Юревич А. В. Системный кризис психологии // Вопросы психологии. 1999. № 2. С. 3-11; Психология XXI века: пророчества и прогнозы. Круглый стол // Вопросы психологии. 2000. № 1-2; Лазарев В. С. Кризис «деятельностного подхода» в психологии и возможные пути его преодоления // Вопросы философии. 2001. № 3. С. 33-47; и др.
2. Братусь Б. С. К проблеме человека в психологии // Вопросы психологии. 1997. № 5. С. 3.
3. Там же. С. 6-8.
4. Чудновский В. Э. К проблеме соотношения «внешнего» и «внутреннего» в психологии // Психологический журнал. 1993. № 5. С. 8.
5. Слободчиков В. И., Исаев Е. И. Основы психологической антропологии. Психология развития человека: Развитие субъективной реальности в онтогенезе. М., 2000. С. 143.
6. Знаков В. В. Духовность человека в зеркале науки и религии // Вопросы психологии. 1998. № 3. С. 104-114.
7. Психология с человеческим лицом: гуманистическая перспектива в постсоветской психологии / Под ред. Д. А. Леонтьева, В. Г. Щур. М.: Смысл, 1997.
8. Леонтьев Д. А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. М.: Смысл, 1999.
9. Братусь Б. С. Указ. соч.
10. Юревич А. В. Указ. соч.
11. Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990. Далее в абзаце указаны страницы этого издания.
12. Маслоу А. Новые рубежи человеческой природы. М.: Смысл, 1999. С. 13. Далее в абзаце указаны страницы этого издания.
13. Рубинштейн С. Л. Проблемы общей психологии. М.: Педагогика, 1976. С. 347-348.
14. Бьюдженталь Дж. Искусство психотерапевта. СПб.: Питер, 2001. С. 14. Далее в абзаце указаны страницы этого издания.
15. Мэй Р. Мужество творить: Очерк психологии творчества. Львов: Инициатива; М.: Институт общегуманитарных исследований, 2001. С. 41-42. Далее в абзаце указаны страницы этого издания.

16. Юревич А. В. Указ. соч.
 17. Выготский Л. С. Исторический смысл психологического кризиса // Собр. соч.: В 6 т. Т. 1. М.: Педагогика, 1982. С. 436. Далее в абзаце указаны страницы этого издания.
 18. Выготский Л. С. Вопросы детской (возрастной) психологии. Проблема возраста // Собр. соч.: В 6 т. Т. 4. М.: Педагогика, 1986. С. 247-248.
 19. Божович Л. И. О культурно-исторической концепции Л. С. Выготского и ее значении для современных исследований психологии личности // Вопросы психологии. 1988. № 5. С. 108-116.
 20. Баттерворт Дж., Харрис М. Принципы психологии развития. М.: «Когито-Центр», 2000.
 21. Братусь Б. С. Указ. соч. С. 3-4.
 22. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1977. С. 224.
 23. Орлов А. Б. А. Н. Леонтьев – Л. С. Выготский: очерк развития схизиса // Вопросы психологии. 2003. № 2. С. 82.
 24. Цит. по: Психология XXI века: пророчества и прогнозы. Круглый стол // Вопросы психологии. 2000. № 1-2. С. 43.
 25. Леонтьев А. А., Леонтьев Д. А. Миф о разрыве: А. Н. Леонтьев и Л. С. Выготский в 1932 году // Психологический журнал. 2003. Т. 24. № 1. С. 18.
 26. Петренко В. Ф. Психосемантика сознания. М., 1988. С. 99. Далее в абзаце указаны страницы этого издания.
 27. Низовских Н. А. Человек как автор жизни: психосемантика жизненных ориентаций. Киров, 2000.
 28. Вейнингер О. Пол и характер. Ростов-н/Д.: «Феникс», 1998.
 29. Цит. по: Вейнингер О. Указ. соч. С. 220. Далее в абзаце указаны страницы этого издания.
 30. Психологический словарь / Под ред. В. В. Давыдова, А. В. Запорожца, Б. Ф. Ломова и др. М.: Педагогика, 1983. С. 419.
 31. Братусь Б. С. Двойное бытие души и возможность христианской психологии // Вопросы психологии. 1998. № 4. С. 71-79.
 32. Юревич А. В. Структура психологических теорий // Психологический журнал. 2003. Т. 24. № 1. С. 11.
 33. Там же.
 34. Савина Е. Л. Особенности представлений детей 5-10 лет о душе // Вопросы психологии. 1995. № 3. С. 27.
 35. Аверинцев С. С. Бахтин, смех, христианская культура // М. М. Бахтин: pro et contra. Личность и творчество М. М. Бахтина в оценке русской и мировой гуманитарной мысли. Т. 1. СПб.: РХГИ, 2001. С. 482.
 36. Ялом И. Экзистенциальная психотерапия. М.: Независимая фирма «Класс», 2000.
 37. Гейгер Г. Об Абрахаме Маслоу и его последних работах // Маслоу А. Новые рубежи человеческой природы. М.: Смысл, 1999. С. 395.
 38. Там же.
 39. Слободчиков В. И. Очерки психологии образования. Биробиджан, 2003. С. 23.
 40. Василук Ф. Е. Указ. соч. С. 25-40.

Н. Т. Оганесян

ПСИХОТЕРАПЕВТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ ПОЭТИЧЕСКОЙ МЕТАФОРЫ

В статье рассматриваются аспекты применения метафор в психотерапевтических подходах и системах.

В наше время существуют две психологии: психология как стандартная строгая наука с серьезной экспериментальной основой, которая выглядит достаточно далекой от практического применения, и другая психология, представляющая собой общие рассуждения и метафоры, которые не всегда можно отличить от философского или культурологического дискурса.

Отвечая на вопрос: что же важнее для познания человека и мира – поэтическая метафора или строгая наука, В. П. Зинченко пишет: «*Но без метафоры наука не развивается*, поэтому вместо метафоры души появлялись, так сказать, осязаемые метафоры: машинные, реактологические, поведенческие, рефлексологические, мозговые, компьютерные и т. д. и т. п., которые создавали иллюзию объективности нашей субъективной науки. (...) Живое – оно вообще сопротивляется концептуализации, и это надо четко осознавать. *Потому-то без идей, идущих из искусства, из философии, из общегуманитарного знания, без того, что вы называете “метафорами”, обойтись нельзя»* [1].

Об этом же пишет и К. Мартиндейл. «Когнитивная психология, – считает К. Мартиндейл [2], – началась с компьютерной метафоры (курсив автора. – Н. О.): работа сознания в чем-то похожа на работу компьютера. [...] Никто никогда не утверждал, что сознание работает в точности, как компьютер, всегда использовался термин “метафора”. Теория психологии вообще насыщена метафорами.

Метафоры используются и во всех психотерапевтических подходах и системах. Примером может служить использование Фрейдом сексуальной символики в качестве инструмента понимания сновидений, фантазий и бессознательных ассоциаций. Юнг изобрёл метафоры «анимуса» и «анимы», Райх изобрёл «оргон», у Бёрна были «игры», у Пёрлса «верхняя» и «нижняя» собаки, а Янов говорил о «первичном» опыте. Каждая система психологии или терапия имеет в качестве своих базовых основ некоторый набор метафор, который предоставляет возможность выражать людям некоторую часть своего опыта о мире.

Этот перечень метафор можно продолжать долго. Практически не найти психолога и психотерапевта, который смог бы обойтись без метафоры. Это значит, что существует граница, за которой возможности

ОГАНЕСЯН Наталья Томовна – кандидат педагогических наук, старший научный сотрудник ВятГГУ
 © Н. Т. Оганесян, 2003

Н. Т. Оганесян. Психотерапевтические функции поэтической метафоры

строгой экспериментальной науки исчерпываются. Когда речь заходит о душе и основных экзистенциалах, требуется поэтическая метафора как гуманистическая подпорка для серьезной экспериментальной науки. Психологическая наука и поэтическая метафора взаимодополняют друг друга. Эмпирический, провидческий опыт поэзии и поэтов, выраженный метафорически, является оселком, на котором серьезная психологическая наука правит и проверяет свои выводы.

Но особенную ценность метафора, особенно метафора поэтическая имеет в психотерапии. В своей книге «*Гуру: метафоры психотерапевта*» Шелдон Копп определяет «метафору» следующим образом: в общем смысле метафору можно определить как способ сообщения, в котором одни вещи выражаются через термины, принадлежащие к другой области вещей, что вместе проливает новый свет на характер того, что описывалось ранее. Концепция метафоры, по Коппу, как источника «нового света, бросаемого на старые темы», является тем инструментом, который с большой пользой можно использовать в работе в отношении метафор специфического рода – терапевтических.

Психотерапевтические метафоры – это сообщения, в которых информация представлена в символической форме. Ценность метафор несомненна. Метафоры наверняка использовались и используются психологами-практиками, но делается это, по-видимому, интуитивно и бессознательно. Нельзя не согласиться с И. Б. Морозовской, которая глубоко убеждена, что «осознанность в такой работе много увеличивает её эффективность» [3].

По мнению специалистов, терапевтическая метафора является одним из лучших инструментов психотерапии, психокоррекции и средством для личностного и творческого роста и саморазвития. Конечно, поэтическая метафора становится ещё эффективней в сочетании с другими, самыми разнообразными методами психологической работы. Но и сама по себе она является настолько простым и доступным методом воздействия, что не вызывает сопротивления и работает продолжительное время, образуя позитивные самоподдерживающиеся структуры, лишь отчасти осознаваемые клиентом, в основном являющиеся достоянием подсознания. Терапевтическая метафора не имеет ни ограничений, ни нежелательных побочных последствий для своего применения [4]. Психотерапевтические метафоры позволяют в сжатой и оригинальной форме раскрыть суть сообщения, помогают по-новому осмыслить привычные предметы и явления, а также выполняют другие функции, имеющие психотерапевтическое значение. Прежде всего, психотерапевтические метафоры различаются по своему функциональному предназначению. В зависимости от психотерапевтической ситуации они могут выполнять самые разнообразные функции. Остановимся только на некоторых основных функциях, которые выполняют психотерапевтические поэтические метафоры.

1. Экономическая функция поэтической метафоры

Поэтическая метафора является экономичным способом хранения информации. Удачно подобранная метафора «экономична», поскольку сберегает время и слова, уходящие на объяснения. «Метафоризм – естественное следствие недолговечности человека и надолго задуманной огромности его задач. При этом несоответствии он вынужден смотреть на вещи по-орлиному зорко и объясняться мгновенными и сразу понятными озарениями. Это и есть поэзия. Метафоризм – стенография большой личности, скоропись ее духа» [5].

В наше время человек сталкивается с необходимостью и все возрастающей потребностью принимать и дешифровать потоки информации, которыми он окружен. Сигналов так много, что постоянно возникал и возникает вопрос о более *компактном способе хранения информации*. Создавая произведения искусства, человек создает и особую информацию, открывает особую истину и правду жизни, настолько связанную со структурой художественного текста, что будет справедливым сравнение этой связи с информацией, хранимой в мозге, и самим мозгом. «Искусство – самый экономный и компактный способ хранения и передачи информации», – пишет Ю. М. Лотман [6].

Но почему поэзия с этой точки зрения эффективнее, чем обычная речь? «Поэтическая речь, – находим ответ у Ю. М. Лотмана, – представляет собой структуру большой сложности. Она значительно усложнена по отношению к естественному языку. И если бы объем информации, содержащейся в поэтической... и обычной речи, был одинаковым, художественная речь потеряла бы право на существование и, бесспорно, отмерла бы. ... Усложненная художественная структура, создаваемая на материале языка, позволяет передавать такой объем информации, который совершенно недоступен для передачи элементарной собственно языковой структуры» [7]. При попытках, которые совершались неоднократно, «перевести», перекодировать художественный объект на нехудожественный язык выявлялась полная невозможность совершить это, поскольку некая сверхинформация оказывалась в «сухом остатке». Художественный объект, оказывается, невозможно истолковывать и интерпретировать без потерь; это не полное воплощение, а лишь приближение.

При невероятной компактности, экономичности формы стихотворение может нести огромный содержательный заряд. Гениальное стихотворение становится своего рода иероглифом, кодом великого множества смыслов. «В слово спаяны слова», – говорил о таких стихах Б. Пастернак.

Очень точно выразил эту особенность поэзии И. Бродский. Он подчеркнул, что «будучи высшей формой человеческой речи, поэзия не только самый сжатый, но и наиболее концентрированный способ передачи человеческого опыта, она предлагает наивыс-

шие из возможных стандартов для любого лингвистического действия – особенно на бумаге» [8].

Это действительно форма, стремящаяся к лаконичности, пролагающая наиболее емкий путь к любому изложению, отрицающая многословие. Это самое компактное и экономичное облачение для словесного выражения любого текста. В поэзии всякое слово несёт в себе гроздь значений. Поэт не столько свидетельствует, сколько даёт нам озарения и прозрения, объединяющие в целостность наше миропонимание. Действительно, поэзия, как говорил Т. Элиот, – это «слияние эмоции и мысли».

Поэзия учит мыслить, мыслить экономично, благодаря особому вниманию к логике изложения информации. Но события реальной жизни часто существуют вне логики, закономерностей и причин, строго не мотивированы. Поэзия учит чувствовать, это школа чувств. Спектр эмоций, которые испытывает поэт, невероятно велик. «В поэтическом произведении, – пишет О. Ранк [9], – нить движения не может внезапно оборваться, все факты легко обозреть, их легко понять по принципу достаточного основания, то есть законы нашего мышления встречаются с миром, гармонично построенным по их правилам. В результате мотивы и связь художественного произведения без труда понимаются; мысль и факты не скрещиваются, а сливаются в одно целое; в силу экономии мысли восприятие художественного произведения требует значительно меньше энергии и напряжения, чем восприятие какой-либо области реального внешнего мира того же объема...».

2. Диагностическая функция поэтической метафоры

Она основана на том, что выбираемые пациентом образы детерминированы его сознательными и бессознательными мотивами. Эта функция широко используется в проективных методах. Метафоры пациента несут диагностическую информацию, поскольку отражают его уникальные, одному ему присущие представления о мире и о себе. *Поэзия – это проекция души, осуществляемая посредством использования поэтических метафор.*

М. М. Бахтин [10] цитировал Леттенбауэра, говоря о Достоевском, что в своих произведениях «он только проецировал ландшафт своей души». Так можно сказать о любом большом художнике. Личное всегда оставляет свой отпечаток на «плащанице» произведения. В стихе просвечивает личность поэта!

«Если Сцилла и Харибда, – говорит Антонио Менегетти, – разбились вдребезги корабль художника, на полотне мы увидим осколки этого путешествия – каравеллы развалились на куски, ценности и идеалы разбиты: вся жизнь художника предстает как страдание, как монстр, дьявол, как что-то неизбежно убивающее его...» [11].

Жизненные ценности, достижения и потери, причины страданий выражаются посредством символов и метафор. Отдельный объект восприятия символи-

чески замещает целую категорию объектов. «Таким образом, – пишет Р. Арнхейм [12], – когда поэты, художники или пациенты врачей, лечащих искусством, воспринимают и рисуют дерево, изо всех сил тянущееся к солнцу, или вулкан в виде страшного агрессора, они опираются на способность человека в каждом частном случае увидеть общее во всем его разнообразии».

По мнению Арнхейма, все основные явления воспринимаемой человеком действительности появляются в произведениях искусства в виде формы, цвета, звука, движения и т. д., которые становятся символами и могут символически и метафорически выражать состояние и поведение человека. «Это дает врачу возможность выявить основные наклонности и пристрастия своих пациентов...» [13].

Антонио Менегетти, очевидно, отнес бы почти всю поэзию к «искусству проекции». Искусством проекции он называет «фазу мучительную, болезненную, которая может быть патологической, вплоть до смертельного исхода, а может быть связана с экзистенциальной проблемой, вызревающей и разрешающейся в этическом действии». Благодаря изоцированной поэтической технике, *виртуозной системе символов*, поэтическое произведение становится «индивидуализированным в материальной форме *выражением вытесненной энергии*» [14].

Поэзия является действительной проекцией чувств и эмоций поэта. *Она средство самовыражения, средство, помогающее излить самые потаенные страдания «темной» стороны личности.* Поэт, выплескивая чувства в виде строчек на лист бумаги, сублимирует таким образом то, что есть в нем самом.

Поэт своим творчеством может выражать меру своей психологической ущербности, неспособности противостоять сложностям жизни, демонстрировать склонность к унынию и депрессиям. Если поэт во время создания поэтического произведения находился в подавленном эмоциональном состоянии, стихотворение, как точный датчик, как «детектор лжи», регистрирует это состояние, этот «момент истины». Оно будет напоено страданием, как ядом, будет сочиться горем и безысходностью. Не зря Лермонтов писал о «стихе, облитом горечью и злостью». *Поэзия, по З. Фрейду, самый короткий и прямой путь из бессознательного в сознание. А значит, стихотворение – это путь в бессознательное поэта.* Фрейд говорит о поэте, что «полифоническая оркестровка позволяет ему производить сообщения на трех уровнях – ясного сознания, подсознательного и бессознательного» [15].

Именно поэтому поэтические произведения могут являться материалом для исследования психологических проблем. Тогда задачей терапии поэзии будет, используя слова Ницше в работе «По ту сторону добра и зла», кроме всего прочего, «*улавливать в написанном симптоме умалчиваемого*».

3. Функция наглядности поэтической метафоры

Функция наглядности является дополнением к диагностической функции. Функцию наглядности, например, прекрасно выполняют образы эго-состояний. Например, многое становится понятным в проблемах клиента, написавшего строчки: «Я – степная собака колли...» или «Я – словно радиоволна, чей смысл неясен иль потерян...».

«Лирика есть “Я”», – говорил А. Блок. «Все творчество мое есть плод моих индивидуальных чувств и умонастроений», – писал С. Есенин.

«... Искусство – это не просто техника и мастерство композиционного построения картины, но, прежде всего, отражение в ней личности самого художника», – пишет Р. Арнхейм [16].

«Лирическая поэзия, – говорил Белинский, – есть... по преимуществу поэзия субъективная, внутренняя, выражение самого поэта» [17].

«Каждый писатель до известной степени изображает в своих сочинениях самого себя, часто даже вопреки своей воле» [18].

«Субъективный» поэт обращает взгляд внутрь, он поглощен только собою, живет только своими проблемами, волнениями, интересами, радостями и несчастьями. Все иное, чужое, не принадлежащее его внутреннему миру, затрагивает его настолько, насколько помогает питать его чувства и настроения. Поэтому свою миссию он понимает как исповедь и освобождение от мучающих его страстей, выражая свое «Я» в стихотворении.

4. Развивающая функция поэтической метафоры

Она направлена на расширение существующих у пациента культурных и поведенческих ориентаций и стереотипов. Например, транскультурный подход Н. Пезешкяна [19] основан на знакомстве пациента с житейским опытом других народов, сконцентрированном в своеобразной метафорической форме – форме притч, сказок, стихотворений и т. д.

Кроме того, реализация этой функции может осуществляться через овладение еще одним символическим, метафорическим языком, необходимым для более глубокого и полного понимания мира. Отображение сложной картины мира в поэтическом произведении подразумевает владение специфическим «языком» поэтического творчества, своеобразным набором «кодов» [20], которые позволяют шифровать и дешифровать информацию, компактно сворачивать ее, заключать смыслы в знаковую структуру, переводить язык человеческих эмоций и смыслов на язык искусства.

Даниил Хармс («Месь»») писал об этом феномене поэзии особенно точно: «*Слова сложились как дрова / В них смыслы ходят, как огонь*».

«Дрова» и «огонь», т. е. форма и содержание не должны существовать раздельно. Мастерство кодирования информации должно сопровождаться проникновением в глубинные смысловые слои, пропитанные

эмоциями. В процессе творчества, с опытом и ростом мастерства происходит переход начинающего поэта из стадии поэтического «дилетанта», на стадию «эксперта или ценителя» [21]. Но при этом следует избегать некоторых опасностей, которые подстерегают на этом пути. Пройдя между Сциллой и Харибдой дилетантизма и профессионализма, поэт должен выйти на глубокое личностное общение с поэтическим материалом, поэтической метафорой. Истинное личностное общение всегда носит диалогический характер. В процессе диалога со своим alter ego, с сопротивляющимся словесным материалом, поэт перейдет от «поэзии для эмоций» к «поэзии для личности», так как истинное творчество всегда содержит потенциал для развития.

«Человечество нуждается в особом механизме – генераторе все новых и новых «языков», которые могли бы обслужить его потребность в знании. [...] Определенные виды информации могут передаваться только с помощью специально организованных языков... которые были бы специально приспособлены для данного типа моделирования и коммуникации» [22]. Обыденный язык служит для передачи информации, он примитивен и утилитарен, на нем трудно, если не невозможно говорить о душе и загадках бытия. Чтобы говорить о жизни и жизни духа, нужен специальный язык, поэтический язык метафор. Понять жизнь – значит понять ее язык, язык символов и тайных знаков. «Искусство – язык жизни, с его помощью действительность рассказывает о себе» [23]. Поэзия – квинтэссенция искусства, вещь настолько мощная, что только при посредстве поэзии как особого языка можно говорить о самом настоящем: радости и горе, ненависти и любви, жизни и смерти.

«Когда читаешь больших поэтов, создается впечатление, что они обращаются не к людям и даже не к ангелам небесным. Они обращаются к самому языку, ведут диалог с теми его сторонами, которые имеют для них первостепенную ценность и отражаются в их стихах: это языковая мудрость, ирония, красота, чувственность. *Поэзия – это не просто искусство в ряду других искусств, это нечто большее.* Если главным отличием человека от других представителей животного царства является речь, то поэзия, будучи наивысшей формой словесности, представляет собой нашу видовую, антропологическую цель. *И тот, кто смотрит на поэзию как на развлечение, на «чтиво», в антропологическом смысле совершает непристойное преступление – прежде всего против самого себя*». (Из интервью И. Бродского Свену Биркерту.)

5. Диссоциирующая функция поэтической метафоры

Состоит в «овеществлении» проблемы и ее экстернизации, то есть «перемещении» проблемы из «внутреннего поля» человека во «внешнее». Это дает возможность человеку буквально «увидеть со стороны» свою проблему и самому найти пути ее решения.

Забвенья милое искусство / Душой усвоено уже. / Какое-то большое чувство / Сегодня таяло в душе. (М. Цветаева)

Предположим, если художественное оформление переживаний посредством исповеди и связанного с ней катарсиса, душевного очищения приводит к успокоению и умиротворению, о чем пишут многие творческие люди, то почему не следует прибегать тут же к творческой работе? Почему сами творцы предпочитают выжидать?

Очевидно, дело в том, что страдания, мучительно испытываемые «Я», заставляют внимание сосредотачиваться только на них. Не об этом ли пишет А. Ахматова в поэме «Реквием»: «*Перед этим горем гнутся горы, / Не течет великая река...*»? Все остальное уходит на задний план, на периферию сознания и не возбуждает интереса. Необходимо некоторое время, чтобы *посмотреть со стороны на пережитое*, чтобы привести его в связь с прошлым, настоящим и будущим, чтобы душевная рана немного затянулась. Именно поэтому Ахматова продолжает: «*У меня сегодня много дела: / Надо память до конца убить, / Надо, чтоб душа окаменела, / Надо снова научиться жить*».

М. Арнаудов пишет: «Лирический поэт передает не впечатление от непосредственно испытанного, а впечатление от внутренне воспроизведенного возбуждения; он изображает аффекты, не так, как они были пережиты при их действительном появлении в душе, а как они рисуются в памяти» [24]. Если бы творец мог перейти к исповеди-освобождению сразу же, после того как пережил что-то, он внес бы много грубого, неосмысленного и непрочувствованного опыта в произведение. В. Ходасевич [25] пишет о любовной драме А. Белого: «Порой страдание поднимало его на очень большие высоты духа... Он провел несколько месяцев за границей – и вернулся с неуголенным страданием и «Клубком мятежей» – слабейшей из его симфоний, *потому что она была написана в надрыеве*».

Без *отстранения, объективизации опыта* не было бы символизации – процесса, без которого невозможно искусство. Искусство достигает своей высшей цели, освобождая наш дух от оков временного и безутешного и поднимая нас в сферу холодного *отстраненного созерцания*.

«Если поэт сам – лишь страждущая частица... Для него тем лучше, чем больше он сам испытал то, что он воспевает, – но никогда он не должен творить под непосредственным господством того аффекта, который он должен представить нам в прекрасном воплощении. Даже в стихотворениях, о которых принято говорить, что здесь рукой поэта водила сама любовь, сама дружба и т. п., ему следовало бы начинать с *отчуждения от самого себя*» [26].

Нужно некоторое время для самоанализа, самопознания и, в конечном итоге, осознания необходимости художественного оформления эмоциональных про-

блем. В. Г. Белинский говорил: «Изображая страсть, поэт не должен быть в страсти: страсть должна быть предметом его поэтического созерцания в минуту творчества, но не им самим. Истинное вдохновение всегда спокойно-созерцательно, оно вполне обладает своим предметом, но не дает ему овладеть собою, и самая радость в настоящем тяжела для нас, как горе, ибо не мы ею, но она нами преобладает. Чтобы насладиться ею, мы должны *отойти от нее на известное расстояние*, как от картины, по требованиям освещения – должны взглянуть на нее, свободные от нее, как на нечто *вне нас находящееся, предметное*» [27].

«В некоторых случаях внезапно возникшая душевная травма сразу же вызывает позыв к творчеству, ее поэтическому выражению. Однако в этих случаях поэту не всегда удается преодолеть свежие, еще горячие аффекты, еще кровотокающие раны пораженного сердца. И сам творческий процесс в таком случае контролируется и укладывается во времени продолжением и протеканием самого жизненного, естественного хода *самооздоровления поэта*» [28].

Итак, можно говорить в связи с переживанием горя об умении «посмотреть со стороны на пережитое», «отстранении», «опыте отстраненного созерцания», «объективизации опыта», «отчуждении от самого себя», «умении отойти от события на некоторое расстояние», «посмотреть на него со стороны», как на что-то «вне нас находящееся, предметное». Но существуют и другие определения этого явления, помогающие понять его суть.

Вадим Руднев пишет о *психическом отчуждении, деперсонализации или психической анестезии (anesthesia psychica dolorosa)* [29]. Психологически деперсонализация – это такое измененное состояние сознания, при котором нарушается прежде всего аффективная сфера сознания, эмоции бледнеют и беднеют, человек перестает чувствовать то, что он обычно раньше чувствовал при подобных обстоятельствах и чувствует то, чего не чувствовал раньше (потому деперсонализацию называют еще дезориентацией) [30]. Это и есть момент отделения холодного и спокойного «автора»-наблюдателя от страдающего «героя».

С физиологической точки зрения деперсонализация, чаще всего, является ответом мозга на острый эмоциональный шок путем повышенной секреции гормонов эндорфинов, которые анестезируют сознание. С точки зрения поведенческой стратегии сознания деперсонализация является мощным средством защиты против стресса. Классический случай деперсонализации, когда человек после внезапной потери близкого как будто «окаменеет», становится «бесчувственным». Деперсонализированный человек как бы одевается в панцирь (используя понятие Вильгельма Райха) из своего «скорбного бесчувствия». Исчезают эмоции, чувства, желания.

«В культуре XX века было сформулировано, по крайней мере, два понятия, которые описывали де-

персонализационно-подобные явления в художественных текстах. Это, конечно, в первую очередь, *отстранение* Шкловского и, во-вторых, *очуждение* Брехта» [31].

Термин «отстранение» – слово и понятие, введенное Виктором Шкловским. Это умение показывать явления так, как они никогда не воспринимались прежде. Это умение сделать привычное – непривычным, странным, «отстранить» его.

Термин «очуждение» введен в эстетический оборот Б. Брехтом. Очуждение – определенная форма объективирования изображаемых явлений. «Провести очуждение определенного события или характера – это, прежде всего, значит лишить это событие или характер всего, что, само собой разумеется, знакомо, очевидно, и, напротив, вызвать по его поводу удивление и любопытство». Явление, увиденное в новом, неожиданном аспекте, уже не представляется естественным и обязательным. Возникает критическое отношение к нему, связанное с мыслью об активном воздействии на него, его изменении и улучшении. «Смысл техники искусства очуждения, – пишет Брехт, – заключается в том, чтобы внушить зрителю аналитическую, критическую позицию по отношению к изображенным событиям» [32].

Возникает состояние, при котором сознанию «все равно» что происходит. Поэтому ясно, что деперсонализация – это не только болезненный симптом, но и мощная защита от реальности, анестезия душевной боли, пусть и печальная. Поэт, находящийся в состоянии душевной скорби, пытающийся излить и передать душевную скорбь, перестает видеть событие целиком, теряет гештальт. *Находясь в процессе творчества, он поневоле самоустраняется, становится труженником-«автором», оставляя переживания «герою»*. Совсем так, как это советует делать И. Бродский: «И прежде чем за это взяться, надо *остыть*, в какой-то степени *отрешиться от авторства*, посмотреть на свое создание со стороны – *как души смотрят с высоты / На ими брошенное тело*».

Во время творчества душа получает некую анестезию, мощное обезболивающее. Описывая страдание, некогда страдать. В. Руднев предлагает представить хирурга, смотрящего на рану человека, которую ему предстоит зашить, рыдающего, заламывающего руки и говорящего: «Какой ужас!», «Я этого не перенесу!» и т. д. Для того, чтобы сделать операцию, хирург должен деперсонализироваться по отношению к пациенту [33].

Творчество невозможно было бы без отстранения, объективизации, отстранения, очуждения, деперсонализации. А косвенным образом эти процессы влияющие на формирование позиций «автора» и «героя», совершая, таким образом, целение души, создавая возможности и ресурсы для решения психологических проблем.

Коротко и убедительно об этом сказал А. Кушнер: «*Я видел подлость и беду. / Но стих прекрасно так*

устроен, / Что вот я весел и спокоен, / Как будто я в большом саду».

6. *Игровая функция поэтической метафоры*

Н. А. Бердяев [34] считал, что скука свидетельствует о пустоте и пошлости – самой большой опасности низшего мира. Пустота скуки – самая страшная, опасная и безнадежная пустота. «Скука преодолевается лишь творчеством» – его главная мысль.

Е. А. Баратынский написал замечательные строки: «*Игра стихов, игра золотая! / Как звуки, звукам отвечая, / Бывало, не жили меня!*».

Поэзия – это игра слов, игра метафор и символов, игра воображения, поэтому должна приносить радость, как и всякая игра. Творец, как и ребенок, познает и усваивает мир в игре. Не зря Ф. Ницше пишет: «Но уже сам по себе художник есть отсталое существо, остановившееся на ступени игры, которая принадлежит юности и детству...» [35].

В игре удовлетворяется инстинкт творчества. Поэт получает высшее наслаждение от игры в слова, перебирая их и переставляя, словно ребенок детали конструктора, придумывая символы и метафоры. М. Волошин в «Ликах творчества» пишет: «*Искусство драгоценно лишь постольку, / Поскольку оно игра. Художники ведь это только дети, / Которые не разучились играть. Гении – это те, / Которые сумели не вырасти. / Все, что не игра, – то не искусство*».

Как всегда мнение поэтов и психологов совпадают: «Не искать ли нам первых следов поэтического творчества уже у детей? Самое любимое и интенсивное занятие детей – игра. Быть может, нам следует сказать: каждое играющее дитя ведет себя как поэт, когда оно создает себе свой собственный мир, или, правильнее говоря, когда оно окружающий мир переживает по-новому, по своему вкусу.

Было бы несправедливо думать, что ребенок смотрит на созданный им мир не серьезно, он относится к игре очень серьезно, вносит в нее много одушевления. [...] Поэт делает то же, что и играющее дитя: он создает мир, к которому относится очень серьезно, т. е. вносит много увлечения, в то же время резко отделяя его от действительности. [...]

Но из нереальности поэтического мира проистекают очень важные для художественной техники последствия, так как многое, что в действительности не могло бы доставить наслаждения, дает его в игре; многие, сами по себе, собственно, неприятные впечатления могут являться источником наслаждения для слушателей или зрителей поэтического произведения» [36].

Поэт В. Хлебников [37] вторит Фрейдю: «Во время игры эти тряпочки (куклы. – Н. О.) – живые настоящие люди, с сердцем и страстями. Отсюда понимание языка как игры в куклы; в ней из тряпочек звука сшиты куклы для всех вещей мира. Люди, говорящие на одном языке – участники этой игры. ... Итак, слово – звуковая кукла, словарь – собрание игрушек. Но

язык естественно развивался из немногих основных единиц азбуки; согласные и гласные звуки были струнами этой игры в звуковые куклы».

Пересмотрев идеи, изложенные в работе «Рождение трагедии из духа музыки», поздний Ницше подчеркивает уже не метафизическое назначение искусства, а его игровую природу. Ницше – за искусство праздника: «Всем нам потребно озорное, ребячливое и блаженное искусство... как бы смогли мы... обойтись без искусства, без того, чтобы не валять дурака?» – вопрошает он.

Художники, согласно Ницше [38], занимаются выдумками, используют средства, чтобы сделать вещи прекрасными, привлекательными, достойными желания. Всему этому надо учиться у них.

7. Экспрессивная функция поэтической метафоры

Заключается в том, что клиент с помощью метафоры выражает трудный для вербализации опыт (настроение, чувства, впечатления и т. д.). При этом происходит «отлив эффекта» и «разрядка напряжения» [39]. Стихотворение, как громоотвод, берет на себя удар молнии аффекта, разряд, подобный электрическому, сотрясает все существо человека. Этот «электрошок» имеет целебные свойства: буря проходит и наступает штиль. Можно наслаждаться душевным покоем! Все виды наслаждения, которые несет в себе поэзия, терапевтичны, целительны для души.

Поэзия существует не только для передачи информации, которую можно с успехом передать с помощью обыденной прозы. Ведь «если звезды зажигают, значит, это кому-нибудь нужно?», значит, стихи нужны для передачи какой-то особой информации, информации, которую можно передать только с помощью поэтических текстов. Тайные желания, неосознаваемые влечения, мистические откровения, мировые истины, загадки души и т. д. «Искусство является великолепно организованным генератором языков определенного типа, которые оказывают человечеству определенную услугу, обслуживая одну из самых сложных и не до конца еще ясных по своему механизму сторон человеческого знания» [40]. Тогда идеальным хранилищем может стать любой вид искусства. Но все-таки поэтическая метафора может содержать в емкой «свернутой» формуле бесконечное количество смыслов. Поэтому без поэзии, мощного средства коммуникации, как пишет В. Маяковский: «Улица корчитя безъязыкая – / Ей нечем кричать и разговаривать...».

8. Поясняющая функция поэтической метафоры

Она состоит в том, что благодаря символическому замещению абстрактных понятий и приданию им «осязательной» формы, значительно облегчается восприятие и усвоение различных психологических проблем клиента. «Читайте... поэтов, – пишет Е. А. Баратынский [41], – и вы узнаете страсти, вами или не вполне, или совсем не испытанные; нравы, выражение которых, может быть, вы бы не заметили; узнаете

положения, в которых вы не находились; обогатитесь мыслями, впечатлениями, которых вы без того бы не имели; приобщите к опытам вашим опыты всех прочтенных вами писателей и бытием их пополните ваше».

9. Манипулятивная функция поэтической метафоры

Она заключается в более или менее мягком воздействии на клиента. Например, с помощью метафоры клиента можно оценить, если сравнить его с соответствующим образом; клиента можно направить по какому-либо пути, который является наиболее оптимальным и т. д. Воздействие, основанное на использовании метафор, всегда мягче и менее насильственно, поскольку терапевт в этом случае разговаривает с пациентом на его «родном поэтическом языке». Для этих целей терапевт может активно привлекать пациента к употреблению в своей речи метафорических образов, если последний этого не делает спонтанно.

Там, где необходимо выразить невыразимое, объяснить иррациональное, там, где сталкиваешься с метафизическим, без поэтической метафоры не обойтись. Здесь речь идет о темных сторонах жизни, о бессознательном. Ж. Лакан [42] выдвигает идею, что в бессознательном, т. е. инстинктах, и находится голос подлинного человека, который лишь необходимо услышать. По З. Фрейду, «вытесненное» означает сокрытие в бессознательном того, что было отвергнуто самим человеком. Большая часть вытесненного материала патологична. Эта некая форма, жизни не принятая человеком, даже не по его вине. В вытесненном может скрываться Бог, а может и демон. Вот почему искусство может быть опасно. Оно может заразить «вирусом» меланхолии и депрессии. Стефан Цвейг пишет: «Всякий одухотворенный, всякий созидательный человек неотвратимо вступает в поединок со своим демоном». Но разве такое напряжение, необходимое для выхода за грань своего обычного «Я», не скрывается на поэте, для которого быть талантливым невозможно без созерцания глубин. «Если долго смотреть в бездну, – делится с нами своим философским опытом Ф. Ницше, – бездна начинает смотреться в тебя». И в этом заключается опасность!

Многие виды терапий апеллируют к бессознательному. Многие виды терапий считают бессознательное высококлассным экспертом во всем, что касается испытывающего дистресс человека, и полагают, что следует прибегать к его помощи. Они принимают положение о существовании бессознательного, к которому можно получить доступ и использовать его возможности для облегчения психологического состояния двумя способами. Первый заключается в получении крайне важной вытесненной информации, необходимой для решения проблемы, а второй – в непосредственном воздействии на состояние и поведение. Хотя в терапии важны все аспекты информации, поступающей от клиента, первичными единицами ана-

лиза являются ассоциации, символы и неопределенные, двусмысленные высказывания, выраженные зачастую метафорически. Это относится, прежде всего, к художественному творчеству, к поэзии в частности, которая является зачастую формой для сливания бессознательного. В. Е. Каган [43] пишет: «Стихи долгое время были и сейчас порой бывают моими спутниками в периоды душевных смут и трудностей. Не столько я их пишу, сколько они приходят для того, чтобы поддержать меня, открыть мне нечто бесконечно важное, что без них остается закрытым. Нередко они помогают мне в психотерапии, открывая моим пациентам то, что я в обыденной прозе открыть не могу».

Таким образом, успех применения метафор – прекрасного психотерапевтического средства – во многом зависит от внимательного к ним отношения. В связи с этим хочется упомянуть сравнение Н. Пезешкяна [44], в котором метафора уподобляется лекарству: если оно применяется вовремя, в оптимальной дозировке, с индивидуальным подходом к пациенту, то приносит пользу.

Примечания

1. Зинченко В. П. Предмет психологии? Подъем по духовной вертикали (Интервью) // Человек. 2001. № 5.
2. Мартиндейл К. Генеральная парадигма эмпирической эстетики // Творчество в искусстве – искусство творчества / Под ред. Л. Дорфмана, К. Мартиндейла, В. Петрова, П. Махотки, Д. Леонтьева, Дж. Кулчика. М., 2000. С. 39.
3. Морозовская И. Б. Терапевтические истории Ирины Морозовской // Психосфера. Омск, 1998. № 5.
4. Там же.
5. Пастернак Б. Собр. соч.: В 5 т. Т. 4. М., 1991. С. 414.
6. Лотман Ю. М. Структура художественного текста. М.: Искусство, 1970. С. 33.
7. Там же. С. 17.
8. Бродский И. Письмо к Горацию. М., 1998. С. 11.
9. Ранк О. Миф о рождении героя. М., 1997. С. 117-132.
10. Бахтин М. М. Собр. соч.: В 7 т. Т. 5. М.: Русские словари, 1997. С. 343.
11. Менегетти А. Ин – се искусства и творчество. Екатеринбург, 1997. С. 32.
12. Арнхейм Р. Новые очерки по психологии искусства. М., 1994. С. 272-295.
13. Там же.
14. Менегетти А. Указ. соч. С. 79.

15. Фрейд З. Художник и фантазирование. М.: Республика, 1995. С. 30-77.
16. Арнхейм Р. Указ. соч. С. 272-295.
17. Белинский В. Г. Собр. соч.: В 3 т. Т. 2. М., 1948. С. 8.
18. Гете И.-В. Собр. соч. Т. 10. М., 1932-1937. С. 524.
19. Пезешкян Н. Торговец и попугай: Восточные истории и психотерапия. М., 1992.
20. Лотман Ю. М. Лекция по структуральной поэтике // Лотман Ю. М. и Тартуско-Московская семиотическая школа. М., 1994.
21. Леонтьев Д. А. Личность в психологии искусства // Творчество в искусстве – искусство творчества / Под ред. Л. Дорфмана, К. Мартиндейла, В. Петрова, П. Махотки, Д. Леонтьева, Дж. Кулчика. М., 2000. С. 75.
22. Лотман Ю. М. Структура художественного текста. М.: Искусство, 1970. С. 9.
23. Там же. С. 11.
24. Арнаудов М. Психология литературного творчества. М., 1970. С. 207.
25. Ходасевич В. Колеблемый треножник. Избранное. М.: Сов. писатель, 1991. С. 299-300.
26. Шиллер Ф. Собр. соч. Т. 1. М., 1955. С. 612.
27. Белинский В. Г. Указ. соч.
28. Миронов А. В. Минуты поэтических вдохновений. Ярославль, 1970. С. 38.
29. Руднев В. Поэтика деперсонализации // Логос. 1999. № 11-12.
30. Бурно М. Е. Терапия творческим самовыражением. М., 1999.
31. Руднев В. Указ. соч.
32. Брехт Б. Избранные произведения / Предисл. и коммент. И. Фрадкина. М., 1976. С. 10.
33. Руднев В. Указ. соч.
34. Бердяев Н. А. Самопознание. М.: Книга, 1991. С. 50.
35. Ницше Ф. Рождение трагедии из духа музыки // Ницше Ф. Сочинения: В 2 т. Т. 1. М.: Мысль. 1990. С. 330.
36. Фрейд З. Поэт и фантазия // Человек: образ и сущность: (Гуманитарные аспекты): Ежегодник. М., 2001. С. 139-140.
37. Хлебников В. Творения. М.: Сов. писатель, 1987. С. 27.
38. Ницше Ф. Так говорил Заратустра. М., 1996. С. 637.
39. Ранк О. Указ. соч.
40. Лотман Ю. М. Структура... С. 9.
41. Баратынский Е. А. Стихотворения. Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1977. С. 315.
42. Лакан Ж. Функция и поле речи и языка в психоанализе. М., 1995.
43. Каган В. Е. Понимая себя: взгляд психотерапевта. М.: Смысл, 2002. С. 254.
44. Пезешкян Н. Указ. соч.

ЕСТЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

Е. М. Вечтомов

РАЗЛИЧНЫЕ СПОСОБЫ ПОСТРОЕНИЯ ТЕОРИИ НАТУРАЛЬНЫХ ЧИСЕЛ

В статье излагаются и анализируются основные подходы к определению и построению теории натуральных чисел. В центре внимания – различные формы математической индукции и порядковые характеристики натурального ряда.

Введение. Натуральные числа являются первичным материалом, из которого можно построить всю классическую математику. Такая возможность, называемая *арифметизацией математики*, была осуществлена во второй половине XIX века Грассманом, Гамильтоном, Вейерштрассом, Кантором, Дедекин-дом, Гильбертом и др. Содержательная арифметизация математики базируется на теории множеств и обычной логике. Если к тому же учесть тенденцию к *математизации науки*, то «близким сердцу» становится знаменитый пифагорейский тезис: «Все есть натуральное число».

Натуральный ряд чисел настолько укоренен в общечеловеческой практике, что натуральные числа, будучи идеальными математическими объектами, обрели (наряду с наглядными геометрическими фигурами) независимый онтологический статус, не требующий специального опредмечивания понятия *натуральное число*. Сказанное позволило Кронекеру заявить: «Господь Бог создал натуральные числа, все остальное дело рук человеческих».

Следуя Кронекеру, можно считать натуральные числа данными, а их простейшие свойства интуитивно ясными. Исходя из этого положения (или предположения), достоверность которого обосновывается материальной и интеллектуальной деятельностью человечества, развиваются и строятся арифметика натуральных чисел и теория чисел. Такой подход к теории натуральных чисел мы называем *содержательно-интуитивным*. Натуральные числа популярно представлены в книгах [1].

При *конструктивном* способе натуральные числа определяются как слова в алфавите с одной-един-

ВЕЧТОМОВ Евгений Михайлович – доктор физико-математических наук, профессор, заведующий кафедрой алгебры и геометрии ВятГУ, член-корреспондент РАЕН и РАЕ

© Е. М. Вечтомов, 2003

ственной буквой, скажем, с «вертикальной черточкой».

Содержательно-аксиоматическое задание натуральных чисел допускает разные аксиоматические определения натурального ряда в неформализованном языке «по модулю» содержательной теории множеств.

Наконец, *формально-аксиоматическая* теория натуральных чисел предстает в виде формальной аксиоматической системы, в которой формализован и предметный язык, и логика доказательств. При этом натуральный ряд определяется как модель формальной теории.

Рассмотрим подробнее указанные способы определения и построения теории натуральных чисел.

1. Содержательно-интуитивный подход. Предполагается известным множество (совокупность) N всех натуральных чисел с заданными на нем операциями сложения и умножения и отношением порядка, которые удовлетворяют естественным исходным условиям типа коммутативности операций и линейности порядка. Можно пользоваться наивным понятием множества. Наименьшее число 1 путем многократного прибавления 1 порождает все натуральные числа, т. е. любое натуральное число конечно достижимо [2]. Заметим, что довольно часто к натуральным числам причисляется и число 0.

Понятия конечного множества и конечной процедуры («многократно», «конечное число раз», «несколько шагов») считаются интуитивно ясными, понятными. Конечность непустого множества A означает возможность перенумеровать его ограниченным набором натуральных чисел, точнее, существование взаимно однозначного соответствия между A и некоторым отрезком $[1, n] = \{x \in N: x \leq n\}$ натурального ряда. Для любых натуральных чисел m, n имеем: $m < n \Leftrightarrow n$ получается из m последовательным прибавлением 1 к m конечное число раз $\Leftrightarrow n = m + k$ для некоторого натурального числа k . Говоря более строго, мы исходим здесь из следующего *индуктивного* понимания природы натуральных чисел [3]:

- 1) 1 есть натуральное число;
- 2) если n – натуральное число, то и $n+1$ – натуральное число;
- 3) никаких других натуральных чисел нет, иными словами, всякое натуральное число получается применением только пунктов 1) и 2).

Натуральный ряд $N = \{1, 1+1, 1+1+1, \dots, 1+1+\dots+1, \dots\}$ выступает как единственный, уникальный в своем роде объект. В десятичной системе счисления по-

лучаем все натуральные числа: 1, 2, 3, ..., 2004, ..., n , $n+1$, На основе указанных выше фактов (проистекающих из практики счета, пересчета и вычислений, наблюдений) успешно становится и развивается полнокровная содержательная теория натуральных чисел. В качестве важнейшей иллюстрации рассмотрим принцип математической индукции и связанные с ним равносильные (взаимовыводимые) утверждения.

Принцип математической индукции (ПМИ). Для каждого свойства P натуральных чисел, если свойством P обладает 1 (т. е. $P(1)$) и $P(n)$ влечет $P(n+1)$ для любого $n \in N$, то свойством P обладают все натуральные числа:

$$(P(1) \& \forall n \in N (P(n) \Rightarrow P(n+1))) \Rightarrow \forall n \in N P(n).$$

Принцип математической индукции, называемый в математическом фольклоре «принципом домино», зависит только от структуры N . Он вполне очевиден в силу пункта 3) индуктивного определения N . Действительно, пусть $P(1)$ и $P(n) \Rightarrow P(n+1)$ при любом натуральном n , т. е. имеем $P(1)$ и бесконечную цепочку импликаций $P(1) \Rightarrow P(2)$, $P(2) \Rightarrow P(3)$, ..., $P(1000) \Rightarrow P(1001)$, Откуда по логическому правилу отдаления (MP) последовательно получаем: $P(2)$, $P(3)$, ..., $P(1001)$ и т. д. Значит, свойство P справедливо для каждого натурального числа.

Из ПМИ легко выводится хорошо известный

Принцип наименьшего элемента (ПНЭ). Любое непустое множество натуральных чисел имеет наименьший элемент.

Заметим, что ПНЭ означает вполне упорядоченность натурального ряда $\langle N, \leq \rangle$.

Докажем, что ПМИ влечет ПНЭ. Пусть дано непустое подмножество A в N . Предположим от противного, что в A нет наименьшего элемента. Тогда $1 \in B = NA$. Рассмотрим следующее свойство P натуральных чисел: $P(n)$ означает, что отрезок $[1, n]$ целиком содержится в B . Имеем $P(1)$ и $P(n) \Rightarrow P(n+1)$ для любого натурального n . В силу ПМИ заключаем, что $B=N$, а это ведет к противоречию – пустоте A .

В свою очередь покажем, как из ПНЭ следует ПМИ. Возьмем свойство P , удовлетворяющее условиям ПМИ, и рассмотрим множество A всех тех натуральных чисел, которые обладают свойством P . Нужно убедиться, что $A = N$. В противном случае непустое множество $B = NA$ по ПНЭ имеет наименьшее число $m \neq 1$. Тогда число $n = m-1$ обладает свойством P , а число $n+1 = m$ им не обладает, что невозможно.

Фактически переформулировкой ПНЭ служит и так называемая

Вторая форма ПМИ. Для любого свойства P натуральных чисел

$$(P(1) \& \forall n \neq 1 ((\forall m < n P(m)) \Rightarrow P(n))) \Rightarrow \forall n P(n).$$

Легко видеть, что ПНЭ равносильно как своему конечному случаю, так и дуальному к нему (см. [4]):

Конечный ПНЭ (КПНЭ). Любое ограниченное непустое множество натуральных чисел имеет наименьшее число.

Дуальный КПНЭ. Во всяком ограниченном непустом множестве натуральных чисел есть наибольшее число.

Приведем еще два принципа, равносильных остальным:

Каждое ограниченное непустое множество натуральных чисел конечно.

Каждое множество натуральных чисел, имеющее наибольший (максимальный) элемент, конечно [5].

Выразим теперь данные принципы в более абстрактном виде. Напомним, что *цепью* называется произвольное линейно упорядоченное множество, а *цепь*, удовлетворяющая ПНЭ, называется *вполне упорядоченным* множеством.

Принцип конечной цепи. Любая конечная цепь имеет наименьший (эквивалентно, наибольший) элемент.

Указанные интуитивные допущения и содержательные рассуждения показывают нам неразрывную связь фундаментального понятия *конечного* с натуральными числами, в частности с различными формами математической индукции (МИ). Все потенциально заканчивающиеся, конечные математические процедуры, процессы суть проявления метода МИ. Так, определение произведения нескольких чисел базируется на МИ, поскольку опирается на понятие конечной последовательности чисел. Методом МИ обосновываются и свойства натуральных чисел, не превосходящих данного натурального числа. Процесс МИ относится к конечному и потенциально бесконечному, а ПМИ – к актуально бесконечному.

Из сказанного выше следует, что система $\langle N, \leq \rangle$ является бесконечным (не конечным) вполне упорядоченным множеством, в котором выполняется дуальный КПНЭ. В силу следующей теоремы это позволяет дать абстрактную порядковую характеристику натуральному ряду чисел, выступающую иногда в качестве определения N [6].

Теорема 1. Любое вполне упорядоченное множество $\langle X, \leq \rangle$ без наибольшего элемента, каждое ограниченное непустое подмножество которого имеет наибольший элемент, изоморфно $\langle N, \leq \rangle$.

В самом деле, пусть дано некоторое упорядоченное множество X , удовлетворяющее условию теоремы, и x_1 – его наименьший элемент. Каждый элемент x из X имеет (непосредственно) следующий элемент, а также предшествующий элемент при $x \neq x_1$. Обозначим через x_2 элемент из X , следующий за x_1 , через x_3 – следующий за x_2 , и т. д. В результате получим подмножество $A = \{x_n: n \in N\}$ «первых» элементов в X , порядково изоморфное N . Так как A не обладает наибольшим элементом, то $X = A$.

2. Конструктивный способ. Индуктивный способ определения натуральных чисел подсказывает следующее их конструктивное (генетическое) задание. Зафиксируем некоторый символ, например черточку «|», и будем последовательно выписывать слова в соответствующем однобуквенном алфавите $\{\}$:

|, ||, |||, ||||, ...

К каждому такому слову можно добавить справа одну черточку и получить следующее в алфавитном порядке слово. Эти слова и являются конструктивно заданными натуральными числами. Их можно изображать материально как последовательности карандашных черточек на листе бумаги, или в виде зарубок на деревянной доске, или наборами детских палочек, даже звуками или жестами.

Будем обозначать наши числа-слова малыми греческими буквами. Слова α и β можно складывать, умножать и сравнивать по величине. Их суммой называется слово $\alpha\beta$, полученное приписыванием справа к слову α слова β . Скажем, если α есть $||||$ и β есть $|||||$, то их сумма есть слово $|||||||$. Произведением слов α и β называется слово, полученное последовательным выписыванием α столько раз, сколько букв черточек содержит слово β . Наконец, пишем $\alpha < \beta$, если $\beta = \alpha\gamma$ для некоторого слова γ .

Данная «пингвиристическая» конструкция натурального ряда обладает всеми подобающими свойствами, т. е. служит моделью любой аксиоматической теории натуральных чисел.

3. Содержательная аксиоматика. Натуральный ряд был аксиоматизирован Дедекиндом и Пеано. Первая аксиоматика опубликована Пеано в 1889 году. Небольшая модификация оригинальных аксиом Пеано [7] приводит к следующему аксиоматическому определению натурального ряда чисел [8].

Системой Пеано (натуральным рядом) называется система $\langle N, ', 1 \rangle$, состоящая из множества N с унарной операцией ' на нем и выделенным элементом 1, которые удовлетворяют следующим трем аксиомам:

P1. $n' \neq 1$ для каждого $n \in N$.

P2. $m' = n' \Rightarrow m = n$ для любых $m, n \in N$.

P3. Для любого подмножества M в N : если 1) $1 \in M$ и 2) $n \in M$ влечет $n' \in M$ для каждого $n \in N$, то $M = N$.

Первичными понятиями служат множество N , элементы которого называются *натуральными числами*, операция ' и число 1. Это содержательное определение, поскольку данная аксиоматика формулируется на основе заранее предполагаемой элементарной теории множеств. В аксиоме индукции P3 допускаются любые подмножества M . Фактически аксиома P3 есть ПМИ, в котором терм $n+1$ означает n' , а свойства P заменяются их множествами истинности. При аксиоматическом подходе не допускаются никакие умозаключения о числах, связанные с понятием конечного (как это делается в содержательно-интуитивных рассуждениях, свободно оперирующих понятием конечной достижимости натуральных чисел), пока оно строго не определено. Например, до тех пор, пока не введено понятие конечной последовательности, нельзя определять отношение $m < n$ как существование в N конечной последовательности таких чисел $a_1 = m, a_2, \dots, a_k = n$, что $a_{i+1} = a_i'$ при любых $i = 1, 2, \dots, k-1$.

Итак, аксиоматика натурального ряда чисел дана. Как же дальше развивается теория натуральных чи-

сел? Можно действовать по-разному. Скажем, вначале индуктивно определить и построить операции сложения и умножения в системе Пеано, причем непосредственно [9] либо на базе общего индуктивного построения [10]. А затем через сложение определить отношение порядка на N . Отметим, что в рассуждениях методом МИ нужно различать доказательства по индукции, индуктивные определения и индуктивные построения.

В аксиоматике Пеано явственно проглядывает порядковая структура натурального ряда, но не арифметическая. Поэтому, на наш взгляд, естественнее сразу ввести отношение порядка на системе Пеано $\langle N, ', 1 \rangle$, как это сделано в работах [11]. Полагаем по определению ($\forall m, n \in N$):

$$m \leq n \Leftrightarrow [1, m] \subseteq [1, n], \quad (*)$$

где $[1, n]$ есть наименьший отрезок, содержащий число n . При этом отрезком называется произвольное подмножество A в N , содержащее 1 и содержащее n всякий раз, когда $n' \in A$. Получаем квазиупорядоченное множество $\langle N, \leq \rangle$.

Теорема 2. Система $\langle N, \leq \rangle$ является дискретным вполне упорядоченным множеством без наибольшего элемента.

Линейно упорядоченное множество называется дискретным, если любое его сечение (A, B) есть скачок, т. е. нижний класс A имеет наибольший элемент, а верхний класс B обладает наименьшим элементом. В дискретном упорядоченном множестве всякое ограниченное сверху (снизу) непустое подмножество имеет наибольший (наименьший) элемент и, стать быть, для каждого его элемента, не являющегося наибольшим (наименьшим), существует последующий (предыдущий) элемент. Заметим, что дискретно упорядоченные множества исчерпываются подмножествами цепи Z целых чисел, взятыми с обыкновенным порядком.

Далее доказывается теорема об индуктивных построениях функций на N , с помощью которой задаются операции сложения и умножения натуральных чисел. Доказывается категоричность содержательной аксиоматики Пеано: любые две системы Пеано изоморфны между собой, а также следующее соотношение:

$$m < n \Leftrightarrow \exists k \in N (n = m+k). \quad (**)$$

Соответствующие доказательства имеются в [12]. На системе Пеано $\langle N, ', 1 \rangle$ с отношением строго порядка можно определить и индуктивно [13]:

(1) $n < n'$;

(2) $m < n \Rightarrow m < n'$;

(3) отношение $<$ является наименьшим бинарным отношением на N , удовлетворяющим условиям (1) и (2).

Покажем, что индуктивное определение порядка на натуральном ряде эквивалентно определению (*) или, что то же самое, (**).

Теорема 3. На системе Пеано $\langle N, ', 1 \rangle$ существует единственное отношение порядка, обладающее свойствами (1) и (2); оно задается определением (*).

Достаточно доказать, что введенное выше отношение порядка \leq на N , согласующееся с соотношением (**), обладает свойствами (1) и (2). Так как $n' = n+1$ для всех $n \in N$, то выполняется (1). Пусть $m < n$, т. е. $n = m+k$ для подходящего натурального числа k . Тогда $n' = (m+k)' = m+k'$ по индуктивному свойству сложения, откуда $m < n'$ в силу (**). Значит, выполняется и (2).

Понятие конечного (непустого) множества можно определить двумя способами. Множество A называется конечным, если оно n -элементно для некоторого натурального числа n , т. е. A равномощно отрезку $[1, n]$. Равномощность двух множеств означает существование между ними взаимно однозначного соответствия. Заметим, что в рамках содержательно-интуитивного подхода натуральное число еще определяют как класс всех множеств, равномощных данному конечному множеству; так, число 1 – это класс всех одноэлементных множеств.

Другое определение конечности: множество называется конечным по Дедекинду, если оно не равномощно никакому собственному подмножеству. Оба определения конечного множества эквивалентны друг другу. Индукцией по n нетрудно доказать конечность по Дедекинду любого n -элементного множества. Обратное же утверждение невозможно доказать без применения той или иной формы аксиомы выбора.

Как отмечалось выше, можно дать порядковое определение натурального ряда. Будем исходить из понятия вполне упорядоченного множества. Пусть $\langle X, \leq \rangle$ – вполне упорядоченное множество без наибольшего элемента, наименьший элемент которого обозначим единицей 1. Для каждого x из X существует следующий элемент x' .

Теорема 4. Для любого вполне упорядоченного множества X без наибольшего элемента эквивалентны следующие условия:

1) в X выполняется ПМИ;

2) X удовлетворяет дуальному КПНЭ;

3) всякое ограниченное непустое подмножество в X конечно;

4) всякое подмножество в X , обладающее наибольшим элементом, конечно;

5) любой элемент $\neq 1$ в X имеет предшествующий элемент;

6) X дискретно.

Эту теорему нетрудно доказать по циклу $1) \Rightarrow 2) \Rightarrow 3) \Rightarrow 4) \Rightarrow 5) \Rightarrow 6) \Rightarrow 1)$.

Итак, в порядковых терминах натуральным рядом можно назвать вполне упорядоченное множество без наибольшего элемента, удовлетворяющее некоторому (любому) из эквивалентных условий теоремы 4. Так, определенный натуральный ряд является системой Пеано. Поэтому порядковая теория натуральных чисел категорична.

Возможен и подход, когда в качестве X рассматривается произвольное линейно упорядоченное множество с наименьшим элементом 1, для каждого элемен-

та которого существует следующий элемент, а для каждого элемента $\neq 1$ – предшествующий. Тогда имеет место

Теорема 5. Для X эквивалентны следующие утверждения:

1) в X выполняется ПМИ;

2) X удовлетворяет ПНЭ;

3) X удовлетворяет дуальному КПНЭ;

4) всякое ограниченное непустое подмножество в X конечно;

5) X дискретно;

6) X порядково изоморфно N .

Подчеркнем, что в теоремах 4 и 5 содержится ряд порядковых аналогов МИ. Заметим также, что ПМИ является частным случаем трансфинитной индукции, протекающей на вполне упорядоченных множествах, обобщением которой, в свою очередь, служит так называемая нетерова индукция, базирующаяся на упорядоченных множествах с условием минимальности.

4. Формальная аксиоматика. Формальная арифметика – это формальная аксиоматическая теория, выраженная на языке логики первого порядка с равенством [14]. Формальная арифметика имеет одну предметную константу 1 и три функциональные буквы, которые будем обозначать привычным образом: одноместный символ ' и два двухместных символа + и \cdot . Предполагается наличие двухместного предиката равенства =, удовлетворяющего обычным свойствам рефлексивности, симметричности, транзитивности и подстановки. Предметные переменные обозначим x, y, z и т. д. Термы записываются так: $1, 1', \dots, x', x+y, x \cdot y$ и т. п. Атомарные формулы имеют вид $s=t$, где s, t – произвольные термы.

Следующие выражения являются аксиомами формальной арифметики:

1. $x' \neq 1$.

2. $x' = y' \rightarrow x = y$.

3. $x+1 = x'$.

4. $x+y' = (x+y)'$.

5. $x \cdot 1 = x$.

6. $x \cdot y' = (x \cdot y) + x$.

7. $(P(1) \& \forall x (P(x) \rightarrow P(x')) \rightarrow \forall x P(x))$ для всякой формулы $P(x)$.

Следует заметить, что аксиомы 1-6 суть конкретные формулы, а аксиома 7 фактически является аксиомной схемой, представляющей собой счетный набор конкретных аксиом – по аксиоме для каждой формальной арифметической формулы $P(x)$. Формальная теория натуральных чисел строится средствами логики предикатов первого порядка. Заметим, что формальная аксиоматика не может быть ограничена аксиомами 1, 2 и 7, как содержательная аксиоматика Пеано, поскольку в ней невозможно выразить операции сложения и умножения.

Рассуждения о свойствах самой формальной арифметики принадлежат сфере метаматематики. Натуральным рядом называется любая модель формальной арифметики. Формальная арифметика уже не категорична. В предположении ее непротиворечивости

наряду со стандартной моделью N существуют натуральные ряды любой бесконечной мощности и даже счетные нестандартные модели. Это можно пояснить тем, что в отличие от ПМИ и аксиомы Пеано P_3 , аксиома индукции I_7 допускает только свойства P , выразимые в сигнатуре $\langle =, +, \cdot, ', 1 \rangle$ на формальном языке первого порядка [15]. По классической теореме Геделя о неполноте формальная арифметика не является также и полной.

Приведем пример *Сколема* счетного нестандартного натурального ряда. Возьмем системы Z целых чисел и Q^+ положительных рациональных чисел с обычными операциями сложения и умножения и обычным порядком. На их прямом произведении $Q^+ \times Z$ зададим покомпонентные операции сложения и умножения и лексикографический порядок: $(q, z) < (q_1, z_1)$ означает, что $q < q_1$, либо $z < z_1$, при $q = q_1$. В результате имеем линейно упорядоченное полукольцо без нуля. Добавим к нему стандартный натуральный ряд N . В системе $N = N \cup (Q^+ \times Z)$ сложение, умножение и порядок на N и на $Q^+ \times Z$ даны выше и для любых $n \in N, q \in Q^+, z \in Z: n < (q, z), n + (q, z) = (q, z + n)$ и $n \cdot (q, z) = (q, z \cdot n)$, причем операции предполагаются коммутативными. Заметим, что сложение и порядок в N связаны соотношением (**). Система $\langle N, +, \cdot \rangle$ служит счетной моделью формальной арифметики, не изоморфной N .

Отметим также, что ультрастепень системы N по любому ультрафильтру, содержащему все коконечные подмножества, счетного индексного множества имеет мощность континуума и элементарно эквивалентна N , т. е. в этих алгебраических системах истинны одни и те же предложения формальной арифметики [16].

Примечания

1. Ларин С. В. Что такое натуральные числа? Кн. для учащихся. М.: Просвещение: АО «Учеб. лит.», 1996; Мадер В. В. Тайны натурального ряда. М.: Просвещение, 1994.
2. Мадер В. В. Введение в методологию математики. М.: Интерпракс, 1995. С. 76.
3. См.: Клини С. Введение в метаматематику. М.: ИЛ, 1957. С. 25.
4. Когаловский С. Р., Шмелева Е. А., Герасимова О. В. Путь к понятию. Иваново, 1998. С. 41.
5. Тестов В. А. Порядковые структуры в алгебре и теории чисел. М., 1997 (§ 5).
6. Варанкина В. И., Вечтомов Е. М. Линейно упорядоченные множества // Матем. вестник педвузов Волго-Вятского региона. 2002. Вып. 4. С. 16-27; Гонин Е. Г. Теоретическая арифметика. М.: Учпедгиз, 1959; Тестов В. А. Указ. соч.
7. Клини С. Указ. соч. (§ 5).
8. См.: Вечтомов Е. М. Прямой способ введения отношения порядка в системе Пеано // Матем. вестник педвузов Волго-Вятского региона. Вып. 1. 1998. С. 10; Он же. Две соросовские лекции по математике. Киров: Изд-во ВятГ-ПУ, 1999; Генкин Л. О математической индукции. М.: ГИФМЛ, 1962. (Матем. библиотека.); Феферман С. Числовые системы. М.: Наука, 1971.
9. Проскураков И. В. Числа и многочлены. М.: АПН РСФСР, 1947 (гл. 3).

10. Феферман С. Указ. соч.
11. Вечтомов Е. М. Прямой способ...; Он же. Две соросовские лекции...
12. Мендельсон Э. Введение в математическую логику. М.: Наука, 1971; Тестов В. А. Указ. соч.; Вечтомов Е. М. Прямой способ...
13. Клини С. Указ. соч. С. 26.
14. Мендельсон Э. Указ. соч. (гл. 3).
15. Мадер В. В. Указ. соч. § 6.13.
16. Мальцев А. И. Алгебраические системы. М.: Наука, 1970. С. 205, 220-221.

А. Н. Семенов

О РЕШЕТКЕ КОНГРУЭНЦИЙ ПОЛУТЕЛА

В работе исследуется вопрос о том, какой может быть решетка конгруэнций полутела. Основным результатом данной статьи является теорема: если решетка конгруэнций полутела конечна, то она дистрибутивна.

Введение

Для каждой универсальной алгебры можно построить четыре основных производных объекта: решетку подалгебр, решетку конгруэнций, моноид эндоморфизмов и группу автоморфизмов. Изучение этих объектов не требует оправданий. Одним из наиболее интересных вопросов в этой связи является проблема представимости, к примеру, решетки в виде решетки конгруэнций некоторой алгебры данного класса. Отметим некоторые результаты в этой области, касающиеся решеток конгруэнций. Решетка конгруэнций произвольной универсальной алгебры алгебраична и всякая алгебраическая решетка является решеткой конгруэнций некоторой универсальной алгебры. Решетка конгруэнций произвольной решетки дистрибутивна и всякая конечная дистрибутивная решетка изоморфна решетке конгруэнций подходящей решетки. Решетка нормальных подгрупп произвольной группы модулярна и всякая конечная дистрибутивная решетка изоморфна решетке нормальных подгрупп подходящей группы. Как видно, проблема представления решеток решетками конгруэнций полностью не решена и для классических алгебр. В данной статье начато исследование этого вопроса для полутел.

Определения и простые факты

Все не доказанные в этом пункте утверждения носят общеалгебраический характер и известны в универсальной алгебре [1]. Необходимые теоретико-решеточные понятия можно найти в [2]. Теоретико-групповые факты считаются общеизвестными.

СЕМЕНОВ Александр Николаевич – старший преподаватель кафедры алгебры и геометрии ВятГГУ © А. Н. Семенов, 2003

Полутелом называется множество, являющееся одновременно мультипликативной группой и аддитивной коммутативной полугруппой, причем умножение дистрибутивно относительно сложения с обеих сторон.

Класс полутел образует многообразие универсальных алгебр в сигнатуре $(+, \cdot, ^{-1}, 1)$ типа $(2, 2, 1, 0)$ с системой порождающих тождеств:

$$\begin{aligned} x + (y + z) &= (x + y) + z && \text{ассоциативность сложения;} \\ x + y &= y + x && \text{коммутативность сложения;} \\ x(y + z)t &= xyt + xzt && \text{дистрибутивность;} \\ x(yz) &= (xy)z && \text{ассоциативность умножения;} \\ x \cdot 1 &= 1 \cdot x = x && \text{нейтральность 1 по умножению;} \\ xx^{-1} &= x^{-1}x = 1 && x^{-1} - \text{обратный элемент для } x. \end{aligned}$$

Конгруэнции и гомоморфизмы полутел определяются обычным для универсальных алгебр образом, см. также [3]. Множество всех конгруэнций произвольного полутела U образует алгебраическую решетку $\text{Con } U$ относительно отношения включения в U^2 . Наибольшим элементом (или 1) этой решетки будет U^2 , т. е. конгруэнция, склеивающая все элементы. Наименьшим элементом (или 0) этой решетки будет диагональ $\Delta(U)$, т. е. отношение равенства. Инфимумом любого семейства конгруэнций будет их пересечение.

Наличие в сигнатуре полутела групповой операции влечет перестановочность всех конгруэнций. Откуда следует, что супремум конечного непустого семейства конгруэнций есть произведение этих конгруэнций и решетка конгруэнций полутела модулярна.

Также из наличия групповой операции в сигнатуре полутела следует, что всякая конгруэнция на полутеле полностью определяется каждым своим классом. Поэтому возникает естественное желание заменить работу с конгруэнциями на работу с классами единицы.

Подмножество A полутела U назовем *ядром* (обозначается $A < U$), если выполняется одно из следующих равносильных условий:

- 1) A является классом 1 некоторой конгруэнции;
- 2) $A = f^{-1}(1)$ для некоторого гомоморфизма $f: U \rightarrow V$;
- 3) A – нормальная подгруппа в U , для которой $a, b \in U \& a + b = 1 \& x \in A \Rightarrow ax + b \in A$;
- 4) A – нормальная подгруппа в U , для которой $t_1, \dots, t_n \in U \& t_1 + \dots + t_n = 1 \& x_1, \dots, x_n \in A \Rightarrow t_1 x_1 + \dots + t_n x_n \in A$.

Для подмножеств A и B полутела обозначим $AB = \{ab : a \in A, b \in B\}$. Легко видеть, что множество всех ядер полутела U , упорядоченное включением, образует модулярную алгебраическую решетку, изоморфную решетке $\text{Con } U$, в которой $\inf\{A_i < U, i \in I\} = \bigcap_{i \in I} A_i$

$$\sup\{A_i < U, i \in I\} = \bigcup_{i_1, \dots, i_n \in I} A_{i_1} A_{i_2} \dots A_{i_n}, \text{ в частности}$$

$A_1 \vee A_2 \vee \dots \vee A_n = A_1 A_2 \dots A_n$. При этом изоморфизме каждой конгруэнции соответствует ее класс единицы. Поскольку изоморфизм фиксирован, то каждый эле-

мент $a \in \text{Con } U$ мы можем представить тройко: как элемент решетки, как ядро в U , как конгруэнцию на U . Из контекста будет понятно, какое из этих представлений имеется ввиду.

Учитывая этот изоморфизм решеток, нетрудно сформулировать теоремы о гомоморфизмах и изоморфизмах, верные в любой универсальной алгебре на языке ядер.

Строение

В этом пункте приведем несколько теорем, сужающих класс решеток, которые могут быть решетками конгруэнций полутела.

Теорема 1. Решетка конгруэнций прямого произведения конечного числа полутел изоморфна прямому произведению решеток конгруэнций этих полутел: $\text{Con}(A_1 \times A_2 \times \dots \times A_n) \cong (\text{Con } A_1) \times (\text{Con } A_2) \times \dots \times (\text{Con } A_n)$.

Доказательство. Понятно, что достаточно доказать утверждение для случая двух сомножителей. Итак, пусть A_1 и A_2 – полутела. Из теорем об изоморфизмах, для любых ядер $I_1 < A_1$ и $I_2 < A_2$ множество $I_1 \times I_2$ будет ядром в $A_1 \times A_2$. Таким образом, упорядоченное множество $\text{Con } A_1 \times \text{Con } A_2$ изотонно вкладывается в $\text{Con}(A_1 \times A_2)$. Возьмем произвольное ядро $I < (A_1 \times A_2)$. Положим $I_1 = \{x \in A_1 : (x, 1) \in I\}$ и $I_2 = \{y \in A_2 : (1, y) \in I\}$. Из теорем об изоморфизмах следует, что I_1 и I_2 будут ядрами соответственно в A_1 и A_2 . Для доказательства теоремы достаточно показать, что $I = I_1 \times I_2$. Пусть $(x, y) \in I$, тогда и $(x^2, y^2), (x^{-1}, y^{-1}) \in I$. Положим $a = ((x^2 + x + 1)^{-1}(x + 1), (y^2 + y + 1))$ и $b = ((x^2 + x + 1)^{-1}x^2, (y^2 + y + 1)^{-1}(y^2 + y))$. Поскольку каждое из полутел A_1 и A_2 замкнуто относительно операций полутела, то $a, b \in (A_1 \times A_2)$. Нетрудно видеть, что $a + b = (1, 1) = 1$ и $a(x^2, y^2) + b(x^{-1}, y^{-1}) = (x, 1)$. Из свойств ядра следует, что $(x, 1) \in I$, следовательно, $x \in I_1$. В силу симметрии $y \in I_2$.

Аналогичный факт верен для решеток [4], для полуколец [5] и для решеточно упорядоченных групп [6]. Он не верен для групп (например, для $Z_2 \times Z_2$). Отметим также, что, хотя полутело с нулем является полукольцом, доказательство указанного факта для полутел отличается от доказательства в случае полуколец, поскольку конгруэнции у них выглядят по-разному.

Следствие 1. Всякий элемент интервала $[a, 1]$ решетки конгруэнций полутела имеет не более одного дополнения в этом интервале.

Доказательство. Предположим, что утверждение не верно. Т. е. для некоторого полутела U найдется элемент $a \in \text{Con } U$, такой, что в подрешетке $[a, 1]$ некоторый элемент имеет более одного дополнения. Считая a конгруэнцией на U , получим, что $[a, 1] \cong \text{Con}(U/a)$. Значит, для полутела $V = U/a$ найдутся три различных элемента $x, y, z \in \text{Con } V$, такие, что $x \wedge y = x \wedge z = 0$ и $x \vee y = x \vee z = 1$. Но тогда $V \cong (V/x) \times (V/y)$ и, по теореме 1, $\text{Con } V \cong \text{Con}(V/x) \times \text{Con}(V/y)$. В этом представлении $x = (0, 1)$, $y = (1, 0)$ и $z = (b, c)$. Причем

должно выполняться $x \wedge z = (0,0)$ и $x \vee z = (1,1)$. Из первого условия получаем $c = 0$, из второго $b = 1$. Поэтому $y = z$, противоречие.

В частности, всякий диамант в решетке конгруэнций полутела не содержит 1 этой решетки.

Лемма. Пусть A и B – ядра в полутеле U и $A \cap B = \{1\}$. Тогда элементы из A перестановочны с элементами из B , всякий элемент из AB единственным образом записывается в виде ab , где $a \in A$, $b \in B$, и если $a_1, \dots, a_n \in A$, $b_1, \dots, b_n \in B$, $t_1, \dots, t_n \in U$, $t_1 + \dots + t_n = 1$, то $t_1 a_1 b_1 + \dots + t_n a_n b_n = (t_1 a_1 + \dots + t_n a_n)(t_1 b_1 + \dots + t_n b_n)$.

Доказательство. Перестановочность и единственность представления следует из того, что произведение двух непересекающихся нормальных подгрупп будет прямым произведением. Далее, пусть a_i, b_i, t_i такие же, как в условии. Положим $a = t_1 a_1 + \dots + t_n a_n$ и $b = t_1 b_1 + \dots + t_n b_n$. По свойствам ядра $a \in A$ и $b \in B$. Очевидно, $t_1 b_1 a_1 + \dots + t_n b_n a_n = a(t_1 a_1 b_1 + \dots + t_n a_n b_n)$. Заметим, что выражение в скобках есть элемент $c \in B$, так как сумма коэффициентов перед b , равна единице. Аналогично раскладывается выражение $t_1 a_1 b_1 + \dots + t_n a_n b_n = bd$, где d – некоторый элемент из A . Так как $a, b \in B$, то $ac = bd$. Учитывая перестановочность и единственность представления, получаем $a = d$ и $b = c$. Следовательно, $t_1 a_1 b_1 + \dots + t_n a_n b_n = ab$, что и требовалось доказать.

Для каждого ненулевого кардинала τ обозначим через M_τ решетку, полученную из антицепи мощности τ присоединением наибольшего и наименьшего элементов. В частности M_3 – это диамант. Для удобства тот факт, что решетка L_1 является подрешеткой решетки L будем обозначать $L_1 \leq L$. Сейчас мы можем сформулировать интересное утверждение, пожалуй, не имеющее аналогов в классической алгебре.

Теорема 2. Если U – полутело, то $M_3 \leq \text{Con}U$ влечет $M_3 \leq M_{\aleph_0} \leq \text{Con}U$.

Доказательство. Так как $M_3 \leq \text{Con}U$ влечет $M_3 \leq \text{Con}(U/\rho) \leq \text{Con}U$, где ρ – конгруэнция, соответствующая 0 подрешетки M_3 , то можем считать, что 0 решетки M_3 совпадает с 0 решетки $\text{Con}U$. Итак, имеются три ядра $X, Y, Z \triangleleft U$ такие, что $X \cap Y = Y \cap Z = Z \cap X = \{1\}$ и $XY = YZ = ZX \neq \{1\}$. Надо построить бесконечное число таких ядер. Договоримся обозначать элементы указанных ядер соответствующими строчными буквами. То есть если, к примеру, нам встречается y , то это элемент из Y . В силу леммы, X, Y и Z поэлементно перестановочны.

1) Отношение $x \sim y \Leftrightarrow xy \in Z$ есть биекция множеств X и Y . Действительно, так как $X \subseteq YZ$, то для любого x^{-1} найдутся y и z такие, что $x^{-1} = yz$, а значит, $z^{-1} = xy \in Z$. Таким образом, каждому x соответствует некоторый y . Далее, если $x_1, x_2 \in Z$, то $x_1(x_2)^{-1} = y_1 y_2^{-1} \in Z$, но $y_1 y_2^{-1} \in Y$, следовательно, $y_1 y_2^{-1} = 1$. Получили, что каждому x соответствует единственный y . Из соображений симметрии то же самое мы можем утверждать и для произвольного y , значит, отношение \sim есть биекция.

2) X, Y и Z коммутативны. В самом деле, возьмем x_1 и x_2 . Подберем такое y , что $x_2 y \in Z$. Тогда $x_1(x_2 y) = (x_2 y)x_1 = x_2 x_1 y$. Следовательно, $x_1 x_2 = x_2 x_1$. Таким образом, X коммутативна и, симметрично, Y и Z коммутативны.

3) $t_1, \dots, t_n \in U$ и $\sum_{i=1}^n t_i = 1 \Rightarrow \sum_{i=1}^n t_i x_i x_2 \dots x_k = \left(\sum_{i=1}^n t_i x_i\right) \left(\sum_{i=1}^n t_i x_2\right) \dots \left(\sum_{i=1}^n t_i x_k\right)$. Достаточно доказать данное равенство для $k = 2$. Пусть есть элементы x_1, \dots, x_n и x'_1, \dots, x'_n . Для каждого x'_i подберем y_i такой, что $x'_i y_i \in Z$. Выразим сумму $\sum_{i=1}^n t_i x_i x'_i y_i$ двумя способами на основании леммы. С одной стороны,

$$\sum_{i=1}^n t_i x_i (x'_i y_i) = \left(\sum_{i=1}^n t_i x_i\right) \left(\sum_{i=1}^n t_i x'_i y_i\right) = \left(\sum_{i=1}^n t_i x_i\right) \left(\sum_{i=1}^n t_i x'_i\right) \left(\sum_{i=1}^n t_i y_i\right)$$

С другой стороны, $\sum_{i=1}^n t_i (x_i x'_i) y_i = \left(\sum_{i=1}^n t_i x_i x'_i\right) \left(\sum_{i=1}^n t_i y_i\right)$.

Значит, $\sum_{i=1}^n t_i x_i x'_i = \left(\sum_{i=1}^n t_i x_i\right) \left(\sum_{i=1}^n t_i x'_i\right)$.

4) X, Y и Z – полные группы. Покажем, что $x = \left(\frac{1}{n}x + \frac{n-1}{n}\right)^n$ для натурального n . На основании 3) получаем, что

$$x = \frac{1}{n}(x \cdot 1 \dots 1) + \frac{1}{n}(1 \cdot x \dots 1) + \dots + \frac{1}{n}(1 \cdot 1 \dots x) = \left(\frac{1}{n}x + \frac{1}{n}\right) + \dots + \left(\frac{1}{n}x + \frac{1}{n}\right) = \left(\frac{1}{n}x + \frac{n-1}{n}\right)^n$$

По свойству ядра $\left(\frac{1}{n}x + \frac{n-1}{n}\right) \in X$, значит, в X существуют корни любой натуральной степени. Аналогично для Y и Z .

Поскольку мультипликативная группа любого полутела есть группа без кручения [7], то X, Y и Z – полные коммутативные группы без кручения. Значит, для любого x и рационального $a \in \mathbb{Q}$ определена степень $x^a \in X$. При фиксированном $a \neq 0$ это преобразование будет автоморфизмом группы X . Справедливы обычные правила действий со степенями. То же самое для групп Y и Z . Сейчас для каждого $a \in \mathbb{Q}$ с помощью биекции \sim из 1) определим множество

$$Z_a = \{x^a y^{1-a} : x \sim y\}.$$

5) Z_a – ядро в U . Поскольку Z – группа, то $1 \sim 1$, $x \sim y \Rightarrow x^{-1} \sim y^{-1}$ и $x_1 \sim y_1 \& x_2 \sim y_2 \Rightarrow x_1 x_2 \sim y_1 y_2$ (т. е. \sim есть изоморфизм групп), откуда можем заключить, что Z_a – группа. Далее, так как Z – ядро, то, в силу леммы,

$$x \sim y \& r, s, t \in U \& r + s = 1 \Rightarrow rx + s \sim ry + s \& txr^{-1} \sim tyr^{-1}.$$

Кроме того, заметим, что

$$a \in \mathbb{Q} \& r, s, t \in U \& r + s = 1 \Rightarrow rx^a + s = (rx + s)^a \& tx^a r^{-1} = (txr^{-1})^a.$$

Действительно, полагая $a = \frac{m}{n}$, где $m \in \mathbb{Z}$, $n \in \mathbb{N}$,

$$\text{имеем } (tx^{\frac{m}{n}} r^{-1})^n = t(x^{\frac{m}{n}})^n r^{-n} = tx^m r^{-n} = (txr^{-1})^m \text{ и, на основа-}$$

нии 3), $(r \cdot x^{\frac{m}{n}} + s \cdot 1)^n = r \cdot (x^{\frac{m}{n}})^n + s \cdot 1^n = r \cdot x^m + s \cdot 1^m = (rx + s)^m$. Учитывая эти две импликации и лемму, можем утверждать, что Z_a – ядро в полутеле U .

Поскольку Z является полной подгруппой полной коммутативной группы XY , то $xu \in Z$ влечет $(xu)^a = x^a u^a \in Z$ при любом $a \in \mathbb{Q}$. Значит,

$$x \sim y \& a \in \mathbb{Q} \Rightarrow x^a \sim y^a.$$

Итак, есть счетное семейство ядер $Z_a \triangleleft U$, индексированное рациональными числами. Очевидно, $Z_0 = Y$, $Z_1 = Z$ и $Z_{-1} = X$. Для доказательства теоремы достаточно показать, что в этом семействе произвольные два ядра с различными индексами в пересечении дают $\{1\}$, а в произведении дают XY .

6) Если $a \neq b$, то $Z_a \cap Z_b = \{1\}$. Пусть элемент t принадлежит обоим ядрам Z_a и Z_b . Тогда $t = x_1^a y_1^{1-a} = x_2^b y_2^{1-b}$ для некоторых $x_1 \sim y_1$ и $x_2 \sim y_2$. В силу единственности представления, получаем $x_1^a = x_2^b$ и $y_1^{1-a} = y_2^{1-b}$. С другой стороны, отношение $x_1 \sim y_1$ влечет $x_1^{1-a} \sim y_1^{1-a}$, а отношение $x_2 \sim y_2$ влечет $x_2^{1-b} \sim y_2^{1-b}$. Учитывая биективность \sim и $x_1^a = x_2^b$, выводим $y_1^{1-a} = y_2^{1-b}$. Умножив полученное равенство на $y_1^{1-a} = y_2^{1-b}$, имеем $y_1 = y_2$. Значит, $y_1^a = y_2^b$ или, что то же самое, $y_1^{a-b} = 1$. Поскольку возведение в ненулевую степень $a - b$ есть автоморфизм группы Y , то $y_1 = 1$. Так как $1 \sim 1$, то $x_1 = 1$ и, следовательно, $t = 1$.

7) Если $a \neq b$, то $Z_a Z_b = XY$. Возьмем произвольный элемент u и покажем, что он лежит в ядре $Z_a Z_b$. На основании 1) можем выбрать такой элемент x , что $x \sim u$. Так как $b - a \neq 0$, то получаем $x^{\frac{b}{b-a}} \sim y^{\frac{b}{b-a}}$ и $x^{\frac{a}{b-a}} \sim y^{\frac{a}{b-a}}$.

Значит, $t = \left(x^{\frac{b}{b-a}}\right)^a \left(y^{\frac{b}{b-a}}\right)^{-a} \in Z_a$ и $s = \left(x^{\frac{a}{b-a}}\right)^b \left(y^{\frac{a}{b-a}}\right)^{-b} \in Z_b$. Нетрудно видеть, что $ts = u$, следовательно, $u \in Z_a Z_b$. Из соображений симметрии каждый элемент x' лежит в ядре $Z_a Z_b$. Учитывая мультипликативную замкнутость ядра, получаем что всякий элемент $x'u \in XY$ принадлежит ядру $Z_a Z_b$. Таким образом, $Z_a Z_b = XY$.

Теорема доказана.

Следствие 2. Если в решетке конгруэнций полутела все антицепи конечны, то она дистрибутивна.

Доказательство. Известно, что модулярная недистрибутивная решетка содержит подрешетку M_3 . Поэтому, если решетка конгруэнций полутела недистрибутивна, то она содержит M_3 , следовательно содержит и M_{\aleph_0} , значит, содержит и бесконечную антицепь. Противоречие.

Как частный случай получаем основной результат данной статьи:

Теорема 3. Если решетка конгруэнций полутела конечна, то она дистрибутивна.

Замечание 1. Из этих новых результатов следует, что минимальная недистрибутивная решетка, которая может быть решеткой конгруэнций некоторого полутела, есть M_{\aleph_0} с присоединенным новым наиболь-

шим элементом. Автором найден пример такого полутела и также доказано, что всякая алгебраическая цепь является решеткой конгруэнций некоторого полутела.

Замечание 2. Известно [8], что аддитивно идемпотентные полутела – это в точности решеточно упорядоченные группы. Решетки конгруэнций решеточно упорядоченных групп дистрибутивны [9]. Далеко не всякая конечная дистрибутивная решетка изоморфна решетке конгруэнций какой-либо коммутативной решеточно упорядоченной группы [10]. Для произвольных решеточно упорядоченных групп, как и для полутел, этот вопрос остается открытым.

Примечания

1. Кон П. Универсальная алгебра. М.: Мир, 1968; Мальцев А. И. Алгебраические системы. М.: Наука, 1970.
2. Биркгоф Г. Теория решеток. М.: Наука, 1984; Гретцер Г. Общая теория решеток. М.: Мир, 1982.
3. Семенов А. Н. О строении полутел // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2003. № 8. С. 105-107.
4. Биркгоф Г. Указ. соч.
5. Вечтомов Е. М. Введение в полукольца. Киров: ВГПУ, 2000.
6. Биркгоф Г. Указ. соч.
7. Семенов А. Н. Указ. соч.
8. Вечтомов Е. М. Указ. соч.
9. Биркгоф Г. Указ. соч.
10. Там же.

Н. П. Чижикова, А. М. Прокашев, М. М. Пахомов, С. А. Пупышева

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ МИНЕРАЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ПОКРОВНЫХ СУГЛИНКОВ ВЯТСКОГО ПРИКАМЬЯ*

Изучен ряд естественных береговых обнажений и искусственных шурфов в пределах внеледниковой части ареала покровных суглинков бассейна нижней Вятки. Произведен оптический и рентген-дифрактометрический минералогический анализ

* При финансовой поддержке РФФИ: проект 02-05-64028а;

ЧИЖИКОВА Наталья Петровна – доктор сельскохозяйственных наук, старший научный сотрудник Почвенного института РАН (г. Москва)
ПРОКАШЕВ Алексей Михайлович – доктор сельскохозяйственных наук, доцент, заведующий кафедрой географии и МОГ ВятГГУ
ПАХОМОВ Михаил Михайлович – доктор географических наук, профессор кафедры географии и МОГ ВятГГУ
ПУПЫШЕВА Светлана Анатольевна – старший преподаватель кафедры географии и МОГ ВятГГУ
© Н. П. Чижикова, А. М. Прокашев, М. М. Пахомов, С. А. Пупышева, 2003

илистой и песчано-пылеватых фракций педогенно трансформированных покровных отложений. Выявлены закономерные изменения внутрипрофильного содержания минеральных компонент, обусловленные почвенными процессами элювиальной природы.

Проблематичные по генезису покровные лессовидные суглинки Вятского Прикамья слабо изучены в минералогическом отношении. К числу одних из первых опытов такого рода относятся работы Н. П. Чижиковой и Т. В. Воложжаниной [1], которыми произведен минералогический анализ подобных отложений в пределах более восточных ареалов, расположенных на территории Камского Предуралья. Подобные исследования могут пролить свет на проблему образования лессовидных покровов, интересную в теоретическом плане. Они не менее важны и с точки зрения понимания сущности возможной педогенной и агрогенной трансформации данных образований, являющихся материнской породой для большого числа зональных типов почв региона, сформированных на данных отложениях. Как показывают результаты изучения возможного побочного негативного влияния агротехногенеза на минеральную фазу почв и, в частности, химизации, это имеет весьма существенное значение в практике интенсивного использования минеральных удобрений в сельском хозяйстве [2]. Предпринятые нами исследования выявили наличие двух основных химико-минералогических разновидностей покровных отложений – бескарбонатные и карбонатные – и установили зависимость их от геогенных факторов [3].

Зафиксировано изменение площадного распространения бескарбонатных и карбонатных типов покровных отложений в направлении с севера на юг, с увеличением доли вторых из них в южной части региона. Отмечено некоторое возрастание мощности покровного плаща в северном направлении и от верхних частей водоразделов к их подошвам, с возможным замещением мергелисто-известковыми отложениями на высокоподнятых плато, в местах перегибов и на покатых склонах междуречий.

Средние мощности исследуемых наносов на плащах составляют 1,5-2 м, а в нижней части склонов могут достигать 5-8 м и более. В ряде случаев очевидна генетическая связь покровных суглинков с коренными пермскими карбонатно-глинистыми породами. При этом обращает внимание большая контрастность переходов между поверхностными и подстилающими отложениями в южной части Вятского Прикамья. В составе карбонатных покровных суглинков существуют два различных по природе варианта: остаточные карбонатные, особенно характерные для юга территории исследований, и илловально-карбонатные, располагающиеся севернее. В первых из них нередко наблюдаются остаточные, сильно выветрелые известняково-мергелистые прослои, либо карбонатная крошка, реже кальцитовые жеоды – свидетели большей в прошлом карбонатности почвогрунтов.

При этом чем нагляднее признаки былой избыточности, тем тяжелее механический состав отложений. Во второй разновидности суглинков новообразования обычно представлены конкрециями в форме журавчиков. Характерно исчезновение или ослабление степени карбонатности и увеличение глубины залегания известковых материалов в северном направлении. На всей изучаемой площади четко выражена текстурная дифференциация верхней части покровного плаща, а именно, облегчение гранулометрического состава в пределах первых 40-50 см и утяжеление в средней части (50-100 см), с его последующим повторным облегчением в нисходящем направлении.

По нашим данным, подтверждаемым результатами анализов, имеет место двоякая природа отмеченной текстурной дифференциации: литогенно- и педогенно обусловленная. Последняя является основной причиной упомянутого эффекта, даже в случае ее наложения на первичную – геогенную. По этой причине степень глинистой дифференциации почвогрунтов нарастает в направлении с юга на север и от карбонатных разностей к бескарбонатным. На глубинах более 1-1,5 м наблюдается ослабление степени агрегированности субстрата и трансформация его в гомогенную тонкопористую суглинисто-глинистую массу. Отмеченные наблюдения указывают на генетическую связь покровных отложений с коренными карбонатно-глинистыми седиментами и зависимость их свойств от зональных и геоморфологических условий.

Анализ вертикального распределения илистого материала в пределах педогенно переработанной толщи покровного суглинка (шурф 2) свидетельствует о ее резкой текстурной дифференциации по элювиально-илловальному типу (табл. 1). Распределение по профилю фракции тонкой пыли, выделенной по методу Горбунова, фактически равномерное и колеблется от 12,4% в илловальной части профиля до 16,8% в элювиальной толще и почвообразующей породе. Фракция средней пыли отличается явным остаточно-аккумулятивным характером распределения с максимумом в верхних горизонтах (см. табл. 1).

В минералогическом составе легкой крупнозернистой – песчаной – фракции лессовидных суглинков постоянно и, как правило, в значительных количествах присутствуют кварц и полевые шпаты, а также обломки железистых пород. Доля кварца составляет в среднем более 40 объемных процентов в бескарбонатных и более 30% в карбонатных суглинках. Количество полевых шпатов около 30% в бескарбонатных и около 25% в карбонатных разностях. Слюды – мусковит и биотит – практически отсутствуют. Обломочные породы в сумме составляют соответственно приблизительно 30 и 45%. Содержание тяжелой, электромагнитной и магнитной фракций не более 0,5 процента.

Рентгенодифрактометрическое минералогическое исследование илистой и средне-тонкопылеватых фракций одного из профилей агродерново-подзоли-

Таблица 1

Гранулометрический состав агродерново-подзолистой остаточной-карбонатной среднесуглинистой почвы Вятского Прикамья на покровном суглинке (шурф 2)

Горизонт, глубина образца, см	Объемная масса, г/см ³	Гигроскоп. влажность, %	Содержание фракций в мм, % от сухой почвы							Накоплен ие ила, %
			1-0,25	0,25-0,05	0,05-0,01	0,01-0,005	0,005-0,001	<0,001	<0,01	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
PY 0-26	1,21	2,0	0,6	15,6	46,7	13,6	16,0	7,5	37,1	-75
AEIh 26-32	-	1,8	0	14,1	44,3	15,9	16,8	8,9	41,7	-70
EIB 26-32	1,48	2,8	0	10,4	42,6	9,2	14,2	23,6	47,0	-22
Bt1 32-42	1,46	4,0	0	9,0	34,9	9,9	13,5	32,7	56,1	+9
Bt1 43-53	1,46	4,8	0	8,7	30,7	9,0	13,9	38,1	61,0	+27
Bt2 70-80	-	4,5	0	11,5	34,1	8,1	12,4	33,9	54,4	+13
BC 95-105	-	4,2	0,6	12,1	33,9	8,7	14,6	30,1	53,4	0
Cca 115-125	-	4,0	6,1	22,7	22,9	6,3	16,1	25,9	48,3	-
CDca 140-150	-	3,9	11,5	28,2	15,0	5,3	16,1	23,9	45,3	-

Таблица 2

Содержание основных минеральных фаз во фракции менее 1 мкм, выделенной из профиля агродерново-подзолистой остаточной-карбонатной среднесуглинистой почвы Вятского Прикамья на покровном суглинке (шурф 2)

Горизонт	Глубина, см	0,7	1,0	1,7	0,7	1,0	1,7
		Во фракции менее 1 мкм			В почве в целом		
PY	0-26	13,6	27,5	58,9	1,5	3,0	6,4
AEIh	26-32	14,7	38,1	47,1	2,0	5,4	6,7
AEIB	26-32	13,5	29,6	56,9	3,8	8,4	16,2
Bt1	43-53	7,2	20,9	71,5	2,5	7,4	25,2
Bt2	70-80	6,6	25,7	67,6	2,1	8,2	21,5
BC	95-105	12,7	16,6	70,7	3,6	4,7	20,2
CDca	115-125	11,7	18,3	69,9	2,9	4,5	17,3
CDca	140-150	10,5	18,1	71,3	2,5	4,3	16,7

Таблица 3

Соотношение интенсивностей рефлексов минералов во фракции менее 1 мкм, выделенной из профиля агродерново-подзолистой остаточной-карбонатной среднесуглинистой почвы Вятского Прикамья на покровном суглинке (шурф 2)

Горизонт	2,4	1,4	1,2	1,0	0,7	0,5	0,47	0,44	0,426	0,356	0,334	0,318	?
PY	нет	15,9	4,5	5,6	10,5	4,7	5,6	нет	5,6	14,0	28,5	5,6	358
AEIh	0,5	18,7	7,5	8,7	11,2	3,7	4,2	нет	4,2	13,7	23,7	3,7	401
AEIB	нет	19,4	7,8	7,5	10,0	4,7	4,4	1	2,8	12,5	21,0	7,8	319
Bt1	нет	19,8	9,0	7,2	5,8	6,5	5,4	1,8	3,6	12,6	18,0	9,0	277
Bt2	нет	22,7	7,7	7,7	6,1	6,7	5,5	2,1	3,1	12,3	17,5	8,6	326
BC	3	21,4	6,9	6,9	6,9	6,7	5,2	2,7	3,4	10,3	17,6	9,6	290
CDca	2	22,5	6,1	3,7	7,5	7,2	5,6	3,0	4,5	11,6	19,5	8,6	267
CDca	нет	25,7	6,7	5,9	6,7	6,7	4,3	нет	2,8	12,6	17,8	8,7	253

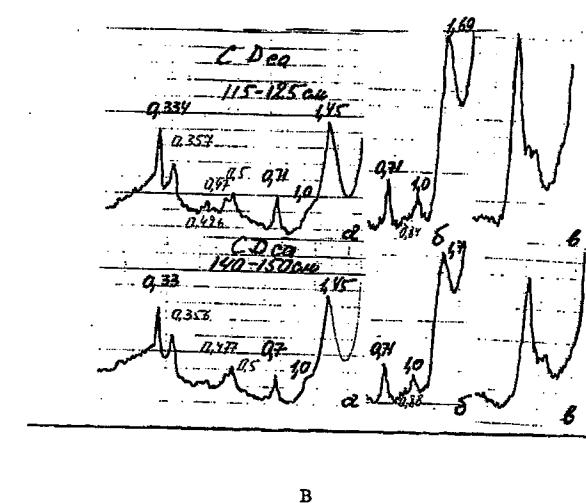
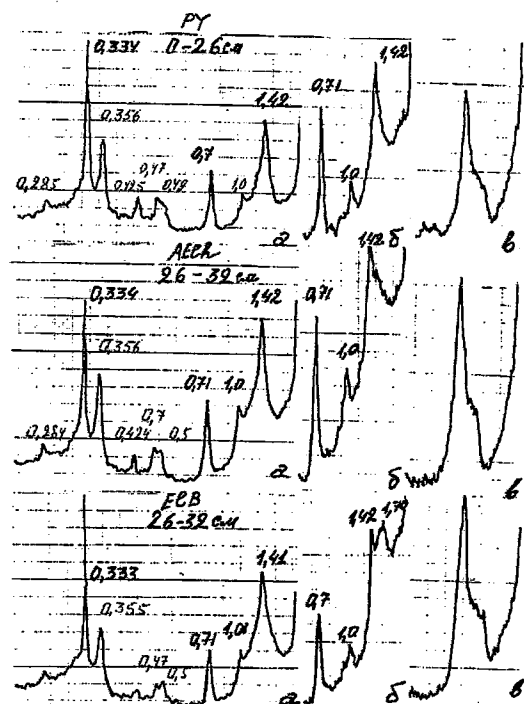

Рис. 1. Рентгendifфрактограммы фракции менее 1 мкм из агродерново-подзолистой почвы Вятско-Камского Предуралья (шурф 2):
а - воздушносухое состояние;
б - после сольватации этиленгликолем;
в - после прокаливании при 550°C в течение 2 часов

той почвы, сформированной на покровном карбонатном суглинке (шурф 2) выявило следующее (табл. 1-3, рис. 1). В илистой фракции (менее 1 мкм) преобладающей является набухающая фаза (около 70%). В ее составе представлены: слюда-сметитовые неупорядоченные смешанно-слоистые образования с высоким содержанием сметитовых пакетов и хлорит-сметитовых образований с высокой долей сметитовых па-

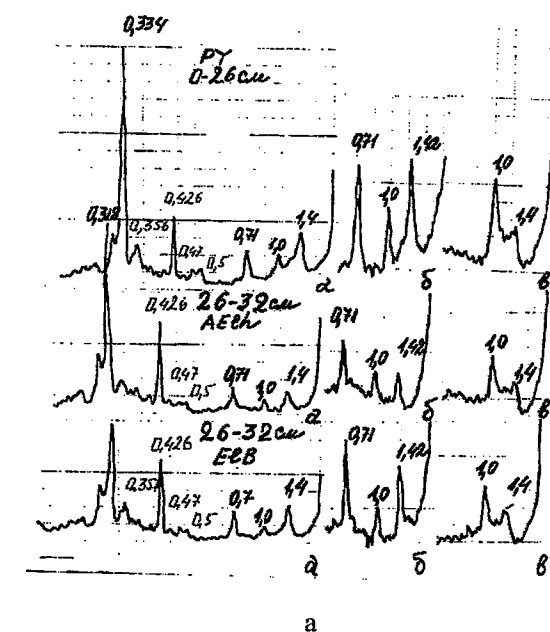
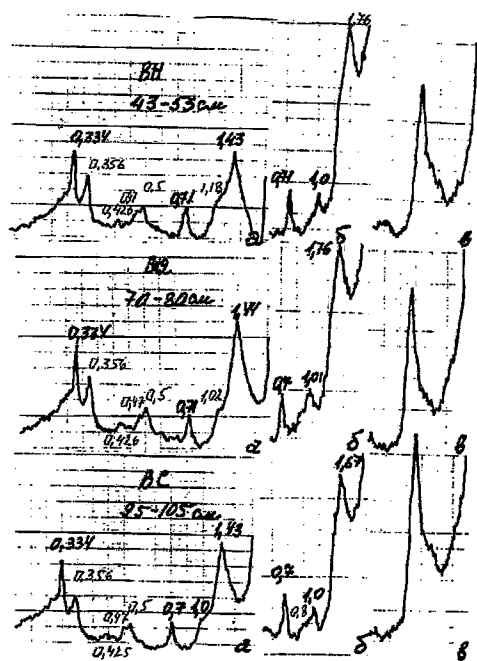

Рис. 2. Рентгendifфрактограммы фракции 1-5 мкм из агродерново-подзолистой остаточно-карбонатной почвы Вятского-Камского Предуралья (шурф 2)
а - воздушносухое состояние;
б - после сольватации этиленгликолем;
в - после прокаливании при 550°C в течение 2 часов

виальной толще замечается смешаннослоистыми образованиями хлорит-вермикулитового типа, сохраняющими межплоскостное расстояние в области 1,4 нм при сольватации образцов этиленгликолем. В горизонте АЕИh отмечается наименьшее количество смешаннослоистых образований, причем количество их с набухающим пакетом минимально и аналогично для пахотного слоя. В этом горизонте увеличивается количество гидрослюд, достигая 38%, причем, судя по изменению соотношений интенсивностей рефлексов d 001 к d 002 и d 003, здесь увеличивается доля три-

кетов; диоктаэдрические гидрослюды и хлориты. В совокупности с небольшой примесью каолинита они составляют в сумме не более 18%. Наряду с ними в илистой фракции присутствует тонкодисперсный кварц (см. табл. 2, 3).

Фракция тонкой пыли (1-5 мкм) отличается от ила резким возрастанием количества кварца и полевых шпатов. Слоистые силикаты представлены в основном небольшим количеством гидрослюд диоктаэдрического типа и хлоритом магнезиально-железистым. Присутствуют также хлорит-сметиты с низким содержанием сметитовых пакетов. Средняя пыль (5-10 мкм) состоит в основном из тонкодисперсного кварца и калиевых полевых шпатов. Наряду с ними имеется небольшая примесь слюда-гидрослюд диоктаэдрического типа, хлорита и хлорит-сметитовых смешаннослоистых образований.

От покровных суглинков центра ЕЧР рассматриваемые отложения существенно отличаются высоким содержанием хлорита и хлорит-сметитового смешаннослоистого образования.

Минералогический состав илистой фракции, как и покровной почвообразующей породы, является полиминеральным. При этом наблюдается вертикальное перераспределение минералов в пределах педогенно переработанной толщи, хотя повсеместно доминируют смешаннослоистые образования, количество которых колеблется от 47% до 71%.

Зафиксировано обеднение элювиальной части профиля смешаннослоистыми структурами. Одновременно здесь меняется и кристаллохимическая сущность смешаннослоистого образования. Компонент, представленный пакетами с набухающей решеткой, в элю-

октаэдрических структур. Одновременно зарегистрировано некоторое увеличение роли каолинитов. Расчеты интенсивностей рефлексов позволяют констатировать более высокое содержание тонкодисперсного кварца в верхней части профиля, в том числе на уровне горизонта АЕИh.

Илистый материал, выделенный из элювиальной иллювиальной части горизонта ЕИВ, также имеет свои особенности. Как и для всей элювиальной части профиля, здесь отмечается повышенное содержание гидрослюд ди-триоктаэдрического типа (23%) и неупорядоченных смешаннослоистых слюда-сметитовых и хлорит-сметитовых образований с низким содержанием сметитовых пакетов. Иными словами, в этом горизонте появляется набухающая фаза, практически полностью отсутствующая в вышележащих горизонтах. Здесь зафиксировано более высокое, но типичное для элювиальной части профиля количество каолинита и хлорита. Тонкодисперсного кварца в этом горизонте также несколько больше.

Иллювиальная толща характеризуется резким преобладанием смешаннослоистых образований с высоким содержанием сметитовых пакетов, как слюда-сметитов, так и хлорит сметитов. Наибольшее количество этой фазы отмечается в горизонте Вt1 - 71,5%, или 25,2% в пересчете на почвенную массу в целом. Количество гидрослюд диоктаэдрического типа составляет всего 20,3%, а хлорита (с небольшой примесью каолинита) - 7,2%. Можно полагать, что этот горизонт является первым геохимическим барьером, на котором аккумулируются продукты выноса тонкодисперсного сметитового материала из элювиальной части профиля.

Ниже, в горизонтах Вt2 и ВС, также отмечается очень высокое количество смешаннослоистых образо-

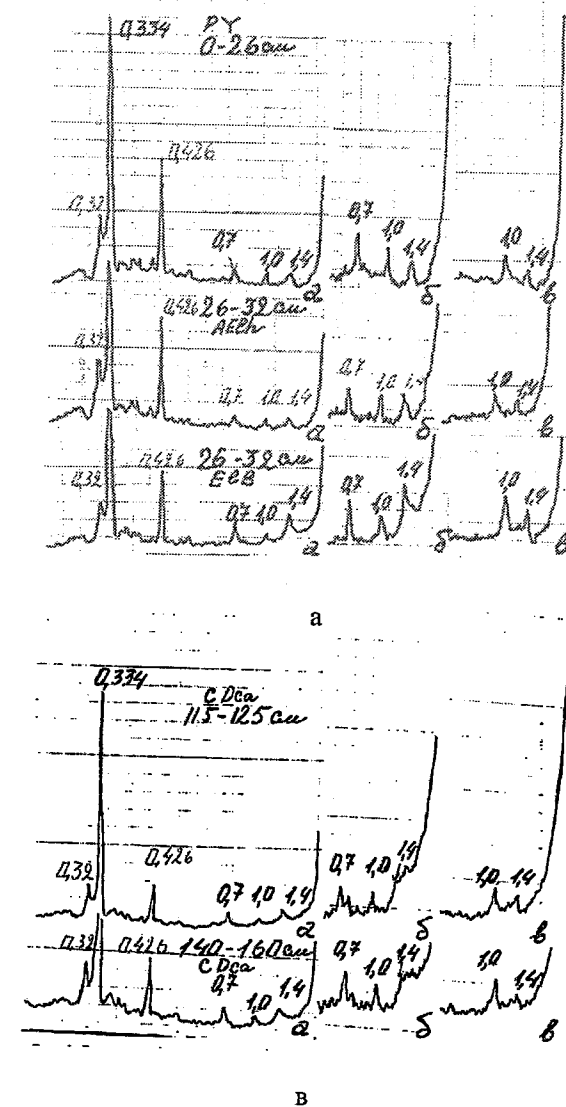
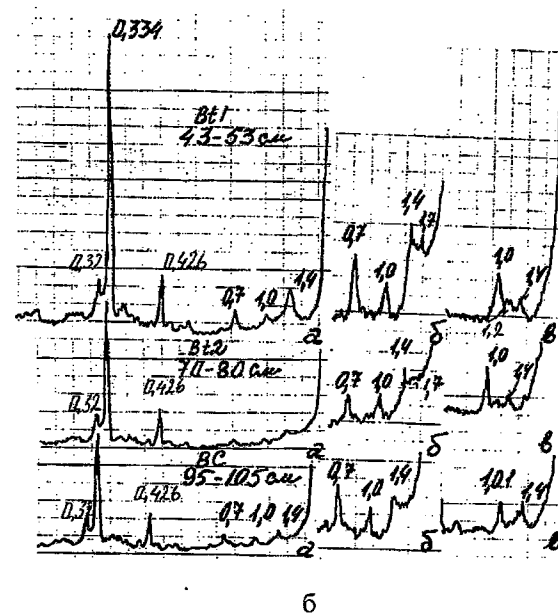

Рис. 3. Рентгенодифрактограммы фракции 5-10 мкм из агродерново-подзолистой остаточно-карбонатной почвы Вятско-Камского Предуралья (шурф 2)
 а - воздушносухое состояние;
 б - после сольватации этиленгликолем;
 в - после прокаливании при 550°С в течение 2 часов

ваний с большим содержанием смектитовых пакетов (67,7-70,7%), представленных в основном слюда-смектитами, в меньшей мере хлорит-смектитами. В пересчете на почву в целом это составляет 21,5 и 20,2%. Гидрослюды диоктаэдрического типа имеют тенденцию к уменьшению в нисходящем направлении: 25,7 и 16,6% в горизонтах Bt2 и BC соответственно.

По распределению илистой фракции и ее компонентов профиль педогенно переработанной толщи покровного суглинка относится к категории контрастно текстурно-дифференцированных по элювиально-иллювиальному типу. Процесс обезыливания верхней части профиля привел к максимальной аккумуляции

продуктов выноса в горизонте Bt1. В элювиальной толще зафиксированы процессы обеднения горизонтов компонентами с набухающей решеткой в виде слюда-смектитов и хлорит-смектитов. Остается материал продуктов трансформации хлоритов - хлорит-вермикулитовые смешаннослойные образования и собственно хлорит. В элювиальной части профиля происходит также относительное накопление тонкодисперсного кварца.

По кристаллохимическому состоянию основных минеральных фаз фракции менее 1 мкм можно предположить следующие процессы: а) обезыливание верхней части профиля как результат кислотного гидролиза и выноса наиболее дисперсной смектитовой фазы с ее частичной аккумуляцией в горизонте Bt1; б) остаточное сохранение хлоритов и хлорит-вермикулитов, а также тонкодисперсного кварца в элювирированных горизонтах (PY, AEIh, EIB и т. п.). Аналогичные явления известны и в других почвах с элювиальным профилем [4].

Распределение по профилю педогенно переработанного покровного суглинка фракции тонкой пыли (1-5 мкм) имеет тенденцию к некоторому повышению ее концентрации в верхних горизонтах (см. табл. 1). В минералогическом отношении она отличается от фракции ила резким преобладанием кварца и появлением полевых шпатов (рис. 2). В элювирированной толще отмечается более высокое количество тонкодисперсного кварца и резкое увеличение содержания хлорита. Смешаннослойные образования со смектитовым пакетом в этой части профиля фактически отсутствуют. Лишь в пахотном слое наблюдается увеличение доли хлорит-вермикулитового образования - продукта трансформации хлоритов через вермикулитовую фазу в хлорит-смектит. В иллювиальной части профиля (с 43 до 100 см и более) во фракции тонкой

пыли также доминирует кварц. Однако рентгенографически, помимо хлорита, мусковита, каолинита, здесь еще обнаружено наличие серии смешаннослойных образований хлорит-смектитового (вермикулитового) типа. Последнее может быть объяснено следующим: во-первых, более сильной агрегацией почвенного материала в иллювиальных горизонтах, не полностью пептизированным методом Н. И. Горбунова; во-вторых, активизацией трансформационных процессов в отношении хлоритов, с переходом их в смешаннослойные хлорит-смектитовые образования. Вместе с тем поведение минеральных компонент в нижележащей толще профиля свидетельствует о литогенной унаследованности хлорит-смектитов (вермикулитов) от исходного почвообразующего материала (см. рис. 2).

Характер распределения фракции тонкой пыли и ее минералогический состав в целом достаточно определенно указывает в рассматриваемом случае на литологическую однородность исходного почвообразующего субстрата. Иными словами, на отмеченные выше особенности характера распределения его минеральных компонент оказал влияние подзолообразовательный процесс. Последний затронул не только илистую, но и тонкопылеватую фракцию, что подтверждается фактом более высокой концентрации тонкодисперсного кварца и эффектом кислотного гидролиза смешаннослойных хлорит-смектитов именно в элювиальной толще профиля.

Фракция средней пыли (5-10 мкм) по характеру вертикального распределения также свидетельствует о литогенной однородности почвообразующего материала рассматриваемого разреза. Обоиными методами пептизации (по Н. А. Качинскому и Н. И. Горбунову) зарегистрирован максимум этой фракции в элювиальной толще (см. табл. 1).

Минералогический спектр данной фракции представлен прежде всего пылеватым кварцем (доминирует) и полевыми шпатами (рис. 3). Слоистых силикатов здесь значительно меньше, чем в тонкопылеватой фракции, и представлены они небольшим количеством слюда, хлоритом с примесью каолинита и смешаннослойных хлорит-смектитов. Судя по составу компонентов, в этой фракции также отмечаются признаки вертикальной дифференциации. В элювиальной толще, особенно в горизонтах PY и AEIh, повышено количество тонкодисперсного кварца. Здесь же наблюдается небольшая примесь слоистых силикатов, представленная слюдами мусковитового типа, каолинитом, хлоритом; смешаннослойные образования отсутствуют. На уровне иллювиальной толщи количество кварца снижено, но появляются хлорит-смектитовые и слюда-смектитовые образования с низким содержанием смектитовых пакетов.

Итак, фракция средней пыли, как и более дисперсные компоненты, обнаруживает следы разрушения смешаннослойных образований в элювиальной толще профиля и связанного с ним относительного на-

копления здесь кварца пылеватой размерности.

Изложенные выше минералогические наблюдения позволяют критически отнестись к абсолютизации представлений о сугубо литогенной природе текстурной дифференциации плаща покровных суглинков, находящегося в сфере педогенеза. Судя по результатам рентгеноструктурного анализа, происхождение глинистой неоднородности может быть объяснено сугубо почвенными механизмами, включая кислотный гидролиз силикатов.

Произведенные нами исследования в целом дают некоторое представление о закономерностях пространственной дифференциации плаща покровных отложений внеледниковой зоны Вятского Прикамья в зависимости от зональных и азональных факторов. Они указывают на почвенно-элювиальную, а не литогенную, как это обосновывается некоторыми учеными, природу текстурной дифференциации данных отложений. Аналитические данные вскрывают региональную особенность минералогического состава покровных суглинков по сравнению с аналогичными отложениями центра ЕЧР и, в частности, свидетельствуют о типичности хлоритового компонента в составе глинистых минералов. Одновременно они дают основание для предположения о наличии определенной связи покровного плаща с коренными пермскими породами. Проведенные исследования подтверждают сделанное ранее авторами заключение о более тяжелом гранулометрическом составе исследуемых отложений по сравнению с центром европейской России.

Таким образом, в ходе предварительных исследований получены новые факты, касающиеся вещественного состава покровных суглинков востока Русской равнины. В перспективе, по мере получения массовой информации, это позволит произвести сравнительный пространственный анализ покровных отложений различных перигляциальных лесовых провинций и тем самым получить целостное представление о сущности и региональных особенностях континентального седиментогенеза в последние этапы геологического развития (плейстоцен и голоцен). В конечном итоге это будет способствовать решению проблемы генезиса исследуемых отложений, а также сущности их возможной трансформации под воздействием педогенных и агротехногенных процессов.

Примечания

1. Вологжанина Т. В. Регионально-провинциальные особенности минералогического состава серых лесных почв // Агротехнологические условия и агротехнические факторы повышения урожайности полевых культур в Предуралье: Сб. науч. тр. Перм. ГСХА, 1996. С. 20-26; Вологжанина Т. В., Чижикова Н. П. Минералогический состав илистой фракции светло-серых лесных почв Русской равнины // Свойства почв и рациональное использование удобрений. Пермь, 1986. С. 47-53; Прокашев А. М., Парфенов М. И., Чижикова Н. П. Особенности покровных суглинков Вятско-Камского предуралья (ВКП) // Третье Всерос. совещан. по изучен. Четвертичн. периода: М-лы совещ. Т. 2.

Смоленск, 2002. С. 26-27; Прокашев А. М., Пахомов М. М., Путьшева С. А., Парфенов М. И., Чижикова Н. П. Покровные суглинки Вятского Прикамья // Вестник ВятГГУ. 2002. № 7. С. 69-72.

2. Чижикова Н. П. Необратимые изменения минералогического состава почв и проблема их устойчивости к антропогенному воздействию // Экология и почвоведение: Избранные лекции I-VII школ (1991-1997 гг.). Т. I. Пушчино, 1998. С. 65-74.

3. Прокашев А. М. и др. Особенности покровных суглинков...; Они же. Некоторые особенности...; Они же. Покровные суглинки...

4. Чижикова Н. П. Изменение минералогического состава тонких фракций почв под влиянием агротехногенеза // Почвоведение. 2002. № 7. С. 867-875; Она же. Необратимые изменения...

Новые книги

Бабушкина Ирина Анатольевна
Пятышева Елена Анатольевна

Практикум по программному обеспечению ЭВМ. Электронные таблицы Excel

Учебное пособие. Часть IV

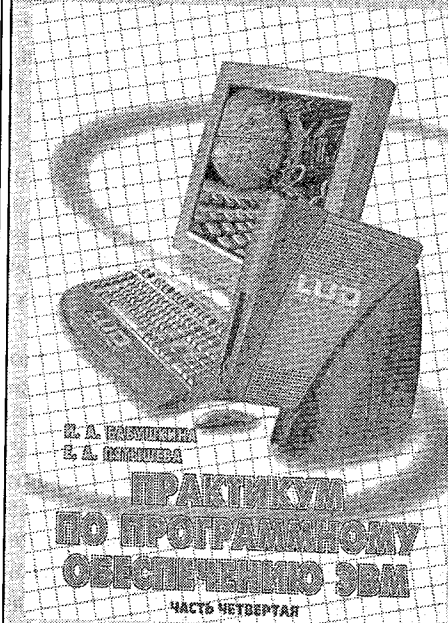
Киров: Изд-во ВятГГУ, 2003. – 240 с.

Учебное пособие предназначено для изучения электронных таблиц на примере Excel 2000 в рамках таких курсов, как программное обеспечение ЭВМ и информационные технологии в образовании.

Основные темы, включенные в пособие: форматирование таблиц, расчет по формулам, массивы, формирование связанных книг, построение диаграмм, использование таблиц в качестве базы данных, создание сводных таблиц, подбор параметров и поиск решения с помощью сценария.

Пособие позволяет изучить материал, непосредственно выполняя упражнения за компьютером. Предлагаются задания для самостоятельной работы.

Книга предназначена для студентов первых курсов вузов по специальностям информатика и английский язык, прикладная математика, математика и информатика, физика и информатика, математически методы в экономике, учащимся и учителям информатики школ.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

А. В. Зонова, Н. А. Гинджа

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ БЮДЖЕТНОЙ ПОЛИТИКИ КИРОВСКОЙ ОБЛАСТИ

В статье рассматриваются принципы формирования областного бюджета, даются рекомендации, исходя из исследования и анализа бюджетов.

Проводя исследование бюджетов разных уровней, а также анализ областного бюджета, отмечаем, что согласно закону «Об областном бюджете на 2003 год» от 31.12.02 № 124 – 30 доходная часть бюджета утверждена в общем объеме 6416 млн. руб., т. е. на 187 млн. руб. меньше, чем уточненный бюджет на 2002 год.

Бюджет формируется в основном за счет налоговых поступлений. В отношении данного источника, используя показатели Госкомстата за период с января по июль, выявлена недоимка по всем налогам в размере более 210 млн. рублей.

При анализе расходной части бюджета обнаружено следующее:

- затраты на содержание законодательных и исполнительных органов увеличатся на 18%;
- расходы на судебную власть также возрастут по сравнению с предыдущим годом на 32%, на правоохранительную деятельность и обеспечение безопасности государства – на 38%;
- а фундаментальные исследования практически не интересуют ни областную Думу, ни Правительство. Их доля составляет 0,02% от всей совокупности средств, или 1 млн. руб. Следовательно, в области нет перспектив развития наукоемких производств;
- значительно увеличатся расходы на ведение государственного кадастра, мониторинг земель и землеустройство – с 57 млн. руб. до 175 млн. руб., или 207,45%;
- расходы на сельское хозяйство сократятся на 16%. В области совершенно отсутствуют средства на формирование региональных продовольственных

фондов (в бюджете они отражены с отрицательным знаком (-15 млн. рублей));

- значительно меньше планируется средств на развитие малого бизнеса;
- финансовая помощь бюджетам других уровней составляет в 2003 году 2246,4 млн. руб., что на 737,9 млн. руб. меньше, чем в 2002 году.

Интересен факт, что расходы на все областное образование меньше, чем на государственное управление (соответственно образование – 209,8 млн. руб. и государственное управление 284,5 млн. руб.). Если учесть, что при составлении сметы образовательные учреждения вынуждены из-за отсутствия средств в бюджете указывать лишь 60-70% потребности в финансовых ресурсах, то действительный объем расходов по данной статье должен быть не меньше, чем 336 млн. руб. А для того, чтобы обновлять материально-техническую базу, необходимо увеличить этот показатель еще на 10-20%. Такая же ситуация наблюдается и в здравоохранении. Бюджетных средств едва хватает на выплату только заработной платы.

Подводя итог анализа областного бюджета на 2003 год, можно сказать, что он отражает лишь 60% потребности в финансовых ресурсах. Для выхода из этого кризисного состояния необходимо увеличивать налоговую часть бюджета, но не за счет наращивания числа налогов или повышения налоговых ставок, а за счет развития промышленного потенциала области.

Однако 53,5% предприятий Кировской области являются убыточными. И только в таких районах Кировской области, как Кирово-Чепецкий, Верхнекамский, Верхошижемский, Малмыжский, Немский, Нолинский, Слободской, Советский, Сунский, Унинский и Юрьянский, количество прибыльных предприятий превышает число убыточных.

Вся беда в том, что крупные предприятия имеют основные фонды с высокой степенью изношенности (в среднем 50-60%) и не имеют возможности осуществлять инвестиции, а малые предприятия, работая по упрощенной системе учета, легко уходят от налогов, проводя большинство расчетов наличными деньгами.

Расходы на социальную сферу в 2003 году занимают 34% от общей совокупности бюджетных средств и покрываются в основном за счет налоговых поступлений. Если налоговые доходы составляют 3053,1 млн. руб., то нетрудно заметить, что на развитие области используется только 842,2 млн. руб., или 13% всех бюджетных средств.

ЗОНОВА Алевтина Вениаминовна – кандидат экономических наук, доцент, директор Института экономики ВятГГУ
ГИНДЖА Надежда Александровна – старший преподаватель кафедры бухучета и аудита ВятГГУ
© А. В. Зонова, Н. А. Гинджа, 2003

Социальную сферу можно развивать в том случае, если будут увеличиваться собственные доходы области, что возможно исключительно за счет развития промышленности.

Исходя из вышеизложенного и руководствуясь целью экономического развития Кировской области, предлагаем:

1. Пересмотреть структуру управления областью и районами с целью сокращения дублирующих субъектов управления.

В настоящее время штаты администраций непосредственно «раздуты», функции дублируются (например: Департамент образования и областное управление образованием). Как следствие – неэффективное управление.

2. Определить приоритетные отрасли и их развитие.

Социальную сферу можно развивать в том случае, если будут увеличиваться собственные доходы области, что возможно исключительно за счет развития промышленности.

Основные приоритеты следует отдать:

- лесному хозяйству с глубокой переработкой древесины;

- сельскому хозяйству, развивая в первую очередь молочное и мясное животноводство, используя новые технологии по кормовой базе (в области имеются все условия формирования производства мясных высококачественных кормов). Обязательно должны создаваться *перерабатывающие предприятия* (цеха) в местах производства сельскохозяйственной продукции.

По сельскохозяйственному производству намечено осуществить внедрение экспериментальной программы (в настоящее время она находится на стадии разработки).

В отношении *промышленных организаций* необходимо разработать стратегию выхода градообразующих предприятий из кризисного финансового состояния. При этом комплекс бизнес-планирования каждого предприятия должен включать как текущие, так и стратегические цели.

3. Реформировать жилищно-коммунальное хозяйство.

Реформы ЖКХ возможны при условии роста доходов населения. Тем не менее, уже сейчас возможна передача части функций ЖКХ в частный сектор на конкурсной основе, что позволит поднять качество услуг. Возможно эти частные организации создавать непосредственно при ЖКХ, т. е. легализовать доходы ЖКХ и в полной мере взимать с них налоги от предпринимательской деятельности.

С целью ввода режима экономии начинать вводить счетчики водо- и теплоснабжения.

4. Развивать ипотеку.

В настоящее время ипотека, как она есть, невыгодна для молодых семей, так как проценты по кредитам достаточно высоки (15% в год х 20 лет), а доходы населения низкие.

Развитие ипотечного кредитования должно проходить в условиях конкуренции между финансово-кредитными учреждениями, осуществляющими выдачу ипотечных кредитов, чтобы был выбор. Это позволит снизить процент кредитования (норма 2-3% в год) и сделает ипотеку доступной для средних слоев населения.

5. Формировать бюджеты в соответствии с изложенными ниже принципами.

Отметим, что основные принципы формирования бюджетов отражены в Бюджетном кодексе РФ от 31 июля 1998 г. № 145-ФЗ (ред. 05 августа 2000 г.). Среди них следующие принципы: единства бюджетной системы, разграничения доходов и расходов между ее уровнями, самостоятельности и сбалансированности бюджета, эффективности и экономности использования бюджетных средств и др.

Формирование областного бюджета должно соответствовать данным принципам.

Однако следует дополнить данный перечень следующими принципами формирования бюджетов, имеющими практическую значимость:

1. Принцип приоритетности расходования средств и наполняемости бюджетов по отраслям.

Дело в том, что в мировой практике под совершенствованием отраслевой структуры бюджетных инвестиций понимается развитие отраслей промышленности, обеспечивающих ускорение научно-технического прогресса. В частности, к таким отраслям относятся машиностроение и химическая промышленность. В России значительная доля средств направляется на поддержание топливно-энергетического и металлургического комплекса. А поскольку названные отрасли весьма трудоемки, их развитие не способствует значительному ускорению НТП. Довольно существенная доля также направляется на развитие транспорта, дорожное хозяйство, поддержание бюджетов других уровней и пр.

2. Принцип содействия деятельности городам (районам)-донорам.

Соблюдение данного принципа предполагает (хотя бы) сохранение на прежнем уровне объемов отчислений в бюджеты успешно действующих предприятий, городов, районов, что позволит повысить (сохранить) доходы местных бюджетов. Названная мера послужит мотивирующим фактором и создаст условия для их дальнейшего развития.

3. Принцип развития технологической и воспроизводственной структуры отсталых районов.

Данный принцип рекомендует направлять средства в отсталые районы (города, предприятия) в основном для развития производственной базы, в частности на реконструкцию, модернизацию, техническое перевооружение, проектно-изыскательские работы и пр., а не на выплату заработной платы и погашение других задолженностей, каковая тенденция наблюдается сейчас повсеместно.

Увеличение доли активной части основных производственных фондов (совершенствование их технологической структуры) способствует повышению производственной мощности предприятия и, следовательно, снижению капитальных вложений на единицу продукции, а за счет повышения уровня механизации и автоматизации труда приводит к снижению условно-постоянных затрат на единицу продукции.

Данный принцип позволит также совершенствовать воспроизводственную структуру основных средств предприятий. Это означает, что реконструкция и техническое перевооружение оказываются выгоднее, чем новое строительство, поскольку сокращаются срок ввода в действие дополнительных мощностей и удельные капитальные затраты.

За последние годы в России воспроизводственная структура инвестиций изменилась как в позитивном, так и в негативном плане. Доля капитальных вложений на техническое перевооружение и реконструкцию предприятий снизилась, что говорит о сокращении капитальных вложений на развитие производственного сектора. Доля инвестиций в новое строительство увеличилась в основном за счет создания малых предприятий (что говорит о развитии малого бизнеса), строительства жилья и других объектов непроизводственного назначения.

4. Принцип приоритетности расходования средств и наполняемости бюджетов по статьям в зависимости от благосостояния и темпов развития общества.

В последнее время ведущими экономистами страны отмечено вхождение России в фазу стабилизации и экономического подъема. Огромную роль в дальнейшем совершенствовании и укреплении рыночной экономики играет развитие рыночной инфраструктуры (комплекс субъектов и объектов рынка, обеспечивающих его жизнедеятельность) и, соответственно, увеличение доли бюджетных средств, в то время как в ряде областей в проектах бюджетов 2002 г. отчисления на развитие рыночной инфраструктуры не только не были увеличены, но переведены на кредитную основу.

5. Принцип сохранения будущей стоимости выплат, предусматривающий влияние инфляционных процессов.

Как показывает практика, до настоящего времени задолженности бюджета выплачивались по нормативам и ставкам, установленным на год возникновения задолженности, что снижало реальные доходы физических и юридических лиц. В связи с этим, а также с учетом необходимости экономии бюджетных средств, распределения их по приоритетным отраслям, районам, городам рекомендуется приостановить выплату задолженностей по заработной плате работникам бюджетной сферы с сохранением очередных выплат по вновь действующим расценкам. Выплату задолженностей рекомендуется проводить за счет поступления незапланированных средств с учетом ставки процента инфляции. Использование гибкого механиз-

ма позволит удовлетворить потребности других сфер в денежных средствах и снимет напряженную ситуацию в отношении существующих задолженностей по заработной плате.

В дополнение к вышеназванным принципам рекомендуется в части расходования средств выделить два основных потока. Один из них – направленный в сферу производства, другой – в сферу обращения. Распределение бюджетных средств следует производить по указанным потокам.

Считаем большим улучшением нынешней администрации невнимание к экспертно-аналитической работе, особенно в отношении бюджетов.

Неукоснительное выполнение данных принципов позволит иметь четкую политику формирования бюджета региона.

В. В. Кислицына, Т. Л. Койкова

КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ ПРОДУКЦИИ КАК РЕШАЮЩИЙ ФАКТОР УСПЕШНОГО РАЗВИТИЯ ПРЕДПРИЯТИЯ

Под конкурентоспособностью продукции понимают обобщенную характеристику, позволяющую выявить ее отличие от товара-конкурента как по степени соответствия конкретной общественной потребности, так и по затратам на ее удовлетворение. Различают компенсационную и некомпенсационную оценку продукции. Помимо этого выделяют традиционные и нетрадиционные методы оценки. Необходимым условием применения того или иного метода является правильная идентификация способа оценки в рассматриваемом рыночном сегменте.

Прочность положения любого предприятия на рынке определяется конкурентоспособностью производимых им продуктов и возможностями вести конкурентную борьбу.

В общем виде конкурентоспособность представляет собой относительную характеристику преимуществ предприятий, продуктов и услуг, которая позволяет им с большей эффективностью удовлетворять потребности потребителей. Таким образом, принято различать два понятия: «конкурентоспособность *предприятия*» и «конкурентоспособность *продукции* (товаров, услуг)». Конкурентоспособным является то предприятие, которое занимает наиболее устойчивые позиции на внутреннем рынке, проникает и на внешние рынки, проводит эффективную конкурентную

КИСЛИЦЫНА Валентина Васильевна – кандидат экономических наук, заведующая кафедрой коммерции и маркетинга ВятГГУ
 КОЙКОВА Татьяна Леонидовна – кандидат экономических наук, доцент, заведующая кафедрой экономики ВятГГУ
 © В. В. Кислицына, Т. Л. Койкова, 2003

стратегию. Под конкурентоспособностью продукции понимают обобщенную характеристику, которая позволяет выявить ее отличие от товара-конкурента как по степени соответствия конкретной общественной потребности, так и по затратам на ее удовлетворение. Конкурентоспособная продукция легко и быстро реализуется на рынке по наименее затратным каналам сбыта. Вот почему оценка конкурентоспособности должна стать важным элементом хозяйственной деятельности каждого предприятия, главной целью маркетинга.

Для обеспечения конкурентоспособности используется все многообразие стратегических и тактических приемов маркетинга [1]. Обеспечение конкурентоспособности – это, прежде всего, философия работы в условиях рынка, ориентирующая:

- 1) на понимание нужд потребителя и тенденций их развития;
- 2) способность безошибочно прогнозировать поведение и возможности конкурентов;
- 3) знание состояния и тенденций развития рынка, окружающей среды;
- 4) умение создать такой продукт и так довести его до потребителя, чтобы тот предпочел его товару конкурента;
- 5) искусство осуществлять все это на долговременной, рассчитанной на перспективу основе.

Практически для каждого анализируемого товара должна быть своя методика оценки конкурентоспособности, которая учитывала бы особенности формирования соответствующего сегмента рынка и основные тенденции научно-технического прогресса [2]. Базой для оценки конкурентоспособности продукции

должно быть исследование потребностей покупателей, требований конкретного сегмента рынка.

Для того чтобы товар был пригоден для удовлетворения определенной потребности и представлял интерес для покупателя, он также должен обладать набором соответствующих параметров. Классификационная схема параметров, раскрывающих конкурентоспособность продукции, представлена на рис. 1.

К группе технических характеристик, которые используются при анализе конкурентоспособности, в общем виде относятся параметры назначения (свойства товара, определяющие области его применения и функции, которые он предназначен выполнять); эргономические (соответствие продукта свойствам человеческого организма); эстетические (внешнее восприятие товара) [3]. Особую группу критериев составляют нормативные (соответствие товара действующим стандартам и нормам). Оценка продукта по вышеперечисленным характеристикам является необходимым, но недостаточным условием для существования на рынке спроса на него. Очень большое значение придает покупатель и величине затрат, которые будут связаны с приобретением товара и дальнейшими расходами на его эксплуатацию, т. е. экономическим параметрам.

Следовательно, во-первых, конкурентоспособность любой продукции определяется только в результате ее сравнения с другими товарами, т. е. является относительным показателем. Для оценки конкурентоспособности необходимо сопоставить параметры анализируемого изделия и товара-конкурента с уровнем, заданным потребностью покупателя, а затем сравнить полученные показатели. Так как за базу срав-

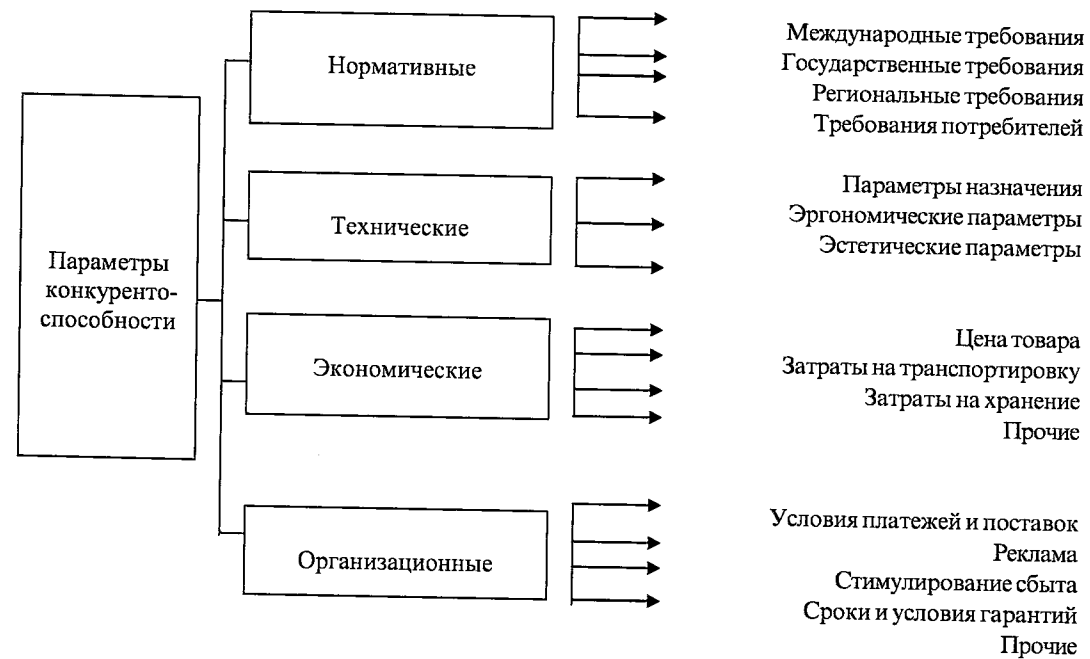

Рис. 1. Параметры, определяющие конкурентоспособность продукции

нения берется конкретная потребность, возможно сопоставление и неоднородных товаров, поскольку они представляют собой только различные способы удовлетворения одной и той же потребности. Во-вторых, для того, чтобы выявить конкурентоспособность какого-либо продукта, необходимо не только сравнить его с другими товарами, но и учесть затраты потребителя.

В целом работа по оценке конкурентоспособности продукции включает следующие этапы [4]:

- 1) постановка задачи;
- 2) выбор объекта оценки конкурентоспособности;
- 3) анализ и прогноз спроса, цен, издержек производства, требований внешнего рынка;
- 4) выбор технических и экономических показателей для оценки уровня конкурентоспособности анализируемого товара;
- 5) определение базы (аналогов) для сопоставления;
- 6) оценка уровня конкурентоспособности исследуемого продукта;
- 7) общий анализ конкурентоспособности объекта и разработка рекомендаций.

Различают компенсационную и некомпенсационную оценку продукции. Первая предполагает, что слабые стороны товара могут быть компенсированы сильными, вторая отвергает это допущение [5]. Большин-

ство исследований основываются на компенсационных моделях. В конечном счете, проблема оценки продукции состоит в соизмерении всей или основной массы потребительских характеристик и определении интегрального показателя.

Типовая схема оценки конкурентоспособности товара приведена на рис. 2.

Традиционные методы оценки конкурентоспособности продукции

При использовании *дифференциального метода* оценка способности товара конкурировать производится путем сопоставления параметров анализируемой продукции с параметрами базы сравнения [6].

На *первом этапе* выбирается база сравнения, за которую принимается либо потребность покупателя, либо образец. В качестве последнего может служить лучший из уже существующих на целевом рынке или в мире товаров-конкурентов, или более совершенный образец, появление которого ожидается в ближайшем будущем, или некоторый абстрактный эталон. Обычно образец – это аналогичный товар, имеющий максимальный объем продаж и наилучшую перспективу сбыта в будущем. На *втором* – выделяются наиболее значимые для потребителя критерии (экономические, технические, нормативные). На *третьем* – по

каждому критерию рассчитывается *единичный показатель конкурентоспособности* (q_i), отражающий отношение величины какого-либо параметра к уровню того же показателя продукта-аналога, выпускаемого конкурентом:

$$q_i = \frac{P_i}{P_{i6}}, \quad (1)$$

где q_i – единичный параметрический показатель конкурентоспособности по i -му параметру;

P_i – значение i -го критерия исследуемого товара;

P_{i6} – величина i -й характеристики изделия конкурента или условного образца, удовлетворяющего потребность полностью.

$i = 1 \dots n$ – число анализируемых параметров.

Описанный метод (дифференциальный) позволяет лишь констатировать, достигнут ли анализируемой продукцией необходимый уровень параметров; если

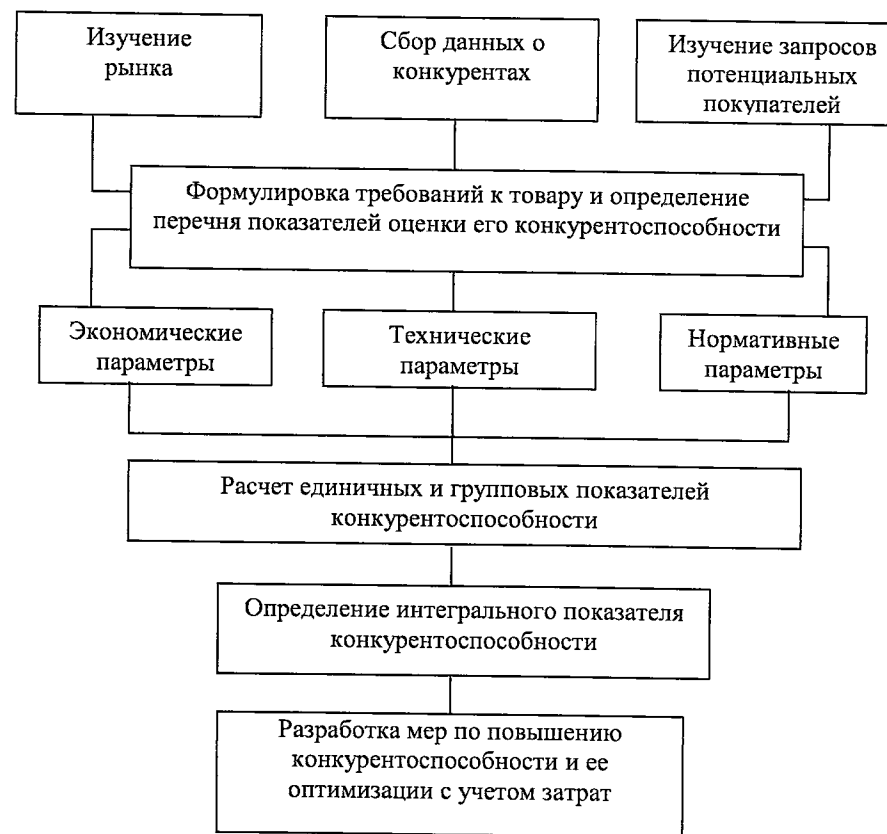

Рис. 2. Схема оценки конкурентоспособности товара

нет, то по каким показателям, а также какие из них наиболее сильно отличаются от базовых. С помощью этого метода трудно решать более сложные задачи, разрабатывать варианты оптимального изменения характеристик товаров, поскольку для этого необходимо знать влияние каждой из них при выборе продукции потребителем. Тем не менее указанный метод может использоваться на всех этапах жизненного цикла товара при сравнении его с образцом, в том числе гипотетическим (желаемым).

Комплексный метод основывается на применении *групповых, обобщенных показателей*, объединяющих единичные показатели и характеризующих уровень конкурентоспособности по однородной группе параметров. Предварительно внутри каждой группы критериев производят ранжирование показателей по степени их значимости для потребителя и в соответствии с этим присваивают им вес (α_i). Причем

$$\sum_{i=1}^n \alpha_i = 1, \quad (2)$$

где n – количество параметров, участвующих в оценке.

Расчет группового (сводного параметрического) показателя (I) производится по формуле:

$$I = \sum_{i=1}^n q_i \times \alpha_i. \quad (3)$$

Приведенные выше единичный и групповой показатели отражают степень удовлетворения потребности. Но они не дают возможности оценить конкурентоспособность товара. Для этого необходимо сопоставить их для анализируемого товара и его конкурента и выяснить, какой в большей степени соответствует потребности. Для этого рассчитывается *интегральный индекс* ($I_{кc}$), который характеризует уровень конкурентоспособности анализируемого товара по всем группам параметров в сравнении с товаром-конкурентом и выражается как соотношение:

$$I_{кc} = I_n \times \frac{I_m}{I_o}, \quad (4)$$

где I_n , I_m и I_o – групповые индексы конкурентоспособности по нормативным, техническим, экономическим параметрам соответственно. $I_{кc}$ рассчитывается при условии $I_n = 1$.

Интегральный показатель отражает различие между сравниваемыми товарами в потребительском эффекте, приходящемся на единицу затрат потребителя, связанных с приобретением и использованием товара. Если $I_{кc} < 1$, анализируемое изделие уступает образцу, если $I_{кc} > 1$, то оно превосходит образец по конкурентоспособности, при $I_{кc} = 1$ – находится на одинаковом уровне.

Следует отметить, что действие индексов I_m и I_o является разнонаправленным. При росте I_m (т. е. при улучшении технических параметров анализируемого товара по сравнению с образцом) интегральный показатель $I_{кc}$ растет, отражая рост конкурентоспособности. При увеличении I_o (т. е. при росте расходов по данному товару) $I_{кc}$ снижается.

Смешанный метод позволяет выразить способность продукции конкурировать в определенных условиях рынка через *комплексный количественный показатель* – коэффициент конкурентоспособности (K_j):

$$K_j = \sum_{ij=1}^n \alpha_i \left(\frac{P_{ij}}{P_{in}} \right)^{\beta_i}, \quad (5)$$

где $i = 1, \dots, n$ – число характеристик продукции, участвующих в оценке; $j = 1, \dots, n$ – виды продукции; α_i – коэффициент весомости (значимости, предпочтительности) для покупателя i -го параметра по сравнению с остальными существенными характеристиками продукции; P_{ij} – конкретная величина i -го критерия для j -й продукции; P_{in} – желаемое значение i -й характеристики, которое позволяет полностью удовлетворить потребность покупателя; $\beta_i = +1$, если увеличение параметра P_{ij} способствует росту конкурентоспособности продукта (например, срок хранения, экологическая чистота и др.); $\beta_i = -1$, если рост показателя P_{ij} приводит к снижению конкурентоспособности товара (например, цена).

Коэффициент конкурентоспособности учитывает лишь ту группу свойств товара, которая служит базой для сравнения. Тем не менее при его расчете рассматривается большая совокупность характеристик, которые в значительной мере определяют предпочтение покупателя.

Показатель конкурентоспособности важен для проектирования требуемых свойств изделия, установления цены, а также при решении других проблем.

Менее формализован *экспертный метод* перспективности продвижения нового товара. В этом случае разрабатывается набор характеристик нового продукта. Экспертным путем по каждому качественному параметру изделия выставляется балл с учетом значимости данной характеристики для товара в целом и избранной для оценки шкалы – 5-10-100-балльной. После этого определяется средний балл изделия, характеризующий уровень качества в баллах (σ_{cp}) и стоимость одного среднего балла ($P\sigma$) [7]:

$$P\sigma = \frac{P}{\sigma_{cp}}, \quad (6)$$

где P – цена изделия.

Товар, рейтинг которого выше, может быть рекомендован к массовому производству и продаже, поскольку имеет хорошие перспективы спроса.

Рассмотренным выше методам присущ ряд недостатков:

- во всех случаях предполагается линейная зависимость конкурентоспособности от значения критерия, т. е. по всем параметрам эластичность спроса равна 1;
- при сравнении нескольких товаров необходимо проведение расчетов для каждой пары в отдельности;
- не учитывается то, что для некоторых критериев существуют объективные и субъективные ограничения, при нарушении которых конкурентоспособность товара стремится к нулю;
- сложно устанавливать весовые значения α_i , особенно для большого количества параметров;
- невозможно определить степень влияния на конкурентоспособность товара факторов, не поддающихся количественной оценке;
- данными методами рассчитывается конкурентоспособность одного объекта относительно другого, а не ее уровень вообще;
- существует определенная сложность выбора базы сравнения, особенно в случаях, когда в качестве таковой необходимо принять лучший из существующих образцов. Как определить, какой товар является лучшим? Либо нужно предварительно сравнивать образцы между собой, либо имеет место интуитивный выбор. Можно брать за базу сравнения лидера по продажам, но эта информация часто закрыта, субъективна и трудно собираема, особенно когда речь идет о товарах широкого потребления, которые распространяются по многим каналам сбыта, имеющим несколько уровней.

Все указанное выше является ограничением применения традиционных методов определения конкурентоспособности продукции.

Нетрадиционные методы оценки конкурентоспособности продукции

Метод показателей продаж позволяет определить позицию, занимаемую продукцией на рынке, что в итоге отражает ее конкурентоспособность в смысле способности противостоять конкурентам.

Критерием конкурентоспособности, таким образом, служит относительная доля продаж оцениваемого продукта (D_{oi}) по сравнению с товаром-конкурентом [8]:

$$D_{oi} = \frac{M_o}{M_o + M_i}, \quad (7)$$

где M_o и M_i – объемы продаж оцениваемого товара и i -го его аналога.

Можно усовершенствовать данный метод таким образом, чтобы величина показателя конкурентоспособности отражала как долю продукции на рынке, так и уровень ее предпочтения. В этом случае уровень конкурентоспособности товара можно оценить как вероятность B_{oi} того, что на данном рынке произвольный потребитель, совершая покупку, предпочтет данный продукт указанному i -му его конкуренту-аналогу. Назовем вероятность B_{oi} предпочтительностью одного товара перед другим (i -м его аналогом). Такую оценку можно получить с помощью экспертных методов.

Возможны различные постановки вопросов, адресуемых экспертам. Наиболее простой для них: «Какому из двух товаров Вы отдадите предпочтение, совершая покупку на данном рынке в рассматриваемый период, – оцениваемому или его i -му аналогу-конкуренту?». Каждый эксперт дает численную оценку предпочтительности. С помощью статистических методов производится обработка результатов ответов экспертов и получаются согласованные экспертные оценки величины предпочтительности изучаемого товара (продукции, услуги) относительно каждого i -го его аналога (B_{oi}):

$$B_{oi} = \frac{n}{m}, \quad (8)$$

где n – число экспертов, отдавших предпочтение оцениваемой продукции; m – всего экспертов в группе.

Найденные значения предпочтительности B_{oi} позволяют вычислить прогнозируемые оценки ожидаемой доли продаж на рассматриваемом рынке анализируемой продукции и ее аналогов:

$$D_o = \frac{1}{1 + \left(\sum_{i=1}^N (1 - B_{oi}) : B_{oi} \right)}, \quad (9)$$

$$D_i = \frac{1}{1 + \left(\sum_{j=1}^N (1 - B_{ij}) : B_{ij} \right)}, \quad (10)$$

где D_o и D_i – ожидаемые доли продаж оцениваемой продукции и ее i -го аналога; N – число аналогов-конкурентов; B_{ij} – предпочтительность j -го относительно i -го аналога.

Данный метод позволяет оценить конкурентоспособность товара исходя из его доли рынка. Последняя определяет тенденцию или направление развития конкурентоспособности в перспективе, позволяет зарегистрировать изменения в конкурентной позиции, но никак не рассматривает их причины. Кроме того, этот метод не отражает всех требований, предъявляемых различными группами потребителей.

Таким образом, определение конкурентоспособности продукции является решающим фактором успешного и устойчивого функционирования предприятия

в условиях рынка, поэтому очень важен выбор метода ее оценки. Существуют различные способы определения конкурентоспособности и с их выбором связана наиболее сложная часть ее обеспечения. Необходимым условием применения того или иного метода является правильная идентификация способа оценки продукта потребителем в рассматриваемом рыночном сегменте.

Примечания

1. Лебедев О. Т., Филитова Т. Ю. Основы маркетинга. СПб.: ИД «МиМ», 1997. С. 103.
2. Беснятых В. И. Управление качеством и конкурентоспособностью продукции в агропромышленном комплексе. Киров: ВСЭИ, 2000. С. 222.
3. Пешкова Е. П. Маркетинговый анализ в деятельности фирмы. М.: «Ось-89», 1997. С. 45.
4. Гомзяков К. В., Вараксин Д. В. Конкурентоспособность продукции // Промышленность в России. 2000. № 4. С. 53.
5. Комлев Е. Б. Анализ конкурентоспособности товаров // Маркетинг в России и за рубежом. 2000. № 3. С. 45.
6. Экономика предприятия / Под ред. Н. А. Сафронова. М.: «Юрист», 2002. С. 364.
7. Там же. С. 368.
8. Печенкин А., Фомин В. Об оценке конкурентоспособности товаров и товаропроизводителей // Маркетинг. 2000. № 2. С. 23-26.

Т. Л. Койкова, В. В. Кислицына

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ КАЧЕСТВА КАК ОДНО ИЗ НАПРАВЛЕНИЙ ФОРМИРОВАНИЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ ПРОДУКЦИИ

Проблема качества продукции в современном мире носит универсальный характер. В условиях конкуренции проявляются факторы, которые делают качество условием выживания товаропроизводителей. Наилучших результатов в создании и выпуске качественной и конкурентоспособной продукции добиваются предприятия, обладающие исчерпывающими сведениями о состоянии и возможностях производственных процессов. Огромное значение имеет повышение качества средств и процесса труда.

Качество – это совокупность свойств и характеристик продукта, которые придают ему способность удовлетворять обусловленные или предполагаемые потребности и, как один из самых мощных инструментов формирования конкурентоспособности товара, имеет две составляющие. *Уровень качества* отражает способность товара выполнять свои функции и

КОЙКОВА Татьяна Леонидовна – кандидат экономических наук, доцент, заведующая кафедрой экономики ВятГГУ
КИСЛИЦЫНА Валентина Васильевна – кандидат экономических наук, заведующая кафедрой коммерции и маркетинга ВятГГУ
 © Т. Л. Койкова, В. В. Кислицына, 2003

в общем случае включает прочность, надежность, легкость в эксплуатации и другие свойства и должно измеряться в терминах покупательского восприятия. Высокое качество может также означать *постоянство* в снабжении потребителей товаром установленного уровня качества и в этом смысле означает отсутствие дефектов или отклонений.

Проблема качества и конкурентоспособности продукции в современном мире носит универсальный характер [1]. Эти две характеристики являются концентрированным выражением всей совокупности возможностей производителя создавать, выпускать и сбывать товары и услуги. Именно в условиях конкуренции проявляются факторы, которые делают качество условием выживания товаропроизводителей, мерилем результативности их хозяйственной деятельности. Как показывает зарубежный опыт, для обеспечения конкурентоспособности продукции необходимо, чтобы расходы на качество составляли не менее 15-20% совокупных затрат предприятия [2].

Качество продукции закладывается в конструкторской и технологической документации. Основой нормирования является стандартизация, главные задачи которой – установление требований к качеству, определение показателей, методов и средств контроля, обеспечение достоверности измерений, установление единых терминов и обозначений. Ведение производства на основе системы государственных и отраслевых стандартов, выполнение государственных постановлений и законов – одно из важнейших условий организации работ [3].

Все сырье, поступающее на хлебопекарное предприятие, должно отвечать определенным требованиям и подвергаться контролю по показателям качества. Особое внимание уделяют контролю качества муки. Дело в том, что мука является неустойчивым продуктом: под влиянием температуры и влажности воздуха, содержания кислорода возможно улучшение (созревание) или ухудшение хлебопекарных свойств (приобретение горького вкуса, запаха). Поэтому на складе допускается не более чем семисуточный запас муки, который позволяет провести своевременный ее анализ и подготовить к запуску в производство. В настоящее время существует потребность в обеспечении производства контрольно-измерительными приборами, позволяющими точно определять характеристики сырья, продукта, условия производства и, что не менее важно, снизить влияние субъективного фактора в процессе контроля.

Большую значимость имеет контроль качества полуфабрикатов, процессов приготовления теста и выпечки. Последний заключается в систематической проверке выполнения установленной производственной рецептуры и технологического режима. Контроль качества готовых изделий проводят путем органолептической оценки, основным недостатком которого является субъективность суждений оценщика. Вместе с тем, для конечного потребителя приоритетными

Элементы, определяющие конкурентоспособность персонала

являются именно такие показатели, как внешний вид, качество и пр. Дилемму поможет решить использование методики начисления баллов за состояние и улучшение таких стандартных показателей, как форма, состояние мякиша, вкус и запах и т. д. с наивысшей оценкой в 10 баллов. Начисленные баллы проставляются в ведомости оценки качества продукции.

Одним из способов продления жизни хлеба является его упаковывание. Как известно, хлеб – естественный биополимер, он стареет от потери влаги, а упаковка препятствует этому: срок хранения такого хлеба втрое дольше обычного – до 72 часов. Однако даже незначительное удорожание хлеба (на 7-8%) может негативно отразиться на иных домашних бюджетах [4]. Кроме того, существует немало любителей хрустящей хлебной корочки, для которой упаковка губительна. На заводе хлеб следует упаковывать только после того как он остынет, во избежание конденсации влаги. Например, формовой черный хлеб остывает от 90 мин. до 5 часов, батоны – от 60 мин. до 3 часов.

Вызывает некоторые опасения отношение населения к государственным сертификатам качества. Например, в результате опроса 1600 человек из 83 населенных пунктов РФ, проведенного Всероссийским центром изучения общественного мнения в начале 2001 г., выяснено, что только треть опрошенных полагает, что именно государство может защитить потребителей от некачественных товаров и услуг. Люди считают, что полагаться можно только на собственный опыт («глаза и обоняние»), а не на государствен-

ные сертификаты. Поэтому одним из направлений работы предприятия-производителя является информирование населения о соответствии параметров производимой продукции действующим стандартам, а также требованиям потребителей.

Наилучших результатов в создании и выпуске конкурентоспособной продукции добиваются предприятия, обладающие исчерпывающими сведениями о состоянии и возможностях производственных процессов. Огромное значение имеет повышение качества средств и процесса труда. Разный хлеб получается на различном оборудовании: современное «мягкое» шадящее оборудование позволяет получить хлеб, похожий на домашний, где тесто разделяется вручную.

В современных хлебопекарных производствах имеются примеры полной или частичной механизации и автоматизации ряда рабочих процессов. Это относится, например, к рабочим процессам замешивания теста, его деления на порции, формирования изделий и т. д., которые занимают основную часть рабочего времени. В данном случае происходит разделение между процессами производства и труда совокупного работника. Например, за процессом приготовления теста может скрываться и процесс труда грузчика (помещение упакованной муки на конвейер для доставки к тестомесу, снятие мешка с конвейера, распаковка его и т. д.), и процесс труда пекаря (включение оборудования, установление параметров, контроль процесса). Поэтому качество производства определяется также качеством процесса потребления рабочей силы. В рабочем процессе участвует коллек-

тив работников, каждый из которых выполняет одну или несколько операций. Пооперационный уровень качества работы является основой производства высококачественной продукции. Неудовлетворительное выполнение подчас лишь одной технологической операции приводит к резкому снижению качества продукции, в результате чего усилия многих работников по выполнению других операций могут быть обесценены.

Качество работы определяется квалификацией работника как основным показателем качества рабочей силы, подкрепленной добросовестностью, стремлением выполнять определенные задания в соответствии с установленными требованиями. Качество работы можно повысить совершенствованием организационных, материальных и личностных факторов производства. Совершенствование первых связано с применением новой техники, использованием качественного сырья, внедрением новых пищевых добавок, определенных сортов зерна и т. п. С точки зрения личностных факторов – с повышением квалификации работников, усилением их заинтересованности, ответственности, что обеспечивается внедрением личных и коллективных форм стимулирования. В связи с этим в настоящее время особую значимость приобретает проблема конкурентоспособности персонала. Одним из вариантов решения проблем, связанных с анализом и регулированием уровня потенциала персонала, степени его соответствия требованиям рынка, является определение путей повышения конкурентоспособности работников в соответствии с основными ее элементами (см. рисунок).

Таким образом, в настоящее время обеспечение качества продукта подразумевает всеобщее управление качеством, которое предлагает вместо поиска и устранения дефектов в уже выпущенном товаре их предотвращение за счет изменения состава товара и усовершенствования производственных процессов, а также абсолютную преданность компании идее постоянного повышения качества, заинтересованности в этой приоритетной идее не только высшего звена руководства, но и персонала на всех уровнях.

В маркетинговом подходе качество рассматривается не как задача, которую необходимо разрешить, а конкурентная возможность [5]. С другой стороны, в настоящее время качество превратилось в конкурентную необходимость. Повышение качества товара, пользующегося спросом, приведет к росту покупателей, улучшению экономических показателей предприятия и даст возможность найти средства для реализации следующих этапов повышения конкурентоспособности продукции.

Примечания

1. Королев А., Юдин В. Контроль за качеством продовольствия // Экономист. 2000. № 2. С. 81-84.
2. Захратин А. Современное состояние агропромышленного комплекса // Экономист. 2000. № 1. С. 84-86.
3. Федеральный закон «О качестве и безопасности пищевых продуктов» от 02.01.2000 № 29-ФЗ.

4. Назаренко В. Сельское хозяйство России и мировой продовольственный рынок // Международный сельскохозяйственный журнал. 1996. № 1. С. 7-15.

5. Котлер Ф., Армстронг Г., Сондерс Д., Вонг В. Основы маркетинга / Пер. с англ. 2-е европ. изд. К.; М.; СПб.: Изд. дом «Вильямс», 1998. 1056 с.

О. С. Агалакова

МЕРЧАНДАЙЗИНГ. ПОДХОДЫ К РЕКЛАМЕ И СТИМУЛИРОВАНИЮ СБЫТА

Современным менеджерам торговых фирм приходится принимать непростые решения относительно продвижения товара и представления его в магазине. В условиях сильной конкуренции и постоянных быстрых изменений в рыночной среде принятие этих решений становится делом нелегким, но в то же время захватывающим: ведь в случае успеха доходы могут превысить самые смелые ожидания. В данной статье рассматриваются подходы к рекламе и стимулированию сбыта в розничном торговом предприятии.

Розничная реклама достигает своей цели, если соответствует нуждам, потребностям, культуре и отличительным чертам основной группы покупателей.

Добиться устойчивого конкурентного преимущества с помощью цен и ассортимента довольно трудно, поскольку они могут быть скопированы и внедрены конкурентами в считанные дни. А только устойчивое конкурентное преимущество является залогом финансового успеха в долгосрочной перспективе. Существует пять основных способов завоевания устойчивых конкурентных преимуществ:

1. Покупательская лояльность.
2. Расположение магазина.
3. Отношения с поставщиками.
4. Информационные системы управления и распределения.
5. Снижение издержек.

Ряд исследований показал, что количество постоянных, лояльных к магазину покупателей составляет около 35%. Покупательская лояльность означает, что потребитель предпочитает совершать покупки в определенном магазине, предпочитая его соседним.

Известны два способа рекламы и стимулирования сбыта в розничной торговле. Первый – это широкое распространение информации об основных преимуществах и отличительных характеристиках магазина. Способ второй – создание такого образа магазина, который бы больше всего отвечал требованиям выбранного сегмента.

АГАЛАКОВА Оксана Сергеевна – старший преподаватель кафедры коммерции и маркетинга ВятГУ © О. С. Агалакова, 2003

При выборе «где покупать и как покупать» потребитель формирует собственное отношение к магазину, которое складывается из трех компонентов:

1. Познавательный компонент – мнения. Суждения окружающих, информация в СМИ, собственные установки, выводы, предвзятое или непредвзятое отношение.

2. Эмоциональный компонент – чувства. Приятные или неприятные эмоции, связанные с покупкой, ассоциации, ожидания, предвкушение удовольствия от процесса покупок и потребления.

3. Волевой компонент – намерения и действия по отношению к товару или магазину.

Стимулирование сбыта в розничной торговле складывается из рекламы и демонстрации товаров и образцов, ценовых стимулов, использования премий и «наград» особо отличившимся покупателям. В последнее время получает распространение информационное продвижение, использование маркетинговых стратегий, основанных на информировании покупателя.

В основном, реклама рассчитана на создание популярности конкретного предприятия. Магазин должен представлять место, где можно покупать много, долго, а главное – с удовольствием.

Эффективность рекламы магазина во многом определяется товарной категорией, потому что одни товары изначально более привлекательны, чем другие. При применении несбытовой рекламы магазин рекламирует предлагаемый товар, поддерживает репутацию через качество, новизну, эксклюзивность самих товаров. Такая реклама чаще всего осуществляется совместно с производителем или поставщиком и представляет собой скоординированные программы продвижения. Совместная реклама составляет примерно 50% всей рекламы универмагов и 75% рекламы продовольственных магазинов. Ее достоинство состоит в том, что торговцу не приходится выкладывать большие суммы из своего скромного рекламного бюджета, так как большую часть расходов берет на себя производитель. Но при этом торговец может попасть в зависимость от сильного производителя, заинтересованного представлять и продвигать именно собственный товар.

Использование в рекламе вариаций на тему возможностей удовлетворения всех запросов, исчерпывающего выбора носит название **рекламирования ассортимента**: «От гвоздя до дома», «Все, что вам нужно для полноценного отдыха» и даже «Если вы не нашли нужный товар у нас, значит, он вам не нужен».

Когда в рекламе преобладают сообщения о ценах распродаж, такая реклама именуется **сбытовой или ценовой**. Цена может быть частью имиджа магазина. Возбуждение любопытства путем призыва «Сравните цены» или «Таких цен вы еще не видели» работает не всегда – наш покупатель уже все видел. Учитывая темп жизни и нехватку времени, наивно думать, что сравнить цены можно, лично посещая магазины. Для этого есть телефон, справочники и информационные

буллетени. А вот указание конкретных цен в рекламе дает понять потребителю, что о нем позаботились.

Ценовое продвижение

Две трети населения подвержены влиянию ценовой рекламы: рекламы ценовых методов стимулирования сбыта, скидок, купонов и т. п. Естественно, что ценовая реклама в розничной торговле широко используется и для многих видов товаров преобладает. Распродажи устраиваются, чтобы стимулировать приток покупателей в магазин или сократить товарные запасы, избавиться от остатков в конце сезона.

Появились почасовые распродажи, когда товар предлагается по сниженной цене в определенные часы, например с 14 до 15.

Процесс снижения цен и предоставления скидок легко начать, но трудно или невозможно остановить, получив, таким образом, заколдованный круг соревнований по скидкам. Регулярное применение ценового продвижения заставляет покупателя забыть о ваших «нормальных ценах» и удивиться. Для создания лояльности хороши специальные дисконтные карты, которые поощряют их обладателей накопительными скидками и специальными ценами. Иногда сразу после первой покупки. Это удобно также с точки зрения сбора информации: данные о клиенте, периодичности, частоте и объеме его покупок заносятся в базу, и магазину приходится тратить меньше времени, сил и денег на проведение маркетинговых исследований.

Оригинальным видом распродажи, сопровождающимся очень специфической рекламой, является «Мнимый выход из бизнеса». Среди привержих надписей «Распродажа» и «Скидки» стало мелькать слово «Ликвидация». Закрываемся или переезжаем – распродаем все! Такую кампанию нужно долго тщательно продумывать и готовить, а затем выложиться. Если есть желание заработать, а не на самом деле выйти из бизнеса и спать спокойно. Для этого необходимо увеличить запасы, распустить слухи о том, что магазин, набрав много качественного и дорогого товара, по каким-то причинам вынужден распродавать все: из-за реконструкции, смены места или собственной добропорядочности – срочно покрыть долги. Покупателю предоставляется редкий шанс совершить просто потрясающую покупку, такой шанс может не повториться. Если все сделано правильно, покупатель ломается в магазин и народная молва разносит нужную вам информацию лучше любой рекламы. И конкурентам трудно дать адекватный ответ именно потому, что акция хорошо подготовлена.

Презентации, дегустации, раздача образцов

Число желающих попробовать продукт питания в магазине очень близко к 90%, особенно среди женщин. Даже если время поджимает или руки заняты, ужасно интересно ознакомиться с новеньким или вкусеньким.

Конкурсы и лотереи в магазинах встречаются довольно редко. Влияние на это оказали деятели «тайм-шерв» и аналогичных жестких продаж. Доверчивый

торговец соглашается с распространением билетов среди посетителей его магазина, их вылавливают на презентацию, где заставляют бездумно и крупно потратиться. А потом покупатель вспоминает о собственной опрометчивости каждый раз, проходя мимо злосчастного магазина. Теперь торговцы подумают, прежде чем пускать в свой магазин распространителей билетов. И сами желанием устраивать лотереи не горят: покупатели знают, что бесплатный сыр бывает только в мышеловке. Еще и посчитают, что товар такой плохой, что просто не продается. Атмосфера игры, риска и удачи может создаваться в самом процессе покупки, а не специально.

Информационное продвижение

Политика информирования и обучения потребителей представляется очень перспективной с точки зрения повышения покупательской лояльности. Она представляет собой переход от обычных форм стимулирования спроса к усилиям помочь потребителям совершить покупку более обдуманно.

Мероприятия по информационному продвижению могут быть следующими:

- увеличение по требованиям розничного торговца объема информации на упаковке товара, изменение формата информации;
- самостоятельное изготовление специальных вкладышей и ярлыков (торговец требует от производителей информацию по определенным стандартам, а затем оформляет красочный вкладыш как совместную консультацию);
- реклама, содержащая больше, чем ранее, информации о производителях и товарах;
- специальные программы по подготовке торгового персонала, которые контактируют с покупателями;
- совершенствование информации на местах продаж, включая видео- и компьютерные технологии;
- консультации специалистов, семинары и образовательные программы для потребителей и потенциальных клиентов.

Блестящих успехов добиваются магазины, сочетающие самообслуживание и информирование. И для любого типа магазина характерно, что при наиболее полном информировании при покупке снижается процент возврата товара и обращений за гарантийным обслуживанием.

При принятии решения о выборе магазина к знаниям о самой покупке относится и информация относительно расположения товаров в магазине. Эти знания могут повлиять на покупательское поведение. Когда покупатель имеет в голове «карту магазина», он переваривает всю остальную информацию быстрее и реагирует на большее число раздражителей. Следовательно, более интенсивно активизируются ранее возникшие потребности и желания, что часто приводит к незапланированным покупкам.

Л. С. Чеглакова

ИССЛЕДОВАНИЕ ПОВЕДЕНИЯ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ

Статья посвящена одному из важных аспектов маркетинговых исследований – исследованию потребителей. В последнее время для каждого участника рыночных отношений работа с потребителем становится все более актуальной. Исследование потребителей позволяет определить и изучить весь комплекс побудительных факторов, которыми руководствуются потребители при выборе товаров. Внимание к потребителю во всех отношениях, понимание всех оттенков его желаний и настроений – основной принцип фирмы, работающей на перспективу.

Важнейшее место в маркетинговых исследованиях наряду с изучением рынка и механизмов работы коммерческих фирм принадлежит изучению потребительского и покупательского поведения. Цель такого изучения должна соответствовать основному принципу маркетинга: «Производить то, что покупается, а не покупать то, что производится».

С развитием рыночных отношений и усилением конкуренции в России работа с потребителем становится все более актуальной для каждого участника рыночных отношений. Потребитель – главный объект маркетинга. Участнику рынка важно проанализировать и выявить желания и возможности потребителя, а также мотивы решения о покупке. Именно потребитель определяет структуру и содержание маркетингового комплекса, служит отправной точкой всей маркетинговой работы организации.

Исследование потребителей позволяет определить и изучить весь комплекс побудительных факторов, которыми руководствуются потребители при выборе товаров.

Различные социальные науки изучают разные факторы, объясняющие поведение покупателей. Психология ищет объяснение в биологических, эволюционных и когнитивных процессах. Социология занимается влиянием общественных и социальных групп, тогда как социальная психология – ролью отдельного человека в социальной группе. Как же эти науки рассматривают потребителя?

1. Как биологическое существо, реагирующее на ситуацию на основе ассоциаций (условных и безусловных). Этот вопрос рассматривается:

- а) классическим учением Павлова и теорией бихевиоризма;
- б) социологическим учением, концентрирующимся на поиске внешних причин поведения (например, культуры или других социальных факторов внешней среды).

2. Как рационального человека. Эти вопросы рассматривает:

ЧЕГЛАКОВА Лариса Сергеевна – аспирант кафедры управления ВятГГУ
© Л. С. Чеглакова, 2003

а) экономическая теория, согласно которой люди действуют как рациональные эгоисты;

б) когнитивная психология, которая фокусируется на обработке информации в целях формирования отношения.

3. Как социальное существо, руководимое общественными нормами. Это точка зрения социальной психологии и социологии.

4. Как действующего в ответ на подсознательные желания и убеждения. Это традиционный психоаналитический подход.

5. Социобиология и психометрия исходят из того, что поведение в основном предопределено генетически. Социобиология занимается социальным поведением организмов в свете эволюции. Психометрия включает те сферы психологии, которые связаны с измерением, например, интеллекта и особенностей личности.

6. Как свободного агента, руководящегося соображениями (потребностями и мнениями), которые выходят за рамки обычного эгоизма. В психологии этот взгляд называют этнопсихологией, а в философии – фолкпсихологией.

Теория потребительского поведения рассматривает категорию ресурсных ограничений и возможностей денежного дохода, определяющего платежеспособность покупателя. Один из русских экономистов В. Д. Камаев дает такую трактовку потребительского поведения – «это процесс формирования спроса покупателей, осуществляющих выбор товаров с учетом цен и личного бюджета». Такое определение носит несколько односторонний характер, поскольку оно рассматривает только влияние ценового фактора и размеров личного бюджета на потребительские предпочтения.

Качество исследований поведения потребителя предполагает применение системного анализа, так как он «позволяет рассматривать любую рыночную ситуацию как некий объект для изучения с большим диапазоном внутренних и внешних причинно-следственных связей».

Методологические основы изучения поведения потребителя, по мнению некоторых исследователей, складываются из общенаучных, аналитико-прогностических методов и методических приемов, заимствованных из разных областей знаний.

Общенаучные методы включают системный анализ, комплексный подход, программно-целевое планирование. Аналитико-прогностические методы состоят из линейного программирования, теории массового обслуживания, теории связи, теории вероятностей, сетевого планирования, экономико-математического моделирования, экспертизы и др. Методические приемы заимствованы из областей социологии, психологии, антропологии, экологии, эстетики и дизайна.

Решение любого вопроса последовательно проходит этапы формирования методологии и разработки методики, результаты которой логично перетекают в создание практических и методических рекомендаций. В свою очередь формированию методологии предшествует создание концепции, определяющей основные направления исследовательского поиска.

Исходя из теоретического фундамента маркетинговых исследований появляется возможность формирования основных вех концепций исследования управления поведением потребителей, которые заключаются в следующем:

1. Обоснование значимости маркетинговых исследований управления поведением потребителей для улучшения результатов работы организации.

2. Установление критериев, продвигающих потребителя к совершению покупки.

3. Формирование имитационной модели управления поведением потребителей.

Таким образом, изучение потребительского поведения – важнейшая задача в маркетинге, решение которой дает возможность производителю (продавцу) наилучшим образом распределить свои ресурсы для получения максимальной прибыли при продаже товаров и услуг. Четкое понимание потребностей и запросов покупателей играет центральную роль в любом сегментировании или маркетинговой стратегии. Если компания хочет извлечь выгоду из обслуживания какой-либо потребности и не упустить появившуюся возможность, она просто обязана составить детальный профиль своих покупателей.

Внимание к потребителю во всех отношениях, понимание всех оттенков его желаний и настроений – основной принцип фирмы, работающей на перспективу.

УЧЁНЫЕ – ШКОЛЕ

Е. С. Канин

О ПРАКТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ПОНЯТИЯ И СВОЙСТВ ФУНКЦИИ

Понятие функции – одно из наиболее существенных в математике. Функция вошла в математику в связи с исследованиями явлений природы и, в частности, физических явлений и процессов. Другим источником её появления и развития являются внутренние потребности самой математики.

Указанные два источника происхождения понятия функции, вне всякого сомнения, должны быть и источниками примеров, иллюстраций и задач, способствующих осознанному усвоению определения и свойств функции их приложений.

Рассмотрение конкретных физических, химических и других процессов, решение некоторых физических, химических, технических и других практических задач, приводящих к понятию функции или иллюстрирующих как само это понятие, так и свойства и классы функций, придаёт практическую направленность изучению функций в курсах алгебры 7-9-х классов, алгебры и начал анализа в 9-11-х классах. Зная о практических применениях изучаемого, учащиеся проявляют больший интерес к изучению теоретического материала названных курсов. При этом устанавливаются межпредметные связи (математики с физикой, химией и другими предметами), выявляется роль математики в приложениях, показывается её проникновение в другие науки, воспитывается диалектическое мышление учащихся, осуществляется связь изучаемого с реальным миром.

Начиная изучение понятия и свойств функции с конкретных примеров и задач, мы осуществляем индуктивно-дедуктивный путь изучения математики: от задач – к определениям, а затем – упражнения и задачи для усвоения введенных определений, понятий, их свойств.

Такой подход не только позволит учащимся освоить изучаемые понятия (функции, их свойства и классы) и показать их приложения к решению некоторых практических задач, но и оживит уроки по изучению функций, сделает обучение содержательным, интересным для учащихся.

КАНИН Евгений Степанович – кандидат педагогических наук, профессор кафедры математического анализа и МПМ ВятГГУ
© Е. С. Канин, 2003

В настоящей статье предлагаются практические (физические, химические, технические и др.) примеры, иллюстрации и задачи с методическими советами по их использованию в обучении математике. Большая часть из них рекомендуется для 10-11-х классов, но некоторые могут быть предложены в 7-9-х классах при изучении понятия функции и ее конкретных видов.

I. Задачи, приводящие к понятию числовой функции

В качестве задач и процессов, приводящих к понятию числовой функции, можно предложить следующие.

1. Найдите два целых положительных числа, сумма которых равна 10.

Эта задача приводит к неопределённому уравнению $x + y = 10$, решаемому в натуральных числах, из которого получается формула, задающая функцию $y = 10 - x$, $D(y) = \{1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9\} = E(y)$. Для каждого значения x из $D(y)$ вычисляется одно и только одно значение $y \in E(y) \subset R$.

2. Запишите, как выражается формулой связь давления газа и его объёма при постоянной температуре.

Ясно, что в формуле $PV = C$ ($C = const$) каждому положительному значению объёма газа V соответствует единственное числовое значение давления при заданном значении C . Эта единственность обеспечивается однозначностью выполнения операции деления положительных действительных чисел.

3. Составьте формулу для вычисления перемещения (длины пути) при равноускоренном движении.

Обозначим начальную скорость движения V_0 , конечную V , время движения t , ускорение a , длину пути S . Тогда вследствие равноускоренности движения

$$S = \frac{V_0 + V}{2}t \text{ и } V = V_0 + at, \text{ а отсюда } S = V_0t + \frac{at^2}{2}.$$

Вследствие единственности обозначенных в этой формуле действий при каждом числовом значении времени t вычисляется единственное значение перемещения S .

4. Что произойдёт с находящейся в равновесии системой «пружина, груз», если нижний груз отрезать (рис. 1)?

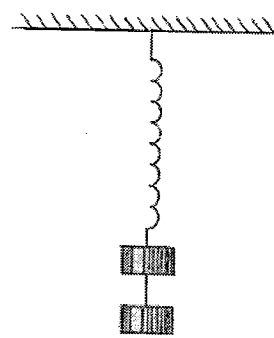

Рис. 1

Если нижний груз отрезать, система будет колебаться (вверх-вниз) до тех пор, пока не окажется в положении равновесия. Даже не обращаясь к математическому описанию процесса, легко установить, что при каждом фиксированном значении времени груз находится на конкретном единственном расстоянии от точки подвеса пружины.

Общим во всех рассмотренных примерах является их математическое содержание, а именно: имеются два числовых множества, каждому числу одного из них ставится в соответствие единственное число другого. Мы вплотную подошли к определению числовой функции.

Аналогичный подход осуществляется и при определении функции как зависимости между переменными.

Ниже приводится несколько задач для усвоения понятия функции.

5. Является ли функцией соответствие (зависимость) между: 1) периметром и площадью квадрата, 2) периметром и площадью прямоугольника, 3) температурой воды и существующим числом её агрегатных состояний, 4) возрастом данного человека и его ростом? Ответ поясните, применяя определение функции.

6. Для функций, заданных в предыдущей задаче, установите их область определения и множество значений, а также возможность задания каждой с помощью формулы.

7. Длина тормозного пути автомобиля вычисляется по формуле $S_t = \frac{Vk_3}{254\varphi}$, где V – скорость движения автомобиля (км/ч), k_3 – заданный эксплуатационный коэффициент, φ – известный коэффициент сцепления покрышки с дорогой. Задаёт ли эта формула функцию? Если да, то укажите ее аргумент.

8. По формуле $k = \frac{mV^2}{2}$ вычисляется кинетическая энергия тела заданной массы m . Задаётся ли этой формулой функция? Если да, то укажите ее аргумент.

9. Приведите примеры известных вам функций из физики, химии, техники. В каждом из них укажите аргумент, область определения, множество значений.

II. Иллюстрации способов задания функции

Табличное задание функции можно иллюстрировать следующими примерами.

10. Результаты измерений сопротивления r (ом) медного стержня при различных значениях температуры t (°C) помещены в табл. 1.

Таблица 1

t	19,1	25,0	30,1	36,0	50,0
r	76,30	77,80	179,75	80,80	85,10

Полезно выяснить, задаёт ли эта таблица числовую функцию и что в таблице принято за значения аргумента.

11. Дальность полёта вертолетов S (км) задана в табл. 2.

Таблица 2

Марка вертолета	Ми-4п	Ми-6	Ми-8	Ка-18	Ка-26
S	740	810	650	400	304

И при рассмотрении этой таблицы следует выяснить, задана ли здесь функция, в частности числовая (в соответствии с определением, данным в [1]). Таблица 2 задаёт функцию, но она не является числовой функцией действительного переменного.

Разумеется, следует использовать для иллюстраций и математические таблицы функций, в частности те, которые помещены в учебниках и учебных пособиях по алгебре для 7-8-х классов на форзаце. Но надо учесть, что среди них есть таблицы с двумя входами.

Графическое задание

а) Графическое задание функции обычно является весьма наглядным и удобным для практического применения часто даже и в тех случаях, когда функция удобно задается аналитически. Так, графическое задание длины остановочного пути автомобиля на асфальтовом шоссе (дороге) наглядно показывает опасность быстрой езды по скользкой дороге (рис. 2).

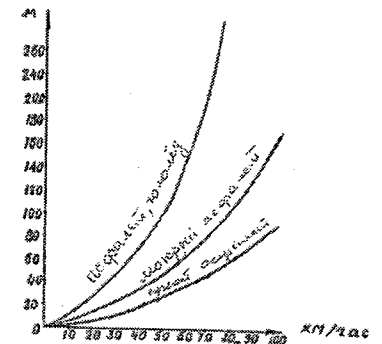

Рис. 2

б) Проиллюстрировать графическое задание функции очень удобно с помощью графиков, вычерчиваемых самозаписывающимися аппаратами («самописцами») и изображающих течение во времени различных процессов. На рис. 3 изображены кривые, вычерченные сейсмографом при спокойном состоянии земной коры (а) и при землетрясении (б).

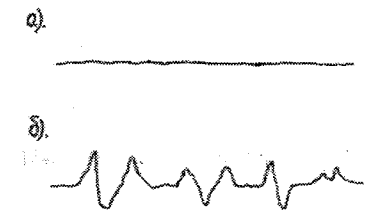

Рис. 3

Очевидно, задать аналитически функцию, изображенную на рис. 3б, трудно, если вообще возможно, графическое же задание позволяет специалистам произвести и необходимые расчеты.

Можно показать учащимся графики, вычерченные другими приборами, например термометром-самописцем.

в) Графическое изображение и задание функции играют серьезную роль как наглядное средство при изучении свойств функций, описывающих различные процессы. Так, на рис. 4 изображено графически влияние концентрации раствора фосфорной кислоты на ее электропроводность (верхняя кривая – при температуре 75°C, нижняя – при 25°C).

По этим графикам можно решать различные задачи о влиянии температуры раствора на электропроводность, о возрастании и убывании электропроводности от концентрации кислоты, об экстремальных значениях электропроводности и условиях, при которых они достигаются, и др.

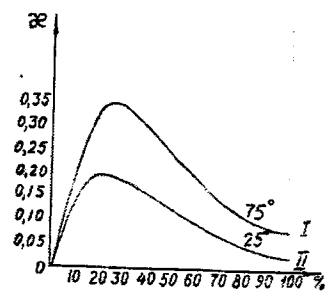

Рис. 4

Аналитическое задание (задание формулой). К заданию функции формулой приводит решение задач 1-3. С функциями, заданными формулами, приходится встречаться при решении многих задач. Ниже приводятся еще 2 примера таких задач.

12. В прямоугольном листе жести (длины сторон $a=600$ мм и $b=400$ мм) нужно вырезать прямоугольное отверстие, площадь которого $S=1000$ см², а края должны быть на одинаковом расстоянии от краёв листа. Вычислите это расстояние (рис. 5).

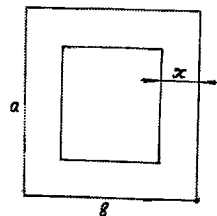

Рис. 5

Решение. Обозначив искомое расстояние x мм, получаем $S=(a-2x)(b-2x)$, или $S=4x^2-2(a+b)x+ab$. Пришли к формуле, задающей квадратичную функцию. При конкретных значениях a, b и S несложно вычислить и искомое расстояние x . Найденная функция может быть применена и при решении других задач (вычисление S при заданных значениях a, b, x ; a – при заданных S, b , и x ; S и x при известных двух парах ($a; b$); a и b при известных двух парах ($S; x$) и др.)

13. Техническое оборудование в процессе его эксплуатации изнашивается, и ценность его при этом уменьшается. Пусть первоначальная стоимость оборудования A рублей, при этом стоимость уменьшается на $k\%$ в год. Составьте формулу для вычисления истинной стоимости оборудования в процессе его эксплуатации.

Решение. По истечении года стоимость оборудования будет $A\left(1 - \frac{k}{100}\right)$ и каждый год будет состав-

лять $1 - \frac{k}{100}$ стоимости предыдущего года. Истинная стоимость оборудования по истечении времени t выражается формулой $A_t = A\left(1 - \frac{k}{100}\right)^t$. Эта формула задает показательную функцию.

Если же рассматривать лишь натуральные значения (производить вычисления по прошествии целого числа лет), то получается геометрическая прогрессия.

Для упражнений возможно рекомендовать несколько задач.

14. Рассмотрите график движения трёх поездов (рис. 6). Ответьте по графику на следующие вопросы: 1) Когда прибывает поезд № 1 на станцию Перово и долго ли он стоит на этой станции? 2) Где и когда встречаются поезда № 1 и № 2? 3) На каком участке пути скорость поезда наибольшая? Вычислите её. 4) Какой из двух поездов, № 2 или № 3 движется с большей скоростью? 5) Сколько минут идёт поезд № 1 от станции Сортировочная до станции Люберцы?

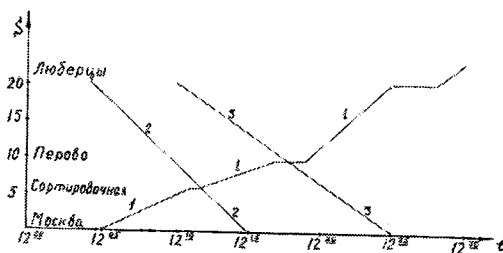

Рис. 6

15. Арка моста имеет форму дуги параболы (рис. 7). Высота арки 2 м, а длина стягивающей её хорды 24 м. Арка имеет 5 вертикальных стоек, укрепленных в точках хорды и делящих эту хорду на части равной длины. Вычислите длины стоек.

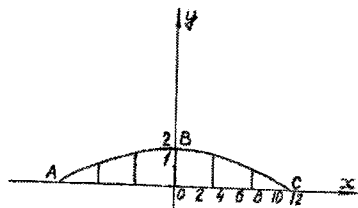

Рис. 7

16. Вычислите стоимость оборудования по истечении 4 лет, если его первоначальная стоимость была 10000 р. а ежегодное уменьшение стоимости 5%.

17. Выведите формулу для исчисления вклада в сберкассе, если первоначальный вклад $B(p)$, годовой процент прироста $k\%$, а время хранения вклада t (лет).

Для решения задачи № 15 требуется перейти от графического задания функции к формуле. Обычно же в школьных задачах предлагается строить график функции по известному заданию её формулой. Нужны и обратные задачи.

III. Примеры и иллюстрации при изучении классов функций

1) Монотонные и немонотонные функции

К понятию монотонности функций можно подвести учащихся, рассматривая конкретные процессы и задачи. Примеры.

18. При нагревании воды её температура τ повышается с течением времени t от 0° до 100° С, а затем, при парообразовании, остается неизменной. $\tau = f(t)$ является неубывающей функцией.

19. Решим задачу № 17 предыдущего пункта. За год вклад возрастает и станет равным $B\left(1 + \frac{k}{100}\right)$. Поэтому искомая формула будет иметь вид

$B_t = B\left(1 + \frac{k}{100}\right)^t$. Ясно, что эта формула (по условию) задает возрастающую функцию. Функция же $A_t = A\left(1 - \frac{k}{100}\right)^t$ является убывающей.

2) Четные и нечетные функции

В учебнике [2] рассмотрена задача, приводящая к дифференциальному уравнению гармонического колебания (с. 254). Аналогичная задача может быть использована для иллюстрации понятий четной и нечетной функций.

20. К шарiku массы m прикреплены две расположенные горизонтально одинаковые пружины. Пусть в состоянии равновесия координата x центра шарика равна 0, а другие концы пружин закреплены симметрично относительно точки 0 в точках с координатами $-a$ и a (рис. 8а).

При смещении шарика в точку, координата которой $x \neq 0$ (рис. 8б, в), возникает сила F , стремящаяся вернуть шарик в положение равновесия. По закону Гука $F = -kx$ где $k > 0$. Очевидно, $D(F) = [-a, a]$ – симметричный относительно точки $x = 0$ отрезок. При этом $F(-x) = kx = -F(x)$, то есть F – нечетная функция.

Потенциальная энергия шарика, смещенного в точку $x \neq 0$, выражается, как известно из физики, формулой $\Pi = \frac{kx^2}{2}$, которая задает четную функцию.

21. Рассмотренная выше (№ 3) формула равноускоренного движения задает функцию $S = V_0t + \frac{at^2}{2}$, которая не является ни четной, ни нечетной.

3) Периодические и непериодические функции

Имеется немало машин и механизмов, в которых используются периодические процессы. Таковы процессы движения коленвала и поршня в двигателях внутреннего сгорания, все виды вращательного движения и др. Полезно на уроках при изучении периодических и непериодических функций рассмотреть хотя бы один из простых примеров периодического процесса.

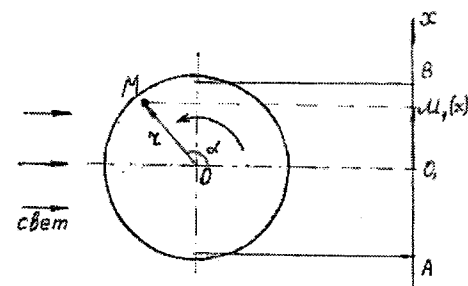

Рис. 9

22. Один из процессов можно продемонстрировать ученикам на простой модели (рис. 9). При равномерном вращении диска на оси стержень (палец) M совершает круговое движение, а его тень $M_1(x)$ на экране AB – прямолинейное. И процесс движения диска, и процесс движения тени $M_1(x)$ легко описывается математически и приводит к периодической функции. Если $|OM|=r$, то $x = r \cos \alpha$ – периодическая функция с периодом $T = 2\pi$.

23. Примером периодического процесса является колебание маятника в механических часах.

24. К периодической функции приводит математическое описание движения планет по эллиптическим орбитам вокруг Солнца. Показать это можно следующим образом. Пусть $M(x, y)$ точка орбиты планеты – эллипса с полуосями a и b .

Построим концентрические окружности с центром в центре эллипса и радиусами a и b и прямую ON , где N – точка пересечения окружности $(0; b)$ и прямой OM . Обозначим $\angle aON = t$. Тогда $x = a \cos t$, $y = b \sin t$. Таким образом, координаты планеты есть периодические функции угла t .

4) Сложные функции

К понятию сложной функции также приводят практические задачи. Во многих практических расчетах не удается обойтись основными элементарными функциями, а приходится брать функцию от функции. Это наблюдается уже при решении такой простой задачи.

25. Вычислите толщину стенки стальной трубы с наружным диаметром D мм, идущей на изготовление буровых вышек, если по условиям прочности площадь ее поперечного сечения (кольца) есть F .

Решение. Обозначим толщину стенки x мм (рис. 11). Тогда внутренний диаметр трубы $d = (D - 2x)$ мм – ли-

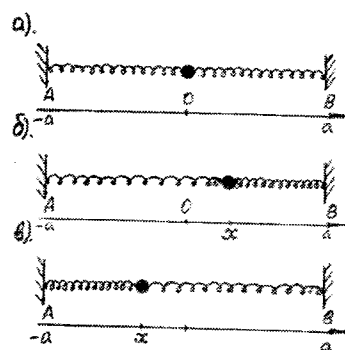

Рис. 8

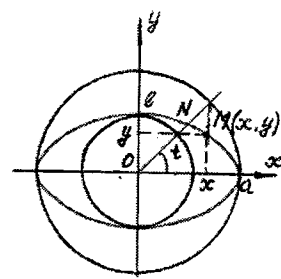

Рис. 10

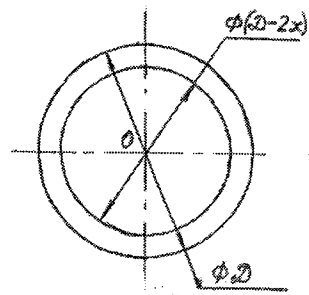

Рис. 11

нейная функция переменной x . Площадь же поперечного сечения $F = \frac{\pi}{4}(D^2 - (D - 2x)^2)$. Эта формула задает сложную функцию. Разрешая эту формулу относительно x , имеем $x = \frac{D}{2} - \frac{1}{2}\sqrt{D^2 - \frac{4F}{\pi}}$ ($x = \frac{D}{2} + \frac{1}{2}\sqrt{D^2 - \frac{4F}{\pi}}$ не удовлетворяет условию задачи, так как толщина стенки не может быть больше наружного радиуса трубы).

Полученная формула задает x как сложную функцию переменной F , в самом деле, $y = D^2 - \frac{4F}{\pi}$ – линейная функция аргумента F , а чтобы получить x , приходится взять еще функцию «корень квадратный» с аргументом y и результат вычесть из $\frac{D}{2}$.

После введения тригонометрических функций и им обратных можно еще раз обратиться к понятию сложной функции при рассмотрении такой, например, задачи:

26. Выведите формулу для вычисления длины передаточного ремня, туго натянутого на шкивы данных радиусов R и r , если расстояние между центрами шкивов равно d (рис. 12).

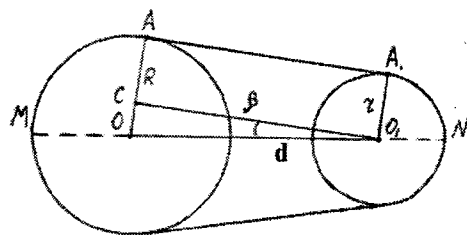

Рис. 12

Решение. По условию $OO_1 = d$. Обозначим длину ремня l . Тогда $l = 2\left(R\left(\frac{\pi}{2} + \beta\right) + AA_1 + r\left(\frac{\pi}{2} - \beta\right)\right)$,

где $R\left(\frac{\pi}{2} + \beta\right)$ – длина $\cup MA$, $AA_1 = \sqrt{d^2 - (R - r)^2}$,

$r\left(\frac{\pi}{2} - \beta\right)$ – длина A_1N ,

Поэтому $l = \pi(R + r) + 2(R - r)\arcsin \frac{R - r}{d} + 2\sqrt{d^2 - (R - r)^2}$. В этой формуле

$l_1 = 2(R - r)\arcsin \frac{R - r}{d}$ и $l_2 = 2\sqrt{d^2 - (R - r)^2}$ есть сложные функции аргумента d .

IV. О применении конкретных функций

Практические задачи, показ приложений помогут и при изучении основных элементарных функций в школе. Ниже лишь перечисляются некоторые применения различных конкретных функций. Учитель в соответствии со своими вкусами и наклонностями сможет выбрать для иллюстраций и решения задач некоторые из них.

1) **Линейная функция.** Применяется для описания всех равномерно (с постоянной скоростью) протекающих процессов, например равномерного движения ($S = S_0 + Vt$), равномерного нагрева ($Q = cm(t - t_0)$, c , m и t_0 – постоянные) и др. Кроме того, линейная функция применяется для вычислений по закону Гука ($F = -kx$), массы в зависимости от объема при известной плотности ($m = \rho V$), номера валенок B при известном но-

мере ботинок $A\left(B = \frac{2}{3}A + 1\right)$ и др.

2) **Квадратичная функция.** С её помощью описывается равноускоренное (равнозамедленное) движение (см. п. 1, пример 3); вычисляется кинетическая энергия $\left(K = \frac{mV^2}{2}\right)$; производятся расчёты по-

верхностей рефлекторов (например, в прожекторах), арок или сводов мостов, траекторий тел, брошенных под углом к горизонту с некоторой известной начальной скоростью; поверхностей вращающейся жидкости и т.д.

3) **Функция $y = \sqrt{x}$.** Как обратная квадратичной, применяется для расчетов при вычислении значений аргумента квадратичной функции. Особо стоит отметить применение этой функции для описания периода колебания маятника $\left(T = 2\pi\sqrt{\frac{l}{g}}\right)$, скорости вытекания жидкости из отверстия в сосуде ($V = \sqrt{2gH}$) и др.

4) Кубическая функция.

Применяется при прокладке рельсов: сопряжения рельсов, расположенных по прямой и по дуге окружности, часто выполняются по дуге кривой $y = ax^3$ (рис. 13, где $a = \frac{1}{6rl}$, l – длина дуги $y = ax^3$, r – радиус кругового участка пути).

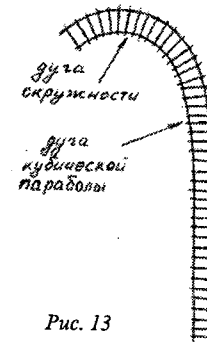

Рис. 13

5) **Показательная и логарифмическая функции.** На-

ходят широчайшее применение при исследовании процессов показательного роста и убывания (радиоактивный распад, закон охлаждения, барометрическая формула, рост народонаселения, вклада в сберкассе и т. д.), движения тела в сопротивляющейся сре-

де ($V = V_0 \cdot 10^{-kt}$, $S = \frac{0,4343}{k} V_0 \cdot (1 - 10^{-kt})$), экстратока замыкания (сила тока I вычисляется по формуле

$I = I_0 \frac{R}{L} t$, где R – сопротивление, L – коэффициент самоиндукции), трения каната при наматывании на барабан и др. Подробное описание некоторых из названных приложений показательной и логарифмической функций можно найти в [3].

6) **Тригонометрические функции** широко применяются при решении различных геометрических задач, в геодезии (в частности, при вычислении недоступных расстояний, высот и т. д.), в астрономии (например, при вычислении радиуса небесного тела), в механике (при вычислении работы силы, действующей под углом к направлению движения, в расчетах кривошипно-шатунного механизма и др.), при решении задач о простых гармонических колебаниях (см. пример № 23), в частности задач электротехники (например, $I = I_0 \sin(\omega t + \varphi_0)$), радиотехники и др. Так, уравнение колебания груза на пружине (пример

№ 4) задаёт функцию $x = A \sin \sqrt{\frac{k}{m}} t$, где A – амплитуда, m – масса груза, k – жесткость пружины, а уравнение движения математического маятника – функцию $x = A \cos \omega_0 t$, где ω_0 – циклическая частота колебания.

В заключение предлагаются конкретные, задачи на приложения изучаемых в школе функций.

27. Коэффициент трения скольжения железнодорожного подвижного состава

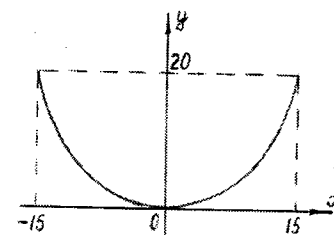

Рис. 14

вычисляется по эмпирической формуле

$f = \frac{k}{1 + 0,03V}$, где V – скорость движения (м/с), k – коэффициент трения скольжения в состоянии покоя (для сухих рельсов $k = 0,22$). Вычислите скорость поезда, при которой $f = 0,15$.

28. Зеркало автомобильной фары имеет в осевом сечении форму параболы $y = ax^2$. Найдите значение коэффициента a – для сечения, изображенного на рис. 14 и запишите формулу, задающую изображенную графически на этом рисунке функцию.

29. Среднее расстояние между Землёй и Луной $3,84 \cdot 10^5$ км. Известно, что масса Луны в 81,5 раз меньше массы Земли. На каком расстоянии от центра Земли силы притяжения Земли и Луны равны? Объясните смысл двух числовых значений найденного расстояния.

30. Моторная лодка движется со скоростью 30 км/ч. 1) Какова скорость лодки через 3,4,5 с после выключения мотора, если коэффициент сопротивления воды $= 0,7241$? 2) Какой путь пройдёт лодка за 3,4,5 с? 3) За сколько секунд после выключения мотора лодка пройдет 100 м?

Примечания

1. Алгебра и начала анализа: Учеб. для 10 и 11 классов ср. шк. / А. Н. Колмогоров, А. М. Абрамов, Ю. П. Дудницын и др.; Под. ред. А. Н. Колмогорова. 3-е изд. М.: Просвещение, 1993.

2. Там же. С. 254.

3. Виленкин Н. Я. Функции в природе и технике. М.: Просвещение, 1985.

И. В. Вахрушева

ФОРМИРОВАНИЕ ГРАЖДАНСТВЕННОСТИ СТАРШЕКЛАССНИКОВ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ

Гражданское воспитание учащихся становится приоритетным направлением в современном образовании. В статье представлен пример работы над социальным проектом «Старая Вятка» с десятиклассниками средней школы № 34 г. Кирова.

Российское общество переживает сегодня период глубоких социокультурных изменений. Многочисленные реформы, проводимые нашим правительством на рубеже веков, весьма неоднозначно сказались на воспитании целого поколения молодых людей. Сегодня ни у кого не вызывает сомнения тот факт, что наше общество столкнулось с серьезной проблемой – про-

ВАХРУШЕВА Ирина Валерьевна – аспирант кафедры педагогики ВятГГУ
© И. В. Вахрушева, 2003

блемой потери национальной самоидентификации частью нашего населения, и среди этого населения небольшую долю, по оценке социологов, составляет молодежь. Следствием этого стала утрата ими общественных идеалов, веры в могущество России. Для современной молодежи характерны инфантильность, отторжение культурных ценностей, проявление нетерпимости по отношению к представителям других национальностей.

В связи с вышеперечисленными проблемами приоритетным направлением в современном образовании становится гражданское воспитание учащихся. Воспитание гражданственности, трудолюбия, уважения к правам и свободам человека, любви к окружающей природе, Родине, семье сегодня является одним из основополагающих принципов государственной политики в области образования, закрепленных в Законе об образовании РФ.

В настоящее время стратегия развития гражданского образования предполагает формирование новой методологии, отказ от монополии какой-либо идеологии в сфере преподавания общественных дисциплин, многообразие концептуальных подходов. Акценты с идеологического давления перемещаются на развитие аналитического мышления и сознательной активности.

Современный подход к формированию личности, опирающийся на классические педагогические идеи народности, природосообразности, культуросообразности, должен быть ориентирован на формирование человека гражданского общества, обладающего самостоятельным субъективным статусом и способного к культурному саморазвитию в социальной организации последнего.

Одним из приоритетов воспитания сегодня должна стать гражданственность с ее установкой: от того, что я делаю, за кого голосую, зависит, как будем жить я и моя семья, к каким последствиям приведут социально-экономические преобразования.

Как справедливо отмечает Н. А. Савотина, понятие гражданственность интегрирует общечеловеческие духовные ценности: высокий строй души и чувств, социальную направленность мыслей [1]. В стратегии модернизации образования подчеркивается, что необходимо обеспечить активность школьника в образовательном процессе. При этом акцент делается на то, что содержание образования должно нести в себе личностный смысл для ученика.

Особую роль в воспитании гражданственности в школе играют, несомненно, дисциплины гуманитарного цикла. Именно они призваны сформировать у учащихся гражданские компетентности, заключающиеся в умениях формулировать и решать личные и общественные задачи и задумываться о благе страны. Другой важной задачей предметов гуманитарного цикла является воспитание у школьников гражданских ценностей, которые формируются на основе пе-

реживания и последующего обсуждения конкретного опыта учащихся.

Коммуникативный подход, который сегодня широко используется в обучении иностранным языкам, способствует созданию на уроках широкого социального пространства, позволяющего обучающимся практиковать гражданские компетентности и ценности.

В последнее время наметилась тенденция отказа от простой трансляции знаний и отработки отдельных интеллектуальных умений. Все чаще на уроках иностранного языка учителями используются методы обучения, способствующие формированию у учащихся гражданских ценностей ориентаций, и это вполне оправдывает себя.

В этой связи важное значение приобретает практическая направленность деятельности старшеклассников в местном сообществе, ее ориентация на общественно полезные дела, а также активное участие ребят в разработке и практическом воплощении собственных социальных проектов, проведение благотворительных акций, поисковая работа.

На мой взгляд, наиболее эффективным вариантом обучения в сегодняшней школе должна стать технология проектного обучения. Основная цель проектного обучения – позволить каждому ученику увидеть себя как человека способного и компетентного, как активного гражданина своего Отечества, умеющего формулировать и решать личные и общественные задачи. Социальный проект погружает обучающегося в реальный мир, так как в основе проектирования лежит деятельность учащихся, имеющая социально полезный результат.

Использование технологии социальных проектов очень часто не входит в узкие рамки урока, поэтому успешная реализация данной технологии зависит от того, насколько грамотно организует учитель воспитательный процесс во внеучебной деятельности.

Я считаю, что большую роль в воспитании гражданственности играет краеведческо-познавательная деятельность учащихся. Поисковые задания помогают приблизить детей к окружающей их жизни, расширяют кругозор, прививают любовь к родному краю. Очень важно, чтобы любовь к родной земле в жизни подрастающего поколения стала созидающей доброй силой по отношению к окружающему миру и себе. Человек-созидатель должен быть способным к реальным действиям, поступкам, улучшающим его внутренний мир и окружающую жизнь. Таким образом, краеведческо-познавательная деятельность является стержнеобразующей при формировании гражданственности старшеклассников и должна активно использоваться учителями в технологии проектного обучения.

Одним из эффективных приемов краеведческой работы, направленных на формирование чувства патриотизма у старших школьников, является, на мой

взгляд, прием коллажирования. Отличительной особенностью коллажа является то, что его использование неразрывно связано с жизнью района, города.

К сожалению, приём коллажирования пока ещё не используется широко в системе занятий по иностранному языку, учителя не учитывают всех его методических возможностей. В связи с этим нет и полного определения коллажа с методической точки зрения. Я придерживаюсь определения коллажа, данного М. А. Нефёдовой [2], и считаю, что под коллажем следует понимать средство зрительной наглядности, содержащее закодированные фоновые знания о каком-то предмете-реалии и отображающее эти знания при помощи языковых и экстралингвистических средств.

Важной функцией коллажа наряду с другими (мотивационной, дифференцирующей, объяснительно-иллюстративной, развивающей, мнемотехнической, вариативной, страноведческой) является краеведческая, заключающаяся в развитии дифференцированной картины своей малой родины.

Являясь результатом совместного коллективного труда учащихся и педагогов, коллаж способствует улучшению учебно-воспитательной работы, стимулирует школьников к говорению даже при невысокой языковой компетенции, повышает их творческую активность, формирует гражданские ценностные ориентации. Ведь коллаж – это и учебно-наглядное пособие для занятий, созданное самими ребятами. Следовательно, память о результатах их деятельности останется надолго.

В процессе работы над коллажем происходит разработка нового чувственного опыта старшеклассников. На уроках создается особый эмоциональный фон, как правило, положительный. Идет напряженная внутренняя работа, направленная на осознание собственного «я». Практически все учащиеся проявляют свой характер.

В данной статье мне бы хотелось на примере работы над **социальным проектом «Старая Вятка»**, реализованном мной совместно с учащимися 10-го класса средней школы № 34 г. Кирова, показать, как можно строить уроки иностранного языка, имеющие гражданскую воспитательную направленность.

Цель проекта – собрать информацию о всех сохранившихся в нашем городе старинных зданиях, узнать о судьбах людей, которым эти здания принадлежали.

Проект рассчитан на 8 часов аудиторных занятий. Часть проекта осуществляется учащимися самостоятельно в качестве домашнего задания в свободное от учебы время.

Работа над проектом начинается с вводного занятия, в ходе которого учащиеся должны усвоить лексический материал, необходимый им для последующей работы над темой проекта.

Вводное занятие включает следующие компоненты.

1. Работа с ассоциограммой «Старый город»

Работу над темой я начинаю с того, что записываю на доску слова «старый город» и предлагаю ребятам в малых группах зафиксировать все возникшие у них в связи с этими словами ассоциации. Затем проводится игра, в ходе которой предстоит выяснить, какая группа составила наиболее полный словарный запас по теме.

2. Предварительная беседа по теме

Цель предварительной беседы – подготовить учащихся к восприятию новой информации. В результате беседы мы должны выяснить, какое значение для любого города имеет его историческая часть, что нам могут рассказать старинные здания о нравах и обычаях своего времени.

3. Аудирование

Учащимся предлагается прослушать магнитофонную запись. Жители Германии различного возраста и рода занятий рассказывают о своем родном городе. Задача учащихся – занести данные в таблицу из четырех колонок: имя говорящего, возраст, род его занятия, что он думает о своем городе. Данные таблицы вначале обсуждаются в микрогруппах, а затем коллективно. На общее обсуждение выносятся вопросы: насколько хорошо немцы знают историю своей малой родины? Насколько хорошо ее знаем мы?

4. Работа с ассоциограммой «Старая Вятка»

Вместе с учащимися мы записываем на доску все понятия, которые они связывают с историей нашего города.

5. Презентация коллажа «Город Киров: вчера и сегодня»

На данном этапе урока коллаж используется в качестве смысловой изобразительной опоры. Учащимся предлагается распознать на коллаже знакомые им объекты и обсудить в группах всю имеющуюся у них информацию о данных объектах.

6. Работа с текстом «История нашего города».

При работе над текстом рекомендуется использовать технологию «чтение и письмо для развития критического мышления», разработанную американскими педагогами Дж. Стил и К. Мередит. Эта технология позволяет подготовить таких учащихся, которые в будущем станут ценными членами открытого общества, смогут сотрудничать, работать на равных и в то же время руководить. Благодаря использованию данной технологии старшеклассники учатся проводить в жизнь свои принципы и в то же время смогут увязывать основополагающие ценности с быстро меняющимися ситуациями.

Например, очень эффективным, на мой взгляд, является в данном случае метод ИНСЕРТ, который позволяет удерживать внимание студентов на протяжении всего чтения и дает учащимся возможность классифицировать информацию в зависимости от собственного опыта и знаний.

Во время чтения текста учащиеся должны делать пометки на полях. Пометки должны иметь следующее значение:

• *данная информация соответствует тому, что вы знали раньше;*

- *то, что вы читаете, противоречит тому, что вы знали раньше;*

+ *то, что вы читаете, является для вас новой информацией;*

? *данная информация вам непонятна или вы хотите получить более подробные сведения по данному вопросу.*

Учащийся должен самостоятельно разбить всю информацию на тезисы и пометить только каждый тезис. После окончания чтения и маркировки текста учащимся дается задание заполнить маркировочную таблицу, которая представляет собой таблицу из четырех колонок, где каждая колонка соответствует одному из значков, описанных выше.

Послетекстовый этап работы включает обсуждение таких вопросов: Какие события прошлого вызывают у вас особую гордость за наш город и почему? Какие традиции, существовавшие раньше на Вятке, вы бы хотели возродить? С кем из наших соотечественников, живших в старой Вятке, вы бы сегодня хотели пообщаться? Какие вопросы вы бы им задали?

Блок социального проектирования включает следующие этапы:

I. Этап планирования.

II. Реализация проекта.

III. Презентация проекта.

IV. Оценивание проекта.

Рассмотрим подробно каждый из этих этапов.

I. Этап планирования

На этом этапе я обычно использую прием мозгового штурма. Вместе с учащимися мы обсуждаем отдельные шаги проекта и возможные источники информации. Мы слушаем все поступающие предложения, даже самые фантастические, выбираем наиболее реалистичные и перспективные и расставляем их в порядке приоритета.

Затем ребята объединяются в микрогруппы, ставят перед собой цель и определяют соответствующий ей круг задач. Работа в малых группах – главный способ взаимодействия учащихся в технологии проектного обучения. Поэтому очень важно, чтобы старшеклассники четко понимали, на каких принципах строится деятельность в малых группах.

Ученики распределяют между собой свои обязанности (кто будет собирать информацию, фотографировать объект, участвовать в составлении коллажа, готовить презентацию объекта).

Возможными источниками информации могут стать:

• **библиотеки** (университетские, городские);

• **архивы** (пожалуй, один из самых интересных источников информации, так как студенты обычно

знают очень мало или вообще не представляют, как функционируют эти учреждения);

• **музеи** (учащиеся по каталогу выбирают адреса тех музеев, в которых может содержаться информация об интересующих их объектах);

Этап планирования считается завершенным, если каждая группа знает:

- о каком объекте ей нужно собрать информацию;

- где находится этот объект;

- где можно найти информацию о нем;

- каковы обязанности каждого члена группы.

II. Реализация проекта

Результат этого этапа зависит от того, насколько ребята осознали значимость своей деятельности. Именно на этом этапе максимально проявляется инициативность и самостоятельность учащихся, раскрывается их творческий потенциал. Старшеклассники приобретают ценный опыт социального общения, ощущают себя погруженными в атмосферу реальной взрослой жизни, овладевают навыками исследовательской деятельности.

III. Презентация проекта

На этом этапе происходит осмысление, систематизация полученной информации и представление ее в доступной и наглядной форме аудитории. Презентация включает демонстрационный и документационный разделы. Демонстрационный раздел включает графическую и устную презентацию исследованных объектов. Члены редколлегии работают над составлением коллажа «Старая Вятка».

Требования к составлению коллажа:

- используемые для составления коллажа иллюстрации, фотографии, газетные вырезки должны быть четкими, яркими и соответствовать информации устного отчета;

- весь графический материал в коллаже должен иметь строгую организационную структуру и подчиняться общей цели проекта – рассказывать в наглядной форме о старинных зданиях нашего города и судьбах их бывших владельцев.

Представители от групп выступают с отчетами о проделанной работе на иностранном языке. Важно, чтобы учащиеся были заранее ознакомлены с требованиями к устному отчету.

Устный отчет должен соответствовать следующим критериям.

1. Ясность изложения:

- материал излагается простым, доступным каждому языком,

- предложения не должны быть перегружены сложными лексическими и грамматическими оборотами.

2. Информативность:

- представленная в отчете информация является точной;

- информация охватывает основные факты и наиболее важные понятия.

3. Краткость изложения:

- длительность сообщения не должна превышать 10 минут.

После устного отчета аудитории предоставляется время для дополнительных вопросов к докладчикам.

Документационный раздел подразумевает оформление отчета о проделанной работе в письменном виде. Каждая группа должна отобрать из всех собранных материалов только те, которые наилучшим образом представляют проведенное исследование. Основная часть отчета – изложение материала на иностранном языке. Вторая часть – приложение. Сюда можно включить найденные в ходе исследовательской работы вырезки из газет, журналов, поместить фотографии, не вошедшие в коллаж.

IV. Оценивание проекта

Оцениванию в гражданском образовании придается особое значение. Трудность учения состоит в том, что это единственный вид работы, которую человек сам не может оценить – он нуждается в оценке учителя. Между тем лишь того можно назвать самостоятельным, независимым человеком, кто может сам вынести точную оценку своей работе, не завышенную и не заниженную, кто научен и приучен анализировать свою деятельность.

Современные методы оценивания должны показывать, насколько овладели учащиеся в ходе реализации социального проектирования интеллектуальными умениями, навыками коммуникации, насколько хорошо им удается определять свои ценностные ориентиры. При этом очень важно, чтобы учащиеся заранее знали критерии оценивания. Традиционные методы оценивания, нацеленные прежде всего на проверку количества усвоенной информации, часто не подходят для оценивания названных выше умений, навыков и опыта.

Наиболее адекватными методами оценивания уровня сформированности у учащихся гражданских ценностных ориентаций в данном случае будут, на мой взгляд, самооценка и самоанализ. Это поможет старшим школьникам научиться осознавать свои чувства и выражать стоящие за ними убеждения. Поэтому обычно на этом этапе я предлагаю учащимся для анализа своей работы ответить на следующие вопросы:

1. Что мы делали? Что мы могли бы не делать?

2. Что бы мы могли сделать по-другому?

3. Чему мы научились в процессе работы?

4. Какой положительный опыт вы извлекли из работы над проектом?

5. Очень важным, на мой взгляд, является вопрос о том, как мы можем использовать полученные нами знания? И здесь необходимо помочь ребятам увидеть действительно полезный результат их деятельности, так как очень часто они видят в социальных проектах лишь игру во взрослость.

В заключение хочется отметить, что воспитание гражданственности может быть реализовано лишь при использовании тех методов и стили обучения, которые построены на взаимоуважении учителя и ученика, профессионализации процесса обучения.

Прежде всего, необходимо отказаться от формально-традиционного подхода при передаче гражданско-правовых знаний, от академизма, когда информация выдается без учета возможностей и реальных потребностей учащихся. Учебный процесс должен быть сконцентрирован на ученике, быть менее предсказуемым. Такой подход возможен лишь при широком применении в учебном процессе интерактивных методов обучения.

Примечания

1. *Савотина Н. А.* Гражданское воспитание: традиции и современные требования // Педагогика. 2002. № 4. С. 40.

2. *Нефедова М. А.* Коллаж и коллажирование в учебном процессе // ИЯШ. 1993. № 2. С. 5.

Е. В. Гущина, О. В. Коршунова

ПО ЗОВУ СЕРДЦА (о некоторых итогах педагогической практики студентов IV курса физического факультета)*

Статья представляет собой анализ результатов учебной деятельности студентов физического факультета четвертого курса за время первого этапа педагогической производственной практики в общеобразовательных школах с позиций развития их творческой активности. Представлено описание некоторых самодельных физических приборов, сконструированных студентами, и результаты анкетирования по самооценке общих дидактических затруднений в период практики.

Учитель должен быть свободным творцом.

Л. Н. Толстой

Ведущей задачей педагогической практики становится развитие индивидуальных творческих способностей будущих учителей. Именно с этих позиций студенты-физики IV курса были сориентированы на установочной конференции на выполнение деятельности в период своего первого «боевого крещения» – I этапа учебно-воспитательной практики, проходившей с 11 ноября по 14 декабря 2002 года в школах города и области. Наряду с традиционными требованиями, предъявляемыми к студентам предвыпускного курса, практикантам предлагалось во время практики сконструировать модель физического прибора

* Оформление статьи фотографиями выполнено К. А. Кохановым.

ГУЩИНА Елена Валерьевна – зав. лабораторией кафедры дидактики физики ВятГГУ
КОРШУНОВА Ольга Витальевна – кандидат педагогических наук, начальник отдела учебно-методического управления ВятГГУ

© Е. В. Гущина, О. В. Коршунова, 2003

или установки для демонстрации учебных физических опытов.

Актуальность данного требования обусловлена тем, что хотя учебный эксперимент по основным явлениям современного школьного курса физики детально разработан, промышленное производство школьного оборудования освоено, однако в школах эксперимент зачастую отсутствует. Школьную физику наших дней можно, за некоторым исключением, характеризовать как «мелодраматическую» (Р. П. Крендис), когда преподавание осуществляется меловым способом. Причины тому известны, и их перечисление не входит в нашу задачу, но учителю «по зову сердца», в силу его огромного творческого потенциала, нужно искать выход даже из такого положения вещей.

Поэтому так важно научиться правильной методической постановке опытов по учебной физике на самодельном оборудовании, также дающем высокий педагогический эффект. Данный элемент методики преподавания физики – большое искусство, которым постепенно овладевают учителя в процессе педагогической деятельности в школе, но начинать его формирование необходимо еще при обучении в университете.

Студенты IV курса очень серьезно отнеслись к новому требованию: восемь из девяти групп студентов, проходивших практику в городских школах, и один из проходивших практику в сельской местности представили вниманию своих однокурсников рожденные в творческих исканиях самодельные установки для демонстрации физических явлений, закономерностей и моделей технических устройств.

СЕГНЕРОВО КОЛЕСО

Обыкновенная полуторалитровая пластиковая бутылка. Ещё одно её предназначение – быть наглядным пособием по физике – осуществлено группой студентов (Н. А. Мартынянов, Н. А. Двинских, Е. А. Петухов, В. Е. Кривокорытов, А. Г. Эсаулов (рис. 1), Е. В. Шишкина (рис. 1), М. А. Стрельников), проходивших педагогическую практику в СШ № 30 под руководством Германа Александровича Бутырского. На сей раз бутылка превращается в сегнерово колесо – прибор, доказывающий, что выливающаяся вода может приводить во вращение сосуд, в котором она находится, подобно тому, как толкают ракету газы, вырывающиеся из её сопла. Это хорошо известно всем реак-

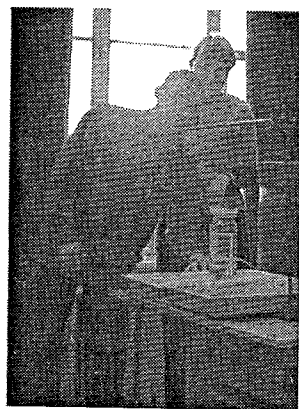

Рис. 1. Студенты демонстрируют работу сегнерова колеса

тивное движение. Идея не нова: конструкция сегнера колеса была предложена ещё Л. И. Горевым – автором книги «Занимательные опыты по физике». Там во вращение приходила пробирка-поплавок, которую толкали вырывающиеся из трубок пары эфира, если их поджечь. Опыт эффектен, но требует предварительной подготовки и практически не демонстрируется, главным образом ещё и потому, что эфир далеко не безобидное вещество. А представьте, что в течение рабочего дня учитель должен показать опыт в шести-семи классах. Так и под наркозом оказаться недолго! Студенты решили изготовить что-нибудь более безопасное и удобное. Идею предложил Герман Александрович, и через неделю прибор был готов.

Казалось бы, чего проще: сделай отверстия и вставь трубки. Но трудности начинаются с первых же шагов. Как сделать отверстия, вокруг которых нет трещин? (Оказывается, лучше сверлить.) Но даже без трещин герметичность не гарантирована: малейший перекос трубки, и образуется щель. Вот если бы изнутри можно было трубку закрутить гайкой. Нет ничего проще: вместо стеклянной трубки надо взять прозрачную авторучку, где заворачивающийся колпачок с отпиленным доньшком послужит гайкой. Жаль только, что авторучка не изогнута буквой Г. Поэтому попутно пришлось осваивать технологию изменения формы трубки при помощи термической обработки (нагревание ручки в пламени спиртовки). Здесь особо важны два момента: не допустить расплавления трубки и не давать ей распрямляться при охлаждении. Десяток испорченных авторучек – и технология освоена. Можно обрезать верхнюю часть бутылки и присоединять готовые трубки. И тут возникает новая проблема: без верхней части бутылка утрачивает жёсткость. Наполненная водой, она слишком тяжела и деформируется при подвешивании. Поэтому для изготовления прибора годятся только бутылки с «талией». Для увеличения жёсткости на «талию» кладут пластмассовую крышку от стеклянной банки. Надо только предварительно удалить среднюю часть крышки, чтобы через образовавшееся отверстие можно было наливать воду в прибор. Три канцелярские скрепки, если их разогнуть, превращаются в крючки для подвешивания. Один конец каждого крючка проходит сквозь просверленные отверстия в верхней части бутылки, другие концы всех крючков соединяются друг с другом и с нитью. Нить лучше брать без крупной закрутки.

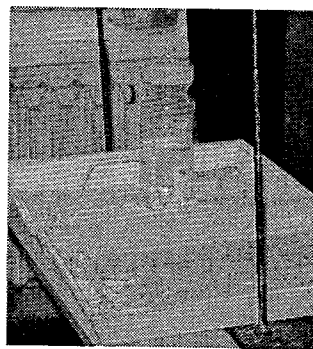

Рис. 2. Сегнерово колесо в работе

Данный прибор (рис. 2) позволяет не только продемонстрировать принцип реактивного движения, но и исследовать его эффективность. Меняя угол наклона трубок и направления вылета струй, можно управлять скоростью вращения колеса. А если в школе нет сообщающихся сосудов, то их свойства можно продемонстрировать на этом же сегнеровом колесе. Для этого достаточно повернуть трубки отверстиями вверх. Один экземпляр прибора студенты оставили в университете, а другой подарили школе.

НЕВЕСОМОСТЬ

Будет ли машина перемещаться относительно дороги, если и машина и дорога внезапно потеряют вес? Этот вопрос студент Сергей Казаков задал себе ещё на третьем курсе.

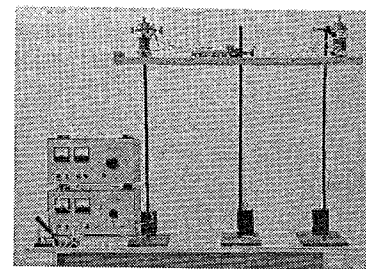

Рис. 3. Демонстрация невесомости

И хотя теоретически он на вопрос ответил, но кое-какие сомнения оставались. Так возникла идея создания экспериментальной установки, которую поддержал в дальнейшем руководитель педагогической практики Константин Анатольевич Коханов. Он же и подсказал Сергею использовать заводной детский автомобиль и, вместо дороги, трибометр. (Трибометр представляет собой гладкую доску, это прибор для проведения опытов по измерению силы трения.) Потерять вес – дело нехитрое: всякое свободно падающее тело невесомо. Сергей целый год обдумывал эксперимент и в конце концов решил использовать электромагниты. Жестяные пластинки на концах трибометра позволяли удерживать «дорогу» в подвешенном состоянии. Заведённый автомобиль упирался в лапку штатива, трение удерживало автомобиль в покое. При отключении тока дорога и машина начинали падать, колёса вращались, но перемещения по «дороге» не было! Что и требовалось доказать. В невесомости колёса с дорогой не взаимодействуют.

Самым трудным было заставить «дорогу» сохранять горизонтальное положение во время падения. Упрямые электромагниты «отпускали» края трибометра не одновременно. Остаточная намагниченность делала своё чёрное дело. Решение проблемы пришло неожиданно. Готовясь к занятиям по МПФ, Сергей наткнулся на задачу, в которой остаточную намагниченность устраняли путём пропуска слабого тока обратного направления. Значит, цепь электромагнитов надо было не отключать, а переподключать к источнику меньшего напряжения и противоположной полярности. Работа над установкой завершилась написанием статьи в редакцию газеты «Первое сентяб-

ря» (приложение «Физика»), которая уже опубликована в № 2 за 2003 год.

Шевнин Д. Н., прошедший практику в школе № 21, поддал идею воспроизвести модель фонтана Герона (рис. 4), хотя и не был уверен в успехе: на изготовление прибора оставались сутки. А. Н. Перевощиков, Д. А. Бартев и Ю. П. Лаптев срочно достали две пятилитровые пластиковые бутылки, пластмассовую банку из-под консервированной сельди и систему для внутривенного введения диффузионных растворов (трубки для капельницы). Проблему герметизации решили при помощи пластилина, хотя лучше использовать эпоксидный клей. Капризный фонтан выше поднимает струю, если брать тонкую иглу. Данный прибор иллюстрирует применение знаний о сообщающихся сосудах и действии атмосферного давления.

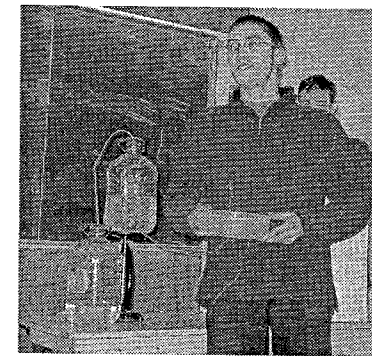

Рис. 4. Демонстрация фонтана Герона

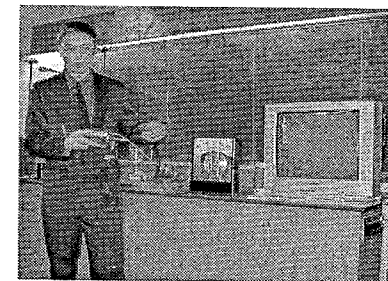

Рис. 5. Прибор для демонстрации первого начала электродинамики

При изготовлении своего прибора для демонстрации первого начала термодинамики студент А. Н. Воробьёв (рис. 5) проявил не только настойчивость, но и характер (идея казалась сомнительной даже методисту). Корпусом прибора служит банка из-под стучённого молока, у которой удалены средние части обоих доньев. В образовавшиеся отверстия впаяна медная трубка такого сечения, чтобы в неё плотно входил корпус насоса Шинца. В результате образуется замкнутая полость внутри банки, заполненная воздухом. С атмосферой эта полость сообщается при помощи ещё одной трубки, впаянной в одно из доньев. Через эту трубку полость соединяется с микроманометром, который фиксирует изменения состояния газа в полости. Состояние газа можно изменить двумя способами: обхватить прибор руками (при этом насос не используется) или совершать работу насосом.

А. Д. Кириллова изготовила многофункциональный прибор – полиспаст, который при необходимости легко может превратиться в тележку или часть маятника Максвелла.

Школа № 58 была благодарна студентам Н. М. Мальцеву, Л. В. Пантюхиной, В. В. Шишкину, А. М. Рублёву, Г. Л. Русанову и И. А. Шихову за то, что они учебный видеофильм, представленный на компакт-диске, переписали на видеокассету, упростив тем самым использование этой учебной информации в образовательном процессе по физике.

Студенты А. Сметанин и Н. Рылов, проходившие практику в Кировском физико-математическом лицее, удивили его учащихся демонстрацией опыта «холодная эмиссия электронов», т. е. наблюдением коронного свечения электродов индукционной катушки. Это один из серии демонстрационных физических экспериментов по изучению пробоя лавинного фотодиода с помощью электронно-оптического преобразователя (ЭОП), разработка которых успешно ведется под руководством профессора кафедры общей физики В. И. Жаворонкова.

Сформированная в рабочем порядке «комиссия справедливости» подвела итоги конкурса самодельных учебных пособий по физике, взяв за основу их следующие качества:

- многофункциональность,
- простоту изготовления и использования,
- наглядность и эстетику,
- эргономичность.

Первое и второе места поделили группы студентов из школ № 30 (методист Г. А. Бутырский) и № 27 (методист К. А. Коханов), почетное третье место присуждено Анне Кирилловой (школа № 23, методист Е. И. Ковязин).

Во время итоговой конференции был подведен «цветовой» итог педагогической практики (студенты построили модель физического объекта – атома, который оказался устойчивой системой), выявивший основную тенденцию самооценки деятельности студентов во время данного этапа овладения профессиональной деятельностью. Из четырех предложенных цветовых сигналов-ответов – «было очень трудно, и пожалуй, я решил(-а), что мое место не в школе», «практика утвердила мой выбор профессии

учителя», «практика в школе для меня явилась в какой-то степени самоутверждением, я понял(-а), что способна организовать интересное общение», «свое мнение» – был выбран большинством студентов третей. Кроме того, сделана попытка самооценки общих дидактических затруднений студентов во время педагогической практики с помощью следующей методики.

Схема анализа

общих (дидактических) затруднений студента:

1) **Предметные затруднения:** использование знаний в области своего предмета; эрудиция, широта кругозора; связь материала урока с жизнью детей, их интересами, конкретной ситуацией; постановка демонстрационного эксперимента; решение физических задач.

2) **Организационные:** изложение материала научно и в то же время доступно; построение урока логично и последовательно; четкость установок; изложение материала заинтересованно.

3) **Коммуникативные:** доброжелательность и тактичность; терпение с детьми; требовательность в сочетании с уважением; создание коммуникативных ситуаций; формирование речевой направленности учащихся; организация учебной дискуссии.

4) **Диагностико-коррекционные:** изучение мотивации учащихся; выявление уровня интереса к предмету; изучение положения ученика в межличностных отношениях; выявление и учет индивидуальных особенностей.

5) **Контрольно-оценочные:** корректировка знаний учащихся; учет временного участия каждого в уроке; аргументированность оценки; объективность оценки.

6) **Стимулирующе-регулирующие:** формулирование вопросов, активизирующих мышление учащихся; создание проблемных ситуаций; поиск стратегии индивидуализации в отношении каждого ученика.

1 балл – затруднения встречались в течение всего урока (практики) и не преодолены.

2 балла – затруднения встречались часто, преодолевались с трудом.

Оценочный бланк для самоанализа и самооценки общих дидактических затруднений

Виды затруднений	Шкала оценок в баллах					Программа самосовершенствования
	16	26	36	46	56	
1) предметные						
2) организационные						
3) коммуникативные						
4) контрольно-оценочные						
5) диагностико-коррекционные						
6) стимулирующе-регулирующие						

3 балла – затруднения встречались иногда, порой преодолевались.

4 балла – затруднения встречались редко, преодолевались всегда.

5 баллов – затруднения не встречались, а если и были, преодолевались в ходе подготовки к уроку (прохождения практики).

Оценочный бланк для самоанализа и самооценки общих дидактических затруднений представлен в таблице (см. с. 128).

Данная методика позволила выявить:

1. Выбор студентов в подавляющем большинстве случаев приходится на 4 балла (затруднения встречались редко, преодолевались всегда) по всем видам затруднений: 4 балла – 71 случай из 198, т. е. 35,86%; 5 баллов – 27 случаев из 198, т. е. 13,64%.

2. Меньший процент затруднений приходится на предметные (1), организационные (2) и коммуникативные (3).

3. Самой трудной для студентов оказалась стимулирующе-регулирующая деятельность (формулирование вопросов активизирующих мышление учащихся; создание проблемных ситуаций; поиск стратегии индивидуализации в отношении каждого ученика).

4. Число случаев уменьшения затруднений составляет 30,3%. Из них переходов на более высокий уровень по выполнению предметной деятельности – 20%, стимулирующе-регулирующей – 18,33%; организационной – 23,33%. В трех случаях по 3 видам деятельности затруднения остались не преодолены по организационному, коммуникативному и диагностико-коррекционному направлениям.

Таким образом, при учете содержания пунктов 1 и 4, можно утверждать, что почти 80% студентов справились с возникавшими дидактическими трудностями во время практики.

Схема общих дидактических затруднений будет служить установкой к профессионально-педагогическому совершенству.

В целом этап первой учебно-воспитательной практики показал, что студенты обладают высоким творческим потенциалом, владея необходимыми методическими знаниями по физике и умением обращаться со средствами новых информационных технологий (СНИТО) и технологий обучения. Надеемся, что в дальнейшем большинство этих талантливых юношей и девушек будут учителями с большой буквы, учителями «по зову сердца» и помогут вернуть физике как школьному предмету авторитет элитной науки.

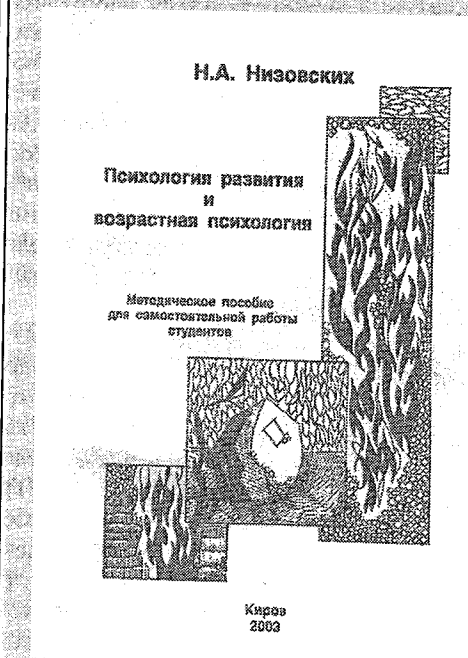
Новые книги

Низовских Нина Аркадьевна

Психология развития и возрастная психология

Методическое пособие для самостоятельной работы студентов
Издание 2-е

Киров: Изд-во ВятГГУ, 2003. – 100 с.

Учебно-методическое пособие предназначено в помощь студентам при самостоятельной работе по курсу «Психология развития и возрастная психология». В пособии представлены программа курса, учебно-тематические планы, отражающие содержание и структуру данного курса, а также методические разработки к семинарским занятиям и для составления психолого-педагогических характеристик детей и подростков. Приводятся указания по выполнению курсовой работы и словарь терминов.

Пособие адресовано студентам психологического факультета, может быть полезно обучающимся по другим специальностям, а также практическим психологам сферы образования.

МОЛОДЫЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ

К. С. Бажин

ОРГАНИЗАЦИОННОЕ ПРОЕКТИРОВАНИЕ КАК СПОСОБ ИННОВАЦИОННЫХ ИЗМЕНЕНИЙ В СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ

В статье излагается способ использования проектирования в системах образования, доказывающий необходимость осуществления инновационных изменений в виде проектирования. Автор дает определение организационного проектирования применительно к сфере образования, описывает его технологию. Новизна изложенного материала заключается в рассмотрении понятия и технологии организационного проектирования с учетом специфики системы образования.

Закон Российской Федерации «Об образовании» под системой образования понимает совокупность взаимодействующих преемственных образовательных программ и государственных образовательных стандартов различного уровня и направленности; сети реализующих их образовательных учреждений независимо от организационно-правовых форм, типов и видов; органов управления образованием и подведомственных им учреждений и организаций. Ее полноценное развитие невозможно без изменений, совершенствования, которые, как правило, осуществляются в виде инноваций. В менеджменте понятие инновация употребляется либо в качестве синонима слова нововведение, либо обозначает уже используемые в практике новые продукты, процессы, услуги. Понятие «инновация» является общепринятым в научном сообществе. Инновации присущ ряд качественных характеристик, среди которых выделяются следующие: диалектичность, фазность, степень радикальности, способность служить механизмом взаимодействия ценностей и норм, конфликтность, оценочность, рискованность, индикативность, структурированность, управляемость, социальная ориентированность, способность дифференцировать людей по интересам. Инновации выступают одним из существенных атрибутов управленческой культуры, являются ее неотъемлемыми свойствами. Таким образом, инновация – это специально организованная деятельность, отражающая содержание и организацию нового, пригодного для практического использования.

БАЖИН Константин Сергеевич – ассистент кафедры социальной работы, сервиса и туризма ВятГГУ © К. С. Бажин, 2003

Достижение желаемого инновационного результата происходит путем инновационных изменений, среди которых выделяются как «эволюционные», так и «революционные». К последним в полной мере может быть отнесено проектирование. По мнению В. К. Рябцева и В. И. Слободчикова, принципиальная необходимость в проектировании возникает тогда, когда должен быть осуществлен «шаг развития», переход целостной системы (а не её отдельных компонентов) из одного состояния в другое, но прямой переход из имеющейся ситуации в ситуацию желаемого будущего невозможен. Такой переход не может осуществиться сам по себе, эволюционно, за счёт отдельных усовершенствований внутри системы. Это связано либо с отсутствием необходимых средств перехода в данных условиях, либо с невозможностью изменить данные условия, в которых имеющиеся средства не обеспечивают достижение желаемого результата. Описанное состояние является проблемным и требуется специальная работа, направленная на выявление условий, препятствующих данному переходу, и разработку новых средств, позволяющих этот переход совершить. Цель проектирования в данном случае – это переход системы из ситуации 1 (исходная не удовлетворяющая) в ситуацию 2 (искомая). Однако, чтобы данная цель превратилась в решаемую задачу, необходимо иметь условия, в которых она может быть достигнута. В ситуации 1 этих условий нет, иначе был бы возможен прямой переход в желаемую ситуацию; в ситуации 2 этих условий также нет, так как она только желаемая, но неопределённая. По сути, выход за пределы этой антиномии как раз и осуществляется в проектировании. Отсюда, предметом проектирования является создание условий (средств, механизмов) шага развития системы образования в целом, перехода её из одного состояния в другое.

Проектирование в педагогике рассматривается как заключительная процедура стратегического планирования, которая состоит в разработке проектов, отражающих представление о совокупности средств и действий, которые должны быть совершены для реализации стратегических решений. По мнению П. И. Третьякова, проектирование обеспечивает возможность избежать многих ошибок при подготовке комплекса целевых программ, объединяющих локальные программы во взаимосвязанную педагогическую систему, которая охватывает важнейшие аспекты деятельности образовательного учреждения. Оно реализует функцию разработки и описания сущностных идей, составляющих основу такой программы, способы ре-

шения поставленных задач на основе имеющихся ресурсов, технологий и т. д., которые реализуются посредством конкретных проектов [1].

По одной из классификаций (В. Н. Бурков, Д. А. Новиков) [2] выделяется несколько видов проектирования: техническое, экономическое, социальное и смешанное. В теории управления проектами организационные проекты относят к категории социальных, имеющих свою специфику: цели только намечаются и должны корректироваться по мере достижения промежуточных результатов, количественная и качественная оценка которых затруднена; сроки и продолжительность проекта зависят от вероятностных факторов или только намечаются и впоследствии подлежат уточнению; расходы на проект, как правило, зависят от бюджетных ассигнований; ресурсы выделяются по мере потребности в рамках возможного; среди других видов проектов они обладают наибольшей неопределённостью.

Под организационным проектированием понимается развернутая во времени совокупность процедур, позволяющая сформировать определенную целенаправленную систему деятельности (организацию). Каждая такая процедура вмешивается в налаженный или случайный ход событий, увеличивая вероятность возникновения события цели. Основной задачей организационного проектирования является получение четкого ответа на вопрос: «Какой должна быть организация, чтобы с ее помощью можно было реализовать поставленные цели?» Проектирование организации связано с принятием ее руководством решений, относящихся ко многим областям жизнедеятельности организации. Его можно сравнить со строительством «организационного здания». Первым элементом в этом процессе будет решение о количестве и функциональной принадлежности «помещений» в этом «здании», вторым – решение о группировании «помещений» в связи с задачами по их использованию, третьим – решение о соединении частей «здания», четвертым – решение о размерах этих частей и т. п. [3] При проектировании организации происходит группирование людей и работ по какому-то принципу или на основе какого-то критерия.

Проектирование организации, обеспечивающее установление взаимодействия между членами организации с учетом выполненных ими работ, проявляется в двух видах – в статическом как структура организации и в динамическом как протекающие в организации процессы. Организационное проектирование находится под влиянием нескольких групп факторов, основными из которых являются внешняя среда, технология работы, стратегический выбор и поведение работников [4]. Оно связано с такими вопросами, как определение степени специализации, установление оптимального масштаба управляемости, установление связей, уровней иерархии, распределение прав и обязанностей, установление пропорции между степе-

ню централизации и децентрализации, а также дифференциации и интеграции [5].

В ходе организационного проектирования, по мнению П. Г. Щедровицкого, создается особая действительность, в которой собираются все планы: люди, взаимодействия и взаимоотношения, группы, нормы культуры и конвенциональные нормы, кооперативные схемы организации деятельности с соответствующими «местами» для индивидов и т. д. При организационном проектировании обязательно должны учитываться отношения между создаваемыми организованностями и развертывающейся на них деятельностью, между создаваемыми вновь организованностями и прошлыми организуемыми деятельностями, возможность преобразования и развития деятельности, существующая система разделения труда и требований к нормальному функционированию деятельности [6].

Термин организационное проектирование преимущественно используется в менеджменте. Вместе с тем в последние годы все чаще он начинает использоваться в сфере образования. Так, авторы одного из первых проектов федеральной программы развития образования (Н. Г. Алексеев, Ю. В. Громько, Д. Б. Дмитриев, В. В. Рубцов, В. И. Слободчиков, Ю. В. Крупнов) утверждают, что всякая программа (и программа развития образования здесь не является исключением) опирается на организационный проект. По их мнению, любая открытая программа обязательно содержит в себе принцип соорганизации минимального набора деятельностных позиций, обеспечивающих продвижение программы и ее реализацию. Минимальный набор таких позиций и форма связи между ними образуют организационный проект. А. М. Моисеев считает, что проектирование внутриорганизационного управления является составной частью, относительно самостоятельной областью организационного и управленческого проектирования [7]. В целом место организационного проекта в образовании определяется в структуре социально-педагогического проектирования [8].

Специальным объектом организационного проектирования в структуре социально-педагогического проектирования является образовательное учреждение, которое в соответствии с Гражданским кодексом Российской Федерации представляет собой разновидность образовательной организации. В данном случае «образовательная организация» рассматривается как совокупность людей, объединенных на основе определенных норм и правил для достижения личных и социальных целей образования.

Исходя из положения, что образованию присущи все атрибуты социальных структур и на него распространяются основные закономерности, принципы социального управления и менеджмента, дадим определение организационного проектирования в образовании. Организационное проектирование в образовании – это развернутая во времени совокупность про-

цедур, позволяющая сформировать систему деятельности образовательного учреждения. В статическом виде – это структура образовательного учреждения во всех ее проявлениях, в динамическом – совокупность различных деятельностных процессов, протекающих в организации.

Применение организационного проектирования в системе образования имеет свои особенности. Первым этапом организационного проектирования в образовании является анализ ситуации, который представляет собой результат взаимодействия между характерными особенностями реальной ситуации наличного состояния образовательной организации и мотивами субъектов образования, которых по тем или иным причинам эта ситуация не удовлетворяет. От анализа ситуации зависит, как и в каком направлении будут использоваться различные функциональные способности разработчиков и реализаторов образовательных проектов. Поэтому доминирующую роль играет такая составляющая, как разделенные ценности. Здесь происходит «ревизия» ценностей организации, выявляются противоречия между имеющимся и желаемым состоянием. Мотивация «запускает» последовательность действий в ситуации перехода от существующей ситуации к желаемой. В результате этих действий из числа сотрудников формируется профессионально-позиционное сообщество пространство деятельности которого создаётся в ходе коммуникационных режимов взаимодействия. В это сообщество должны войти единомышленники, которых объединяет общность взглядов на сложившуюся ситуацию, а также убежденность в необходимости созидательных действий. На данном этапе формируются представления об общих смыслах и назначении проекта, формируется его интеллектуальный, мировоззренческий, волевой ресурс. Это обеспечивает становление теоретико-методологических позиций участников проектной деятельности, что предполагает особую работу с профессиональным сознанием каждого входящего в проект, работа с его целями, ценностями, представлениями, профессиональными позициями.

В итоге появляется возможность перехода к следующему этапу оргпроектирования в образовании – концептуальному. Концептуализация в проектной деятельности обозначает разработку и оформление концепции, представляющей собой исходный замысел проекта, общие направления, способы и условия достижения его целей. Этот процесс включает совокупность последовательно осуществляемых действий, позволяющих получить первый документ (программа), который при соответствующей поддержке способен стать нормативной базой для последующих управленческих решений. Доминирующую роль на втором технологическом этапе играют стратегическая и структурная составляющие организации. Стратегия будущего оргпроекта формируется в четыре этапа: первый этап – выработка концепта (совокупности разнопрофильных, разнопредметных взглядов на ис-

ходный замысел (идею) и разнопозиционных отношений к нему). Он концентрирует в себе достаточно общий (образовательный, культурный, социальный) смысл проекта, цели его реализации, результаты комплексного анализа наличного положения дел («болевые точки», тупики, практические проблемы); во время второго этапа определяются основные направления действий и принципы их координации, позволяющие преобразовать существующее положение дел в ожидаемом и желаемом направлении; на третьем этапе намечаются общие способы и необходимые условия (имеющиеся и требуемые) достижения стратегических целей проекта; наконец, последний четвертый этап предполагает обоснованное прогнозирование последствий разрабатываемого (а в перспективе – реализуемого) инновационного проекта. Структура целей является системообразующей в проекте. Целеполагание в процессе подготовки и реализации проекта рассматривается как фиксирование осознанного, желаемого (должного) результата деятельности, достигнутого за некоторый интервал времени. В структуре целей организационного проекта выделяется основная (генеральная) цель, которая последовательно декомпозируется на множество взаимосвязанных целей, отражающих его структуру. Процесс формирования целей в ходе разработки организационного проекта должен соответствовать как общим требованиям к целеполаганию в процессе проектирования (чёткая ориентация на определённый интервал времени; конкретность и измеримость; непротиворечивость и согласованность с другими целями и ресурсами; адресность и контролируемость), так и специфике проектирования в образовании.

Наряду с определением стратегии важную роль на данном этапе играет структура учреждения. Деление образовательного учреждения на подразделения и направления деятельности, их иерархическая субординация и распределение власти между ними задаёт общие условия и параметры для разработки концепции. В ходе разработки концепции проекта осуществляется «выращивание» жизнеспособной «общности» людей, которая включает как участников разработки проектной идеи, готовых стать её реализаторами, так и просто «сочувствующих» ей. Такая общность должна быть позиционной, где каждый является собственником своей профессиональной деятельности, «прозрачной» по своим целям и устройству для каждого другого. Только в этом случае возможна деятельностная кооперация, возможно оформление организационного ресурса, являющегося залогом практической реализации проекта. Возникающее позиционно-деятельностное сообщество характеризуется проявлением проектно-моделирующей профессиональной позиции, отражающей установление необходимых коопераций, и формированием деятельностной команды разработчиков проекта.

Наличие концепт-идеи позволяет переходить к этапу программирования. Программирование в орг-

проектировании заключается в разработке совокупности видов деятельности, обеспечивающих в своей логической и временной последовательности переход образовательного учреждения в качественно иное состояние. Результатом этого процесса является программа, представляющая собой ориентированное на будущее управленческое инструментальное знание, реализующее принцип связи концептуально определённых целей и способов их реализации в рамках реальных ресурсов, средств и специфической организации. Этап программирования включает, во-первых, описание практических проблем и противоречий, которые могут быть разрешены в рамках создаваемого проекта, и определение конкретных способов их решения; во-вторых, установление категорий участников разрабатываемого проекта, их профессионального состава, разработку способов кооперации и координации их деятельности с целью разрешения наиболее сложных проблем; в-третьих, выявление конкретных видов работ, распределение их во временной последовательности со своими ресурсными затратами и средствами осуществления; в-четвертых, изложение заранее предполагаемых результатов осуществления деятельности, что является особенно важным для оценки реалистичности и реализуемости проекта в целом; в-пятых, определение необходимых ресурсов всех видов и общей стоимости работ по проекту.

Структура ресурсов организационного проекта позволяет установить состав и связи между ресурсными потенциалами его внешней («вход» проекта) и внутренней («выход» проекта) среды. Первый складывается из совокупности демографического, природного, культурно-исторического и других потенциалов. В состав ресурсного потенциала внутренней среды проекта входят такие его разновидности, как ценностно-смысловой (разделяемые ценности, организационная культура), контингент членов организации (персонал-штат), профессиональный, научный, инновационный, мотивационный. К нему также относится комплекс обеспечивающих (функционирование и развитие организации) ресурсов: информационных, нормативно-правовых, материально-технических, финансовых и других. В целом под «входом» организационного проекта в сфере образования логично понимать всё то, что поступает в него из внешней среды, затем преобразуется в ходе его реализации и на «выходе» передаётся во внешнюю среду в форме конкретной продукции, которая рождает новые проблемы и поэтому опять же поступает на «вход», но уже другого проекта.

В ходе этапа программирования необходимо также «распределить роли» среди участников и окружения проекта, которые могут быть представлены как физическими, так и юридическими лицами. Особое место в осуществлении организационного проекта, и оргпроект в сфере образования здесь не исключение, играет его руководитель (в принятой на Западе терминологии – проект-менеджер, или менеджер проек-

та). Это лицо, которому участник проекта (чаще всего заказчик, инвестор или исполнитель) на основании заключённого контракта делегирует определённые полномочия, связанные с руководством работами по проекту. Руководитель (иными словами линейный руководитель) проекта возглавляет деятельность команды проекта. Команда проекта представляет собой специфическую организационную структуру, которая может действовать, начиная с разработки проекта и до его ликвидации. Её состав и функции определяются целями, задачами, масштабами и другими характеристиками проекта. В составе команды проекта особую роль исполняет функциональный руководитель, задачей которого является выполнение порученных ему функций (реализация части проекта, микропроекта). Важное значение для разработки и реализации проектов имеет включение в его состав эксперта. В случае необходимости к работе по проекту привлекается консультант, в качестве которого могут выступать специалисты, организации, коллективы, оказывающие консультационные услуги. В качестве разработчика проектной документации выступают лица или организации, которые готовят необходимые для реализации проекта документы (например, его концепцию, программу, планы, модели и т. д.) [9]. В процессе разработки программы проекта его команда должна перейти на следующий, более высокий уровень своего развития – профессионально-деятельностного сообщества. Это набор деятельностных позиций, определённым образом связанных между собой, система взаимосвязанных действий относительно смыслового поля. Профессионально-деятельностная общность отражает набор коопераций, обеспечивающий реализацию определённой деятельности. В рамках этого проявляется конструкторско-методическая позиция разработчиков проекта.

Логичным продолжением этапа программирования является планирование. Здесь происходит привязка реализации этапов проекта, его разделов и направлений к временному интервалу, то есть составляется график реализации проекта. Прежде всего определяются контрольные, рубежные интервалы (у длительных проектов они, как правило, составляют один год). На этих контрольных точках в будущем будут подводиться промежуточные итоги реализации проекта. Для каждого из интервалов конкретно обозначаются виды разработок, реальные задачи, поименованные исполнители, конечные продукты и их потребители. Разумеется, в случае, когда речь идет о стратегии модульных изменений, а тем более о стратегии системных изменений, то вполне понятно, что выполнение отдельных работ, решение отдельных задач будут зависеть друг от друга, «цепляться» одно за другое. Проведение одних работ будет зависеть от результатов, полученных в других работах [10]. При этом необходимо иметь в виду, что исполнители по тем работам, по которым невозможно будет начать работу сразу, не дождавшись результатов предыдущих

работ, не должны ждать, ничего не предпринимая. В это время они сосредотачиваются на работе по повышению своей квалификации, совершенствованию плана реализации собственного этапа работ и т. д. Существенная особенность составления временного графика заключается в том, что он планируется с обеих сторон — и с начала, и с конца. Руководитель проекта первым делом задается вопросами: когда они хотят получить все необходимые результаты, необходимые для полного внедрения инноваций, и когда могут быть реально получены эти результаты. От баланса этих сроков прогнозируется, сколько времени понадобится для внедрения, сколько для основного этапа каждой работы во всей их череде, сколько — на подготовительный этап той работы, которая должна быть начата в первую очередь [11]. Разрабатывая этап, команда участников проекта переходит на следующий уровень своего объединения — институализированная общность. Она отражает характеристики происходящего в коллективе социального взаимодействия, центральный процессом в котором является координация между новой институцией и социокультурной средой в целом.

Планированием по сути дела завершается этап разработки организационного проекта в образовании и начинается его реализация. На определенных ранее контрольных точках подводятся промежуточные итоги, по результатам которых конкретизируется концепция (замысел), уточняется программа, составляется (при необходимости) новый план. Участники и реализаторы достигли на данном этапе уровня проектного сообщества. В общем виде практическая реализация связана с целенаправленным формированием особого рода ресурсов: интеллектуально-волевого, нравственно-позиционного, организационного, управленческого, профессионально-деятельностного [12].

Таким образом, в случаях, когда осуществление перехода системы образования из наличного (имеющегося) состояния в искомое (желаемое) традиционным способом по ряду объективных причин невозможно, используется организационное проектирование. Для реализации с его помощью инновационного замысла необходимо обеспечить последовательное, с целью формирования системы деятельности образовательного учреждения, изменение всех компонентов организации в ходе протекания пяти сменяющих друг друга этапов: анализа ситуации — концептуализации — программирования — планирования — реализации.

Примечания

1. Третьяков П. И. Практика управления современной школой: Опыт педагогического менеджмента. М.: МПГУ, 1995. С. 29, 38, 70.
2. Бурков В. Н., Новиков Д. А. Как управлять проектами. М.: СИНТЕГ — ГЕО, 1997. С. 10.
3. Виханский О. С., Наумов А. И. Менеджмент: Учебник. 3-е изд. М.: Гардарики, 1998. С. 297.
4. Там же. С. 331.
5. Там же. С. 332.

6. Щедровицкий П. Г. Организационное проектирование в системе управленческой деятельности / Системное управление — проблемы и решения. М.: Концепт, 1998. Вып. 9.

7. Проектирование систем внутришкольного управления / Пособие для руководителей образовательных учреждений и территориальных образовательных систем / Под ред. А. М. Моисеева. М.: Пед. общество России, 2001. С. 20.

8. Там же.

9. Юсупов В. З. Социально-педагогическое проектирование в региональных системах образования: Монография. Киров: Изд-во ВГПУ, 1998. 120 с.

10. Новиков А. М. Методология образования. М.: «Эгвес», 2002. С. 281.

11. Там же. С. 282.

12. Юсупов В. З. Указ. соч.

О. В. Канина

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА В СИСТЕМЕ ПОДГОТОВКИ БУДУЩЕГО УЧИТЕЛЯ ЕДИНОЙ ТРУДОВОЙ ШКОЛЫ I СТУПЕНИ

В статье рассматриваются исторические основы формирования системы педагогической практики в советской педагогике.

В период формирования системы педагогического образования, после октябрьской революции, возникло множество вопросов и, среди них, вопрос о месте, роли и содержании педагогической практики.

В первые годы работы педагогических техникумов, которые и являлись центрами для подготовки учителей для ЕТШ (Единой трудовой школы) I ступени, содержание и место педагогической практики в общей системе подготовки было неопределенным. Практика начиналась с первого года обучения и носила более социальный, нежели учебно-воспитательный, характер. Отсутствие четкой программы практики предоставляло возможность техникумам на местах строить ее, исходя из своих возможностей и интересов, что не всегда давало хорошие результаты вследствие некоторой стихийности и неорганизованности.

Ситуация изменилась после первой Всероссийской конференции по педагогическому образованию (февраль 1924 г.). В ходе работы конференции был принят важный документ «Основы строительства педагогического образования в РСФСР».

В соответствии с данным документом практическая составляющая должна была пронизывать все части учебных программ. Это, в первую очередь, политико-просветительская и краеведческая практика в

КАНИНА Ольга Владимировна — аспирант кафедры педагогики ВятГГУ
© О. В. Канина, 2003

первые два года обучения и педагогическая работа в школах и учреждениях социального воспитания в последующие два года. Такая установка сопровождалась увеличением количества часов на педагогические дисциплины в учебном плане.

Интересным аспектом педагогической практики было требование функционирования при каждом педагогическом учебном заведении с целью прохождения практики так называемой «опытной школы». Существование такой экспериментально-практической базы при техникуме позволяло заметно повысить качество практической подготовки будущих учителей. Опытная школа должна была, во-первых, помочь обеспечить непрерывность практики на протяжении всего времени обучения, а во-вторых, давала возможность педагогической и методической экспериментальной деятельности, апробации различных педагогических новшеств в практике.

Естественно, что опытная школа не могла стать единственной практической базой для подготовки студентов. Помимо нее, некоторыми педагогами (например, А. Ф. Евстигнеевым-Беляковым), стоящими у истоков формирования содержания и структуры подготовки учителя для ЕТШ, предлагалось создать так называемую «Станцию по народному образованию». В состав «Станции» должны были входить учреждения, составляющие систему начального народного образования или сопутствующие им. Это детский сад или очаг, детский дом, изба-читальня и ряд школ. Задачи практической деятельности студентов в этих учреждениях были весьма разнообразны: участие в планировании работы, учет, помощь в организации и проведении экскурсий, руководство кружками, проведение занятий и т. д. Таким образом, «Станция по народному образованию», должна была существенно расширить содержание и структуру педагогической практики и придать ей комплексный характер. Кроме того, благодаря «Станции» студенты имели возможность выйти за замкнутые и иногда очень узкие рамки «опытной» школы.

Еще одной формой практической реализации педагогической практики являлась летняя практика. Проводилась она преимущественно в летних трудовых колониях и гораздо реже на так называемых «летних площадках» — своеобразном городском лагере. Такой вид практики также носил комплексный характер. Практиканты проводили как глубокое педагогическое, так и педологическое обследование. Благодаря этому одновременно решалось несколько задач психолого-педагогического характера.

В ходе практики будущие учителя применяли полученные знания и умения по организации образовательной деятельности учащихся. Выражалось это в проведении экскурсий, бесед, в дополнительной работе с отстающими школьниками по общеобразовательным предметам. Особое внимание уделялось воспитательной работе, на нее отводилось основное количество времени практики. Сюда входили органи-

зация детского досуга, игр, привитие школьникам навыков самоуправления и самообслуживания.

Во всех видах педагогической практики следует подчеркнуть еще одну положительную черту — это постановка учета результатов практики. Формы учета применялись и групповые (конференции) и индивидуальные (отчеты, дневники практики и т. п.).

Такая организация педагогической практики была типичной до конца 20-х годов. В дальнейшем многие социальные и политические процессы повлияли на содержание практики. Усиление курса на политизацию образования также отразилось на программах и структуре практики.

На протяжении 20-х гг. педагогическая практика была преимущественно ориентирована на отработку методики работы с учащимися школы I ступени. Новые установки призывали усилить идеологическую работу. «Содержание практики — участие в большом педагогическом процессе, в воспитательной работе советских, партийных и общественных организаций... в ближайшую пятилетку эта работа выразится в участии в культпоходе, объявленном и руководимым партией».

Усиление идеологической составляющей в общей структуре педагогической практики произошло не интенсивным, а экстенсивным путем, в основном за счет увеличения количества учебного времени и более раннего введения практики в процесс обучения.

Помимо этой тенденции продолжал укрепляться принцип связи теории с практикой, путем совершенствования программ по дисциплинам педагогического цикла и приближения их к реальной работе.

Несмотря на значительное внимание к педагогической практике в 20-е гг., сложились и негативные тенденции. Зачастую студенты использовались в качестве учителей уже со второго курса под видом текущей или летней практики. Таким образом компенсировался ощутимый дефицит учителей начальной школы. Изучение частных методик и других дисциплин общепедагогического цикла часто не согласовывалось с реальными этапами педагогической практики. Отсутствие в некоторых техникумах системы четких взаимосвязанных заданий, не определенные заранее календарные планы часто вели к безответственному отношению к практике как со стороны студентов, так и со стороны преподавателей техникумов. Эти и другие негативные тенденции не раз обсуждались в педагогической периодической печати.

Новый этап в совершенствовании прохождения педагогической практики связан с постановлениями ЦК ВКП (б) от 25 августа 1932 г. «Об учебных планах и режиме в начальной и средней школе» и ЦИК СССР от 19 сентября 1932 г. «Об учебных программах и режиме в высшей школе и техникумах» и решения коллегии Наркомпроса от 16 сентября и 10 ноября 1932 г. о практических мероприятиях по развитию этих постановлений. Перед педагогическими учебными заведениями была поставлена задача — дать

учащемуся систему практического изучения школы и навыки активного участия студентов в работе, «... доведя практиканта на последнем году обучения до выполнения ответственных заданий в группе школы, работы, проводимой под руководством методистов и под наблюдением руководителя группы».

В соответствии с данными документами были очерчены новые требования к педагогической практике, ведущими среди которых являются:

- подчинение каждого этапа практики соответствующему разделу теоретического цикла;
- обязательное составление предварительного плана практики, включающего календарный план и подробное задание на каждый день занятий учащихся;
- система заданий по разным предметам, взаимосвязанных и постепенно усложнявшихся;
- обязательная тщательная проверка и предварительное обсуждение вопросов практики в специально отведенное программой время.

Анализируя организацию педагогической практики в 20-х – начале 30-х гг. можно сделать следующие выводы. В первые годы работы педагогических техникумов постановке практики не уделялось должного внимания. Она носила в основном социальный характер и не имела теоретического педагогического обоснования. Однако с 1924 г. в связи с серьезными изменениями в учебных планах и программах, с учетом требований, выдвинутых на I Всероссийской конференции по педагогическому образованию, изменилась роль, содержание и место педагогической практики в системе подготовки учителя.

В ней соединились две составляющие: педагогическая и общественно-политическая. Студенты поэтапно выполняли ряд заданий – от первоначального знакомства с детским коллективом и условиями среды до самостоятельной подготовки уроков и их проведения.

Нужно отметить, что педагогическая практика в изучаемый период являлась вариативным компонентом учебного плана. Если количество часов, отводимых на нее, было относительно стабильным (от 6 до 13-15 часов в неделю) и этого придерживались практически все техникумы, то содержание и формы прохождения практики на местах были различны и основывались в основном на специализации техникума и его материальной базе.

Существенным моментом в организации педагогической практики в течение всего периода становления среднего педагогического образования было соотношение теоретической и практической части содержания общепедагогической подготовки. На протяжении 20-х гг. шел поиск оптимального соотношения между теорией и практикой. Этому вопросу было посвящено множество статей в периодической печати, выдвигались различные схемы проведения практики с мест. Только к началу 30-х гг. выкристаллизовалось мнение, что достаточная подготовка позволит студентам полноценно проходить педагогическую

практику. Содержание теоретического цикла стало отражать проблемы и запросы реальной массовой школы.

Следует заметить также, что существенной положительной чертой организации педагогической практики изучаемого периода была постановка ее учета. Тщательный, строгий, детальный учет, а также предварительный, текущий и заключительный контроль помогал избежать ошибок и позволял находить средства совершенствования содержания и структуры практики.

Примечания

1. *Фельдман Л.* Педагогический цикл и производственная практика в педтехникуме // Подготовка новых педагогических кадров / Под ред. Я. Богомольного. М.; Л.: Работник просвещения, 1930. С. 88.

2. *Ковалевская.* Организация педагогической практики в педагогических техникумах // Педагогическое образование. 1933. № 1. С. 36.

3. Там же. С. 35.

И. А. Крестинина

МОДЕЛЬ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПРОГРАММЫ ДЛЯ ДЕТЕЙ С ММД

В статье дается характеристика детей с минимальными мозговыми дисфункциями (ММД). Предлагается модель индивидуальной образовательной программы (ОП) для данной категории детей. Статья адресована широкому кругу читателей: в первую очередь педагогам, практическим психологам, родителям, имеющим детей с отклонениями в развитии.

Практика работы воспитателей дошкольных учреждений и педагогов начальных классов свидетельствует о том, что за последние годы резко возросло число детей с легкими нарушениями психического развития. От 32 до 60% поступающих в школу детей имеют те или иные функциональные нарушения в деятельности мозга.

Доказано, что большинство из них – это дети с минимальными мозговыми дисфункциями (ММД) или, по другой классификации, дети с нарушениями внимания (СДВГ). Зачастую таких детей ошибочно относят к детям с задержкой психического развития. Главным отличием детей с ММД является их стандартный и выше среднего уровень интеллекта. Это умные дети. Но именно они вызывают отчаяние как у педагогов, так и у родителей. Для таких детей характерными являются нарушения внимания, затруднения

КРЕСТИНИНА Ирина Алексеевна – аспирант кафедры социальной педагогики Института психологии и педагогики ВятГГУ
© И. А. Крестинина, 2003

в контроле своих импульсов, трудности в поддержании соответствующей заданию активности, проблемы в планировании и организации познавательных заданий, затруднения в выполнении указаний учителя, неумение переносить неудачи. Данная категория детей нуждается в глубоком всестороннем изучении и в организации специальной помощи.

В настоящее время разработано большое количество программ и методик, предназначенных для коррекции и развития интеллектуальной сферы детей. К их числу относятся программы, нацеленные непосредственно на коррекцию и развитие отдельных высших психических функций (ВПФ), таких, как внимание, память, логическое мышление, речь и т. д. Однако эти программы не ориентированы непосредственно на реальный учебный процесс, так как обычно представляют собой серию заданий по изолированной тренировке отдельных ВПФ, не нацелены на формирование более крупных операций, которые лежат в основе навыков чтения, письма и других значительных компонентов учебной деятельности, освоение которых представляет основные трудности для детей.

Коррекция расстройств при ММД стала прерогативой психологов. В немалой степени этому способствовали сложности ранней неврологической диагностики («мягкость», «не грубость» симптоматики), отсутствие четко обозначенных критериев ММД, а также сохранность интеллекта у подавляющего большинства детей данной категории. ММД не только психологическая проблема, но и социально-педагогическая, и медицинская. ММД относятся к разряду междисциплинарных медико-социальных феноменов. Решение проблем ребенка с ММД – в объединении усилий медиков, педагогов, психологов и родителей, которым необходимо согласованно дополнять друг друга. Психологические и педагогические воздействия должны наслаиваться на биологическую терапию с учетом динамики реагирования мозга. Проблему обучения детей с ММД решить можно только комплексно, а образовательные программы при этом строить на основе индивидуального подхода, принимая во внимание результаты медико-психолого-педагогической диагностики.

Длительное время отечественные педагогика и психология формировались в традициях объектно-деятельностного подхода к развитию личности. Перестроечные тенденции в нашем обществе вызвали к жизни переход от объектной к субъектной парадигме развития личности, что выразилось в выдвигании на передний край отечественной науки личностно-ориентированных теорий развития, концепций, провозглашающих приоритет личностных ценностей перед ценностями отдельных групп, уделяющих особое внимание анализу базовых потребностей личности и, прежде всего, потребности в реализации её творческого потенциала, в контексте которой развитие личности понимается не как управление ею, а как созда-

ние условий для формирования у неё механизмов самоактуализации и саморазвития.

Личностно-ориентированной школе индивидуальный подход является основополагающим принципом построения всего образовательного процесса, конечной целью которого является раскрытие и развитие личности каждого ребенка.

Организация образовательной среды в личностно-ориентированной системе предполагает обязательное наличие следующих условий:

- признание педагогическим коллективом основной ценности и цели образования – раскрытие каждого ученика как личности;
- построение и проработка индивидуальной траектории развития через реализацию образовательной программы в соответствии с личностными потребностями, интересами ученика;
- создание системы педагогических воздействий, способствующих раскрытию индивидуальности ребенка на всех возрастных этапах: от момента приема в школу до её окончания;
- разработка школьной документации, позволяющей проследить и фиксировать динамику развития ученика от класса к классу не по отдельным (хотя и важным), а по «сквозным» параметрам, обеспечивающим целостную характеристику ученика как личности.

Личностно-ориентированная среда должна быть целостной, комплексной и реализующей единые требования. С позиций личностно-ориентированного образования нам необходима, прежде всего, такая целостная среда, которая, будучи одинаковой для всех, является вместе с тем разнообразной, т. е. приспособленной для проявления индивидуальности каждого ученика на всей вертикали его возрастного развития.

Развитию личности ученика в условиях системы школьного образования способствуют специализированные образовательные программы, спроектированные с учетом образовательных потребностей и возможностей учащихся. Образовательная программа должна носить индивидуальный характер, основываться прежде всего на знании особенностей ученика как личности со всеми присущими ей характеристиками, а также быть гибко приспособлена к возможностям учащегося, динамике его развития.

Под индивидуальной образовательной программой мы понимаем организационно-управленческое знание, позволяющее реализовать принцип личностной ориентации образовательного процесса через создание условий, способствующих достижению учащимися с особыми образовательными потребностями и возможностями установленного стандарта образования и развития их способностей и творчества.

Что значит особые образовательные потребности? В проекте Закона Российской Федерации «О специальном образовании» сказано: «Специальные образовательные потребности – потребности в специальных (индивидуализированных) условиях обучения, вклю-

чая технические средства, особом содержании и методах обучения, а также в медицинских, социальных и иных услугах, непосредственно связанных и необходимых для успешного образования».

При проектировании индивидуальных образовательных программ создается модель деятельности по освоению содержания образования учеником. Мы считаем, что программа должна представлять описание нормативной модели совместной деятельности субъектов образования и условий достижения ими поставленных целей образовательного процесса определенной направленности, уровня и типа в условиях конкретного общеобразовательного учреждения.

По направленности: основная общеобразовательная программа для детей с ММД;

по уровню: общеобразовательная программа начального общего образования;

по типу: программа базового образования (медико-психолого-педагогическая);

по виду: общеобразовательная начальная школа;

по предмету программирования: образовательный маршрут учащегося (индивидуальная программа конкретного ученика, отражающая его интересы, возможности, потребности и реализуемая в условиях конкретного образовательного учреждения);

по инновационному потенциалу: модификационная (осуществление стратегии модульных преобразований целостных участков образовательного процесса, но не изменяющих его направленности, типа и вида);

по длительности: среднесрочная (охватывает период обучения учащихся в образовательном учреждении на одной ступени обучения, т. е. 4 года).

Индивидуальная образовательная программа для детей с трудностями в обучении рассматривается как программа совместной деятельности всех участников образовательного процесса, как единство социально-педагогической, психологической и медицинской среды. Для успешного обучения детей с ММД в общеобразовательной школе необходимо привлечение специалистов психолого-педагогического и медицинского профиля, обучение всех педагогов специальным знаниям. Эта программа должна быть гибкой, мобильной, динамичной, легко перестраиваемой с учетом особенностей детей и направленной на формирование личности ребенка. Эффективность образовательного процесса в общеобразовательной начальной школе повышается, если образовательная программа:

1) учитывает индивидуальные психофизиологические особенности детей и предупреждает развитие возможных осложнений;

2) обеспечивает своевременное выявление причин, которые приводят к неуспеваемости и дезадаптации учащихся;

3) внедряет инновационные технологии обучения, способствующие развитию детей данной категории;

4) обеспечивает квалифицированную коррекционно-развивающую работу, основанную на результатах

комплексной диагностики и на новых научно обоснованных организационных и методических формах деятельности;

5) рассматривается как комплексное условие реализации содержания начального образования.

Цель индивидуальной образовательной программы – достижение каждым учащимся определенного стандартом уровня образования и развитие его творческих способностей.

В соответствии с целью ставятся задачи: введение системы регулярного, углубленного, комплексного и разностороннего изучения детей в процессе различных видов деятельности на уроке, во внеурочное время, в семье; интеграция полученных в ходе медицинского, психологического и педагогического изучения ребенка данных, объединяемых в синдромокомплекс; разработка педагогических технологий: диагностико-информационных, обучающе-образовательных, коррекционных, реабилитационных; объединение усилий педагогов, медицинских и социальных работников в оказании всесторонней помощи и поддержки детям с нарушениями здоровья; расширение перечня педагогических, психотерапевтических, социальных и правовых услуг детям и родителям; развитие системных отношений в направлении школа – ребенок – семья – органы здравоохранения.

Общепринятой структуры образовательной программы не существует. На наш взгляд, наиболее актуальным является модульный принцип её построения. Индивидуальная образовательная программа для детей с ММД являет собой последовательность взаимосвязанных и взаимообусловленных модулей, обеспечивающих рост общеобразовательной подготовки и культуры учащихся, уверенное вхождение в социум с учетом имеющихся склонностей и особенностей.

Предлагаемая модель индивидуальной образовательной программы состоит из 5 модулей: концептуальный; диагностико-консультативный; коррекционно-адаптационно-развивающий; лечебно-профилактический; социально-педагогический.

Таким образом, в данной статье мы попытались представить модель образовательной программы для детей с ММД и составляющие их подпрограммы. В дальнейшем нам предстоит детальное описание данной модели.

Примечания

1. Слободчиков В. И. Психологические основы личностно-ориентированного образования // «На улице Свободы...». Педагогическая позиция Вятской гуманитарной гимназии. М.; Киров, 2001. С. 14-27.

2. Якиманская И. С. Принципы построения образовательных программ и личностное развитие учащихся // Вопросы психологии. 1999. № 3. С. 39-47.

3. Ясюкова Л. А. Оптимизация обучения и развития детей с ММД. СПб., 2001.

4. Юсупов В. З. Опыт разработки образовательных программ: Метод. пособие для руководителей общеобразовательных учреждений. Киров: Изд-во Киров. обл. ИУУ, 2001.

О. Н. Ордина

ВЛИЯНИЕ СТАРЦЕВ ОПТИНОЙ ПУСТЫНИ НА ФИЛОСОФСКИЕ ВЗГЛЯДЫ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

Достоевского не удовлетворяла раздвоенность христианства и культуры, он был глубоко уверен в возможности их подлинного сочетания. Федор Михайлович поставил проблему культуры внутри самого религиозного сознания: у него все проблемы человеческого духа становятся проблемами религиозного порядка. Поэтому он одним из первых обратился к духовному источнику Оптиной Пустыни.

Ф. М. Достоевский впервые посетил Оптину в 1874 году. В 1878 году он приехал в Пустынь после смерти сына Алеши, скончавшегося от эпилепсии. Беседовал с преп. Амвросием. Известен отзыв подвижника о писателе: «Этот – кающийся». Федор Михайлович жил в скиту, в отдельном домике. После кончины преп. Амвросия бывал в Оптиной и беседовал со старцем Иосифом. Впечатления, полученные от посещений православной обители, нашли свое отражение в романе «Братья Карамазовы» [1]. Религиозный идеал святости привлекал Достоевского. В его произведениях высшие положительные образы воплощают, по его понятиям, святость, или, по крайней мере, движение к ней: князь Мышкин, Макар Иванович, старец Зосима, Алеша Карамазов.

В романе «Бесы» Достоевский впервые попытался создать образ русского инока Тихона, который должен был появиться «на сцене» как духовный и нравственный судья Николая Ставрогина. Каким же видел в это время Достоевский русского монаха. По мнению Владимира Малягина, главным качеством Тихона Достоевский считает его психологическую пронизательность, наделив его при этом нервностью, чувствительностью, душевной утонченностью. Но суть старчества в другом: старец – не пронизательный психолог, а духовный руководитель, имеющий власть и силу. «Это понимание явно не дается Достоевскому», – высказывает свое мнение Владимир Малягин [2]. Совершенно очевидно, что во время работы над «Бесами» писатель еще очень поверхностно представлял себе монастырскую и вообще церковную жизнь. Поэтому издатель (напомним, им был М. Н. Катков) не согласился включить главу «У Тихона» в окончательный текст романа.

Следующий роман – «Подросток» – некоторые исследователи определяют как своеобразный воспитательный роман. Сюжет его состоит в развенчании идеи Подростка «стать Ротшильдом» и с помощью громадного богатства «повелевать миром». Есть в романе и герой-верующий. Это бывший крепостной Макар Иванович Долгорукий, названный отец Под-

ростка. Он странствует по многочисленным русским монастырям, проповедует покаяние.

Время написания и публикации «Подростка» было и временем подготовки Достоевского к работе над своей главной книгой – романом «Братья Карамазовы». В характерах верующих персонажей романа Достоевский воплощает систему своих христианских взглядов. Главный образ, важный для понимания этих взглядов, – старец Зосима.

Внимание Достоевского привлекают к себе чудесные свойства святых. Прозорливость, свойственную многим святым, способность ясновидения он художественно изобразил в рассказе о земном поклоне старца Зосимы перед Дмитрием Карамазовым, в описании общения старца с людьми, ищущими его совета или утешения, и в его предсказании старушке о получении письма от сына или даже возвращения его домой [3]. Старец Зосима есть изображение святого, как его представляет себе Достоевский. История переворота, приведшего Зосиму в молодости от пустой светской жизни к подвижничеству, рассказана Достоевским с изумительной силой. В детстве Зосима был глубоко религиозен и на всю жизнь сохранил «умилительные воспоминания» о своем детском религиозном опыте (в главе о «Религиозной жизни Достоевского» указано, что это – воспоминания из детства самого Достоевского). К числу глубоких впечатлений детства его принадлежали и воспоминания о брате его Маркеле, который, приближаясь к смерти от чахотки, из атеиста стал пламенно и восторженно верующим человеком, исполненным любви ко всему живому, проникнутым убеждением, что «всякий из нас пред всеми во всем виноват» и что завтра же «стал бы на всем свете рай, если бы у нас открылись глаза на все то добро, которое есть в мире» [4].

В романе мы находим старца Зосиму уже человеком духовно зрелым, с большим знанием жизни и людей. «Он проявляет поразительное проникновение в глубокие тайники души... Как многие святые, он обладает не только прозорливостью, но и доходит иногда до ясновидения в пространстве и даже во времени», – считает Н. О. Лосский [5]. Старцу Зосиме присуща высокая духовная сила руководства людьми, способность дать нуждающимся утешение и наставление. Проявляется эта способность часто в оригинальной форме: беседуя с матерью, потерявшей любимого единственного сына-младенца и близкой к унынию, он ей говорит, что когда она преодолет себя и вернется к семейной жизни, горе постепенно перейдет в тихое умиление [6].

По мнению Владимира Малягина, снова, как и в предыдущей попытке («Бесы», глава «У Тихона») изобразить православного старца-руководителя, Достоевскому явно не хватило понимания сути духовной власти и духовной силы. «Старец» Достоевского слишком восторжен по любому поводу, слишком занят пониманием мира и людской психологии, он даже как бы несколько душевно расслаблен. Перед смер-

ОРДИНА Ольга Николаевна – старший преподаватель кафедры государственного-правовых дисциплин ВятГУ © О. Н. Ордина, 2003

тью самым главным своим делом он почему-то считает еще раз увидеться и побеседовать с ближайшими монахами: «Не умру, прежде чем еще раз не улюсь беседой с вами, возлюбленные сердца моего, на милые лики ваши погляжу, душу мою вам еще раз изолюю» [7]. Ошибка писателя в том, что из двух главных ипостасей Божия отношения к нам, грешным людям, — милосердия и правосудия, — Достоевский абсолютизирует милосердие, как бы забывая о правосудии Божиим. Божия любовь к человеку обязательна — но об этом никогда не говорил Достоевский.

По мнению К. Леонтьева, образ Зосимы далек от известного верующему образу православного старца. Вот как писал Константин Леонтьев об этой теме романа в своей статье «О всемирной любви»: «В романе “Братья Карамазовы” весьма значительную роль играют православные монахи; автор относится к ним с любовью и глубоким уважением... Старцу Зосиме присвоен даже мистический дар “прозорливости”... Правда, и в “Братьях Карамазовых” монахи говорят не совсем то, или, точнее выражаясь, совсем не то, что в действительности говорят очень хорошие монахи и у нас, на Афонской горе... Правда, и тут как-то мало говорится о богослужении, о монастырских послушаниях; ни одной церковной службы, ни одного молебна... Отшельник и строгий постник Ферапонт, мало до людей касающийся, почему-то изображен неблагоприятно и насмешливо... От тела скончавшегося старца Зосимы для чего-то исходит тлетворный дух... У господина Достоевского и в этом романе собственно мистические чувства все-таки выражены слабо, а чувства гуманитарной идеализации даже в речах иноков выражаются весьма пламенно и пространно». Позднее в своих воспоминаниях Леонтьев писал: «Считать “Братьев Карамазовых” православным романом могут только те, которые мало знакомы с истинным Православием, с христианством святых отцов и старцев афонских и оптинских» [8].

В описаниях монастыря мы находим портрет отца Ферапонта, монаха-отшельника, живущего строгим постником. Он «видит чертей», окружающих монастырских монахов, осуждает старчество и отца Зосиму, ненавидит (в буквальном смысле слова) всех мирских. А вот каково рассуждение отца Ферапонта о посте: «Я-то от их хлеба (т. е. монастырского) уйду, не нуждаюсь в нем вовсе, хотя бы и в лес, и там груздем переживу или ягодой, а они здесь не уйдут от своего хлеба, стало быть, “черту связаны”. Такой “уровень мысли” и такое понимание сути поста говорит, конечно, об одном: мы видим перед собой карикатуру», — считает критик Владимир Малягин [9]. «Карикатурна и сцена скандала отца Ферапонта над гробом старца Зосимы, от тела которого “раньше естественного времени” пошел почему-то тлетворный дух. Почему единственный отшельник, нарисованный Достоевским, карикатурен? Неужели только потому, что путь отшельничества писатель не понимал и отвергал?»

Митрополит Антоний (Храповицкий) полагает, что Достоевский на примере о. Ферапонта хотел показать, что он в монахах не высоко ценит религиозность, не соединенную при этом со свойством правдивости и светлой широкой всесторонности. «Тут причина ясная: они выбирают Бога, чтобы не преклоняться пред людьми, — разумеется, сами не ведая, как это в них делается: преклоняться пред Богом не так обидно. Из них выходят чрезвычайно горячо верующие — вернее сказать, горячо желающие верить: но желание они принимают за саму веру. “Из этаких особенно часто бывают под конец разочаровывающиеся”, — писал Достоевский. Отсюда видно, что ошибаются те, что утверждают, будто бы в лице о. Ферапонта он осуждает аскетизм отшельников; возражение на это есть прямое в беседе о. Зосимы “Русский инок”, где говорится о необходимости уединения и подвигов для духовного возрастания» [10].

Л. Ильюнина в статье «Оптина Пустынь и русская культура» пишет: «В “Братьях Карамазовых” Достоевскому удалось показать и трагедию внешне-го взгляда на святого. Вспомним прежде всего реакцию на действия и слова старца Миусова, Ракитина, отчасти Ивана Карамазова. Поэтому нам и сейчас необходимо помнить о том, что Достоевский никогда не был беспристрастен в своих произведениях и сам сознавал, что вполне понять святого человека может только святой же (так и писались в древности жития святых), что он скорее изображает жизнь старца через свое восприятие, а не изнутри, зачастую приписывая старцам свою идеологию, свои мысли и переживания. Говорить же о том, что поучения старца Зосимы вполне соответствуют документально засвидетельствованным поучениям оптинских старцев, нельзя» [11].

Прот. Георгий Флоровский в книге «Пути русского богословия» писал: «“Сочиненному” христианству Достоевского Леонтьев противопоставлял современный монастырский и монашеский быт или уклад, особенно на Афоне. И настаивал, что старец Зосима современному монастырскому духу не отвечает. Розанов по этому поводу замечает: “Вся Россия прочла его “Братьев Карамазовых” и изображению старца Зосимы поверила. “Русский инок” (термин Достоевского) появился, как родной и как обаятельный образ, в глазах всей России, даже неверующих ее частей”. Достоевский во многих пробудил эту тягу к монастырю”. Мы знаем, что старец Зосима и не был писан с природы, и не от Оптинских образов Достоевский в данном случае исходил. Это был “идеальный” или “идеализированный” портрет, писанный больше всего с Тихона Задонского, и именно творениями Тихона вдохновлялся Достоевский, составляя “поучения” Зосимы» [12].

Тем не менее в каждом романе Достоевского есть герои, сознательно выбирающие страдание как путь к духовному воскресению, сознательно берущие свой крест и идущие за Христом. Эти люди знают, что в

жертве ради ближнего есть великое счастье, что «блажен, кто душу свою положит за други своя». Значит, эти люди имеют подлинно христианский опыт, как имел его сам писатель.

В силу своих духовных исканий главной идеей всех произведений Достоевского была идея возрождения. «Возрождение — вот о чем писал Достоевский во всех своих повестях: покаяние и возрождение, грехопадение и исправление, а если нет, то ожесточенное самоубийство; только около этих настроений вращается вся жизнь всех героев, и лишь с этой точки зрения интересуется сам автор различными богословскими и социальными вопросами в последних публицистических произведениях», — пишет митрополит Антоний (Храповицкий) [13].

Достоевский в своих произведениях проанализировал важнейшие духовные свойства и движения, в условиях которых происходит нравственное возрождение, и те внешние, то есть извне получаемые, жизненные побуждения, которыми человек призывается к самоуглублению. В своем труде писатель касался тематик, являющихся предметом изучения нравственного и пастырского богословия. Мы будем говорить о возрождении по Достоевскому с точки зрения пастырского богословия, а именно о влиянии одной воли на другую.

Духовное возрождение достигается некоторыми героями повестей Достоевского. И этот дар достигается лишь «теми, кто: 1) познав внутренним опытом сладость истины и общения с Богом, 2) возлюбил так много жизнь со скорбью и надеждой, что 3) совершенно потерял нить своей личной жизни и, умерши себе, 4) не чрез искусственную проповедь, но чрез исповедь, чрез раскрытие своего сердца и чрез всю свою жизнь призывает братьев к покаянию и любви». Таков у Достоевского старец Зосима, таков и ученик его Алеша, таков и Макарий Иванович в «Подростке» — старик-странник и в то же время моралист-философ, горячо любящий людей и пекущийся об общем спасении [14].

Своей задачей эти люди считают просветление, приведение грешников к покаянию и возрождению для новой жизни. «Дело служителей Божиих в том именно и заключается, чтобы вызвать наружу» нравственные переживания, «хотя бы в форме минутных ощущений. И тем показывать человеку, что содержание его личности не только не чуждо добра и религии, но по существу гораздо сроднее с ними, нежели с той злой страстью, которой он сейчас служит». Так, «миссионеры жизни, не имея возможности сломить сознательную свободную волю человека», имеют «способность воздействовать на нравственную природу человека, вызывая к жизни и сознанию таящиеся в ней добрые ощущения и удаляя злые. Истокования такого воздействия и представляют собой центральный интерес пастырского богословия» [15].

Каков механизм такого воздействия? В сочинениях Достоевского показано, что любящий и страда-

ющий, сливаясь в духовное единство со своим ближним, делает не что-либо сверхъестественное, а лишь возвращается к утерянному грехом единству людей в Боге, которое он описывает в «Сне смешного человека», изображая жизнь людей невинных и святых, жизнь у всех единую, чуждую современной отъединенности каждого. Единение осуществляется смиренной любовью. Горделивая любовь, напротив, есть причина мучений: потому, что гордость как сосредоточие всего жизненного содержания около «я» мешает слиянию душ и перелитию одной жизни в другую, — для последней нужна именно свобода от такой ограниченности, то есть смирение. Сострадание, которое также необходимо для возрождения, заключается, по Достоевскому, в способности понять человека, проникнуть в то доброе, что у него есть, и оценить его, освобождая его от примеси лжи.

Для того чтобы приобрести способность понять человека, уметь проникнуть в его душу, кроме любви нужна еще и сила ума и широта образования. Поэтому у Достоевского святые — это люди не только отзывчивые, терпимые и чуткие, но и наделенные глубоким и всесторонним образованием. Например, монастырские старцы находят общее и с Иваном Карамазовым, и с крестьянами, и с барышней-дворянкой. Для этого необходимо много и всесторонне учиться и многое познать в жизни. Но учиться и знать недостаточно. Достоевский не исключал «возможность всесторонней учености при разбитости сердца и темном мировоззрении» (Иван Карамазов, Версилов). Им недоставало того внутреннего условия для понимания людей и жизни, «в усвоении и развитии которого заключается наиболее важное и для пастырей условие. Тут уже нравственный процесс, или духовное делание, должны совершиться прежде в душе самого проповедника, чтобы потом охватить и обрацаемых» [16].

Митрополит Антоний Храповицкий определяет это как стремление к правдивости, как открытость и простоту души, которая и может распутать ложь общего разъединения. Например, Алеше Карамазову подобные знания даются и сохраняются лишь путем молитвенных подвигов и духовного бдения над собой. «Тяжел и медлен путь отшельника Зосимы. Но когда он пройден, то широкою живительною волной расходится через него сила духовного возрождения и вращает в быт народа, которому, по мысли Достоевского, суждено быть таким же учителем, как о. Зосима, во всем человечестве» [17].

На русское духовенство Достоевский возлагает надежды как на единственного соединителя религиозности с просвещением народа в школах. О них писатель заговорил еще в 1873 году, когда правительство и не поднимало вопроса о церковно-приходских школах. В своей статье автор с негодованием осуждает земцев, препятствующих духовенству учить народ и бороться словом проповеди с сектами протестантского толка. Автор прямо говорит: «Добрых пастырей

у нас много – может, более, чем мы можем надеяться, чем сами того заслуживаем» [18].

Итак, в своих произведениях Достоевский выводит формулу об условиях влияния одной воли на другую: смиряясь и познавая людей, человек восходит или возвращается к первоначальному таинственному единству со всеми, как бы переливая святое (через общение с Богом усвоенное) содержание своей души в душу ближнего.

От государства Достоевский требует, чтобы оно лишь утверждало и ограждало законами нравственные идеалы, уже созданные субъективно жизнью народа, а не сочиняло их из искусственно изобретенных юридических предначертаний. Идеалы создаются личными гениями и их таинственной внутренней связью с гением народа; становясь таким образом достоянием быта последнего, они переходят в форму культурного идеала и, наконец, бытового обычая или даже государственного закона. Такие мысли писатель высказывает в своей знаменитой Пушкинской речи. Великая идея Достоевского, конечно, содержится в Божественном Откровении, но именно им она изложена жизненно и ясно. Значение этого изложения в том, что через него определяется лучшее направление нашей любви к людям, чем принято в современной морали.

Духовная семья Оптинских старцев не ограничивается вышеперечисленными именами, она значительно шире. Старцы были связаны нитями духовной любви со множеством людей, вели с ними переписку, встречались, общались лично. Кроме того, старцы внесли огромный вклад в формирование самобытной русской мысли. Под их влиянием, в русле святоотеческой духовной мысли сложилось и окрепло целое направление в русской философии, объединившее целый ряд мыслителей, писателей и церковных деятелей, таких, например, как, о. Павел Флоренский, священник и педагог А. В. Ельчанинов и др. Религиозно-культурный тип, оформившийся во время духовной расцветки Оптиной пустыни, передавался от одного поколения к другому, вызывая появление плеяды мыслителей, богословов, поэтов разных поколений и времен. Более старшее поколение – это Тернавцев, Бердяев, Карташев, Вяч. Иванов, Розанов, кн. Трубецкие и др. К ним присоединялись и их молодые сверстники, такие, как Андрей Белый, священник С. М. Соловьев, А. Блок и другие.

Примечания

1. Митрополит Вениамин (Федченков). Божьи люди. Мои духовные встречи. М., 1998. С. 386.
2. Малягин В. Достоевский и Церковь // Ф. М. Достоевский и Православие. М., 1997. С. 22.
3. Лосский Н. О. Бог и мировое зло. М., 1994. С. 108.
4. Там же. С. 191.
5. Там же. С. 192.
6. Там же.
7. Малягин В. Указ. соч. С. 28.
8. Цит. по: Малягин В. Указ. соч. С. 27.
9. Там же. С. 26.

10. Цит. по: Митрополит Антоний (Храповицкий). Пастырское изучение людей и жизни по сочинениям Ф. М. Достоевского // Ф. М. Достоевский и Православие. М., 1997. С. 98, 99.

11. Илюнина Л. Оптина Пустынь и русская культура // Оптина Пустынь. Православный альманах. 1996. Вып. 1. С. 58.

12. Прот. Георгий Флоровский. Пути русского богословия. Париж, 1937. С. 301, 302.

13. Митрополит Антоний (Храповицкий). Указ. соч. С. 74.

14. Там же. С. 79, 80.

15. Там же. С. 87, 88.

16. Цит. по: Митрополит Антоний (Храповицкий). Указ. соч. С. 97.

17. Там же. С. 102.

18. Там же. С. 99.

Н. В. Шабалин

ВОПРОС ОБ ОТНОШЕНИИ К РЕЛИГИИ И ЦЕРКВИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧРЕЖДЕНИЙ КУЛЬТУРЫ КИРОВСКОЙ ОБЛАСТИ В СЕРЕДИНЕ 1950-х гг.

Автором статьи предпринята попытка дать представление о сущности и основных направлениях официальной советской государственной политики в сфере свободы совести и вероисповеданий в середине 1950-х гг. на примере практически занимавшихся ее реализацией культурно-просветительных учреждений Кировской области.

Статья написана на базе материалов местных архивов с привлечением других источников.

Как известно, в последние годы Великой Отечественной войны и первое послевоенное время государственно-церковные отношения в СССР носили сравнительно ровный характер. Однако проводимая государственными органами с конца 1940-х гг. тактика ограничения влияния церкви при сохранении внешне ровных отношений к середине 1950-х гг. стала претерпевать изменения.

Новый лидер партии и государства Н. С. Хрущев не замедлил обратить свой взор на вопросы идеологии, и прежде всего на антирелигиозную борьбу, что, следует заметить, нашло поддержку немалой части государственных, партийных и общественных деятелей, озабоченных оживлением церковной жизни [1].

Известная перестройка форм и методов управления обществом и государством, либерализация в сфере культуры и другие характерные для «оттепели» тенденции постепенно начали набирать силу. И в это же время властями была предпринята первая после войны широкомасштабная и целенаправленно подготовленная попытка «штурма небес».

ШАБАЛИН Николай Владимирович – аспирант кафедры отечественной истории ВятГГУ
© Н. В. Шабалин, 2003

Отметим, что этот весьма насыщенный событиями период истории государственно-церковных отношений в Кировской области был описан нами в одной из предыдущих статей [2]. Здесь же, располагая новыми, недавно извлеченными из местных архивов, материалами, мы хотели бы сосредоточиться лишь на одном из направлений, по которым осуществлялось государственным органами Кировской области указанное наступление на верующих и церковь – органах и учреждениях культуры.

7 июля 1954 г. вышло в свет постановление ЦК КПСС «О крупных недостатках в научно-атеистической пропаганде и мерах ее улучшения», в частности, обязывавшее Министерство культуры СССР и министерства культуры союзных республик «... всесторонне использовать культурно-просветительные учреждения для широкого распространения среди трудящихся естественнонаучных знаний..., обратить внимание на состояние и содержание работы Домов культуры, клубов, изб-читален и библиотек...» [3].

Безусловно, управление культуры Кировского облисполкома не могло не прореагировать на данное постановление, что выразилось, в частности, в проверках работы отделов культуры и культурно-просветительных учреждений в районах области. Результаты ревизий были различными. Например, в июле 1954 г. инспектор управления культуры С. Ворожцов в справке «О состоянии культурно-просветительной работы в Яранском районе» писал, что «... особенно тревожное положение создалось в районе с пропагандой атеистических знаний... по этой тематике за 6 месяцев прочитано всего 23 лекции...» [4]. Интересно отметить, что в сентябре, когда старшим инспектором управления культуры Львовой была проведена повторная проверка деятельности Яранского районного отдела культуры, вновь выяснилось, что «... районный отдел культуры ограничивает свою деятельность лишь чтением незначительного количества лекций и устройством стендов естественнонаучной и антирелигиозной литературы» [5].

Направленный в августе 1954 г. в Даровской район с целью проверки состояния антирелигиозной пропаганды в культурно-просветительных учреждениях заведующий методкабинетом областной библиотеки им. А. И. Герцена Ванеев в отчете о командировке указывал, что из пятнадцати сельских лекториев атеистические лекции регулярно читались только в шести. В с. Пиксур, где находилась единственная в Даровском районе действующая православная церковь, в сельском клубе была прочитана лишь одна антирелигиозная лекция, а в сельской библиотеке были проведены всего две беседы на атеистические темы. Свообразным же центром антирелигиозной пропаганды, по мнению Ванеева, стал районный Дом культуры, сотрудниками которого было прочитано наибольшее количество атеистических лекций. Кроме того, там была создана специальная агитбригада, которая лишь с 10 по 14 августа дала в колхозах района семь кон-

цергов антирелигиозной направленности. В районной библиотеке также проводились выставки и громкие чтения атеистической литературы [6].

Командированная в сентябре 1954 г. в Кировский (ныне – Кирово-Чепецкий) район сотрудница методкабинета областного управления культуры Шуликова столкнулась с полным отсутствием в местных учреждениях культуры должной атеистической работы. По ее инициативе в кратчайшие сроки во всех сельских клубах были оформлены плакаты «В чем вред религии», в Кстининском сельском клубе – организован вечер «Противоположность науки и религии», а в Чайкинской и Хлыновской избах-читальнях – подобраны материалы для проведения мероприятий на тему «Религия – опиум народа» [7].

В других районах Кировской области вполне справлялись и собственными силами. Например, работниками Русаповского сельского клуба Халтуринского района за несколько месяцев было проведено десять антирелигиозных лекций, три доклада, восемнадцать бесед с верующими, три тематических антирелигиозных вечера [8]. Программа одного из таких вечеров, называвшегося «Наука и религия», помимо атеистической лекции включала пьесу «Последняя исповедь» и сценку по рассказу А. П. Чехова «Канитель». В фойе клуба была оформлена витрина «Против религиозного дурмана» [9]. В Успенской избачитальне Свечинского района, где проходил вечер под названием «Религиозные праздники и их вред», силами работников культуры и местной самодеятельности была поставлена одноактная пьеса «Третье чудо», а перед собравшимися были прочитаны рассказ А. С. Новикова-Прибоя «Поп на корабле», антирелигиозные стихотворения Демьяна Бедного и В. В. Маяковского, были исполнены также антирелигиозные частушки [10]. Интересно отметить, что на аналогичном мероприятии в Кикнурском районном Доме культуры одним из участников художественной самодеятельности В. В. Соломиным исполнялись «сатирические куплеты» собственного сочинения:

... У влюбленных свадьба намечается,
Чтоб скрепить союз сердец навек,
Без задержки в церковь отправляется
С человеком человек!

Рождество и Пасха отмечается.
Кажется, теперь не тот уж век,
Но подчас Христосу поклоняется
И культурный человек... [11]

И все же следует отметить, что помимо проведения всевозможных массовых мероприятий развлекательно-познавательного характера, учреждения и органы культуры Кировской области едва ли не первостепенное внимание уделяли такой весьма распространенной в эти годы форме атеистической пропаганды, как лекции.

В 1954 г. только в Домах культуры Кировской области было прочитано 515 антирелигиозных лекций [12]. Из шестидесяти двух различных по своей тематике лекций, прочитанных в Свечинском районном Доме культуры, атеистических было двадцать две [13]. В Унинском РДК из пятнадцати лекций было прочитано шесть атеистических [14]. Весьма активно – силами не только работников культуры, но и лекторов-общественников – проводилась лекционная пропаганда в сельских клубах, например в Медвежинском сельском клубе Фаленского района [15]. В клубе с. Верховино Верховинского (ныне – Юрьянского) района в сентябре 1954 г. была прочитана лекция «Религия – враг народа», название которой, как мы видим, явно перекликалось с антирелигиозными лозунгами 1930-х гг. [16]

В Зуевском районе за 11 месяцев 1954 г. лекторским активом районного отдела культуры было прочитано семнадцать антирелигиозных лекций [17]. В Кайском (ныне – Верхнекамском) районе из 68 лекций, прочитанных по линии органов культуры в течение 1954 г., атеистические составили 15. В Кильмезском – 55 из 329. В Корляковском (ныне – Санчурском) районе 59 из 225 лекций. В Кырчанском (ныне – Сунском) районе – 56 из 245 [18].

Всего же в 1954 г. по линии органов и учреждений культуры Кировской области было прочитано 2783 атеистических лекции, тогда как годом ранее – чуть более тысячи [19].

Безусловно, увеличение числа атеистических лекций явилось следствием большой работы, проделанной управлением культуры Кировского облисполкома. В частности, его работниками были подготовлены и высланы в районные отделы культуры восемь методических разработок, каждая из которых включала планы пяти антирелигиозных лекций, примерную тематику выступлений, направленных на пропаганду среди населения июльского постановления ЦК партии, и другие материалы. Кроме того, «... в связи с решением ЦК КПСС по научно-атеистической пропаганде...» в районы области были направлены специальные методические письма о работе культурно-просветительных учреждений, разработанные методкабинетом управления культуры [20]. В сентябре 1954 г. управлением культуры Кировского облисполкома было проведено областное совещание лекторов и работников учреждений культуры, посвященное вопросам улучшения научно-атеистической пропаганды. В десяти районах области также были проведены аналогичные межрайонные совещания [21].

Не остались в стороне и местные власти. Так, в целях повышения квалификации лекторов и обмена опытом лекционной работы отделом культуры Санчурского райисполкома совместно с отделом пропаганды и агитации райкома партии и районным отделением Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний был проведен семинар для лекторов-атеистов [22]. В октябре 1954 г. ана-

логичный семинар – «... для обсуждения форм и методов ведения научно-атеистической пропаганды среди населения...» – был организован и проведен в Фаленском районе области [23]. В Уржумском районе был проведен семинар для работников культуры, на котором заведующая Рождественским сельским клубом Р. С. Стяжкина поделилась с коллегами опытом проведения тематического антирелигиозного вечера «Счастье в труде, в знаниях – сила!», а сотрудница районной библиотеки З. А. Шевелева рассказала собравшимся о требованиях к оформлению книжной выставки «Непримиримость науки и религии» [24]. Здесь следует отметить, что библиотеки Кировской области весьма активно включились в работу по атеистической пропаганде.

Еще в апреле 1954 г. в районные и городские библиотеки было направлено подготовленное библиографическим отделом Кировской областной библиотеки им. А. И. Герцена методическое письмо «Научно-атеистическая пропаганда в массовых библиотеках», к которому прилагались материалы для проведения книжной выставки «Непримиримость науки и религии» [25]. После выхода известного июльского постановления ЦК партии по запросу Кировского горкома КПСС и областного отделения Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний «... в связи с задачей развертывания научно-атеистической пропаганды...» библиотекой были подготовлены справки по имеющейся в ее фондах антирелигиозной литературе. По просьбе редакции областной молодежной газеты «Комсомольское племя» была подобрана литература для составления страницы антирелигиозных художественных произведений [26]. Совместно с Кировским городским комитетом ВЛКСМ библиотекой был организован цикл антирелигиозных лекций и читательская конференция «Коммунистическое воспитание детей в семье и школе», на которой в числе прочих рассматривались и вопросы атеистического воспитания подрастающего поколения [27].

В 1954 г. Кировской областной библиотекой им. А. И. Герцена был выпущен ряд брошюр антирелигиозного содержания, адресованных работникам районных библиотек, агитаторам и пропагандистам. Например, брошюра К. М. Войханской «Научно-атеистическая пропаганда в массовых библиотеках: сборник методических материалов», содержащая краткое изложение сочинений В. И. Ленина «Об отношении рабочей партии к религии» и «Социализм и религия», а также целого ряда других публикаций и книг атеистического содержания. В брошюре давались также рекомендации по проведению в библиотеках книжных выставок, вечеров вопросов и ответов по указанной теме, содержалась информация о том, как следовало рекомендовать антирелигиозную литературу на абонементе и т. д. [28] «Библиотека должна вести научно-атеистическую пропаганду, разоблачать антинаучный, реакционный смысл религиозной иде-

ологии...», – говорилось в аналогичной брошюре М. Н. Жарковой «Непримиримость науки и религии: обзор литературы» [29].

С целью оказания помощи в подготовке антирелигиозных бесед и лекций агитаторам и пропагандистам, а также сотрудникам библиотек и других учреждений культуры в 1954 г. библиографическим отделом «герценки» были составлены «памятки читателю» и «рекомендательные списки литературы» по таким темам, как «Марксизм-ленинизм о религии и путях ее преодоления», «Преодоление пережитков капитализма в сознании людей – важнейшая задача коммунистического воспитания», «Противоположность науки и религии», «Происхождение и классовая сущность религии», «Наука и религия непримиримы», «Великие русские ученые-естествоиспытатели в борьбе против идеализма и религии», «Суеверия и мракобесие на службе поджигателей войны», «О вреде религиозных праздников, обрядов и суеверий», изданные общим тиражом более 8 тыс. экз. [30].

Интересно отметить, что летом 1954 г. в читальном павильоне городского сада им. Ст. Халтурина работниками областной библиотеки им. А. И. Герцена было организовано ежедневное дежурство с целью проведения атеистических бесед с отдыхающими [31]. В то же время антирелигиозные лекции и доклады читались и для самих библиотекарей, в частности в рамках так называемых «библиотечных четвергов» [32].

Кроме того, с целью изучения и обобщения опыта атеистической работы библиотек области в течение 1954 г. работниками областной библиотеки им. А. И. Герцена были предприняты выезды в Медянский (ныне – Юрьянский), Кырчанский (ныне – Сунский), Опаринский, Оричевский, Фаленский районы области. Инструктивно-методический доклад о работе библиотек в области научно-атеистической пропаганды был зачитан также на семинаре библиотекарей воинских частей Кировского гарнизона [33].

В указанное время в районных и сельских библиотеках Кировской области атеистическая пропаганда также была одним из важных направлений работы. Не случайно, думается, вопрос об антирелигиозной пропаганде неоднократно обсуждался на семинарах заведующих городскими и районными библиотеками [34]. В ноябре 1954 г. инспектор управления культуры Кировского облисполкома Бердинских в справке, составленной по итогам проверки работы Нагорской районной библиотеки, писал, что «... в центре работы библиотеки – пропаганда антирелигиозной литературы...» [35]. В Фаленском районе в ряде сельских библиотек, как явствует из аналогичной справки инспектора управления культуры Забазнова, проводились выставки и обзоры научно-атеистической литературы, беседы с верующими и т. д. [36] В декабре 1954 г. Санчурская районная библиотека провела читательскую конференцию «Наука и религия», на которой присутствовали все работники местных культурпросветуч-

реждений, выступали лекторы-атеисты из числа преподавателей средних школ района [37].

Между тем к началу 1955 г. общий тон антирелигиозной пропаганды постепенно становится все более мягким. Например, в брошюре заведующей Лальской районной библиотекой Е. Шушковой «Пропаганда научно-атеистической литературы и литературы о здоровом быте среди населения», изданной областной библиотекой им. А. И. Герцена в серии «Из опыта работы библиотек Кировской области», борьба с религией не провозглашалась более в качестве самостоятельного направления работы библиотек [38].

Основной причиной этого, на наш взгляд, является следующее обстоятельство. 10 ноября 1954 г. вышло в свет постановление ЦК КПСС «Об ошибках в проведении научно-атеистической пропаганды среди населения». По ряду пунктов противоположное постановлению от 7 июля, оно было призвано исправить ошибки атеистической пропаганды, осуждало методы клеветы и оскорблений чувств верующих в борьбе с религией. В числе всевозможных мер, осуществление которых должно было помочь трудящимся освободиться от «религиозных заблуждений», предлагалось в целом улучшить деятельность Дворцов культуры, клубов, библиотек, читален, лекториев, парков культуры и отдыха и других культурно-просветительных учреждений [39].

Безусловно, во многом нейтрализовавшее июльское, ноябрьское постановление ЦК КПСС не отменяло атеистическую пропаганду, которая, однако, становится после его опубликования (как это было в конце 1940-х – начале 1950-х гг.) прерогативой прежде всего партийных и комсомольских структур, общественных организаций и т. д. Активно в антирелигиозную работу органы культуры вновь включатся уже в конце 1950-х гг. – с началом наступления на «религиозные предрассудки» по всем направлениям.

Примечания

1. Алексеев В. А. Иллюзии и догмы. М., 1991. С. 361-363.
2. Шабалин Н. В. Русская Православная Церковь в Кировской области в середине 1950-х гг. // Власть и общество: история и современность. М-лы науч.-практ. конф. / Отв. ред. В. Е. Мусихин. Киров, 1998. С. 162-173.
3. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1971. Т. 6. С. 502-507.
4. ГА КО. Ф.Р-3147. Оп. 1. Д. 299. Лл. 330-331.
5. Там же. Лл. 448-449.
6. Там же. Лл. 376-378.
7. Там же. Лл. 469-471.
8. Там же. Д. 280. Л. 36.
9. Там же. Д. 288. Л. 213.
10. Там же. Л. 107об.
11. Там же. Д. 287. Л. 37.
12. Там же. Д. 280. Л. 38.
13. Там же. Д. 290. Л. 132.
14. Там же. Л. 156.
15. Там же. Д. 292. Лл. 662-663.
16. Там же. Л. 681.
17. Там же. Л. 699.

18. Там же. Д. 287. Лл. 21, 25об, 73, 100.
 19. Там же. Д. 280. Лл. 13.
 20. Там же. Л. 8-9.
 21. Там же. Л. 7.
 22. Там же. Д. 287. Л. 96.
 23. Там же. Д. 288. Л. 190.
 24. Там же. Л. 153.
 25. Там же. Д. 282. Лл. 73.
 26. Там же. Л. 47-48.
 27. Там же. Л. 6.
 28. *Войханская К.* Научно-атеистическая пропаганда в массовых библиотеках: Сб. метод. м-лов. Киров, 1954.
 29. *Жаркова М. Н.* Непримируемость науки и религии: обзор литературы. Киров, 1954. С. 3.
 30. ГАКО. Ф.Р-3147. Оп. 1. Д. 294. Лл. 32-46.
 31. Там же. Д. 284. Л. 2.
 32. Там же. Д. 282. Л. 13.
 33. Там же. Л. 74.
 34. Там же.
 35. Там же. Д. 292. Л. 668.
 36. Там же. Л. 665.
 37. Там же. Д. 287. Л. 93.
 38. *Шушкова Е.* Пропаганда научно-атеистической литературы и литературы о здоровом быте среди населения («Из опыта работы библиотек Кировской области». Вып. 3). Киров, 1955.
 39. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1971. Т. 6. С. 516-520.

Новые книги

В. С. Дациошкерков, О. В. Коршунова

Уровневое обучение физике в малокомплектной сельской школе

Дациошкерков Владимир Степанович
 Коршунова Ольга Витальевна

Уровневое обучение физике в малокомплектной сельской школе

Монография

Киров: Изд-во ВятГГУ, 2003. – 221 с.

В монографии впервые исследуется процесс обучения физике в малокомплектной сельской школе с позиций индивидуального развития личности ученика в учебной деятельности. Рассмотрение педагогических явлений через интегральную призму педагогики, психологии и методики позволило создать теорию уровневой дифференциации в обучении физике в МКСШ и разработать новые технологии обучения. Приводится математическая статистика результатов на достоверность, значимость и эффективность.

Книга будет полезна научным работникам, аспирантам, студентам, интересы которых лежат в области обучения.

Окулов Станислав Михайлович

Когнитивная информатика

Монография

Киров: Изд-во ВятГГУ, 2003. – 224 с.

В монографии рассматривается новое направление в развитии теории и методики обучения информатике. Анализируются современное состояние развития образовательной информатики и достижения когнитивной психологии в исследованиях структуры интеллекта. Дается обзор развития технологий программирования. Показывается, как изучение программирования связано с тем, что в когнитивной психологии определяется как интеллект. Приводятся ключевые идеи построения курса по изучению информатики.

Монография предназначена для студентов старших курсов, аспирантов и преподавателей, сферой деятельности которых является *Computer Science*.

СТАНИСЛАВ
 ОКУЛОВ
 КОГНИТИВНАЯ
 ИНФОРМАТИКА

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ УНИВЕРСИТЕТА

ВСЕРОССИЙСКАЯ
 НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
 «АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
 СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОЛОГИИ»

15, 16, 17 октября 2003 года на филологическом факультете ВятГГУ состоялась Всероссийская научно-практическая конференция «Актуальные проблемы современной филологии».

Задача научно-практической конференции – объединить филологические силы России, обозначить важнейшие проблемы современного языкознания, русской и зарубежной литературы, дидактики высшей школы и методики преподавания русского языка и литературы.

Конференция объединила творческую энергию преподавателей-филологов более чем тридцати городов России: Москвы, Санкт-Петербурга, Нижнего Новгорода, Казани, Сыктывкара, Владимира, Йошкар-Олы, Челябинска, Архангельска, Елабуги, Тулы, Петрозаводска.

Конференцию открыли проректор ВятГГУ, профессор В. Т. Юнгблюд и декан филологического факультета К. С. Лицарева, которые подчеркнули значимость постановки проблем современной филологии и необходимость их решения.

Первое слово на пленарном заседании предоставили одному из почетных гостей г. Кирова, доктору филологических наук, профессору кафедры литературы Марийского государственного пединститута, члену-корреспонденту Международной академии наук И. П. Карпову, который сделал доклад «Актуальные проблемы современной филологии».

Были также заслушаны доклады Т. Е. Рутт (Петрозаводск) «Из наблюдений над употреблением заимствованной лексики в языке художественной литературы последней трети XVIII-начала XIX вв.»; Н. Ю. Русовой (Нижний Новгород) «Категория текста в рамках новой общенаучной парадигмы»; З. В. Сметаниной (Киров) «Словарь вятских говоров: проблемы и решения»; Ю. Г. Коротких, О. Н. Сатковской, А. М. Кокина (Орел) «О некоторых малоизвестных лексикографических изданиях последних лет в ФРГ».

Во второй день конференции прошли заседания по секциям: языкознание, литература XIX-XX веков, зарубежная литература и методика преподавания зарубежной литературы и иностранного языка, дидактика высшей школы и методика преподавания литературы.

В рамках конференции работали две лингвистические секции: «Языкознание I» и «Языкознание II». Эти секции объединили представителей разных лингвистических специальностей (русистов и германистов), а также ученых разных поколений: преподавателей, аспирантов, студентов. Все доклады были посвящены актуальным проблемам языка, строились на конкретном фактическом материале, содержали интересные и тонкие наблюдения и, вследствие этого, вызвали активное обсуждение.

Большой интерес вызвал доклад Е. А. Никулиной, ученого-германиста из Москвы. Докладчица рассуждала о таких выражениях, как *темная лошадка, час zero, неизвестная величина* и подобных. Оказывается, все эти сочетания объединяет то, что по происхождению они являются терминами, но употребляются в языке как фразеологизмы. Очень внимательно был выслушан доклад М. В. Сандаковой, докторанта кафедры русского языка ВятГГУ. Почему, встречая словосочетания *потный страх, одышливая погоня*, мы понимаем, о чем речь, хотя страх не может «потеть», а погоня – «задышаться»?.. О механизмах возникновения переносного смысла в таких случаях и рассказывала М. В. Сандакова. О переносных значениях рассуждала Л. В. Калинина, рассматривая такие языковые конструкции, как *мешок визга, ящик разлук, библиотека чудачеств*. В докладе Г. А. Ивановой затрагивались проблема вариантности лингвистической терминологии, связанная с отсутствием в словарях единых рекомендаций по произношению и написанию многих терминов языкознания. Сообщение Л. П. Сычуговой было посвящено теме, находящейся на стыке лингвистики и искусствоведения – лексике сферы искусства в художественном тексте. Много лет занимаясь изучением этой лексики, Л. П. Сычугова на основании собственных изысканий составила «Толково-сочетаемый словарь искусства», который является в своем роде уникальным, так как ничего подобного в лексикографической практике до сих пор не было. Доктор филологических наук, профессор С. В. Чернова в своем докладе рассуждала о том, каким образом, изучая определенные языковые модели, можно прийти к пониманию мотивов человеческого поведения, например когда человек говорит «надо», значит ли это, что он выражает собственные потребности, или он действует так, как ожидает от него общество?..

В рамках секции «Дидактика высшей школы и методика преподавания литературы» состоялась «круглый стол». Обсуждение современных проблем пре-

подавания литературы организовали доктор педагогических наук Е. О. Галицких (ВятГГУ) и профессор И. П. Карпов (МГПИ). Е. О. Галицких был сделан доклад «Смыслы и ценности филологического образования в современной картине мира»; Е. А. Ковальчуковой (*Ижевск*) – «Педагогические мастерские по литературе»; Н. Ю. Несмеловой (*Яр*) – «Методическая подготовка учителя-словесника»; С. И. Граховой (*Елабуга*) – «О теме природы в творчестве Д. И. Стасеева и И. И. Шишкина»; Л. Н. Казаковой (*Нижний Новгород*) – «Технология развития критического мышления студентов на интегрированном уроке (Анализ рассказа И. А. Бунина «Легкое дыхание»)»; Н. Н. Казаковой (*Киров*) – «Формирование социокультурной компетенции в диалоге культур»; В. В. Воложаниной (*Киров*) – «Театральное искусство в современном образовательном процессе»; Е. В. Гусевой (*Йошкар-Ола*) – «Изучение романа “Прут” К. М. Ремизова в вузе». Благодаря нетрадиционной форме проведения секции все участники конференции могли свободно высказываться и дискутировать.

Тематическим многообразием отличалась секция по литературе, на которой были заслушаны доклады, посвященные творчеству писателей XIX-XX вв.: А. Е. Ануфриева (*Киров*) «Становление антиутопии в русской прозе 1900-1917 годов»; Р. Ф. Бекметова (*Казань*) «Поэзия А. Блока: к проблеме смыслового пространства средневековой словесной эстетики»; Н. Д. Богатыревой (*Киров*) «Функции сна в прозе Леонида Андреева 1910-х годов»; А. Р. Заболотской (*Казань*) «Мотив пути в лирике Вл. Соловьева»; Л. В. Соловьевой (*Елабуга*) «Реальное и мистическое в романе Л. Улицкой «Казус Кукоцкого»; К. С. Лицаревой (*Киров*) «Повесть А. Королева “Голова Гоголя” как произведение восточной модификации постмодернизма»; В. А. Поздеева (*Киров*) «Художественный мир прозы Н. Перминовой»; Д. С. Черниговского (*Киров*) «Из истории изучения общественно-политических взглядов А. С. Пушкина в XIX в.».

В работе секции зарубежной литературы приняли участие не только литературоведы, но и исследователи, занимающиеся проблемами методики преподавания литературы и иностранного языка: О. Ю. Поляков (*Киров*) «Жанровая поэтика романа в литературной теории Англии первой половины XVIII века»; О. А. Полякова (*Киров*) «Аксиологическая структура сказочной повести Э. Т. А. Гофмана «Щелкунчик и мышиный король»; Н. Э. Сейбель (*Челябинск*) «А. Штифтер, Р. Музиль, Г. Брех: типология героя»; О. М. Валова (*Киров*) «“Как важно быть серьезным”, читая легкомысленную комедию»; Е. С. Панкова (*Орел*) «Подросток и мир животных: нравственный аспект проблемы (Л. Андреев – Ф. Брет Гарт)»; Н. А. Гудкова (*Орел*) «Роман Ф. Рабле “Гаргантюа и Пантагрюэль” в студенческой аудитории и на театральной сцене».

Интересные сообщения были сделаны также аспирантами кафедры русского языка, недавними выпускниками филологического факультета: О. Ю. Ре-

мянниковой, Е. А. Люпиной, А. А. Злобиным. Студенческую науку на конференции представляла пятикурсница Е. В. Митягина. Доклады молодых исследователей были сделаны на хорошем научном уровне и с живым интересом воспринимались слушателями.

В конференции принимали участие ученые-педагоги, учителя школ и гимназий г. Кирова, педколледжа, аспиранты и студенты филологического факультета.

Л. В. Калинина,
канд. филол. наук, доцент
Е. А. Кобелева,
канд. пед. наук, доцент

О ПРОБЛЕМАХ И ПЕРСПЕКТИВАХ ЗДОРОВЬЕСБЕРЕГАЮЩЕЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ

Проблеме здоровьесберегающей деятельности образовательных учреждений была посвящена межрегиональная научно-практическая конференция «Образование и здоровье – проблема XXI века: поиски, пути решения», которая проходила в г. Кирове 22-23 октября 2003 г.

Конференция проводилась по инициативе ведущих образовательных учреждений г. Кирова, департамента образования Кировской области и была направлена на объединение усилий специалистов в решении задачи сохранения здоровья участников образовательного процесса.

Известно, что происходящие в последние годы преобразования в экономической, политической и общественной жизни повлекли за собой изменения во всех институтах общества, а также предъявили новые требования к личности, его образовательной и профессиональной подготовке, а главное, к уровню здоровья. В то же время крайне низкий уровень физического и нравственного здоровья детей, молодежи, отмеченный в статистических материалах Министерства здравоохранения РФ, создает объективные препятствия на пути эффективной модернизации российского образования, без чего невозможно решить назревшие социальные и экономические проблемы, достичь опережающего развития общеобразовательной и профессиональной школы.

В связи с этим появилась необходимость смены приоритетов образования в сторону решения задачи осознания ценности здоровья, его сохранения, потребности ЗОЖ участников образовательного процесса.

Основные вопросы, которые рассматривались на конференции:

- проблема сохранения здоровья и создания здоровьесберегающей среды в образовательном учреждении в условиях модернизации образования;

- научные исследования в определении сущности и критериев здоровьесберегающих условий;

- методологические подходы к созданию здоровьесберегающей среды в образовательном учреждении;

- интеграция медицинской, психологической, социальной служб в решении проблемы профилактики употребления ПАВ детьми и подростками в условиях образовательного учреждения;

- профессиональное здоровье педагога.

В конференции приняли участие ведущие специалисты департамента здравоохранения, департамента образования, практические педагоги, психологи, ученые и аспиранты Вятского государственного гуманитарного университета, Кировской государственной медицинской академии, Кировского областного центра медицинской профилактики, руководители и специалисты органов управления образования, руководители образовательных учреждений, врачи, социальные работники. Интересные материалы прислали ученые из Санкт-Петербурга, Иркутска, Минска, Краснодара, Ст. Оскола.

Теоретические и практические вопросы рассматривались на пленарных и секционных заседаниях.

Секция 1 – выездное заседание секции «Опыт решения проблемы сохранения здоровья детей в условиях образовательных учреждений», которое проходило на базе средней школы № 9, где сложилась система работы по сохранению и укреплению здоровья учащихся. Школа является лауреатом Всероссийского конкурса «Школа года-99», имеет почетное звание «Школа века-2001», дипломант 1-го областного конкурса «Образование и здоровье 2002 г.». Директор школы Н. А. Аксенова поделилась с участниками конференции опытом решения проблемы «Создание здоровьесберегающей среды в школе», зам. директора по научно-методической работе Т. Ю. Колеватова представила программу психолого-педагогического и медицинского сопровождения работы школы по укреплению и сохранению здоровья учащихся. Участникам конференции были предложены открытые интегрированные занятия факультатива по физкультуре с основами ЗОЖ «Движение и здоровье» (учитель Т. Н. Кашина), внеклассное занятие по экологии «Мы выбираем жизнь» (учитель Г. Л. Куклина), классный час «Нам счастья не сулит обида чья-то» (учитель С. И. Сапожникова).

Секция 2 – «Интеграция медицинской, психологической и социальной служб в решении проблемы сохранения здоровья детей».

Секция 3 – «Профессиональное здоровье педагога как условие сохранения здоровья детей».

Секция 4 – «Организационные, методические и практические проблемы профилактики злоупотребления психоактивными веществами в среде детей и подростков».

На пленарном и секционном заседаниях заслушано 68 докладов, проведены 4 мастер-класса. На конференции представили педагогический опыт творчес-

кие коллективы 23 районов области. По результатам конференции были выработаны практические рекомендации в адрес руководителей образовательных учреждений, департамента образования, руководителей городских и районных управлений образования. Дано теоретическое обоснование решения на практике проблемы формирования здоровьесберегающей (адаптивной) среды, технологии управления ею на основе четких методологических подходов. В качестве определяющих положений следует назвать следующие:

- системно-деятельностный подход (предполагает целостность здоровьесберегающей образовательной системы);

- синергетический подход (учитывает природосообразность самоорганизации субъекта в его биологической, психологической и социальной сущности);

- коммуникационно-диалогический подход (установление безопасных отношений, взаимопонимания всех субъектов образования);

- культурологический подход (предполагает объединение в целостности и непрерывности специальных общекультурных, психолого-педагогических блоков знания по научным дисциплинам, общечеловеческим и национальным основам культуры, закономерностям развития личности);

- личностно-ориентированный подход (учитывает особенности каждой личности, предоставляет ей нишу для более полного раскрытия способностей и возможностей).

Достижение реальных успехов в решении задачи сохранения и укрепления здоровья подрастающего поколения возможно путем целенаправленного формирования у детей и подростков, молодежи ценностного отношения к собственному здоровью. Это предъявляет высокие требования к профессиональной культуре всех участников образовательного процесса в вопросах здоровья в целом и в области профилактики социально значимых заболеваний (наркомании, алкоголизма, СПИДа и др.). В связи с этим необходимо повышение профессиональной компетентности специалистов сферы образования в вопросах профилактики знакомства с передовыми технологиями укрепления здоровья обучающихся, воспитанников в условиях образовательных учреждений. Основными задачами подготовки студентов и педагогов являются следующие:

- овладение теорией и методикой формирования у подрастающего поколения культуры здоровья, мотивации ЗОЖ;

- формирование умений создавать в процессе обучения и воспитания такую педагогическую (информационную) среду, которая соответствует базовым потребностям обучающихся, обеспечивает непроизвольное формирование у них основных компонентов здоровья (физического, социального, психического);

- обучение управлению собственным здоровьем, выработка индивидуальной программы ЗОЖ, ее коррекции в процессе жизнедеятельности.

С учетом положительного опыта образовательных учреждений, представленного на областной конкурс в 2002 г. и конференцию 2003 г. по организации оздоровительной работы, определены направления совместных усилий всех структур образовательной системы по сохранению здоровья участников образовательного процесса. Исходя из того, что здоровье – это социальная проблема, на современном этапе особую ценность представляет практика интеграции различных служб в решении проблемы сохранения здоровья, в частности в проведении работы по профилактике употребления психоактивных веществ среди детей и подростков. Современный специалист в образовании должен овладеть как методологией, так и технологиями здоровьесбережения в рамках своей профессиональной ответственности и компетентности. Для решения задачи интеграции в сохранения здоровья детей, подростков, молодежи Министерство образования России рекомендует создание центров содействия сохранению и укреплению здоровья обучающихся, воспитанников образовательных учреждений, утвержденное приказом МО РФ от 15.05.2000 г.

Таким образом, образовательным учреждениям необходима здоровьесберегающая педагогика, главной отличительной особенностью которой является приоритет здоровья среди других направлений воспитательной работы школы, она включает формирование здоровьесберегающего образовательного пространства с использованием всеми педагогами здоровьесберегающей деятельности и воспитания культуры здоровья на профессиональной основе.

Материалы конференции опубликованы в сборнике «Образование и здоровье – проблемы XXI века: поиски, пути решения».

*Г. А. Воронина,
канд. биол. наук, доцент ВятГГУ*

НАУЧНАЯ ЛАБОРАТОРИЯ БИОМОНИТОРИНГА

Проблемная экологическая лаборатория при Вятском государственном педагогическом (ныне гуманитарном) университете организована с 1991 г. В июне 2000 г. решением Ученого совета Института биологии Коми научного центра Урального отделения Российской Академии наук (г. Сыктывкар) и решением Ученого совета Вятского государственного педагогического университета на базе экологической лаборатории ВятГГУ создана научно-исследовательская лаборатория биомониторинга как структурное подразделение Института биологии Коми НЦ УрО РАН и ВятГГУ.

Первые научные договоры лабораторией выполнялись с Кировским областным комитетом по охране природы. В 1992-1993 гг. выполнена научно-исследо-

вательская работа по выявлению и обследованию зон экологической напряженности на территории Кировской области. В 1994-1995 гг. лабораторией проводились исследования по выявлению наиболее эффективных и информативных индикаторов антропогенного воздействия на окружающую среду в конкретных условиях Кировской области. По материалам научных исследований в 1996 г. была издана монография «Окружающая природная среда Кировской области».

Параллельно с этой работой в 1996 г. по договору с Кировским городским центром санитарно-эпидемиологического надзора лаборатория проводила исследования на территории г. Кирова. Одновременно выполнялась оценка экологического состояния Лузского района Кировской области и территории промышленного северо-западного района г. Кирова. В 1997 г. была начата работа по инвентаризации и составлению кадастра зеленых насаждений г. Кирова.

В 1996-1997 гг. коллектив экологической лаборатории ВГПУ занимался разработкой концепции и программы региональной системы комплексного экологического мониторинга. В этот период лаборатория становится победителем конкурса «Разработка системы регионального экологического мониторинга», проводимого по линии Миннауки, промышленности и технологий. По результатам работы лаборатории в 1997 г. вышла в свет монография «Комплексный экологический мониторинг региона (на примере Кировской области)». По материалам работы лаборатории её сотрудником В. М. Сюткиным подготовлена и защищена в Московском государственном университете геодезии и картографии кандидатская диссертация «Типологическое моделирование в задаче территориальной организации комплексного экологического мониторинга административного региона как интегрированной среды ведомственных систем наблюдений» по специальности 05.24.04. – Кадастр и мониторинг земель.

Кроме исследовательской работы коллектива лаборатории, вторым важным направлением является образовательная деятельность по экологии среди педагогов и школьников. Лаборатория занималась изучением лучшего опыта педагогов в области экологического образования. С 1996 г. на базе ВятГГУ по инициативе и при непосредственном участии лаборатории было организовано обучение учителей естественного цикла по специальности «Экология» с выдачей второго диплома о высшем образовании по квалификации «Учитель экологии» и «Эколог». За период с 1996 по 2003 гг. дипломы о втором высшем образовании получили 128 выпускников вуза. Оплата обучения по тройному договору между университетом, департаментом образования и департаментом по охране окружающей среды производится из регионального экологического фонда. В 2003 г. проведен новый набор из 20 учителей, ведущих в школах предметы естественного цикла. На базе высшего образования будет проведена профессиональная переподготовка

кадров по специальности «Эколог» по двухгодичному учебному плану.

В каждом районе Кировской области на базе лучшего учреждения образования созданы опорные экологические школы как центры учебно-методической работы по экологии. В лаборатории отрабатываются методики исследования природных сред и объектов, пригодные для использования в школьных условиях, разработана программа школьного экологического мониторинга. По данным материалам коллективом лаборатории было подготовлено и издано учебное пособие для учителей и учащихся «Экология родного края». Программа школьного экологического мониторинга реализуется во всех учреждениях образования Кировской области. Итоги реализации программы школьного экологического мониторинга подводятся ежегодно на областной конференции школьников «Человек. Природа».

3 ноября 2003 г. лабораторией биомониторинга на базе областного эколого-биологического центра школьников открыта «Малая областная экологическая академия школьника». Президентом академии избрана Екатерина Исупова, ученица 11-го класса Лицея естественных наук. Принято кандидатами в члены-корреспонденты данной академии 27 учащихся – победителей экологических конкурсов, олимпиад, научных конференций областного и российского уровня. Кандидатами в члены-корреспонденты принято 17 учащихся школ города Кирова и области. Выданы дипломы почетных членов-корреспондентов 14 учащимся. Выдан один диплом почетного академика главе департамента по охране окружающей среды В. П. Пересторонину. На первой сессии принят Устав академии, утверждено Положение.

В 1997 г. лаборатория вошла в число победителей конкурса грантов Федеральной целевой программы «Интеграция фундаментальной науки и высшего образования», выделяемых для поддержки экспедиционных и полевых исследований, проведения научных конференций и научных школ. С этого периода и по настоящее время коллектив лаборатории получает гранты на экспедиционные работы в рамках реализации программы региональной системы комплексного экологического мониторинга. В 2000 г. было подготовлено и издано с грифом Министерства образования РФ учебно-методическое пособие «Школьный экологический мониторинг».

С 1999 г. коллектив лаборатории участвует в реализации региональной научно-технической программы «Социально-экологическая безопасность развития региона в условиях становления рыночной экономики», которая поддерживается грантами по линии Министерства науки, промышленности и технологий и Правительства Кировской области. По результатам исследовательской деятельности в 2001 г. издана коллективная монография «Экологическая безопасность региона. Кировская область на рубеже веков», которая по результатам областного конкурса, проводимо-

го на базе областной библиотеки им. А. И. Герцена отмечена дипломом «Лучшее научное издание года».

На основании постановления Правительства Кировской области № 81 от 21.01.98 г. экологическая лаборатория занимается обеспечением научного сопровождения работ по проектированию объекта по уничтожению химического оружия в Оричевском районе Кировской области. За период с 1998 г. по настоящее время лабораторией выполнено по данной проблеме 14 научных проектов. Проведена работа по экологическому обследованию мест хранения, бывшего и планируемого уничтожения химического оружия на территории радиусом 30 км от объекта хранения химического оружия. Выполнено технико-экономическое обоснование проекта строительства ОУХО «Марадьковский», сделана оценка воздействия объекта на окружающую среду, разработаны концепция и программа комплексного экологического мониторинга объектов хранения и уничтожения химического оружия, проведена работа по корректировке зоны защитных мероприятий объекта хранения ХО «Марадьковский», выполнены работы по паспортизации объекта хранения химического оружия с представлением томов ПДВ, ПДС и лимитов размещения отходов. По материалам исследования подготовлена и издана в 2002 г. монография «Комплексный экологический мониторинг объектов хранения и уничтожения химического оружия», которая отмечена поощрительным дипломом областного конкурса среди научных изданий. В 2003 г. на заседании Ученого совета Московского государственного университета геодезии и картографии руководителем лаборатории Т. Я. Ашихминой защищена докторская диссертация «Комплексный экологический мониторинг объектов хранения и уничтожения химического оружия» с присвоением степени доктора технических наук по специальности 25.00.36 – Геоэкология. В 2003-2005 гг. по линии Федерального управления по безопасному хранению и уничтожению химического оружия с научной лабораторией биомониторинга заключены контракты на выполнение работ по расчету зоны защитных мероприятий объекта уничтожения химического оружия «Марадьковский» в Кировской области, участию в разработке рабочей документации по безопасному уничтожению химического оружия на данном объекте. В рамках федеральной целевой программы «Уничтожение химического оружия в РФ» ежегодно с 2000 г. сотрудниками лаборатории совместно с Кировским отделением Российской Зеленой Крест проводятся на базе профилакториев летние и зимние экологические лагеря для детей, проживающих вблизи объекта уничтожения химического оружия.

В 2002 г. по линии Центра «Интеграция» было получено два гранта: экспедиционный и на проведение Всероссийской научной конференции «Актуальные проблемы регионального экологического мониторинга». Данная конференция была проведена на базе ВятГГУ в октябре 2002 г. с изданием сборника

научных материалов «Экологический мониторинг: научный и образовательный аспекты». По итогам конкурса 2003 г. лаборатория получила вновь два гранта Центра «Интеграция»: экспедиционный «Разработка системы биоиндикаторов для целей мониторинга экосистем южной тайги в условиях специфических воздействий» и на проведение Всероссийской научной школы «Актуальные проблемы экологического мониторинга: научный и образовательный аспекты» 2003-2006 гг.

В 2003 г. при поддержке Центра «Интеграция» Министерства образования РФ в Вятском государственном гуманитарном университете коллективом лаборатории биомониторинга совместно с Институтом биологии Коми НЦ УрО РАН проведена Всероссийская научная школа «Актуальные проблемы регионального экологического мониторинга: научный и образовательный аспекты», включающая три мероприятия:

1. Всероссийскую научную конференцию «Актуальные проблемы регионального экологического мониторинга: теория, методика, практика».

2. Всероссийский научный семинар «Методы изучения экологического состояния природных сред и объектов».

3. Круглый стол по теме «Зона защитных мероприятий объектов хранения и уничтожения химического оружия: проблемы и пути их решения».

В работе научной школы приняли участие ученые Института биологии Коми НЦ УрО РАН, ВНИИ охотничьего хозяйства и звероводства им. проф. Б. М. Житкова, МГУ им. М. В. Ломоносова, Московского государственного университета геодезии и картографии, Марийского, Костромского, Мордовского, Тюменского, Сыктывкарского государственных университетов, Стерлитамакского филиала Уфимского государственного нефтяного технического университета, специалисты органов управления, природоохранных служб и ведомств (Кировского филиала ФГУ «СИАК» по Приволжскому региону, ГПЗ «Нургуш» Котельничского района, Кирово-Чепецкого химического комбината), ученые и педагоги Центра теории и методики экологического образования ИОСОРАО, Кировского областного института усовершенствования учителей, Московского государственного областного пединститута, Самарского, Арзамасского госпедуниверситетов, Вятской государственной сельскохозяйственной академии, Вятского государственного гуманитарного университета, учителей естественнонаучного цикла города Кирова и области.

Кроме того, в работе Всероссийской научной школы приняли участие аспиранты и студенты, всего участвовали 278 человек.

В первый день работы научной школы в рамках программы научного семинара участники посетили специализированные лаборатории химико-аналитического контроля (Природоохранный центр, Лабораторию специализированной инспекции аналитического контроля, химико-аналитическую лабораторию областного центра санитарно-эпидемиологического

контроля). По проблемам безопасного уничтожения химического оружия проведено выездное заседание участников научной школы в Оричевский район с посещением арсенала хранения химического оружия «Марадыковский».

На пленарном заседании научной конференции «Актуальные проблемы регионального экологического мониторинга: теория, методика, практика» перед участниками конференции с приветствием выступили В. Т. Юнгблюд – проректор по научной работе ВятГГУ, В. М. Малых – заместитель Председателя Правительства Кировской области, Н. Ф. Ануфриев – заместитель Председателя Законодательного собрания Кировской области, В. П. Пересторонин – начальник департамента охраны окружающей среды и природопользования, С. В. Оборин – зам. начальника Главного управления природных ресурсов и охраны окружающей среды МПР РФ по Кировской области, А. М. Чуринов – глава департамента образования Правительства Кировской области. На пленарном заседании было заслушано 22 доклада.

По программе научного семинара работало 6 секций: здоровье человека и окружающая среда, организм и среда, биоиндикация и биомониторинг, экологические исследования почв, экологические исследования природных экосистем, сред и объектов, экологический мониторинг в образовательном процессе. На базе департамента по охране окружающей среды и природопользованию проведен круглый стол по теме «Зона защитных мероприятий объектов хранения и уничтожения химического оружия: проблемы и пути их решения». Активным участникам семинара, выступившим с докладами и принявшим участие в практическом туре, были выданы сертификаты установленного образца, разработанного лабораторией биомониторинга, – главным исполнителем проекта Всероссийской научной школы «Актуальные проблемы регионального экологического мониторинга: научный и образовательный аспекты».

В 2004 г. планируется в рамках научной школы провести Всероссийскую научную конференцию «Актуальные проблемы регионального экологического мониторинга: инновационные модели в экологическом образовании» и научный семинар «Современные проблемы биоиндикации и биомониторинга». В 2005 г. запланировано провести научный семинар «Методы моделирования и картографирования экологической ситуации» и конкурс научных работ в форме творческого научного проекта «Экология родного края». Завершение работы научной школы в рамках данного проекта планируется на 2006 г. с проведением Всероссийской конференции «Актуальные проблемы регионального экологического мониторинга: научный и образовательный аспекты» и семинара «Компьютерные технологии в экологическом образовании».

По материалам конференции и научного семинара в 2003 г. издан сборник «Актуальные проблемы регионального экологического мониторинга: теория,

методика, практика» объемом 22,75 п. л., тиражом 500 экз. В дальнейшем также планируется ежегодное издание материалов научной школы, что позволит обобщить наработанный опыт ученых и педагогов по проблемам регионального экологического мониторинга.

Организация и проведение научной школы на Всероссийском уровне даёт возможность установить более тесные научные контакты с известными российскими учеными и педагогами, их научными школами, сверить свои научные изыскания, методы исследования и результаты работы в научном и образовательном аспектах.

В 2001-2005 гг. лаборатория проводит научные исследования по теме «Изучение влияния поллютантов на природные среды и объекты методами биоиндикации», утвержденной президиумом Уральского отделения Российской Академии наук.

Для реализации перечисленных задач лаборатория объединяет во временные творческие коллективы профессорско-преподавательский состав, ученых и преподавателей химического, естественно-географического, физического факультетов ВятГГУ и других вузов г. Кирова, ведущих ученых НИИ и специалистов природоохранных организаций Кировской области. В составе лаборатории с первых дней её деятельности работают Т. Я. Ашихмина, Г. Я. Кантор, В. М. Тимонок, А. С. Ситяков, И. И. Хитрина, А. Н. Васильева. В течение 10 лет старшим научным сотрудником лаборатории работал В. М. Сюткин. Позднее к работе подключились Л. А. Зубарева, Л. В. Кондакова, Е. В. Дабах, М. А. Зайцев, А. В. Сазанов, Б. А. Рудой, Н. М. Алалякина, Л. И. Домрачева, Е. А. Бусыгина, Е. М. Кардакова.

В течение 2000-2003 гг. в аспирантуру Коми научного центра Института биологии и Института физиологии поступили и учатся в г. Сыктывкаре от лаборатории биомониторинга пять аспирантов – С. Ю. Огородникова, О. Н. Жукова, С. Г. Скугорева, И. В. Рудакова, Е. С. Камышева.

Перед лабораторией с каждым годом ставятся всё новые задачи, расширяется тематика научных исследований и объемы договорных работ.

*Т. Я. Ашихмина,
научный руководитель
лаборатории биомониторинга,
доктор техн. наук, профессор*

С ПОЧТЕНИЕМ К А. В. ЭММАУССКОМУ

20 ноября 2003 г. в Вятском государственном гуманитарном университете прошла научно-практическая конференция «Актуальные проблемы истории Вятско-Камского края», посвященная 105-летию со дня рождения историка и педагога Анатолия Василь-

евича Эммаусского (1898 – 1987). Основным организатором конференции выступил исторический факультет ВятГГУ, с которым была связана многолетняя научная и педагогическая деятельность Анатолия Васильевича. После окончания аспирантуры Института истории Академии при ЦИК СССР в 1930 г. по распоряжению Наркомпроса РСФСР он едет на работу в Вятский педагогический институт им. В. И. Ленина и преподает в нем более 50 лет, из них 13 лет А. В. Эммаусский заведовал кафедрой отечественной истории и 11 лет работал деканом исторического факультета. СКГПИ им. В. И. Ленина был связан расцвет его творческой деятельности. Здесь А. В. Эммаусский готовит к защите кандидатскую диссертацию «Битва при Калке» (защита состоялась в Ленинградском университете в 1941 г.), пишет свои главные труды: «Вятская земля в период образования Русского государства» (1949), «Очерк истории Вятской земли в XVI – начале XVII в.» (1951), «Исторический очерк Вятского края XVII – XVIII вв.» (1956), «К вопросу о времени основания города Вятки (Кирова)» (1971), «История Вятского края в XII – середине XIX в.» (издан после смерти автора в 1996 г.). Все эти работы вошли в золотой фонд местной историографии, и именно с них ученые начинают изучение многих аспектов феодального периода северо-востока России.

Работа конференции началась с пленарного заседания, на которое собрались ученые, краеведы, сотрудники музеев, библиотек, архивов, коллеги и ученики Анатолия Васильевича, студенты и аспиранты исторического факультета. До открытия конференции ее участники и гости имели возможность ознакомиться с двумя интересными выставками: первой – книжной «А. В. Эммаусскому посвящается...», где были представлены работы ученого, хранящиеся в научной библиотеке ВятГГУ, второй – археологической, рассказывающей об итогах летних раскопок в г. Кирове в 2003 г. Торжественное заседание открылось приветственным словом проректора по научно-исследовательской работе университета д.и.н., профессора В. Т. Юнгблода, который обратил внимание на значимость личности А. В. Эммаусского не только в истории факультета и университета, чье 90-летие отмечается в 2004 г., но и в развитии научной жизни региона в целом. Декан исторического факультета к.и.н., доцент Ю. А. Балыбердин отметил, что жизнь и научная деятельность Анатолия Васильевича является собой прекрасный пример ученого и человека для наших студентов и аспирантов. На пленарном заседании с докладами выступили заведующий кафедрой отечественной истории к.и.н., доцент М. С. Судовиков («А. В. Эммаусский – историк-эпоха»), заместитель директора Кировской областной научной библиотеки им. А. И. Герцена Т. Н. Елсукова («М. М. Эммаусская: жизнь и судьба»), к.и.н. Е. Ю. Мокерова («Монетные клады времени правления Василия III (1505 – 1533) на территории Вятского края»), руководитель лаборатории археологических исследований ВятГГУ

Е. А. Кошелева («Археологические раскопки в г. Кирове»), д.и.н., профессор В. И. Бакулин («Кировская область в 1937–1938 гг.: некоторые тенденции социально-политического развития»), заведующая отделом научной библиотеки университета Е. М. Бологова («Труды А. В. Эммаусского в собрании научной библиотеки ВятГГУ»). На пленарном заседании присутствовала супруга ученого и его большой друг Мария Михайловна Эммаусская. Ее усилиями в последние годы издан целый ряд неопубликованных работ Анатолия Васильевича. М. М. Эммаусская, выразив благодарность участникам конференции за память о ее муже, призвала собравшихся быть целеустремленными людьми, не останавливаться на достигнутом, творчески и с душой относиться к своей профессии, как это делал А. В. Эммаусский. Ярким и незабываемым было выступление ветерана исторического факультета Валентины Георгиевны Авдеевой, которая так же, как и Эммаусский, работала деканом факультета и была его ученицей.

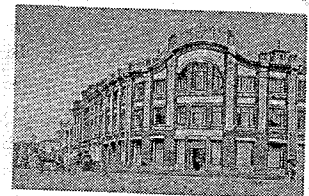
В рамках конференции работали две секции. На первой – «Актуальные проблемы истории Вятско-Камского края дореволюционного периода» (руководители М. С. Судовиков и Ю. А. Балыбердин) – было заслушано десять докладов, а на второй секции, посвященной актуальным проблемам истории региона XX в. и работавшей под руководством В. И. Бакулина и А. А. Машковцева, – восемь. Доклады, прозвучавшие на секциях, были разнообразны по тематике. Часть выступлений посвящалась периоду, который особенно тщательно изучал А. В. Эммаусский, – эпохе феодализма (доклады А. Л. Мусихина, г. Нижний Новгород; Е. В. Перминовой), прозвучали доклады по истории земства (к.п.н. М. Ф. Соловьева, М. А. Борчина), по истории полиции (к.и.н. С. А. Трушков), по

проблемам государственно-церковных отношений (к.и.н., доцент А. А. Машковцев, И. С. Гомаюнов), по истории промышленности и сельского хозяйства в первые годы советской власти (П. В. Поздеев, И. В. Чемоданов) и в послевоенный период (С. Г. Егоров), по истории вятской политической ссылки (к.и.н., профессор В. Д. Сергеев), о судьбах представителей династии Фармаковских (Я. П. Кошелев) и др. Некоторые из участников конференции поделились своими личными воспоминаниями об А. В. Эммаусском. Интересным было выступление заведующей научной библиотекой ВятГГУ Л. А. Костиной, рассказавшей о редких книгах в фондах библиотеки и о проблемах, связанных с их изучением.

Конференция завершилась итоговым заседанием, на котором выступили руководители секций и ее участники. Работа конференции была признана плодотворной, говорилось об ее актуальности и содержательности, о хорошей организации мероприятия. К началу работы конференции вышел сборник «Актуальные проблемы истории Вятско-Камского края. К 105-летию со дня рождения А. В. Эммаусского: Материалы конференции. Киров: Изд-во ВятГГУ, 2003. – 129 с.». Было высказано пожелание о проведении через пять лет новой конференции, посвященной уже 110-летию со дня рождения А. В. Эммаусского. Оргкомитет благодарит за огромную помощь в организации конференции заместителя декана исторического факультета Н. П. Тихомирову и редакционно-издательский отдел (заведующая – Т. Н. Котельникова) за оперативность и профессионализм в подготовке сборника.

М. С. Судовиков,
канд. ист. наук, доцент

Новые книги

Вятское предпринимательство:
история и персоналии
Библиографический указатель

Киров
2003

Вятское предпринимательство: история и персоналии

Библиографический указатель
Научный редактор – М. С. Судовиков

Киров, 2003. – 171 с.

Издание представляет собой результат многолетней работы краеведческого отдела Кировской областной научной библиотеки им. А. И. Герцена.

Цель указателя – возвращение доброго имени торговому сословию, купцам, чья жизнь, деятельность, благотворительность, служение обществу пользовались всегда уважением и благодарностью.

Указатель включает около 1400 записей по истории предпринимательства, промышленности, торговли, банковской деятельности, ярмаркам Вятской губернии в ее дореволюционных границах.

ВНИМАНИЕ!

На математическом факультете
Вятского государственного гуманитарного университета

12-14 мая 2004 года

состоится

III Всероссийская научно-методическая конференция

«Проблемы современного математического образования в вузах и школах России»

Сопредседатели оргкомитета:

Е. М. Вечтомов – зав. кафедрой алгебры и геометрии ВятГГУ,
доктор физико-математических наук, профессор;
В. Т. Юнгблюд – проректор по научной работе ВятГГУ,
доктор исторических наук, профессор.

В состав оргкомитета входят известные методисты и математики, профессора:

С. Н. Дорофеев (Пензенский госуниверситет),
Т. А. Иванова (Нижегородский госпедуниверситет),
Е. С. Канин (ВятГГУ),
Я. П. Понарин (ВятГГУ),
Г. И. Саранцев (Мордовский госпединститут),
В. А. Тестов (Вологодский госпедуниверситет),
А. А. Фомин (МППГУ).

Будут работать следующие секции:

- Преподавание математики в вузе
- Преподавание математики в школе
- Математические исследования
- Информатика в обучении математике

К началу работы конференции будет выпущен сборник материалов участников конференции.

Приглашаем всех преподавателей математики вузов, средних школ, гимназий, колледжей, лицеев к обсуждению актуальных вопросов математического образования на нашей конференции!

Еще можно послать заявки на участие в конференции по адресу:

610002, Киров, ул. Ленина, 111, ВятГГУ, математический факультет, оргкомитет.

E-mail: mathematic@vshu.kirov.ru

Телефоны: (8332) 67-88-54, 67-66-10

**В 2004 году
в Вятском государственном гуманитарном университете
пройдут научные конференции:**

-
- 3-5 марта – международный научно-практический семинар
«Эстетика и художественная практика рекламы»
(кафедра культурологии, т. (8332) 67-88-18)
-
- 2-8 мая – международная конференция
«Конструкционные единицы в морфологии растений»
(кафедра ботаники, т. (8332) 35-66-46)
-
- 12-14 мая – Всероссийская научно-методическая конференция
*«Проблемы современного математического образования
в школах и вузах России»*
(математический факультет, т. (8332) 67-88-54)
-
- 17-19 мая – симпозиум
*«Региональные аспекты становления гуманитарного знания:
от педагогической научной школы к университетской парадигме»*
(кафедра педагогики, т. (8332) 39-29-79)
-
- 1-2 октября – Всероссийская научно-практическая конференция
«Актуальные проблемы психологии глазами молодых исследователей»
(кафедра психологии, т. (8332) 67-68-33)
-
- 6-8 октября – Всероссийская научно-практическая конференция
«Языковое сознание: проблемы, перспективы»
(Институт лингвистики, т. (8332) 35-29-84)
-
- 14-16 ноября – Всероссийская научно-практическая конференция
*«Актуальные проблемы экологического мониторинга:
теория, методика, практика»*
(факультет химии, т. (8332) 35-64-65)
-
- 22-23 ноября – региональная конференция *«Психология творческого самовыражения»*
(кафедра психологии, т. (8332) 67-68-33)

В 2003 году в издательстве ВятГГУ вышли книги:

Периодические издания

- Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2003. № 8 / Гл. ред. В. С. Даношников
- Математический вестник педвузов и университетов Волго-Вятского региона. Вып. 5 / Гл. ред. Е.М. Вечтомов
- Сквозь границы: Культурологический альманах. 2003. № 2 / Гл. ред. Н.И. Поспелова

Монографии

- Даношников В. С., Коршунова О. В. Уровневое обучение физике в малокомплектной сельской школе
- Котряхов Н. В. Трудовая подготовка учащихся общеобразовательных школ России
- Одинцов В. Ф. Социальная адаптация современной сельской молодежи
- Пермякова Н. А. Особенности поэтики Михаила Булгакова (формы и функции фантастики демонического)
- Поздеев В. А. Фольклор и литература в контексте «третьей культуры»
- Прокашев А. М. и др. История почвенно-растительного покрова Вятско-Камского края в последние ледниковье
- Рудницкая Е.Е. Формирование проблемного мышления студентов
- Социальное самоопределение учащейся молодежи в условиях современного общества / Ред. М.И. Рожков, Т.В. Машарова

Учебные пособия

- Бабушкина И. А., Пятыхшева Е. А. Практикум по программному обеспечению ЭВМ. Ч. 4. Электронные таблицы Excel
- Буторина Г. Г. Основы стилистического анализа и развитие навыков речи
- Воронина Г. А., Зяблицева Е. А. Общая физиология. Ч. 2
- Галицких Е. О. Чувство Родины
- Калинин С. И. Средние величины степенного типа. Неравенства Коши и Ки Фана
- Канин Е. С. Учебные математические задачи
- Коновалова В. Б. Сборник заданий для развития творческой активности подростков в технологическом образовании
- Малкова И. Е., Мосунова Л. А. Личностно-ориентированное проектирование чтения художественного текста
- Некрасова Г. Н., Тарасова Н. Г. Уроки технологии в начальных классах с компьютерной поддержкой
- Низовских Н. А. Психология развития и возрастная психология
- Ончукова Л. В. Элементы логики. Логические приемы в курсе математики
- Ситникова И. В. Математика
- Соловьева М. Ф. Экономика образования
- Стахов А. И. Административная ответственность
- Стахов А. И. Административное право Российской Федерации
- Судовиков М. С. Вятское купечество в воспоминаниях современников

Сборники научных трудов

- Теория и методика обучения иностранным языкам / Ред. В. А. Береснева
- Совершенствование преподавания иностранных языков в школе и вузе. Вып. 7 / Ред. С. С. Куклина
- Вопросы романо-германской филологии / Ред. В. Н. Оношко
- Познание процессов обучения физике. Вып. 4 / Ред. Ю.А. Сауров

Сборники тезисов

- Актуальные проблемы истории Вятско-Камского края / Ред. М. С. Судовиков
- Актуальные проблемы регионального экологического мониторинга / Ред. Т. Я. Ашихмина
- Интеллектуальная элита России XX века: столица и провинция / Ред. Н. И. Поспелова

Аспиранты и выпускники аспирантуры ВятГГУ,
защитившие диссертации на соискание ученой степени кандидата наук
в 2003 году

№	ФИО	Дата защиты	Место защиты	Шифр специальности, по которой защищена кандидатская диссертация
1	Агалакова Т. Б.	05.11.2003	НГЛУ им. Н. А. Добролюбова	10.02.04
2	Бажин К. С.	21.11.2003	ВятГГУ	13.00.01
3	Бельцева Е. А.	19.06.2003	ВятГГУ	09.00.01
4	Бровцева Н. Л.	25.12.2003	ВятГГУ	09.00.01
5	Габидулина Л. Л.	11.04.2003	ВятГГУ	13.00.01
6	Игошина Ю. В.	25.12.2003	ВятГГУ	09.00.01
7	Исупов М. В.	23.05.2003	ВятГГУ	13.00.02 (физика)
8	Кадочникова Н. И.	14.12.2003	КГМА	03.00.13
9	Кайсина И. Г.	22.10.2003	КГМА	03.00.13
10	Калинин А. А.	14.11.2003	МГПУ	10.02.01
11	Капустин А. Г.	25.04.2003	ВятГГУ	13.00.01, 13.00.04
12	Лучинин М. Ю.	03.07.2003	Тюменский ГУ	03.00.13
13	Маслова А. Г.	12.11.2003	МГОПУ им. М. А. Шолохова	10.01.01
14	Першина Ю. В.	26.06.2003	Пермский ГУ	07.00.02
15	Редькина О. В.	30.10.2003	НГУ им. Н. И. Ло- бачевского	10.02.01
16	Ряттель А. В.	17.03.2003	МПУ	01.01.06
17	Сараева Е. В.	14.11.2003	Курский ГУ	19.00.07
18	Семено А. В.	29.12.2003	Сыктывкарский ГУ	07.00.02
19	Страбыкина Л. А.	20.02.2003	ВятГГУ	13.00.02 (математика)
20	Тарасова Н. Г.	10.12.2003	ВятГГУ	13.00.02 (технология и общетехнические дисциплины)
21	Татарина М. Н.	11.04.2003	ВятГГУ	13.00.01
22	Тимина С. А.	09.04.2003	НГЛУ им. Н. А. Добролюбова	10.02.04
23	Токмакова О. В.	21.11.2003	ВятГГУ	13.00.01
24	Трухин А. Н.	18.06.2003	КГМА	03.00.13
25	Харунжева Е. В.	27.06.2003	ВятГГУ	13.00.01
26	Царькова М. В.	05.09.2003	ВятГГУ	13.00.01, 13.00.08
27	Четверикова Л. Г.	21.02.2003	ВятГГУ	13.00.02 (технология и общетехнические дисциплины)
28	Шилова З. В.	20.02.2003	ВятГГУ	13.00.02 (математика)
29	Щенникова С. В.	27.06.2003	ВятГГУ	13.00.01

Требования к статьям, представляемым в журнал
«Вестник Вятского государственного гуманитарного университета»

В журнале публикуются статьи, сообщения, рецензии, информационные материалы по всем отраслям науки. Статьи и другие материалы должны быть научно аргументированы, содержать обобщения, выводы, представляющие интерес своей новизной, научной и практической значимостью.

К рукописи предъявляются следующие требования.

1. Объем рукописей: для статьи – до 10 страниц; для рецензии, отзыва на книгу, информации о научной конференции, семинаре – до 3 страниц. Представление ранее опубликованных или посланных в другие издания работ не допускается.

2. Текст статьи должен быть набран на компьютере с одной стороны белого листа бумаги стандартного формата (А₄) через одинарный (компьютерный) интервал. В редакцию представляется 1 экземпляр компьютерной распечатки и идентичная версия на дискете или лазерном диске. Текст должен быть набран в редакторе Word 7 for Windows, шрифт Times New Roman, размер 14; абзацный отступ устанавливается автоматически (через меню «Формат» или клавишей табуляции).

3. Заглавие статьи печатается прописными буквами по центру. **Название должно быть переведено на английский язык.** Инициалы и фамилия автора (авторов) пишутся над заглавием статьи.

4. В тексте статьи следует использовать минимальное количество таблиц и иллюстраций. Сокращения слов допускаются только общепринятые. Цитаты тщательно сверяются с первоисточником и визируются автором на обороте последней страницы рукописи: «Цитаты и фактический материал сверены». Подпись. Дата.

5. Литература приводится в *порядке упоминания* в конце статьи. В тексте должны быть ссылки в квадратных скобках с номером страницы, на которой расположена цитата (ссылки не должны выполняться верхними индексами). Библиографический список оформляется в соответствии с ГОСТ 7.1–84.

6. Формулы набираются автором статьи во встроенном формульном редакторе Word и сопровождаются экспликацией; рисунки, фотографии сканируются с высоким качеством изображения; схемы набираются в компьютерном графическом редакторе. Рукописи с иллюстративными материалами низкого качества в печать не принимаются.

7. Рукопись должна быть тщательно вычитана. Редакционная коллегия оставляет за собой право при необходимости сокращать статьи, редактировать и отправлять авторам на доработку.

8. Статье предпосылается краткая (до 8 строк) **аннотация** на русском языке, в которой отмечаются новизна содержания, основные выводы и рекомендации.

9. К статье прилагается авторская справка. **Сведения об авторе:** фамилия, имя, отчество, ученое звание, должность, место работы, адрес, контактные телефоны.

10. Рукопись в конце обязательно подписывается авторами, и ставится дата.

Рукописи направляются по адресу:

610002, г. Киров, ул. Ленина, 111, проректору по НР, каб. 207 главного корпуса.

Рукописи не возвращаются, дискеты рассылаются авторам через отдел делопроизводства университета после выхода журнала.

**Вестник
Вятского государственного гуманитарного университета**

Научно-методический журнал № 9

Подписано в печать 15.12.2003.
Формат 60×84¹/₈. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 18,60. Тираж 500. Заказ 2958.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в КОГУП «Кировская областная типография»

610000, г. Киров, Динамовский пр., 4